

# РОБЕРТ ГОВАРД

# ВОИН СНЕГОВ

ТОМ 7



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



РОБЕРТ ГОВАРД  
ВОИН СНЕГОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ  
ТОМ 7



РОБЕРТ  
ГОВАРД

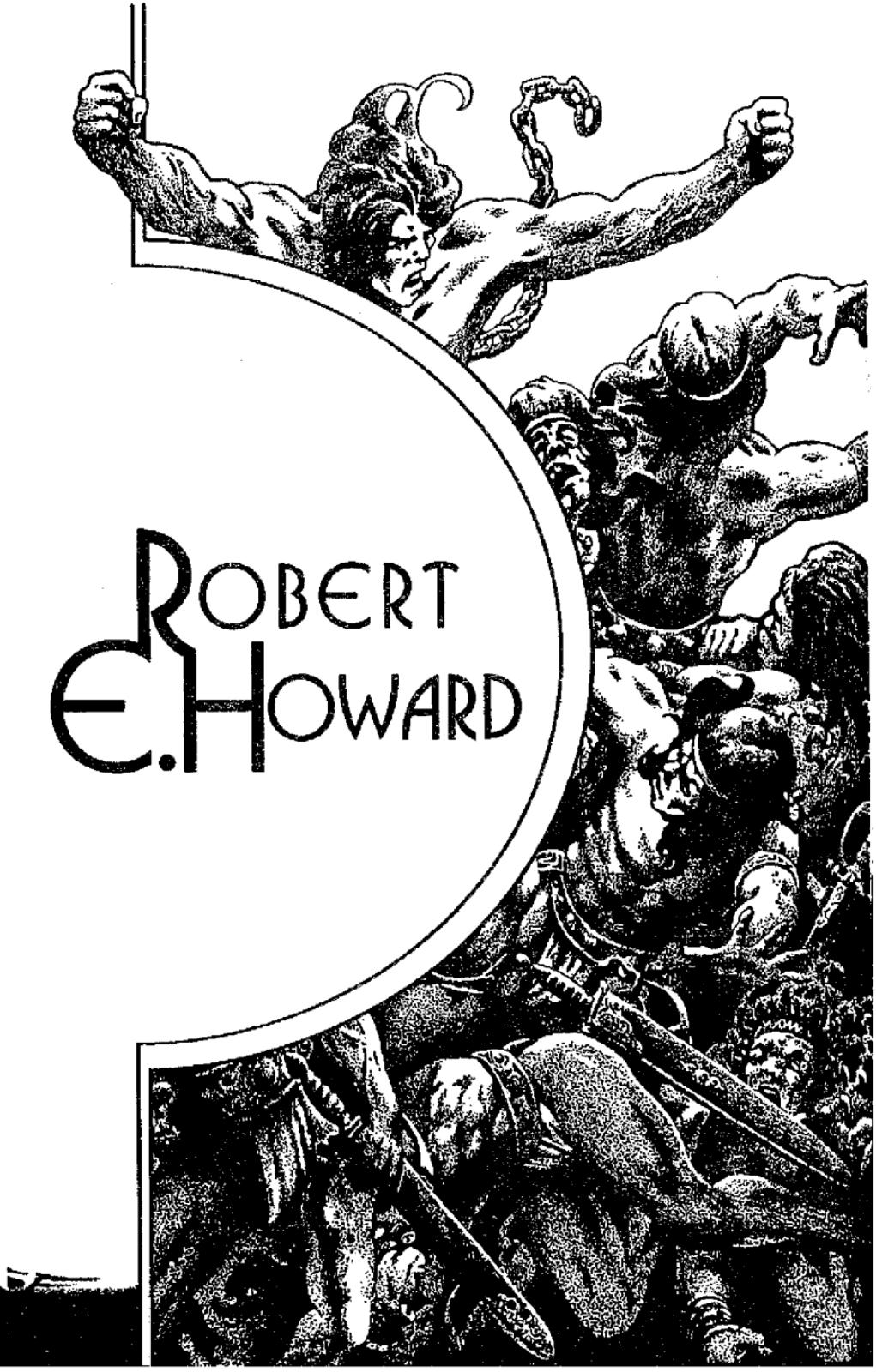


СОБРАНИЕ  
СОЧИНЕНИЙ  
В 8 ТОМАХ

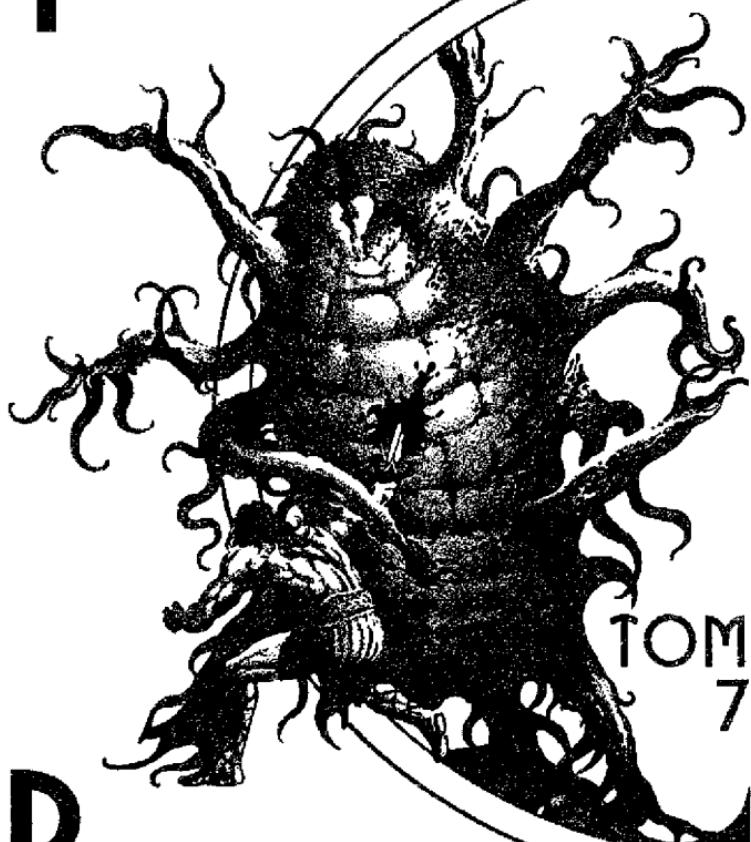


«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА  
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

# ROBERT E. HOWARD



Роберт  
Говард



том  
7

Воин  
Снегов

УДК 82/89  
ББК 84 (7 США)  
Г57

Оформление художника  
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта  
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель А. ЛИДИН

*Авторские права защищены.*

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.*

*Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.*

**Говард Р. И.**

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7: Воин снегов: Воин снегов: Роман. Альмариk: Роман: Ужас из кургана: Рассказы / Пер. с англ. Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004. — 464 с.

ISBN 5-275-01002-8 (т. 7)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

В произведениях, включенных в седьмой том, сплелись в единый клубок любовь и предательство, древние тайны и сокровища доисторических рас, скрытые под пологом времени.

УДК 82/89  
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-01002-8 (т. 7)  
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2004  
© Издательство «Северо-Запад»,  
перевод, 2004



# ВОИН ЧЕРОВ



## ГЛАВА ПЕРВАЯ СЫН ДЕЛРИНА

**Д**авным-давно, много веков тому назад, в шатре из конских шкур посреди заснеженных равнин Ванахейма у Гудрун Златокудрой, супруги Делрина Отважного, родился младенец. Когда над ледяной пустыней раздался первый крик новорожденного, Делрин поднял дитя могучей рукой и внимательно осмотрел — нет ли каких недостатков. Так было заведено среди ваниров и их братьев айсиров. Увидев, что у младенца искривлена левая нога, он нахмурился.

По обычаям, дошедшим с незапамятных времен, лишь здоровые дети оставались в живых. Однако Делрин вопросительно посмотрел на жену, ибо последнее слово оставалось за ней. Еще не оправившаяся от рода Гудрун резким движением головы отбросила назад густые блестящие волосы и хрипло сказала:

— У меня уже есть четверо здоровых сыновей. Зачем им вместо брата хромой лягушонок?

Делрин вышел из шатра навстречу холодному серому рассвету, держа перед собой голого младенца. Пар от дыхания замерзал в его бороде, под ногами хрустел наст. На рукояти меча лежал иней, а морозный воздух проникал сквозь одежду из шкур и кольчугу.

Он отнес ребенка далеко в затянутую туманом ледяную пустыню и положил на снег; тело младенца покинуло от холодного ветра, гнавшего мрачные тучи за горизонт. Делрин взялся за рукоять меча, но тут раздался протяжный вой громадных серых волков. Он повернулся и быстро зашагал назад, словно темный призрак среди нескончаемых сумерек, а позади него послышались торжествующие голоса волчьей стаи.

Однако еще до рассвета, когда лучи солнца еще не пробились сквозь ледяной туман и низко висящие облака, залив снежную пустыню ослепительным светом, в шатер Делрина вошел старый седобородый Браги, человек со странной душой и странным выражением поблекших глаз.

— Когда я возвращался через холодную пустыню в сером свете зари, я видел, как ты оставил на снегу младенца, — промолвил старый Браги. — Я слышал вой волков, когда ты пошел прочь, а чуть позже — быстрые шаги по снежному насту. Их зеленые глаза светились во мраке, а красные языки свешивались меж белых клыков. Они подошли к лежавшему на снегу младенцу, обнюхали его, но не причинили вреда. Клянусь ледяной кровью Имира, они выли словно дьяволы, а огромная серая волчица легла рядом с младенцем и дала ему свои соски. Малыш вцепился в ее серую жесткую шерсть и начал сосать подобно волчонку. Меня обнял страх, и я убежал. Однако мой рассказ — истинная правда.

Делрин и его братья отправились в пустыню и нашли то место, где был оставлен младенец. Но ребенок исчез, а снег вокруг был испещрен следами волчьих лап. Крови на снегу не было. Волчьи следы вели на запад, в край вечного льда и снега. И еще долго в покрытых конскими шкурами шатрах Ванахейма и Асгарда возле мерцающих очагов рассказывали историю о пятом сыне Делрина, человечьем ребенке, которого забрали волки.

Этим ребенком был я — тот, кого теперь называют Джеймс Эллисон и кто живет ныне в ином, куда более мягким, времени и климате. Не могу сказать, откуда у

меня эти знания. Каким образом события дня вчерашнего, дней прошедших и давно минувших лет остаются навсегда в той части нашего сознания, которую мы называем памятью? Благодаря чему мы можем вновь вызывать их к жизни с помощью речи и письма? Вы просто знаете об этом, и все; что ж, я тоже просто знаю. Как вы помните прошедшие дни, так я помню прошедшие жизни. Воспоминания о ваших прошедших днях не прерываются разделяющими их ночами; точно так же воспоминания о моих жизнях не прерываются ночами сна куда более глубокого, именуемого нами смертью. Десять тысяч раз я погружался в подобный сон и десять тысяч раз пробуждался, как буду пробуждаться снова и снова в течение долгих веков, пока не прекратит существование сама породившая меня планета, разорвав наконец цепь оболочек из плоти, крови и кости, одна за другой вмешавших мою бессмертную душу.

Впрочем, даже гибель планеты не сможет уничтожить эту душу, каким бы ни был конец — безмолвный космический холод под мертвым ледяным солнцем или испепеляющее буйство вселенского пожара. Даже если Земля лопнет, словно сверкающий пузырь, парящий в безграничной бездне, это не уничтожит жизни. Порой перед моим мысленным взором предстает картина ужасной и вместе с тем чудесной катастрофы, которая не в состоянии уничтожить мою душу, но может швырнуть ее в невообразимые бездны, в немыслимые океаны солнц и звезд, лежащих вне человеческого понимания, продолжив нескончаемую цепь меняющихся обличий в прекрасных, таинственных мирах, в бескрайних просторах Вселенной.

Но я не жажду погружаться в эти загадочные глубины. Я — человек Земли. Из праха я возник и в прах обращаюсь не один, но миллионы раз, вновь воскресая в новом, пышущем молодостью теле, словно в свежей одежде. Я не пытаюсь заглядывать за горизонт породившей меня планеты. Мои ноги ступают по ее травам и лужам; ее роса в моих волосах, а золотые лучи ее солн-

ца греют мои обнаженные плечи; под моими ладонями теплая земля пульсирует жизненной силой, давшей начало роду человеческому, мои руки обнимают живые стволы деревьев, которые такие же дети Земли, как и я, и речь их листьев не менее осмысленна, чем моя.

О, я побывал в обличье многих людей, во многих землях! Лежа в ожидании смерти, которая освободит меня от разбитого, нездорового тела, я не вижу выщетших стен, покрытого паутиной потолка, дешевых репродукций, выдаваемых за картины; они не ограничивают моего поля зрения, так же как и дома, дубовые рощи и холмы вокруг; даже горизонт не является для меня границей. Я вижу пылающие закаты, знакомые мне с давних времен, далекие страны, бескрайние бурные моря, белые утесы на фоне чистой холодной голубизны, окутанные у подножий искрящейся пеной, и парящих с криками чаек. Я вижу великолепие, гордость и славу, блеск солнца на золотых доспехах, ломающиеся копья, развернутые алые паруса и темные глаза любивших меня женщин.

О, я вижу всех, кем я был когда-то! Смелчаков и трусов, сильных и слабых, добрых и жестоких, любящих, ненавидящих, жаждущих, пьяных и обжирающихся, сражающихся, предающихся, самодовольных — множество тел, рождавшихся с одной и той же не знающей покоя душой, что обретается теперь в хрупкой и болезненной оболочке, которую люди называют Джеймс Эллисон.

Кем только я не был — королем, воином, рабом... Я умирал при Марафоне, при Арбе-де, при Каннах, при Шалоне, при Клонтарфе, при Гастингсе, при Айзенкуре, при Аустерлице, при Сан-Хасинто и при Геттисберге. Я был безымянным рыжеволосым вождем, скакавшим на полудиком коне, когда мы принесли бронзу в Западную Европу; я носил копье и щит в македонской фаланге, когда равнинны Индии дрожали от топота конницы Александра; я натягивал тетиву лука в Пуатье, когда свистящие тучи наших стрел обрушивались на французских рыцарей; и я слышал скрип кожи, звон

шпор и пениеочных всадников, когда мы гнали мычащие стада длиннорогих быков по покрытой туманом тропе, которую люди называют Чисхольм, чтобы основать новую молодую империю кожи, мяса и стали.

Нет такого, чего бы я не мог рассказать вам об этой планете и о бурлящей на ней жизни! Я бы мог опровергнуть любые хроники и саги и посрамить историков и философов!

Но лучше я вернусь в те времена, о которых они не имеют ни малейшего представления. Я расскажу вам о вскормленном волками сыне Делрина и Гудрун Златокудрой.

О да, эта история не нова. У любого народа есть легенды о младенце, приникшем к соскам волчицы. Это мифы всех арийских народов, а от них легенду позаимствовали иные расы.

Всем этим легендам положила начало история сына Делрина и Гудрун. На самом деле Ромула вскоромила обычная проститутка, это его сыновья придумали красивую сказку о волчице. Однако молоко серой волчицы действительно было единственной пищей, которую знал во младенчестве сын Делрина.

У меня никогда не было человеческого имени, хотя за годы моей жизни разные племена называли меня по-разному. Я был Сильным. Именно это означали многие мои имена, на каком бы языке они ни звучали. Я помню, что племя айсиров называло меня Гор, и, поскольку это имя ничем не хуже других, я буду называть сына Делрина и Гудрун именно так.

## ГЛАВА ВТОРАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРА

О первых годах моей жизни я помню весьма смутно. Самые яркие впечатления той поры — бесконечные просторы льда и снега, холодный ветер и хрустальные ночи, освещенные тусклым светом в тумане звезд.

Думаю, даже в те дикие времена никакой другой младенец не пережил бы и одной ночи в этой промерзшей пустыне. Я выжил.

Помню кислый запах теплого меха волчицы, прикосновение ее языка, легкие уколы клыков. Острый вкус молока, лившегося в мой рот из ее сосков, и другой, куда более горячей жидкости, хлеставшей из разорванных жил свежеубитой добычи. Вкус сладкого мяса, сдираемого с еще трепещущего тела, прежде чем холод превратит тушу в изломанную статую из алого мрамора.

Далеко не все наши жертвы носили на себе собственные шкуры. Я уже сказал, что ни один младенец не выжил бы в тех условиях, в которых проходило мое детство. Теперь, в свете познаний нынешнего времени, я понимаю, что во мне было нечто такое, что отличало меня от племени ваниров, из которого я был родом. Волки это явно почувствовали, иначе сожрали бы меня на месте. Моя душа хранила в себе наследие древних времен, когда обезьяноподобные предки человека совокуплялись с таинственными существами, лишь внешне похожими на людей.

Порой мне кажется, что мой отец поступил правильно, бросив мое нагое тело в ледяные сугробы, и что ошибка его заключалась скорее в том, что он остановил уже взявшуюся за меч руку, когда я криком ответил на вой приближающейся волчьей стаи.

С первых проблесков сознания я понимал, что я не такой, как кормившая меня волчица, как мои проворные серые братья и сестры. Белый пушок, покрывавший мои детские руки и ноги, был тоньше шерстки новорожденного щенка, так что я инстинктивно кутался в полуслгнившие шкуры давно съеденной добычи. Волчата, с которыми я недавно играл, вскоре уже носились по ледяным просторам на своих мощных ногах — такие же отважные и яростные убийцы, как и их предки, — я же продолжал неуклюже ползать по нашему логову, не в силах присоединиться к остальным.

Не могу сказать, сколько зим миновало, прежде чем я начал с трудом вставать на ноги, поняв, что могу без посторонней помощи стоять на задних лапах и даже бегать в этом странном вертикальном положении. Кривая левая нога, обрекшая меня на жизнь в ледяной пустыне, постепенно распрямилась — то ли от суровых условий, то ли оттого, что на нее не приходилась тяжесть тела, пока удлинялись и отвердевали мои младенческие кости. Со временем я носился по тундре столь же проворно и неутомимо, как и мои братья по стае, лишь легкий изгиб у лодыжки напоминал о моем прежнем уродстве.

Именно тогда я начал ощущать некое родство со странной двуногой добычей, на которую мы иногда охотились. Прежде, видя лишь растерзанную и изуродованную жертву, я не придавал особого значения тому, какую трапезу я делю со своими собратьями. Для меня она ничем не отличалась от туши лося или оленя.

Но однажды, преследуя дичь вместе со стаей, я впервые увидел другого живого человека — одиночного и полумертвого от усталости охотника, отбившегося от своих спутников во время снежной бури. Я остановился, зачарованно глядя на то, как отважно он защищался. У него не было ни клыков, ни когтей, ни рогов или копыт, так же, как у меня. Однако, когда стая окружила его, он согнул кривую палку, которая была у него с собой, и с резким звуком отпустил привязанную к ней тую натянутую веревку. Ближайший к нему волк взвыл и высоко подпрыгнул — из его сердца торчала деревянная стрела. Охотник в мгновение ока достал из висевшего за спиной мешка еще одну стрелу, приложил к своей палке и выпустил ее прямо в горло второго серого брата... Затем стая сбила его с ног.

Какое-то время он отчаянно отбивался от рычащих убийц, и я увидел, что мое первое впечатление оказалось ошибочным — одна его лапа была вооруже-

на длинным острым когтем. Молниеносный удар этого серебристо-серого когтя разорвал живот волка, вцепившегося ему в горло. Затем человек перестал сопротивляться.

Несмотря на голод, я продолжал наблюдать, как мои братья дерутся над дымящейся тушей. Кривая палка и выпавшие из нее стрелы были недоступны моему пониманию. Серебристо-серый коготь отвалился от человечьей лапы. С любопытством разглядывая его, я заметил, что серебристое острие снабжено костяной ручкой, которую я мог сжимать в руке точно также, как это делал охотник.

Стоя с ножом в руке и глядя на стаю, сражающуюся за наиболее лакомые куски мяса, столь похожего на мое собственное, я вдруг понял, что я вовсе не какой-то смехотворный уродец, которого лишь из удивительной для волков жалости терпят мои ловкие и сильные собратья. Теперь я знал, что я человек. По крайней мере внешне.

Вместе с новым для меня знанием пришло странное беспокойство. Если я человек, то почему не живу среди людей, почему я брат тем, кому человек — враг?

Мучившая меня тайна всецело овладела мною. Я бродил неподалеку от человеческих костров, зачарованно наблюдая за непонятными действиями людей и слушая издаваемые ими бессвязные звуки. В безлунные ночи, когда вокруг все было окутано мраком, я проникал в их поселения. В то время как мои серые братья держались в безопасном отдалении, я незамеченным крался позади пилигримов или охотников, разглядывая их оружие, шкуры, в которые они закутывали свои безволосые тела, и дьявольское пламя, с которым они делились мясом.

Времена года сменяли друг друга, и лишь мимолетная оттепель предшествовала смертоносному холodu новой зимы. Я все меньше времени проводил в стае и все больше размышлял о людях и их обычаях. Я понял, что их повизгивание и ворчание — это речь, на-

многое более сложная, чем у моих братьев-волков. После долгих упражнений я обнаружил, что могу воспроизводить некоторые из этих звуков собственным горлом и что пылающий дьявол называется «огонь», а кричащая палка, выбрасывающая острые стрелы, — «лук». Серебристо-серый коготь назывался «нож», а его старший брат, который был длиннее и острее любого клыка или когтя, — «меч». Больше всего я мечтал о том, чтобы обладать мечом.

Наступил день, когда солнце превратилось в холодный красный диск на фоне низких облаков собирающейся снежной бури. Мои серые братья укрылись в своих логовах, а я, юный дикарь, проживший на свете чуть больше десяти зим, бродя под свинцовым небом, стал свидетелем никогда не виданной сцены.

Посреди предгрозовой ледяной пустыни сражались люди. Я понятия не имел, в чем причина конфликта, но дикая ярость их схватки заставила подпрыгнуть в груди мое юное сердце. Кровь застучала в жилах, и я скрежетал зубами, дрожа от нестерпимого желания самому броситься в гущу сражения. Лишь какой-то инстинкт удерживал меня. Крики и предсмертные вопли сражавшихся заглушали рычание и вой, срывающиеся с моих покрытых ценой губ.

В одной группе было человек двадцать, в другой — вполовину меньше. Благодаря бешеноой отваге одного из воинов меньшая группа отчаянно сопротивлялась. Несмотря на угрозу приближавшейся бури, я не отрывал глаз от могучей фигуры, что на голову возвышалась над остальными. Окровавленный меч, длиной почти в мой рост, в громадных руках ратника сиял вокруг смерть. Рядом с ним сражались другие. С лязгом сталкивались клинки, пока смерть не объявляла кровавый конец очередной рукопашной схватке.

Столь яростная битва не могла продолжаться долго. Один за другим соратники высокого воина падали под вражескими мечами. Какое-то мгновение он сражался в одиночестве, окруженный четырьмя оставши-

мися в живых врагами. Одного из них он разрубил от плеча до живота, но прежде чем он успел выдернуть меч, подоспели другие. Мне не удалось усledить за тем, что последовало далее. Сталь со звоном ударялась о сталь, вспарывая плоть и извергая фонтаны крови, яростные крики внезапно сменялись стонами и затихали. А потом не осталось никого, кроме высокого воина с окровавленной гривой светлых волос.

Он медленно опустился на колени и огляделся. Снег был испещрен алыми пятнами, и кровь, струившаяся из его ран, добавляла к ним новые. Голова воина опустилась на грудь.

Изуродованные тела убитых начали покрываться инесем, когда я наконец решился покинуть свое укрытие. Объятый благоговейным страхом, я пробрался среди мертвцев к сгорбившейся неподвижной фигуре. Судя по нараставшему завыванию ветра, снежная буря должна была вскоре похоронить и убийц, и убитых. Однако мне во что бы то ни стало хотелось завладеть громадным мечом.

Я думал, что воин мертв, но, когда я потянулся к мечу, его глаза внезапно открылись. Я отскочил. Огромный клинок в окровавленном кулаке угрожающе поднялся.

— Айсирский пес... — прорычал воин и замолк. Глаза умирающего удивленно разглядывали меня.

Ледяные иглы покалывали мое тело, поднимавшийся ветер уносил облачка пара от нашего дыхания. Я стоял перед ним — высокий худой юноша, выросший среди волков и потому казавшийся старше своих лет. Ветер разевал мои длинные, белые как снег волосы. К моему телу были привязаны бесформенные куски кожи и шкур — грубое подобие того, что я видел у охотников.

Я глухо заворчал и, увидев, что он не поднимается, шагнул вперед.

— Меч! — прокрежетал я и зарычал, словно волк, требующий кусок мяса у слабого собрата.

Взгляд воина упал на мою искривленную ногу. Я снова зарычал, а на лице его отразилось неописуемое изумление.

— Ради Имира! — выдохнул он. — Ты?!

Сквозь завывающий ветер послышались голоса других людей. Мне был нужен меч, и немедленно.

Неожиданно метнувшись вперед, я увернулся от его неуклюжего замаха и ухватился за рукоятку меча. Он яростно взревел и, шатаясь, поднялся, но я не отпускал руку. Моя сила и ловкость застали воина врасплох, и я вонзил зубы в его предплечье. Но даже смертельно раненный, он был сильнее меня и умел драться. Удар кулака, обрушившийся на мою голову, едва не расколол мне череп. Я продолжал висеть на его руке, вонзив зубы в чужую плоть и уклоняясь от попыток схватить меня.

Он выпустил меч из обездвиженной руки и перехватил его другой. Ошеломленный от сыпавшихся на меня ударов, я все-таки вспомнил о ноже, воткнутом в мои шкуры. Когда, продолжая держать меня прокущенной рукой, воин замахнулся мечом, я быстро выхватил нож и вонзил его в горло противника.

Кровь заглушила его предсмертный крик. Даже за мгновение до смерти ему еще хватило сил опустить занесенный меч, но, скользкий от крови, я вывернулся из-под его руки, и тяжелая рукоять меча ударила меня по голове, а лезвие рассекло плечо.

Мертвый гигант рухнул на меня. От боли все плыло у меня перед глазами. Торжествующий, я вырвал меч из его кулака и направился прочь со своим трофеем. Однако мне удалось сделать лишь несколько шагов.

Новые фигуры преградили мне путь. Еще один отряд воинов стремительно ворвался на залитую кровью снежную поляну. Они изумленно уставились на меня и на тело гиганта. Зарычав, я, шатаясь, двинулся к воинам, намереваясь прорваться сквозь их строй и скрыться в снежной буре.

Но ноги не держали меня. Чёрнота поглотила мое сознание, и я даже не почувствовал, как мое тело удалилось об утоптанный снег.

Несколько дней я провалялся без сознания. Удар, нанесенный умирающим воином, разнес бы вдребезги череп любого. Кожа на моей голове была рассечена до кости. Прошли дни, прежде чем я смог нормально видеть и стоять, без кружящихся перед глазами искр и черных вихрей.

Любой другой наверняка умер бы. Однако я был не таким, как все.

Я пришел в себя в лагере айсиров. Они обработали мои раны и дали мне еды. Айсиры относились ко мне со смешанным чувством уважения и страха, ведь я убил Делрина Отважного.

Со временем я начал понимать, что ваниры и айсиры воюют. Племя айсиров, в которое я попал, лишь недавно пришло в Ванахейм. Им пришлось пережить множество кровавых стычек, ибо от потери или приобретения охотничьих угодий в этой ледяной пустыне зависела их жизнь. Вождем ванирских воинов был Делрин Отважный. Отряд айсиров застиг Делрина врасплох, когда тот возвращался с другой битвы. На глазах айсиров я убил их самого свирепого врага.

Сначала их удивляли мои странные привычки, незнание их языка и обычая. Однако рана на моей голове лишь чудом не оказалась смертельной, и вскоре айсиры предположили, что удар попросту лишил меня рассудка. Во всем остальном они полагали, что я юноша из другого клана айсиров и вся моя родня погибла в том сражении с Делрином. Позднее им предстояло узнать, что это не так. Пока же они заботились обо мне, как заботились бы о любом герое своего народа, покалеченном в бою.

Несмотря на смерть Делрина, война с айсирями продолжалась, и вскоре племя было вынуждено отступить в снежные равнины Асгарда. Я ушел вместе с ними, хотя в любой момент мог ускользнуть и вернуть-

ся к своей стае. Однако, одержимый навязчивой идеей о жизни среди людей, я постепенно отдалялся от своих серых братьев. Судьба дала мне шанс вернуться к людям. Теперь я мог узнать, действительно ли я человек или же дикий уродец, лишь внешне напоминающий человека.

У меня не было имени, и айсиры назвали меня Гор, что означало Сильный. Я и в самом деле был сильным: мои мышцы были выкованы безжалостной дикой природой, к тому же я обладал мгновенной реакцией голодного волка. И хотя я неумело обращался с оружием, даже самый отважный из айсиров не осмеливался испытать на себе мой вспыльчивый нрав. Все они были дикими воинами, но даже самый слабый из них мог бы противостоять десятерым из времен Джеймса Эллисона. Однако, в то время как они росли в шатрах из конских шкур и были вскормлены молоком матери, я ползал голышом в снегу, дерясь за кусок добычи со своими желтоглазыми братьями.

Несмотря на всю странность людских обычаев, я учился быстро. Свирепые нравы айсиров казались мне крайне мягкими по сравнению с законом «убей или будешь убит» — единственным, который я знал. Однако мне хотелось стать таким, как они, и я заставлял себя учить их язык и бессмысленные обычай. Если бы я попал в племя ваниров, меня бы наверняка узнали. Однако эти люди пришли издалека, из тех мест, где никто не слышал истории о пятом сыне Делрина, выросшем в волчьей стае.

Четыре с лишним года пролетели незаметно. Все это время я жил среди айсиров, и людские обычай становились мне все ближе. К тому времени, когда зажили шрамы от ударов Делрина, я уже мог свободно говорить на их языке, есть обожженное на огне мясо, носить их тесную одежду и спать в шатре, не боясь задохнуться. Однако страх перед огнем покидал меня слишком медленно, и многие, замечая это, мрачно хмурились.

Никто не оспаривал того, что меч Делрина принадлежит мне. Меч был моим по закону войны. Я убил бы любого, кто попытался бы отобрать у меня мой трофей. Меч был огромен, и хотя у меня хватало сил, чтобы его поднять, делал я это неуклюже и неумело. Впрочем, айсиры приписали мою неловкость перенесенной ране. Они терпеливо учили меня пользоваться мечом и ножом, секирой, щитом, луком и стрелами. Благодаря природной силе и звериной ловкости на обучение этим искусствам мне потребовалось значительно меньше времени, чем любому другому юноше. Вскоре я уже превосходил своих учителей в искусстве владения мечом и мог послать стрелу в глаз бегущего оленя.

Однако, несмотря на все уважение, которое вызывали моя сила и ловкость, я знал, что остаюсь чужаком среди людей точно так же, как я был чужим в стае. Во мне была некая странность, которую ничто не могло скрыть. Айсиры пожимали плечами и говорили, что я, должно быть, так и не излечился от безумия.

Те, кто помнил мой дикий вид в первые месяцы, хмуро поглядывали на мою искривленную лодыжку и на белые волосы, что покрывали мое тело более густо, чем у них, но в страхе перед моим гневом держали свои подозрения при себе.

Наконец айсиры вновь начали бросать жадные взгляды на земли ваниров. Вновь затрубил рог войны, и племя, в котором я жил, последовало его зову. Я с радостью отправился вместе с ними. Жизнь в селении стала утрачивать былой интерес, и мне хотелось новых впечатлений.

Как и прежде, на границе Асгарда и Ванахейма разыгрались смертельные битвы и поединки. В наших войнах не было больших сражений — армия на армию, не было пылающих городов, королей и генералов, командующих войсками, — лишь дикая ярость драившихся за обладание куском ледяной пустыни. Мы сражались не за богатства и не за идеалы, а за наши животы и нашу жизнь.

На этот раз удача сопутствовала айсирам. Многие говорили, что главной тому причиной был Гор, белоголовый берсерк, чья дерзкая отвага и могучий клинок прокладывали кровавые просеки в рядах ваниров. Может быть, это и так, но я знал, что моя удаль в бою и жажда убивать почти не поколебали стену, отделявшую меня от моих товарищей-айсиров.

Солнце уже опускалось за обледеневший горизонт, когда мы настигли горстку ваниров. Старые и немощные, они представляли собой жалкое зрелище и вряд ли заслуживали того, чтобы тупить о них клинки. Я занес меч над седобородым стариком, слишком дряхлым для того, чтобы сражаться. В глаза мне бросились шрамы от старых ран на его лысом черепе и его взгляд — взгляд человека, ожидающего смерти. Я понял, что он обречен, и остановил клинок.

— Меч, — прохрипел седобородый. — Откуда он у тебя?

— Я взял его у вождя ваниров еще пять лет назад, — рассмеялся я. — И заплатил ему ножом в горло.

— Кто ты? — спросил он, странно глядя на меня.

— Меня зовут Гор.

— Но ты не айсир — закричал старик, глядя мимо меня. — Я видел, как тебя еще младенцем оставили на снегу. Тебя выкормили волки, и ты — исчадие зла. Я знаю: ты — пятый сын Делрина, и на твоих руках — кровь твоего отца!

— Было бы хуже, если бы моя кровь осталась на его руках, — усмехнулся я. — Говори, старик. Откуда ты все это знаешь?

— Я Браги, — прошептал он. — Из клана ваниров, в котором ты родился. Твоя мать — Гудрун Златокудрая, а твой отец — Делрин Отважный. Ты их пятый сын. Ты родился с кривой ногой, и Гудрун велела Делрину оставить тебя на снегу, сказав, что у нее уже есть четверо сильных сыновей с прекрасными стройными ногами. Да проклянет Имир день твоего рождения, ибо

ты принес смерть Делрину, а теперь обратился против своего же собственного народа!

— У меня нет народа! — зарычал я. — А что стало с остальными сыновьями Гудрун?

— Они — гордость их матери. Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый и Элвин Молчаливый. Услыши же их имена и трепещи, ибо они отомстят за своего отца и окрасят снега Ванахейма кровью айсиров!

Я рассмеялся и приставил острие меча к его горлу.

— Это я, Гор Сильный, жажду отомстить, Браги! Отомстить своим братьям, которые заняли мое место у костра! Отомстить своей матери, обрекшей на смерть собственное дитя! Боги благосклонны ко мне, иначе они бы не позволили мне убить Делрина. Пусть же Гудрун и ее сыновья осторегаются мести Гора! Это их преступление сделало меня тем, кем я стал!

— Ты исчадие зла! — из последних сил выругался Браги. — Твоя кровь и твоя душа пропитаны злом — я вижу его! Я видел его еще в тот день, когда убегал от волков, кормящих человеческое дитя!

— А что ты еще видишь, старик?

— Я вижу смерть, — прошептал Браги.

— Вот и правильно, — сказал я и вонзил в него клинок.

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ МЕСТЬ ГОРА

Тот морозный день был успешным для племени айсиров. Вечером они собирались вокруг костров, поджаривая сочные куски мяса и празднуя победу. Я сидел один в своей палатке из конских шкур.

Снова умирающего Браги продолжали звучать в моих ушах. «Услыши их имена и трепещи!» Я и в самом деле трепетал, но не от страха — от ярости. Снова и снова повторял я имена моих ненавистных братьев: Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый, Элвин

Молчаливый. И была еще Гудрун, по велению которой меня оставили на промерзшем снегу в ожидании волчьих клыков. Гудрун Златокудрая! Я поклялся, что недалек тот день, когда се золотые кудри смешаются с кровью!

Не раз в эту ночь меня охватывали столь сильные приступы безумия, что я хватался за меч Делрина, выбирался из палатки и глядел в морозную черноту, прислушиваясь к завыванию ветра. Я дрожал от завладевшей мною жажды крови. Свирепое желание отомстить было подобно пламени, сжигавшему мои внутренности.

Однако ненависть не лишила меня рассудка. Для того чтобы месть свершилась, предстояло узнать, какое именно племя ваниров возглавляют мои сородичи и где именно в Ванахейме находится их лагерь.

Одержаный жаждой мести, я мог слепо кинуться вперед и убить десятки ваниров, но меня самого могли прикончить, прежде чем я бы отыскал своих братьев и мать.

Сидя в темной палатке, я решил, что мне следует применить тактику, которую использовали волки, — пробраться мимо стражи ваниров, прячась в тени не-подалеку от их костров. Рано или поздно я выясню все, что мне необходимо.

Незадолго до того, как лагеря айсиров коснулись первые рассветные лучи, я проскользнул мимо стражи. Я прополз на животе через хрупкий от мороза кустарник, и ни одна веточка не выдала меня своим хрустом.

Когда над ледяной пустыней поднялся окутанный туманом диск солнца, от лагеря айсиров меня уже отделяло несколько миль. Сделав короткую остановку под прикрытием низкорослых кустов, я вытащил из сумки кусок сущеной оленины.

Я был уверен, что айсирры не обратят внимания на мое исчезновение. Большинство из них до сих пор считали меня безумцем. Но когда им потребуется моя помощь, они наверняка вновь примут меня с распластанными объятиями. В их смертельной войне с ванирами не обойтись без великого меча Делрина!

Почти две недели я вел жизнь волка. Если голод становился невыносим, я охотился. Я мог загнать оленя до смерти. Не зря же я был вскормлен не знающими устали дьяволами северной пустыни!

Я направлялся на север, туда, где, по моему мнению, находилось главное поселение ваниров. Несколько раз я замечал отряды ваниров, но избегал их, хотя держал в руке могучий меч Делрина. Расправиться с племенем я всегда успею. Сначала нужно заплатить мои личные кровавые долги!

Я снова и снова повторял имена моих братьев и матери. Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый, Элвин Молчаливый и Гудрун Златокудрая.

Их имена продолжали звучать у меня в голове, даже когда я спал. Иногда во сне я вскакивал и судорожно хватался за меч Делрина. Какое-то мгновение мне казалось, что они рядом и ожидают моего нападения. Потом я снова засыпал, но имена, словно некое зловещее заклинание, отдавались бесконечным эхом в моем мозгу.

Я ночевал в укрытии из камней, или под низкими деревьями, или даже на голом льду, под снегом, тяжело падавшим с беззвездного неба. Накидка из звериных шкур прикрывала мои спину и живот. Оленья шкура защищала ступни. Больше на мне ничего не было, если не считать кожаного пояса, на котором висели ножны для меча и нож с костяной ручкой, и небольшого, но мощного лука и нескольких стрел. Иногда я просыпался, погребенный под снегом, но тотчас отряхивался, словно волк, и продолжал путь.

Однажды утром, через три недели после того, как я покинул лагерь айсиров, я заметил дымок, поднимавшийся над небольшой лиственной рощей.

Спрятаться было практически негде, и я пополз по промерзшей каменистой земле, дюйм за дюймом приближаясь к лиственицам.

Мне потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до рощи, но я не опоздал. Небольшой отряд ва-

ниров — как я понял, отставший от более многочисленной группы, — расположившись возле маленького костра, обгладывал кости какого-то животного.

— Проклятие! — воскликнула один из них. — Раки с нас головы снимет!

Я затрепетала, услышав это имя, но не издал ни звука. Моя рука инстинктивно сжала рукоять жаждавшего крови меча Делрина.

Другой ванир швырнул кость за спину, пожал плечами и прорычал:

— Пусть себе бесится. Мы отстали — что поделаешь? Не беспокойся. У Раки и его братьев каждый воин на счету.

Он наклонился над костром.

— Проклятый Гор! Он поможет айсирам загнать нас в Край Смерти, где вечная ночь и нет даже мха для пропитания!

Приتاившись лишь в нескольких ярдах от них, я вздрогнул, услышав собственное имя. В устах этого ванира оно звучало несколько странно.

Еще один воин, ругаясь, поднялся от костра.

— Гор — такой же человек из плоти и крови, как и все мы! Мы прогоним айсиров обратно в Астгард. И пусть радуются, если, конечно, останутся живы!

Вскоре они встали, закидали костер снегом и направились на северо-восток. Подобно голодному волку, я последовал за ними. Один воин обернулся, пристально всматриваясь вдаль, но я успел лечь, распростервшись на льду. Он посмотрел куда-то прямо надо мной, затем пожал плечами и пошел дальше.

Их было пятеро, но я не сомневался, что мог убить всех, если бы застал их врасплох. Впрочем, это не входило в мои планы.

Они должны привести меня к Раки — Раки Быстрому, Сигизмунду Медведю, Обри Хитрому, Элвину Молчаливому и к Гудрун Златокудрой.

Пятеро ваниров двигались осторожно, не спеша. Похоже, они не слишком торопились воссоединиться со

своими товарищами. Я дрожал от нетерпения, но не мог заставить их шагать быстрее, оставаясь незамеченным.

Им потребовалось почти три дня, чтобы добраться до своего главного лагеря. Все это время я, голодный и усталый, следовал за ними по пятам. Когда они ели, я, с горящими от ярости глазами, прятался в темноте, чувствуя, как бурчит у меня в брюхе. Они казались встревоженными и подавленными, словно ощущали, что за ними следят, но никто из них меня так и не заметил. Я полз по ледяной пустыне, словно волк — словно тень волка. Иногда мне попадалась мелкая дичь, но, несмотря на дикий голод, я не обращал на нее внимания. У меня не было времени охотиться. Мною руководила лишь одна цель, и ничто, кроме самой смерти, не могло меня удержать.

Наконец ваниры достигли границ главного лагеря. После коротких переговоров стражники пропустили их, и они скрылись из виду.

Час, а может, и больше, я наблюдал за лагерем, спрятавшись за деревьями. Наконец я решил обойти лагерь кругом, что было непростой задачей, поскольку многочисленные часовые бдительно охраняли все подступы. Однако долгие годы, проведенные в волчьей стае, не прошли даром; я прокрался вдоль всей границы лагеря, и ни один часовой меня не заметил.

Это было стойбище большого клана, явно готовившегося к войне. Казалось, все только и делали, что точили мечи и стрелы, чинили и укрепляли тяжелые кожаные щиты.

У меня не раз была возможность перерезать горло часовому, но я держал себя в руках, хотя меня так и подмывало выхватить нож. Убийство стражника подняло бы на ноги весь лагерь, а этого мне вовсе не хотелось.

Ранним утром я наконец нашел то, что искал: большой шатер из оленьих шкур, охранявшийся двумя рослыми воинами которые, положив руки на рукояти мечей, то и дело бросали по сторонам подозрительные взгляды. Время от времени к шатру подходили

ваниры — судя по всему, вожди низшего ранга,— и после испытующих взглядов часовых их пропускали. Одного из посетителей впустили лишь после того, как он оставил у порога шатра меч, нож и стрелы. Он обругал стражников, но подчинился.

В шатре явно составлялись военные планы, и это могло означать лишь одно: там находились мои ненавистные братья. Сердце бешено колотилось, но мне удавалось сдерживать себя.

Позади большого шатра находился другой, поменьше. Почти наверняка там обитала Гудрун Златокудрая.

Солнце уже поднялось, когда из шатра вышел один из братьев. Я не сомневался, что это Раки Быстрый. Я слышал, что он удивительно похож на Делрина, доблесть которого стала легендой. Раки был громадного роста, в шесть футов с лишним, мускулистый, но стройный, светловолосый, с голубыми глазами. Он был вооружен чудовищных размеров мечом, и я заметил, что его щит сделан не из кожи, а из кованого металла — редкость для тех краев.

Обливаясь потом, я схватился за рукоять легендарного меча Делрина. Я вовсе не боялся этого самодовольного гиганта — меня лишь переполняла, сжигала изнутри ненависть.

Однако я заставил себя не двигаться с места. Я был уверен, что смогу убить Раки в открытом поединке, но в шатре наверняка находились еще трое сыновей Делрина, а в маленьком шатре позади, вероятно, и сама Гудрун.

Я хотел довести дело до конца. Чтобы добиться успеха, нужно было выбрать подходящее время и место.

Пройдясь вокруг и обменявшись несколькими словами с часовыми, Раки вернулся в шатер.

Весь день в шатер приходили посетители. Я подозревал, что готовится большое наступление на айсиров. Сыновья Делрина тщательно планировали свои действия. Я чувствовал, что скоро начнется настоящая

война, конечная цель которой — полное уничтожение противника.

За день я сумел хорошо разглядеть остальных братьев: Сигизмунда Медведя, который был ниже ростом и более коренастый, чем Раки, с бочкообразным телом, толстой щеей и непропорционально маленькой головой; Обри Хитрого, худощавого и стройного, с коварным блеском в глазах и, казалось, навеки застывшим на лице презрительным выражением; Элвина Молчаливого, еще одного гиганта, загадочный взгляд которого был устремлен куда-то вдаль. С его плотно сжатых губ лишь изредка срывались какие-либо слова.

После полудня из-за шатра появилась высокая амazonка и заговорила с часовыми. Я сразу же понял, что это Гудрун Златокудрая. Ее густые, заплетенные в косы волосы ярко сверкали в лучах полуденного солнца, и, будь я в состоянии трезво рассуждать, я бы отметил, что она весьма привлекательная женщина.

Однако я смотрел на нее с ненавистью, которую невозможно выразить никакими словами. Мне даже показалось, что она и в самом деле ощутила ее испепеляющий жар: Гудрун повернулась и, нахмурившись, поглядела на кусты, в которых я прятался. Один из часовых что-то сказал и направился было в мою сторону, но она покачала головой и велела ему вернуться.

Я отвел взгляд, опасаясь, что, если я и дальше буду смотреть на нее, Гудрун и в самом деле прикажет часовым обшарить кусты, служившие мне укрытием.

Когда на лагерь опустились сумерки, у меня уже был готов план. Я намеревался подождать до полуночи. Избавиться от двух часовых не составляло труда. Убрав их, я прoberусь в большой шатер, держа наготове меч Делрина...

Я решил, что будет проще сражаться внутри шатра, а не снаружи. Во-первых, мне давала преимущество неожиданность нападения, и, кроме того, в шатре у моих противников будет меньше места для маневра. Снаружи меня бы сразу окружили и атаковали со всех

сторон. Если я сумею убить часовых и пробраться в шатер, не разбудив братьев, у меня будет значительно больше шансов.

Кроме того, я предполагал, что стены шатра хотя бы частично приглушат звон клинов и крики. Шум, возникший снаружи, поднял бы на ноги весь лагерь.

Хотя я и не испытывал страха, я прекрасно сознавал, что сыновья Делрина Отважного будут сражаться отчаянно и насмерть. Единственное, чего я опасался — если это можно было назвать опасением, — что меня могут ранить до того, как я успею отомстить. Мысль об этом не оставляла меня. Поэтому я решил, что атака должна быть быстрой, беспощадной и действенной. Стражники не должны издать ни звука: лагерь нельзя потревожить. Я должен напасть быстро и бесшумно, словно сама Смерть.

Тянулись часы. Над горизонтом взошел полумесяц, но вскоре его скрыли густые облака. В наступившей темноте раздавались лишь неустанные шаги часовых. Где-то в кустах поблизости послышался крик снежной совы.

Дюйм за дюймом, фут за футом, я наконец выполз из-за деревьев, издавая не больше шума, чем улавливая на промерзшую землю тень. Ни один волк не мог бы подобраться к добыче тише, чем я.

Наконец я оказался на расстоянии удара меча от ближайшего стражника. Оставив сверкающий меч Делрина в ножнах, я вытащил свой нож с костяной ручкой и стал ждать.

Ничего не подозревающий часовой подошел ко мне на два фута, остановился, дернулся и двинулся назад. Я сорвался с места, словно выпущенная из лука стрела. Зажав рот часовому одной рукой, другой я полоснул лезвием ножа поперек его горла, перерезав артерию. Даже истекая кровью, он пытался сопротивляться, но тщетно. Лишь смерть могла разжать мой захват. Когда тело часового обмякло, я опустил его на промерзшую землю и, словно смертоносная ночная змея, метнулся сквозь темноту ко второму стражнику.

Он стоял неподвижно, глядя во тьму, когда мой нож вонзился ему в горло. Он дернулся, пытаясь выхватить меч, но ему удалось вытащить его из ножен не более чем на дюйм.

Я направился к шатру сыновей Делрина.

Остановившись у полога, я прислушался. Из шатра раздавался густой храп. Я заставил себя подождать целых пять минут, но никаких звуков, кроме храпа, не услышал. Вытащив тяжелый меч Делрина, я шагнул в шатер и замер, давая глазам привыкнуть к темноте. Несмотря на кромешный мрак, вскоре я смог различить туманные очертания четырех спящих фигур.

Подняв меч над головой, я подкрался к ближайшему ложу из шкур. Некое таинственное чувство опасности, видимо, все же возникло у спящего, и он неожиданно с недовольным ворчанием сел. Судя по всему, это был Сигизмунд Медведь.

Не теряя ни секунды, я бросился к нему. Легендарный меч Делрина описал в воздухе дугу и опустился, разрубив череп, грудную клетку и позвоночник. Сигизмунд Медведь опрокинулся на спину, разрезанный пополам, словно расщепленное молнией дерево.

Я едва успел выдернуть меч из его тела, как кто-то вскочил с соседней груды шкур. Это был Раки, и я понял, почему его называли Быстрым. Видимо, он спал с мечом в руке, поскольку клинок просвистел в полу-дюйме от моего лица.

Он уверенно наступал, но удача была на моей стороне. Собираясь нанести удар, он поскользнулся на одном из меховых одеял и на мгновение потерял равновесие. Только это мне и было нужно. Меч Делрина устремился вперед и наполовину ушел в грудь Раки. К моему изумлению, он удержал свой меч и снова замахнулся. Однако это было лишь последним инстинктивным движением умирающего.

Ко мне приближались еще две фигуры, и я понял, что нельзя терять ни секунды. Чудовищным усилием

я выдернул меч Делрина из груди Раки и повернулся навстречу Обри Хитрому и Элвину Молчаливому.

Когда Раки рухнул наземь, гигант Элвин прыгнул вперед, метя мне в голову. Я почувствовал, как острье его клинка рассекло кожу на моем черепе, и рассмеялся.

Знаменитый меч Делрина словно ожил в моей руке, нанося и отражая удары, и, хотя Элвин сражался весьма искусно, его движения казались неуклюжими.

Пока мы сражались, Обри Хитрый кружил рядом с кинжалом в руке. Один раз я ощутил, как его нож расек мне левое предплечье, но не придал этому значения.

Элвин яростно замахнулся своим громадным мечом. Это было последнее, что он успел сделать. Ему не хватило каких-то долей секунды. Меч его отца Делрина свистнул в воздухе, и голова Элвина покатилась по земле.

Широко улыбаясь, я повернулся к Обри. Быстро спрятав нож, он отступил назад и схватил не меч, как я ожидал, а лук. В мое правое плечо уже вонзилась стрела, и я понял, что, прежде чем я успею добраться до брата, за ней последуют другие. Подняв меч Делрина обеими руками, я изо всех сил швырнул его в противника. Удар тяжелого клинка сбил Обри с ног как раз в тот момент, когда еще одна стрела свистнула рядом с моей головой. Прежде чем Обри успел вытащить нож, я прыгнул вперед и обеими руками схватил его за горло. Сжимая шею брата, я видел, как дико сверкают в темноте его выпущенные глаза. Хрустнули кости, вывалился язык. Кровь хлынула изо рта Обри, и он обмяк.

Отшвырнув в сторону труп, я подобрал меч Делрина, быстро подошел к пологу шатра и прислушался. Тишина. Я оказался прав, предположив, что стены из конских шкур заглушат шум боя.

Кровь текла по моей голове, плечу и руке, но я не обращал на это внимания.

Выскользнув наружу, я поспешил сквозь тьму к маленькому шатру.

Когда я приблизился к пологу шатра, до моих ушей донесся звук тяжелого, ровного дыхания. Не колеблясь,

я шагнул внутрь. Теперь глаза мои привыкли к темноте, и я без труда различил внушительные очертания лежавшей на шкурах в задней части палатки фигуры.

Вытащив нож, я взял его за лезвие, тщательно рассчитал удар и с размаху опустил ручку ножа на висок Гудрун. Она лишь дернулась, но не издала ни звука. Дыхание ее стало хриплым и прерывистым.

Надеясь, что стукнула не слишком сильно, я перебросил ее через плечо, словно тушу оленя, и поспешно вышел из шатра.

Двадцать минут спустя я был уже далеко от лагеря, среди низких деревьев, что покрывали большую часть местности. Несмотря на свой груз, я шагал быстро, остановившись лишь однажды, чтобы запихнуть кусок кроличьей шкуры в рот женщины. Если она придет в себя и попытается кричать, кляп заглушит крики, превратив их лишь в жалкие стоны.

По моим предположениям, до того, как в лагере обнаружат трупы и поднимут тревогу, оставалось еще несколько часов. Однако я не мог быть в этом уверен. Я не знал, поставлены ли часовые на всю ночь или их сменят. В худшем случае у меня оставалось лишь несколько минут.

Вокруг по-прежнему было тихо. Не слышно ни звука, если не считать редких криков ночной совы или топота лапок какого-то мелкого зверька.

Несмотря на раны и груз, который мне приходилось тащить, я даже не запыхался.

Сбросив Гудрун на обледеневшую землю, я вытер кровь с лица, затем наклонился, вырвал кляп из ее рта и сорвал с нее всю одежду.

Наконец она пошевелилась, застонала и открыла глаза. Я улыбнулся, глядя ей прямо в лицо. Несмотря на измазанное кровью лицо, она меня сразу же узнала и, сердито заворчав, села.

— Ну, старая ведьма, — сказал я, пнув ее ногой, — твой хромой лягушонок прискакал обратно, чтобы слегка позабавиться!

Пошатываясь, она встала и бросилась на меня с кулаками. Уклонившись, я выставил ногу, и она рухнула наземь.

— Лягушата никогда ни о чем не забывают, — сказал я, — так же как и Гор Сильный, которого ты бросила на съедение волкам!

Она снова села, яростно глядя на меня.

— Жаль, что они тебя не сожрали! Мне нужно было самой задушить тебя! Дай мне нож, и увидим, кто из нас достанется волкам!

— Я не сражаюсь с женщинами, — ответил я. — Кроме того, в отношении тебя у меня другие планы!

Она ухмыльнулась:

— Ты боишься сразиться со мной?

Я пожал плечами и рассмеялся:

— Спроси своих четверых сыновей, боится ли сражаться Гор Сильный. Они лежат в своем шатре и крепко спят — но уже больше не храпят!

Я увидел, как побелело ее лицо. Она молчала.

— Ну, хватит, — прорычал я. — Вставай, ведьма, и иди.

Она без слов поднялась и пошла босиком по льду. Она шаталась, и я видел, что она уже начинает синеть от холода.

Когда мы дошли до середины широкой, открытой всем ветрам равнины, я одним ударом сбил ее с ног.

Дрожа от холода, она продолжала, не отрываясь, смотреть на меня.

— Тебе скоро будет тепло, Гудрун Златокудрая, — заверил я. — Тепло в голодных волчьих брюках стаи!

Она ничего не сказала, и я пошел прочь. Добравшись до опушки леса, я остановился и поднял голову. Из моего горла вырвался протяжный, жуткий вой охочущегося волка. Я трижды повторил свой зов, затем присел и стал ждать.

Вскоре в ночном воздухе раздался ответный вой. По звуку я понял, что стая проголодалась. Волки приближались быстро.

Гудрун удалось подняться на колени. Она стояла неподвижно, словно статуя, высеченная из голубого камня.

Появилась стая — поджарые ночные охотники с вывалившимися языками и горящими желто-зелеными глазами. Их серые шкуры выглядели свалявшимися. Видимо, охота в последнее время была неудачной.

Не обращая на меня внимания, волки направились прямо к Гудрун, которая продолжала неподвижно стоять на коленях.

Мне показалось, что она уже замерзла насмерть, но, когда вожак прыгнул, намереваясь вцепиться ей в горло, она уклонилась, схватила волка за задние лапы и начала размахивать им, словно дубиной.

Несмотря на неукротимую ненависть к ней, меня на мгновение восхитила отвага этой обреченной женщины.

Однако ее поступок отсрочил смерть лишь на несколько минут. Вожак вырвался из замерзающих рук Гудрун, и стая окружила ее плотным кольцом.

Но она продолжала бороться. Упав под тяжестью изголодавшихся серых хищников, она вонзила зубы в горло одного из волков.

Это было последнее, что она успела сделать. Мгновение спустя Гудрун уже рвали на куски.

Я сидел, глядя, как рычат и дерутся волки над своей добычей. Через несколько минут на льду не осталось ничего, кроме кровавых пятен и нескольких крупных костей.

Собравшись вместе, волки повернулись в мою сторону, присели на задние лапы, протяжно взывали и умчались в ночь.

На снегу лежали сверкающие волосы Гудрун, смешанные с застывающей кровью и остатками мозга. Могучие челюсти голодных зверей раздробили череп Гудрун на мелкие кусочки.

Я оплатил свой кровавый долг.

Издалека донесся приглушенный, но все нарастающий гул множества голосов.

Я понял, что плоды моих ночных деяний обнаружены.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРОРОЧЕСТВО ЛЕДЯНОЙ БОГИНИ

Я долго стоял среди елей, прислушиваясь к приближавшимся голосам ванриров, а потом смотрел, как появившиеся из-за деревьев воины собирались вокруг обглоданных костей бывшей предводительницы. Другой бы на моем месте уже давно сбежал, но меня охватило какое-то странное спокойствие. Моя собственная жизнь меня более не заботила. После того как я отомстил, мне казалось, что больше не для чего жить. Возможно, силы покидали мое тело из-за ран, погружая меня в состояние полнейшего безразличия.

Жесты, которыми обменивались воины, стали менее возбужденными, и мне показалось, что в их голосах слышится страх. Я был готов сразиться с ними всеми насмерть, если меня обнаружат. Но вместо того, чтобы идти по моему следу, они собрали останки Гудрун и, завернув их в шкуры, поспешили обратно в лагерь. Я понял, что наполнило страхом их сердца,— они увидели мои следы среди волчьих и поняли своими варварскими, полными предрассудков душами, что в их лагерь проник один из «пустынных оборотней» — чудовище, чье человеческое тело и душа превращаются в волчье, когда зимняя луна освещает снег своими лучами.

Когда они ушли, я повернулся и, придерживаясь волчьих следов, направился в сторону лесистых холмов. Однако слабость нарастила, и вскоре я свернул в сторону и нашел небольшую пещеру под склоном низкого холма. Когда-то она служила убежищем диким зверям, но запах был слабым, и я понял, что ее прежние обитатели давно ушли. Торчавшая в правом плече стре-

ла мешала мне, и я выдернул ее. Стрела не была зазубрена и вышла легко. Какое-то время я смотрел на струившуюся по руке темную кровь, затем, чувствуя все усилившееся головокружение, лег прямо на землю и вскоре заснул.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я проснулся. У входа в пещеру стоял большой серый волк и глядел на меня желтыми глазами. Я с трудом сел и зарычал. Видимо, его привлекла моя кровь — небольшая лужица натекла на землю из моей раны. Он не нападал — то ли чувствовал мое родство с ним, то ли насытился мясом Гудрун. Наконец волк повернулся и ушел. Рана перестала кровоточить, но сильно болела; меня била дрожь, голова кружилась. Не думаю, что в этот момент я вообще ощущал себя человеком — поскольку человек в подобных обстоятельствах вернулся бы к племени айсиров за помощью, а я вел себя как волк. Ваниры были правы, считая, что имеют дело с пустынным оборотнем.

Я снова заснул. Не знаю, сколько я проспал, но мне снился сон — если это на самом деле был сон.

Мне казалось, будто я проснулся ночью. Воздух был неподвижен, и в ушах раздавался странный звон — вызванный не лихорадкой от потери крови, а словно создаваемый множеством крошечных ледяных кристаллов. В устье пещеры струился туманный свет. Я осторожно поднялся и выбрался наружу.

Мне казалось, что свет исходит от высокой белой фигуры — ростом вдвое выше любого воина, — которая стояла на краю небольшой поляны перед моей пещерой. Это была женщина неописуемой красоты, с холодно-спокойным лицом, окутанным туманной переливающейся вуалью, состоявшей от части из снежинок, от части из ее длинных серебристых волос. Она заговорила, и голос ее был подобен шелоту ветра среди ледяных колонн под сводами пещер.

— Будь проклят человек по имени Гор, — сказала она, и мне показалось, будто ее глаза вспыхнули.

словно острия серебряных кинжалов.— Будь проклят убийца собственной матери!

Какое-то мгновение мне казалось, что у нее лицо Гудрун, но затем я понял, что это не так, ибо лицо этого прекрасного и ужасного создания было подобно лицу любой айсирской или ванирской женщины. Одна за другой передо мной представляли женщины, которых я знал, хотя ни одна из них не походила на стоявшее передо мной странное прекрасное существо. И я понял, что это Итиллин, Ледяная Богиня, о которой шепотом рассказывают люди северных племен, сбившись в кучу вокруг костра холодной северной ночью. Итиллин, первая дочь Ледяных Богов, которые породили Морозных Исполинов, положивших начало айсирям и ванирам!

На мгновение меня охватил страх, но затем, зарычав словно волк, я выхватил меч и нож.

— Хочешь отомстить за Гудрун? — крикнул я.— Так я и твое мясо брошу зверям!

— Глупец! — Голос Итиллин был подобен завыванию ветра среди голых ледяных скал.— Ты не можешь убить меня, как и я тебя. Ледяные Боги решили иначе. Они повелели предсказать тебе твою судьбу. Но прежде чем я произнесу пророчество, услышь мое проклятие за смерть Гудрун, которая поклонялась мне. Опасности и раздоры станут уделом всей твоей жизни, и у тебя никогда не будет собственных детей, которые помогли бы тебе в старости или продолжили бы твой род!

Я хрюкло рассмеялся: ибо что же еще, кроме опасности и раздоров, знали подобные мне волки? А что касается династий, какое дело волку до человеческих забот?

— Раз ты слишком слаба, чтобы убить меня,— крикнул я,— объяви же мне пророчество богов!

— Смертный идиот! — Глаза Итиллин напоминали искры замерзшего пламени, на мгновение вспыхнувшие ослепительным огнем.— Не искушай меня

пренебречь их решением. Слушай же: Ледяные Боги избрали тебя себе в помощь в борьбе против богов Юга и их поклонников, поскольку ты единственный, кто пережил испытание холодом. Ты — и волк и человек, ты спасешь цивилизацию от гибели и отдашь ее в руки айсирского вождя и его племени. Они сполна отблагодарят Ледяных Богов.

Так говорят боги. Однако к их пророчеству я добавляю свое проклятие: страдания и бездетность в наказание за убийство отца, матери и братьев. Никогда ты, наполовину зверь — наполовину человек, не найдешь мира ни в одной волчьей стае и ни в одном из человеческих племен.

— Ледяная ведьма, — зарычал я, — я не прошу ни благодарностей, ни проклятий — ни от тебя, ни от тех, кто стоит над тобой!

Я бросился к ней с мечом, но она рассмеялась и начала медленно расплываться в воздухе, а когда я ударили мечом по ее исчезающей фигуре, мое тело охватил холод, и я потерял сознание.

Я проснулся в пещере. Мне казалось, что прошел по меньшей мере день. Плечо страшно болело, но рана уже начала затягиваться и не воспалилась. Я все еще обладал живучестью дикого зверя.

Снаружи послышались человеческие голоса.

Я вскочил, обнажив зубы в беззвучном рыке, и выглянул из пещеры. Из-за деревьев приближались ванирские воины — видимо, они шли по моему следу. Я понял, что днем они не так боятся оборотня — или, что более вероятно, стражник, который рассказывал обо мне накануне, убедил остальных, что во мне нет ничего сверхъестественного.

Я выскоцил из пещеры, и их стрелы засвистели рядом со мной. Однако, несмотря на слабость, во мне оставалось от волка еще слишком много, и вскоре я оставил их далеко позади.

Много дней я жил в лесу, питаясь мелкой дичью, которую ловил голыми руками. По мере того как за-

живали раны, ко мне возвращалось прежнее человеческое любопытство, и я снова оказался в окрестностях лагеря ваниров. Я намеревался обойти лагерь, разведать обстановку, а затем двинуться в путь в поисках племени айсиров.

Помню, однажды ночью, когда на небе светила полная луна, я вышел на ту равнину, где когда-то скормил волкам свою мать Гудрун. В небе мерцало северное сияние, и было светло почти как днем. Снег теперь лежал лишь небольшими островками: большая его часть растаяла под лучами весеннего солнца. Холодный ночной ветер завывал в редких кустах и шевелил мою бороду. Меня охватило какое-то странное чувство, я ощущал, как волосы поднимаются у меня на загривке...

Мои чуткие ноздри уловили человеческий запах. Я присел, повернулся и заметил медленно приближавшийся силуэт. Это был человек — вероятно, воин из племени ваниров. Меня он не видел. Я медленно вытащил меч и замер, в то время как он продолжал приближаться. Вскоре воин был уже совсем рядом — так близко, что я мог броситься вперед и прикончить его в мгновение ока, что я и собирался сделать. Однако, стоило мне сжать рукоять меча, человек заговорил:

— Эй, Ледяная Богиня, я здесь! Но где же мучайший воин, которого ты мне обещала? Похоже, ты подшутила надо мной. С твоего разрешения, я лучше вернусь в теплую постель.

Он усмехнулся и повернулся назад; однако, узнав в нем молодого воина из племени айсиров, я шагнул вперед и крикнул:

— Хъялмар!

Он резко обернулся, успев наполовину вытащить меч. Я не спеша на его глазах убрал свой меч в ножны. Увидев это, он, слегка поколебавшись, убрал свой, подошел ближе и с недоверием уставился на меня.

— Гор! — наконец воскликнул он. — Тебя тоже послала сюда Ледяная Богиня?

— Я пришел из пустыни, — сказал я, избегая отвечать на этот вопрос. — Что еще за Ледяная Богиня?

— Она явилась ко мне сегодня ночью, во сне! Она сказала, чтобы я пришел сюда, и что здесь я встречу того, кто поведет наше племя к победам, каких еще не знал ни одно племя Нордхейма, и что он сделает меня вождем южного народа. Я в ужасе проснулся, но рассмеялся, поняв, что это лишь сон. Однако я не мог заснуть, так что в конце концов оделся и пришел сюда... Гор, что все это значит?

— Это значит, что ты еще не до конца проснулся, — сказал я спокойно, несмотря на непонятный страх, охвативший меня при его словах. — Как ты смог уйти так далеко от лагеря за одну ночь? И разве ты не знаешь, что рядом расположился большой лагерь ваниров?

— Ха! Располагался, ты хочешь сказать. — В глазах Хьялмара вспыхнули искры, и он рассмеялся, откинув назад голову. — Их лагерь теперь наш, а ваниры стали падалью для воронов. Когда мы обнаружили, что ты исчез, я во главе небольшого отряда отправился на поиски. Ты хитрый волк, Гор, но мне часто приходилось выслеживать зверей, и я не терял твоего следа, пока мы не оказались так близко от ваниров, что увидели дым их костров. Ночью я подобрался поближе и услышал разговор двух стражников. Они были напуганы: всех их вождей убил пустынный оборотень, и в лагере никак не могли решить, выслеживать его или же отойти от границы в сторону Ванахейма. Я увел свой отряд, а на следующий день мы вернулись всем племенем. Мы захватили ваниров врасплох. Знатная была битва! Мы убили всех, за исключением женщин и около десятка воинов, крьзь которых завтра окрасит алтари Ледяных Богов. — Он снова рассмеялся, затем опять озадаченно посмотрел на меня. — Что все это значит, Гор? Тебе тоже приснилась Ледяная Богиня?

— Идем в лагерь, — сказал я.

Я долго спал в шатре Хьялмара, меня никто не беспокоил. Продолжавшееся много дней веселье по

слушаю победы над ванирами наконец завершилось, и весь лагерь погрузился в сон.

Многие удивились, увидев меня на следующий день, поскольку считали, что я погиб или присоединился к ванирам. Однако они еще больше удивились, когда Хьялмар рассказал им о том, что ему приснилось.

— Ледяная Богиня вернула нам Гора Сильного, — сказал он, — чтобы он повел нас к победам, которых еще не знало ни одно племя Нордхайма.

Большинство с радостью восприняло эту весть, но вождь Харольфа и его приемный сын Хетлунд, командующий воинами племени, еще до конца дня потребовали, чтобы Хьялмар и я предстали перед советом племени, который собрался на площадке в центре лагеря, окруженней шатрами. Воины сидели на земле, Харольф и Хетлунд восседали перед своим шатром в креслах из резного дерева, а главный жрец Тьярвакка расположился в кресле из слоновой кости — трофеем, добытым у одного из южных ванирских племен.

— Что это за разговоры о Горе и о Ледяной Богине, Хьялмар? — поднимаясь, взревел Харольф. — Пусть об этом знают все. То, что я слышал, попахивает мятеjom.

— Я знаю лишь то, что сказала мне Ледяная Богиня, — ответил Хьялмар и еще раз поведал о своем сне и о том, как он отправился ночью в ледяную пустыню и встретил меня.

— Итиллин не говорила со мной! — закричал Тьярвакка, потрясая посохом. — Зачем ей разговаривать с этим юным выскочкой? Не верь ему, великий вождь, это заговор, чтобы свергнуть тебя с трона.

— Заговор трусов! — проревел Харольф, вытаскивая громадный топор. — Если ты и в самом деле намерен занять мое место, Хьялмар, давай решим это сейчас, как подобает воинам.

— Я не затеваю никаких заговоров, — сказал Хьялмар, — но и не позволю никому называть меня трусом. Если желаешь драться — пусть так и будет!

Харольф ухмыльнулся, и я понял, что он уже обрек на смерть Хьялмара, который, хоть и был искусным воином, все же оставался не более чем юношой. Хьялмар происходил из рода, который прежде правил племенем, и я решил, что Харольф видит в нем соперника. Впрочем, к тому не было никаких причин, ведь лишь грубая сила правила племенами айсиров, а Харольф был могучим воином, вышедшим победителем из сотни сражений.

Хоть я и был волком, но внезапно почувствовал, что не могу позволить убить Хьялмара, давшего мне убежище в своем шатре, ибо даже волк будет сражаться за своих друзей.

— Никакого заговора нет, — сказал я. — Ледяная Богиня явилась и ко мне.

— Ха! — зарычал Харольф, переводя взгляд на меня. — Значит, ты хочешь сказать...

— Давайте проверим! — крикнул Тьярвакка. — Приведите сюда одного из ванирских пленников.

Харольф мгновение колебался, затем кивнул. Тут же из соседнего шатра вывели связанного воина — рослого юношу с отважным, яростным взглядом и ярко-рыжими волосами — явно чистокровного ванира, в котором не было ни капли крови светловолосых айсиров. С вызывающим видом он встал перед собравшимися.

— Прикажи убить его, вождь Харольф, — сказал Тьярвакка. — Затем я прочитаю послание богов по его внутренностям, и мы узнаем правда, история о Ледяной Богине или нет.

Харольф дал знак, и Хетлунд, служивший его оружием, улыбаясь, шагнул вперед с кинжалом в руке. Однако воин-ванир крикнул:

— Айсирские псы! Такова ваша хваленая отвага? Если вы настоящие мужчины, дайте мне меч и позвольте сразиться, хотя бы против вас всех.

— Да — пусть сразится! — крикнул Хьялмар, и многие воины, воодушевленные смелостью пленника,

поддержали его одобрительными возгласами. Даже Хетлунд, слыша эти крики, вопросительно поглядел на вождя, однако Харольф, нахмурившись, покачал головой.

— Визгливый щенок, — проворчал Хетлунд, — сейчас я тебя успокою! — И воинил кинжал в грудь ванирского воина. Тьярвакка тут же подбежал к телу. Не обращая внимания на негодующие возгласы многих, он вспорол живот погибшего и начал колоться во внутренностях. Мгновение спустя он выпрямился, с его узловатых рук стекала темная кровь.

— Ложь! — завопил он. — Ледяные Боги сказали, что история, которую мы только что слышали, — ложь. Это заговор трусов. Убейте этих двоих! Нет, принесите их в жертву вместе с ванирами. Такова воля Ледяной Богини!..

Именно эти слова заставили меня выхватить меч, ибо я ненавидел Ледяных Богов, а Ледяную Богиню в особенности. Прежде чем вопль Тьярвакки успел обрваться, кровь уже хлестала из его перерубленной шеи, а голова катилась по земле.

Поднялся дикий шум. Харольф, рыча, бросился на меня вместе с полудюжиной прикрывавших его стражников. Я едва успел отразить удар, и лезвие его топора пронеслось мимо моего уха. Одним ударом я отсек руку, которой он пытался прикрыться, и мой клинок врезался между шеей и плечом, глубоко погрузившись в грудную клетку и перебив позвоночник и грудину. Он захрипел, содрогаясь в конвульсиях, поток крови хлынул на землю. Мой меч крепко застрял в его теле, и мне пришлось отпустить рукоять, чтобы уклониться от копья нападающего стражника. Затем я увидел, как из груди стражника выскочил стальной клинок длиной в ладонь, и он упал, пронзенный мечом воина-айсира.

Я выдернул свой меч из тела, глядя, как воины-айсиры рубят на куски стражников Харольфа — тех, кто еще не бросил оружие. Хьялмар прикончил Хет-

лунда, его мозги растекались по земле из расколотого черепа. Воины торжествующе закричали:

— Хъялмар! Гор!

Хъялмар встал на кресло Тъярвакки и поднял окровавленный меч, обращаясь к соплеменникам. Мне показалось, что Ледяные Боги и в самом деле жили среди нас, а не только во снах: происшедшее было подобно чуду. Я услышал, как Хъялмар напоминает воинам о снах, посланных ему Ледяной Богиней, о ее предсказаниях будущих побед. Воины радостно вопили, то и дело стучали мечами о щиты. Хъялмар уже стал их вождем; что же касается Харольфа, то многие ненавидели его за жестокость и были рады, что его наконец прикончили.

— А что с пленниками-ванирами? — спросил я во время короткого затишья.

— Как бы ты поступил с ними, старый волк? — спросил в ответ Хъялмар.

Я попросил, чтобы их вывели вперед и развязали. Над лагерем воцарилась тишина. Мне нравились эти рыжеволосые воины. Здесь, среди айсиров, они были такими же чужими, как и я среди людей.

— Что вы предпочитаете, ваниры? — спросил я. — Сражаться с нами насмерть оружием, которое мы вам дадим, или присоединиться к нам и разделить с нами победы, которых не знало еще ни одно племя Нордхейма?

Все до одного предпочли присоединиться к нам, и вновь раздались одобрительные возгласы, хоть и не столь громкие, как прежде, ибо ваниры и айсирсы издавна враждовали. Однако они были хорошими воинами и вскоре стали личными телохранителями Хъялмара, которого провозгласили вождем.

Итак, Хъялмар стал вождем большого племени айсиров, а я — его правой рукой. С тех пор наши взоры были обращены на юг, в сторону цивилизованных стран Хайбории, о которых мы мало знали, но которые мечтали завоевать.

ГЛАВА ПЯТАЯ  
НЕМЕДИЙЦЫ

Снежный верблюд был нагружен сверх меры. Два огромных белых горба почти скрывались под беспорядочно наваленной грудой парчи, бархата и шелка. Пятеро воинов в замысловатых доспехах, совершенно не подходивших для местного климата, шли рядом с животным, таща на спинах тюки. Видимо, это были уцелевшие после какого-то бедствия. Позади первого верблюда шел второй, волоча за собой сани, на которых сидели три маленькие фигурки, закутанные во множество шкур. Мой отряд, отправившийся на поиски пропитания, похоже, мог вернуться с лучшей добычей, чем предполагал.

Нас было восемь, но, поскольку чужаки были одеты в тяжелые кольчуги с разукрашенными металлическими, и, на наш взгляд, примитивными, пластинами на груди, спине, руках и ногах, мы были уверены в своих силах.

Под прикрытием заснеженного холма я вытащил лук и выстрелил, целясь в самого дальнего воина, но в этот миг первый верблюд повернул голову и получил стрелу прямо в левый глаз. Животное дернулось, ноги его подкосились; он упал на колени, а затем завалился на бок. Я выругался, жалея о потере столь ценного трофея. Из-под ткани послышался звон металла, и на фоне белого снега блеснуло золото, тускло-желтое в пасмурном утреннем свете. В отношении всего, что касалось золота, я был типичным волком, для которого оно не имело никакого значения. Я вложил в лук новую стрелу, и черно-красное древко затрепетало в горле чужака, который побежал к упавшему животному. Двое других метнулись к саням, в то время как Одерик, один из наших ваниров, презрев лук, взревел и, по колено проваливаясь в снег, бросился вперед. Размахивая топором, он вызывал ближайшего воина на поединок.

Лишь когда вражеские стрелы усеяли его голову и тело так густо, что почти скрыли из виду, Одерик издал удивленный вопль и, раскинув руки и ноги, рухнул посреди кровавого пятна на истоптанном снегу.

Никто из ваниров или айсиров не стал больше выставлять себя в качестве мишени, и, поскольку чужакам негде было спрятаться, для нас не представляло никакого труда быстро уничтожить их.

Гутрик, ванирский воин, уже собирался броситься к саням и прикончить сидевших в них людей, но я остановил его, приставив меч плашмя к его груди.

Тroe в санях не шевелились, лишь плотнее прижались друг к другу. Мы — семеро одетых в шкуры дикарей, сплошные бороды, волосы и бронза — медленно приближались, высоко поднимая ноги над окровавленным снегом.

В санях поднялась невысокая фигура — мальчик, светловолосый и бледнокожий. Черты его лица ничуть не сочетались с богатством одежды, в которой, на мой взгляд, преобладал восточный колорит. Он подбежал к одному из мертвых воинов и попытался вырвать у него из руки меч, но Нальд рассмеялся и схватил мальчишку за шиворот. Тот, отбиваясь руками и ногами, сдвинул рогатый шлем Нальца набок, воин взревел и изо всех сил шлепнул мальчишку по заднице.

Я подошел к саням и откинул шкуры. Под ними жались друг к другу мальчик помладше и девушка — очень красивая, золотоволосая и голубоглазая, тринадцати-четырнадцати зим. Меня, как волка, совершенно не интересовало золото, но женщины меня интересовали. Взяв девушку за длинные косы, я поднял ее на ноги. Она была в богатом платье из красного и синего бархата, подбитом горностаем и окаймленном лентой цвета сапфира. В то время как остальные с восхищенными возгласами разглядывали сокровища, я отвел девушку в сторону, чтобы разглядеть получше.

Она говорила на языке, подобном нашему, но я не мог понять ни слова.

— Говори медленнее, — сказал я.

Она тяжело дышала, видимо, испугалась меня. Как мне говорили, моя внешность считалась зверской даже среди моих соплеменников, к тому же у меня осталось множество волчьих привычек — ходить сгорбившись, свирепо озираться и обнюхивать любые незнакомые предметы.

Девушка открыла рот, затем покачала головой. Она дрожала, а я хрипло рассмеялся, поскольку меня вовсе не стоило бояться. Однако она дрожала все сильнее. В отличие от любой из айсирских или ванирских женщин, она была слабой и безвольной, и уже за одно это я бы мог ее презирать, но во мне вдруг возникло к ней некое чувство, до сих пор я такого не испытывал. Возможно, это было то, что волчица чувствует к своему щенку. Я слегка шлепнул ее, желая показать, что она мне нравится, и улыбнулся.

Она всхлипнула. Я пожал плечами и перекинул ее через плечо. Она не сопротивлялась.

Кадрик и Нальд собирались зарубить мальчиков, но я остановил их. Без всякой видимой причины — мне просто показалось, что для девушки их смерть будет горем. Однако вслух я объяснил свое решение иначе. Из мальчишек можно сделать воинов-айсиров или же продать их куда-нибудь по пути на юг. Нальд пожал плечами и подтолкнул пленников ко мне, словно говоря, что теперь я отвечаю за них. На моей шее неожиданно оказались трое иждивенцев. Я связал мальчишек, и мы направились в лагерь.

Хъялмар был очень доволен, увидев золото и верблюда, и не меньше других озадачен моим решением сохранить жизнь мальчикам. Я привязал их рядом со своим шатром и велел принести им еды, а сам отнес девушку внутрь, где в полумраке валялись необработанные шкуры и покрытое запекшейся кровью оружие. Она снова начала что-то бормотать, кажется, умоляя меня о какой-то милости и показывая то в сторону мальчиков, то дальше, в сторону юга.

Я покачал головой и выбрал из миски большой кусок верблюжьего мяса.

— Я не понимаю тебя, женщина.

Она заговорила медленнее, но акцент ее был настолько незнакомым, что я мог разобрать лишь одно-два слова. Устав от бесплодных попыток, я протянул ей миску.

— Хочешь мяса?

Она вцепилась в меня, и похлебка выплеснулась. Я оттолкнул девушку, и она упала на доспехи и шлемы — трофеи моих многочисленных сражений.

Я снова протянул ей миску. Она покачала головой. Я жестом предложил ей раздеться, поскольку намеревался овладеть ею, как только закончу есть. Она снова мотнула головой и отползла к стене шатра. Я улыбнулся, закончил трапезу, подошел к девушке и начал ее раздевать.

Тонкая одежда слетела легко. Ни на что не похожий запах, казалось, заполнил шатер, вновь вызвав у меня странное ощущение. Девушка начала сопротивляться и даже укусила меня, но я был добродушен. Я издал низкий, властный рык, с которым волк-самец обращается к своей волчице. Это возымело действие, и девушка подчинилась, позволив мне быстро и без лишних слов сделать свое дело. Затем я завернул ее в шкуры, чтобы она не замерзла.

Теперь можно было попытаться разобрать ее речь, но, похоже, девушке говорить не хотелось. Меня озадачила перемена в ее настроении, и я улыбнулся:

— Говори. Медленно. Я слушаю.

Она всхлипнула.

— Говори.

Она снова всхлипнула, на этот раз громче. Продолжая улыбаться, я, сложив руки на груди и скрестив ноги, сел рядом с ней.

Она начала плакать. Удивившись, я обняхал ее лицо.

— Тебе больно?

Все ее тело затряслось, как в лихорадке. И снова странный родительский инстинкт заставил меня обнять ее за маленькие плечи и погладить по волосам.

— Говори, — сказал я.

Она продолжала плакать, время от времени глядя мне в лицо, словно пытаясь что-то там прочитать. Я улыбался, и она снова начинала плакать. Однако в конце концов она успокоилась и рассказала мне всю свою историю.

Ее звали Шанара, а мальчики Ташако и Яшати были ее братьями. Их взяли в плен воины, которых мы убили. Воины были гирканцами, а Шанара и мальчики — детьми знатного немедийца, наследника трона. Судя по всему, Немедия находилась в постоянной осаде. Изо дня в день в страну вторгались пикты, а власти едва были способны оказывать хоть какое-то сопротивление. Военачальники, никогда не видевшие сражений, хвалились своей доблестью, но их отваги хватало лишь на очередной заговор с целью устранения соперников. Гарак, отец Шанары, был единственным, кто смог возглавить армию. Пока Гарак воевал, его детей похитили, а жену и сестру убили. Непосредственными исполнителями были гирканцы, но Шанара утверждала, что ими руководил кто-то из знатных немедийцев, кто завидовал героизму ее отца иуважению, которым тот пользовался у народа, верившего в него как в единственного, кто способен остановить наступление пиктов. Она намекала, что ей известно имя преступника.

— А что было после того, как вас схватили? — спросил я.

Гирканцы направлялись в сторону восточной границы. Они не говорили своим пленникам, куда идут; впрочем, они все равно не достигли места своего назначения. По дороге они наткнулись на большой отряд странствовавших пиктов. Пикты убили большую часть гирканцев, а уцелевших вместе с пленниками загнали в густой, непроходимый лес. Гирканцы долго

путешествовали, пока наконец не попытались вновь двинуться на юг, но сбились с пути.

Подробности ее рассказа — описания всевозможных интриг — ставили меня в тупик, но суть его была достаточно ясна, и вскоре я утратил к нему интерес. Я вышел наружу. Дрожащие мальчишки почти не прикоснулись к еде.

— Вы, немедийцы, не страдаете излишним аппетитом. Заходите, — сказал я и показал в сторону входа. Они с трудом встали и, спотыкаясь, вошли внутрь. Увидев свою сестру, старший мальчик попытался броситься на меня, но веревка удержала его.

— Боги! Ты... ты... — его голос сорвался на крик.

— Все в порядке, Ташако, — сказала Шанара, заговорщики глядя на меня. Я не смог понять значения ее взгляда.

Ташако завопил:

— Тебя, леди Шанару из Джелы, изнасиловал этот зверь! И ты говоришь, что все в порядке! Даже гирканцы не посмели сделать то, что сделал он. Все твои надежды на замужество...

Она улыбнулась:

— Все мои надежды умерли в то мгновение, когда гирканцы схватили нас и убили мать и тетку. Этот полузверь спас нам жизнь.

— Теперь она моя жена, — сказал я, чтобы успокоить его.

Ташако уставился на меня. У него зуб на зуб не попадал от холода. Я понял, что немедийцы не так выносливы, как рожденные среди снежных просторов, и предложил мальчикам мои волчьи шкуры, и они как бы нехотя взяли их.

— Шанара говорит, что вашей стране досаждают пикты, что только ваш отец сражается с ними, — проговорил я.

— Да, — ответил мальчик. — Он и его воины. Наш дядя, Ушилон, ненавидит отца, потому что он наверняка станет королем после смерти регента. Регент

стар, но он правил вместо четырех королей: они родились безмозглыми. Последний из них умер, не оставив потомства, за три недели до того, как нас похитили. Именно из-за этого нас и похитили. Они хотели заставить отца отказаться от прав на престол, — ведь народ предпочитает отца его брату.

— И пока соперники строили заговоры, на вашу страну напали враги, — сказал я.

Ташако кивнул.

— Ты поможешь нам, вместе со своими воинами, прогнать пиктов? — спросил маленький Яшати.

Я рассмеялся:

— Зачем? Ведь нам пикты не враги.

— Я надеялась, — тихо сказала Шанара, — что ты... мой муж... послан богами нам в помощь.

И снова я испытал это странное чувство.

— Тебе заплатят, — сказал Ташако. — Золотом. Полог шатра откинулся, и появился Хъялмар.

— Забавляешься с детишками, Гор? — улыбнулся он. — Не думал, что ты можешь быть столь нежным — ты, убивший своих братьев и мать. А может, твоя игра не столь проста, а? Я слышал, здесь что-то говорили о золоте?

— Золото Немедии за войну с пиктами, — сказал я.

Хъялмар пожал плечами и, раскрыв ладонь, показал украшенную драгоценными камнями застежку.

— Я принес твою долю.

Я объяснил, кто эти дети и что они мне рассказали.

— Все равно мы движемся в ту сторону, — сказал я. — Мы не первые айсиры, кто нанимается на службу к южному правителью, забывшему, как нужно сражаться.

— И не первые, кого такая служба заставляла забыть об этом, — сказал Хъялмар. — Нам нужны победы, а не работа. — Однако он не отрывал взгляда от золота. — Потому ты и сохранил им жизнь, а?

Я не стал разубеждать его.

— Отец будет рад нашему возвращению, — чесчур горячо сказал Ташако, — и хорошо заплатит.

- У него есть еще? — Хъялмар показал застежку.
- Это сокровища, которые гирканцы украли из нашего дома, — сказала Шанара, глядя в пол.
- Целые ящики. Целые сундуки, — сказал Ташако.
- Целые комнаты, — добавил Яшати. — Целые дворцы.
- Думаю, ты лжешь, — усмехнулся Хъялмар.
- Он преувеличивает, — сказала Шанара, — но не слишком. Мой отец считается самым богатым человеком в Немедии. Вот почему он может вести такую большую армию на борьбу с пиктами.
- Вашему народу платят за то, что он сражается? — удивился я.
- Иначе они не станут воевать — по крайней мере, большинство, — язвительно заметил Ташако. — Рядом с нами сражаются и воины из других стран, но их мало, и среди них нет таких воинов, как ваши.
- Айсирским воинам нет равных, — сказал Хъялмар как нечто само собой разумеющееся. Он взвесил золото на ладони, затем быстрым движением передал его мне и, уже выходя из шатра, сказал: — Может быть, когда-нибудь мы возьмем вас с собой в Немедию.
- Девушка не отрывала глаз от золотой застежки, но она глядела совсем не так, как до этого Хъялмар. В глазах ее таилась грусть.
- Это твое? — спросил я.
- Моей матери. Эту застежку сорвали с ее плаща, когда она умирала...
- Я положил застежку в руку девушки.
- Мне она не нужна, — сказал я.
- Похоже, варвар, мы перед тобой в долгу, — мрачно проговорил Ташако, многозначительно посмотрев на сестру. — Однако хочу тебе напомнить, что и ты нам кое-что должен.
- Похоже, немедийцы считали, что девственность их женщин чего-то стоит.
- Ташако, не надо, — сказал младший брат. — Он запросто может тебя убить.

Я улыбнулся:

— Хватит с меня тех родственников, которых я уже успел убить.

— Родственников? Мы не родственники! — Ташако был явно сбит с толку.

— С сегодняшнего дня вы — мои родственники, и потому находитесь под моей защитой. Или вы не братья моей жены? Мы создадим свое племя внутри более крупного. И кто знает, может быть, со временем, когда Шанара родит мне сыновей и вы тоже станете отцами, мы станем полностью самостоятельным племенем.

Никогда прежде я не замечал за собой такой сентиментальности.

Ташако что-то пробурчал, но я не расслышал его слов.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ ИЗМЕНА В БЕЛЬВЕРУСЕ

— Итак, о принц-регент, вот мой совет: немедленно изгоните эту банду варваров из нашего королевства!

Эти громкие слова вырвали меня из глубокой задумчивости. В разукрашенном логове, именуемом «дворцом», я сильнее обычного ощущал себя волком... к тому же волком, угодившим в ловушку. Живя среди айсиров, я и представить себе не мог более прочного жилища, чем шатер из конских шкур. Теперь же я стоял посреди приемной залы принца-регента Немедии, в городе под названием Бельверус. Город... Никогда прежде мне не приходилось видеть в одном месте столько людей, кишащих, словно черви на падали! Если бы рядом со мной не было моей супруги Шанары, моего брата по оружию Хъялмара и других айсирских вождей, я бы уже давно умчался обратно в северные леса.

Говорил Ушилон, дядя Шанары. Он был очень толстым, а одежды на нем было столько, что хватило

бы по крайней мере на два айсирских походных шатра. Ушилон обращался к дряхлому старику, сидевшему в каменном кресле, выложенном искрящимися зелеными, красными и белыми кристаллами, которые Шанарап называла «драгоценными камнями». Позади кресла висело огромное знамя, на котором был изображен красный дракон — символ Немедии. По бокам кресла стояли сиденья поменьше — для тех, кого Шанарап называла «послами» Кофа, Зингары, Аргоса, Офира, Шема, Аквилонии... Мне эти имена ни о чем не говорили.

Я смеялся, когда Шанарап говорила, что вожак большой немедийской человечьей стаи так стар, что едва может передвигаться без посторонней помощи. Однако сейчас он сидел передо мной — трясущийся, с бессмысленным взглядом, истекающий слюной, словно щенок. Куда разумнее обычай волков — у них правят самые сильные, а не старцы!

— Страна уже полна беженцами из других хайборийских земель, захваченных пиктами, — продолжал Ушилон. — Даже ненавистные аквилонцы сбежались сюда от угрозы, которой они не в состоянии противостоять. Стоит ли открывать ворота для новых предателей? Да эти айсиры сами варвары, они ничем не лучше грязных пиктов!

— Вы забываете, что величайший правитель в нашей истории, не раз побеждавший вас, немедийцев, был варваром из Киммерии, — возразил посол Аквилонии. — И пикты вели бы себя куда тише, если бы не проповеди одного из немедийских жрецов...

— Ради Митры, придержи язык, Кай Валконн! Лишь благодаря доброй воле принца-регента вам, не отесанным аквилонцам, позволено жить в Немедии. — Круглое лицо Ушилона покраснело.

— А также благодаря тому, что они добавили к нашей армии три тысячи мечей, — раздался новый голос. В противоположность Ушилоу, говоривший был высок, широкоплеч и строен, с серебристо-серыми

волосами и бородой, в помятых боевых доспехах. Это был Гарак, отец Шанары, Ташако и Яшати, а теперь и мой отец... или «тесть». Еще один бессмысленный, загадочный обычай этой «цивилизации».

— Нам нужны любые воины, Ушилон, — продолжал Гарак. — А эти айсиры доказали свою отвагу: пробившись через северные рубежи пиктов в старом Пограничном Королевстве, они вернули мне моих детей. Старый король Горм отрубил бы тебе голову, услышав подобное! Взгляни на нас! Мы последнее из хайборийских королевств, не опустошенное размалеванными дикарями и не стонущее под пятой гирканцев. И ты хочешь отказаться от новых воинов? Да, они требуют платы за свои услуги. Но разве ты не предпочтель потратить немедийское золото тому, чтобы проливать немедийскую кровь?

— Именно немедийская кровь меня и заботит, дорогой брат, — ответил Ушилон. — Ты хочешь, чтобы наш доблестный и благородный народ был уничтожен, смешавшись с теми, кто слишком слаб, чтобы сопротивляться пиктам? Должны ли мы, последний оплот хайборийских цивилизаций, превратиться в жалкую помесь с этими низкопородными? Но, может быть, ты, дорогой брат, и в самом деле предпочитаешь смешанные браки... Конечно, ведь твоя дочь заявляет, будто она замужем за этим неотесанным волосатым полузверем!

Моя рука метнулась к рукояти меча Делрина, и я прорычал, подобно волку:

— Хочешь попробовать отобрать мою жену, толстяк? Давай — один на один, клык против клыка...

Поднялся страшный шум, и я почувствовал, как на мои плечи легли две ладони. Одна была маленькой и мягкой — рука Шанары. Другая принадлежала Гарaku, который, прия в себя после первого потрясения, что его дочь стала моей, уже успел проникнуться ко мне симпатией.

— Спокойно, Гор, — сказал он. — Позволь мне самому разобраться.

— Времена меняются, Ушилон, — сказал он брату. — Если мы не сможем быстро приспособиться, нас раздавят волки с запада и стервятники с востока. Пусть лучше Шанара будет женой воина, подобного Гору, чем любого из этих глупых отпрысков мертвых династий, что толпятся при нашем дворе. Если тебя беспокоит его происхождение, я могу сделать его герцогом. И не говори мне о возможной измене. Джела, может быть, и недалеко от восточной границы, но гирканцы, похитившие моих детей и убившие их мать и тетку, наверняка не обошлись без чьей-то помощи...

— Ты смеешь обвинять меня в этом гнусном преступлении? — взревел Ушилон. — Да я...

— Закрой свой болтливый рот и послушай меня, — проговорил принц-регент. Взгляд старика прояснился, его голос звучал четко и твердо. На мгновение мне показалось, что я вижу его таким, каким он был много лет назад. — Вы, ребята, готовы вцепиться друг другу в глотку с тех пор, как достаточно подросли, чтобы драться из-за игрушек. Всю мою жизнь я видел одни только ссоры из-за этого несчастного трона, и меня уже тошнит. Наследование по отцовской линии, право на трон по матери, четверо придурков-наследников... Пожалуй, это королевство стало таким же дряхлым, как я. Пусть айсиры остаются, говорю я. Может быть, они смогут хоть что-нибудь у нас изменить.

Внезапно старику вернулся в прежнее состояние, корона съехала набок на его лысой голове. Однако его слово было законом; Гарак крепко сжал мою руку и сказал:

— Дело сделано. Мы найдем жилье для твоих людей, а вам с Шанарой мы можем предоставить апартаменты, специально выделенные во дворце для правителей Джела. Сам я всегда ночую в казарме вместе со своими воинами.

— А я со своими, — сказал Хъялмар. — Они обрадуются, узнав, что за сражение с пиктами получат еще золота. Твоя награда за то, что мы вернули твоих детей,

достаточно щедра, и сумма, которую ты предложил за службу под твоим знаменем, наверняка удовлетворит их.

Хъялмар взглянул на меня:

— А ты, Брат-Волк... почему ты отказываешься от своей доли? Ты заслужил ее! Немало пиктских черепов треснуло под твоим мечом в том сражении!

— Что мне делать с желтым металлом? — прорычал я. — У меня есть подруга, которая родит мне щенков, и добыча, которую я могу убивать. Что еще нужно волку?

Хъялмар рассмеялся, однако Гарак не смог скрыть растерянности. По настоянию Шанары ему рассказали о моем происхождении и первых действиях. Гарак озадаченно смотрел на меня вслед, когда Шанара взяла меня за руку и повела туда, где мне предстояло провести первую в моей жизни ночь под каменной крышей.

Когда мы покидали приемную залу, мой проницательный волчий взгляд заметил злость на лице Ушилона. Кроме того, я видел, что Ташако, старший брат Шанары, о чем-то горячо заговорил со своим дядей.

Мы с Шанарой лежали на устланном шелками ложе, столь широком, что оно не поместилось бы даже в большом айсирском шатре. Близость Шанары заставила меня забыть об инстинктивном страхе замкнутого пространства, преследовавшем меня с тех пор, как я попал в Бельверус. То, что казалось айсарам роскошным жильем, мне больше напоминало клетку.

За время долгого пути с юга Нордхейма до Немедии Шанара перестала меня бояться, хотя Яшати все еще смотрел на меня с благоговейным трепетом, а Ташако так просто ненавидел. Постепенно Шанара начала понимать, как именно волк любит свою подругу. К большому неудовольствию Ташако, гордая принцесса отвечала мне взаимностью.

Столь несвойственные мне чувства вызывали у айсиров насмешки в мой адрес. Несколько разбитых голов вскоре убедили их в том, что я все тот же Гор и меня по-прежнему стоит бояться.

Еще до того, как мы пришли в Бельверус, Шанара пыталась причесать и отмыть меня до приемлемого для Гарака уровня. Ради нее я уступил, хотя ее бесконечные «можно» и «нельзя» казались мне лишенными всякого смысла. Однако она не пыталась изменить моих привычек зверя-самца. Я был ее «большим серым волком», и она завывала и взвизгивала от удовольствия, которое могла познать лишь человеческая женщина и которое недоступно ни одной волчице. Я улыбался, представляя, что думают стоящие за нашей дверью стражники, слыша ее крики и мой сладострастный рык...

Шанара прильнула ко мне, и я погладил ее податливое тело. В свете факелов ее обнаженная кожа казалась такой же белой, как у Ледяной Богини — Итиллин. При мысли об этом проклятом имени я сел на кровати, словно потревоженный зверь.

— Что тебя беспокоит, мой волк? — сонно проговорила Шанара.

— Ничего, — проворчал я. Я никогда не рассказывал ей ни об Итиллин, ни о чудовищном проклятии и пророчестве. Что могла знать изнеженная девочка о севере и его жестоких холодных богах?

— Мне будет не хватать тебя, когда ты отпрашившись вместе с отцом сражаться с пиктами, — сказала она.

— Не волнуйся. Этих дьяволов, может быть, и нелегко убить, но мы прогоним их обратно в... Аквитанию?

Шанара рассмеялась, и ее голос прозвучал словно перезвон крошечных колокольчиков.

— Нет, дурачок, в Аквилюнию, — поправила она. — Давай спать. Тебе нужно быть готовым к завтрашнему военному совету вместе с Хьялмаром и моим отцом.

— Волк всегда готов, — сказал я и погрузился в бес покойный сон.

Снова в моих ушах поплыла звенящая мелодия миллионов крошечных ледяных кристалликов. Снова перед моими глазами в ореоле северного сияния

возникла Итиллин, богиня снегов и льда. Снова она смотрела на меня глазами, подобными осколкам льда, сверкавшим на холодном, нечеловечески прекрасном лице.

— Итак, Братоубийца, ты полагаешь, что за стенами Бельверуса ты в безопасности? Думаешь, тебе удастся избежать проклятия Итиллин? Подумай еще, смертный! Подумай, ибо боги Севера уготовили тебе иную судьбу...

Мне хотелось вцепиться ей в горло, но, в отличие от предыдущего сновидения, я не мог ни пошевелиться, ни говорить. Внезапно Ледяная Богиня исчезла, и лишь эхо ее смеха продолжало раздаваться вокруг. Вдруг мне стало холодно, словно неведомая сила швырнула меня в ледяной водопад. Открыв глаза, я обнаружил, что я уже не в спальне правителей Джелы и что со мной рядом больше нет Шанары.

Я находился в каком-то большом коридоре, вдоль стен которого тянулись ряды колонн, напоминавшие каменный лес. Я стоял в неуклюжей позе, опираясь спиной о камень, а мои руки были связаны позади колонны. Смортнув капли воды с глаз, я увидел, что очутился в этом странном месте не один.

Шанара все-таки была рядом. Ее золотистые волосы взлохмачены, в голубых глазах — страх и замешательство. Кто-то позаботился о том, чтобы прикрыть ее наготу, надев на нее длинную атласную накидку, но не подумал и мне оказать такую услугу. Впрочем, меня это не беспокоило; густые волосы на моем теле достаточно защищали меня.

Был здесь и Ушилон. Он смотрел на меня, как дикая кошка, приготовившаяся сожрать пойманного воробья. Он то перебирал лежавшие на его ладони драгоценные четки, то поправлял пояс, стягивавший его объемистое брюхо.

Был здесь и Ташаço. Взгляд его горел такой ненавистью, на какую способны лишь дети его возраста. Он явно был доволен происходящим.

Кроме того, в коридоре находилось около дюжины немедийских дворцовых стражников, вооруженных копьями и мечами. Поодаль от остальных стоял темнокожий незнакомец неизвестной мне расы, в черной, как ночь, мантии с длинными рукавами и с гладко выбритой, словно коричневое яйцо, головой.

Мне хватило одного взгляда, чтобы увидеть всех сразу. Однако внимание мое было приковано к рыжебородому гиганту, стоявшему передо мной. В огромных руках он сжимал ведро с водой, с которого все еще падали капли. Это был Тостиг Зверобой, один из ванниров, присоединившихся к племени Хьялмара после того, как мы захватили главное стойбище его народа.

— Почему ты предал меня, Тостиг? — спокойно спросил я.

— Предал? — повторил ванир с безумным блеском в глазах. — Предал? Проклятый зверь, ты не знаешь, как долго я ждал этого момента! Хотя вряд ли ты мог догадаться, что я сын Хенгиста Железной Руки, брата твоего отца Делрина! О Имир! И я еще вынужден называться твоим родственником! Ах ты проклятый пес, убийца собственной матери!

Обезумевший великан с размаху ударил меня ладонью по лицу. Моя голова ударила о колонну, и я плюнул кровью ему в глаза. Зарычав, как бешеный зверь, Тостиг занес ногу, метя мне в пах. Однако моя нога оказалась проворнее. Хватаясь за свое покалеченное мужское достоинство, Тостиг со стоном осел на пол. Я рассмеялся, когда двое немедийцев оттащили его подальше от моих ног.

— Хорошо, что этот неотесанный ванир не добился своего, — сказал темнокожий незнакомец.

— Не согласен с тобой, Ментуменен, но пусть будет так, как ты пожелаешь, — сказал Ушилон. — Ты последний из великих чародеев Стигии, именно поэтому мое золото помогает оплачивать войну твоей страны против Черных Королевств. Однако я не могу понять, почему тебе так важно, чтобы этот зверь остался жив.

— Такова воля Сета,— загадочно произнес Ментуменен.— Благодаря могуществу, данному мне Сетом, моим людям не составило труда подсыпать сонного зелья в вино, которым наслаждались эти двое, прежде чем... уединиться. Не менее легко моим людям будет подстроить смерть Гарака и обвинить в ней айсиров. А что касается смерти принца-регента... это проще простого, поскольку душа старика едва держится в его древнем теле.

— Великолепно, мой друг чародей, великолепно,— елейным голосом произнес Ушилон. Затем, повернувшись ко мне, он широко улыбнулся: — Итак, полузверь, мы встретились «клык против клыка», и теперь всем ясно, что мои клыки намного превосходят твои. Вскоре я стану королем Немедии, а Ташако моим наследником, поскольку у меня нет собственных сыновей. Затем я смогу обеспечить моей стране надлежащее будущее.

— И какое же это будущее? — спросил я, незаметно проверяя прочность своих пут. Веревки были крепкими, но я тоже.

— Какой любопытный дикарь,— задумчиво произнес Ушилон.— Что ж, пусть твои невежественные уши услышат о моих планах. Я начну с того, что избавлю Немедию от чужеземного сброва, которым кишат улицы наших городов. «Маленький Коф», «Маленький Аргос», «Маленькая Аквилония» — всем обитателям этих крысиных гнезд будет предложено либо покинуть Немедию, либо подожнуть на улицах. Твои айсиры станут первыми. Тостиг об этом позаботится. Он не питает любви к твоим товарищам.

Затем я заключу мир со старым Гормом, что будет достаточно просто: отдам ему на разграбление несколько захудальных западных провинций. Наконец мы заключим союз с гирканцами. Объединенными усилиями мы сможем изгнать пиктов в их леса, за Черную Реку. Я уже пообещал выдать Шанару за Ага Джунгаса из Турана, скрепив тем самым нашу тайную сдел-

ку. Именно туда везли ее и мальчиков, прежде чем ты вместе со своими друзьями-дикарями прервал их путешествие.

— Ты не можешь выдать меня за какого-то восточного эмира! — воскликнула Шанара. — Я жена Гора.

— В самом деле, моя дорогая? Разве жрец Митры произнес Слова Единения над вашими помазанными благовониями головами?

Шанара наклонила голову и прикусила губу. Она знала, что официальная церемония немедийского бракосочетания не совершилась над нами. Мы были мужем и женой лишь потому, что так сказал я. И Ташако знал об этом не хуже нас.

Внезапно Шанара топнула ногой и вызывающе взглянула на дядю.

— Ты страшный человек, дядя Ушилон. Ты готов продаться с потрохами гирканцам, которые, как всем известно, относятся к своим женщинам хуже, чем к рабам. Ты готов предать собственный народ, вступая в сговор с нашими заклятыми врагами. Ты оскверняешь священный лик Митры, пользуясь услугами поклонников Сета! Дядя ты мне или нет, но ты не человек. Ты — свинья!

Покраснев от ярости, Ушилон размахнулся и ударили Шанару по лицу жирной рукой в золотых кольцах. Вскрикнув, девушка упала.

— Ах ты маленькая блудница! Ты не смеешь со мной так разговаривать. Да я...

Но он не договорил. Ибо, когда рука Ушилона ударила мою супругу, я превратился в волка, и мерзявец понял, почему айсиры называли меня Гором Сильным. Самый отважный человек времен Джеймса Эллисона побледнел бы перед моим звериным бешенством.

Зарычав так, что немедийцы замерли от страха, я изо всех сил рванул связывавшие меня веревки. Они лопнули, и я оказался на свободе! Отшвырнув стражников, словно набитых перьями кукол, я прыгнул к Ушилону, отчаянно пытавшемуся нашарить на поясе

кинжал. С моей, волчьей, точки зрения, его движения казались до невозможности медленными. Я обрушился на него еще до того, как он успел вытащить нож, и повалил Ушилона на пол, подобно моим серым братьям, заваливающим беременную олениху. Он завопил, как женщина, когда мои зубы вонзились в его мясистое горло. Его пальцы вцепились в мое лицо, но я обращал на его слабые попытки внимания не больше, чем волчица-мать на укусы щенков.

Услышав крик Ментуменена, что я нужен ему живым, стражники вышли из оцепенения и начали бить меня тупыми концами копий по голове. В глазах у меня помутилось, но я успел ощутить вкус горячей соленой крови Ушилона во рту. Последним, что я слышал, прежде чем тьма сомкнулась надо мной, был голос Шанары, выкрикивавшей мое имя, пронзительные вопли ее дяди и зловещий смех Ментуменена из Стигии...

Когда я пришел в себя, в моей голове пульсировалась боль — казалось, кузнечный молот бьет о наковальню черепа. И хотя глаза мои были открыты, кроме сплошной черноты, я ничего не видел. На мгновение меня охватила присущая человеку паника. Неужели враги ослепили меня? Но верх взяло хладнокровие волка, и мои глаза постепенно привыкли к полумраку моей тюрьмы.

Ибо я действительно очнулся в тюрьме, и в тюрьме весьма тесной. Я лежал скрючившись на полу и не мог пошевелить конечностями без того, чтобы не наткнуться на податливые стены. Стены? Нос подсказал мне, что они сделаны из кожи. Слабый свет сочился сквозь три ряда стежков, тянувшихся сверху донизу. Снаружи явно еще была ночь. Короче говоря, меня, Гора Сильного, упаковали в некое подобие гигантского кожаного мешка. Унизительность моего положения приводила меня в ярость, и я уже был готов вырваться из своей тюрьмы одним могучим движением.

Но тут я понял еще кое-что: подо мной не было ни земли, ни пола и кожаный мешок ни на что не опи-

рался... К тому же он двигался! Сквозь швы я ощущал порывы холодного свистящего ветра. И я слышал хлопанье могучих крыльев над головой...

Мною овладел настоящий страх, присущий и человеку, и зверю... страх перед неизвестностью. Я не знал ни одной птицы, которая могла бы поднять в небо человека моих размеров с той легкостью, с какой сова уносит лесную мышь. Я не мог представить себе обладателя столь чудовищных крыльев. Забыв о неудобствах своего положения, я начал терпеливо ждать, подобно затаившемуся зверю. Рано или поздно это удивительное путешествие должно было закончиться. Я лишь надеялся, что оно закончится не тем, что меня сбросят с невероятной высоты на землю. Я гадал, удалось ли мне загрызть Ушилона до того, как копья стражников лишили меня чувств.

Хотя я не знал, как долго продолжался полет, свет, сочившийся сквозь швы, становился все ярче и ярче. Я мог судить о том, что полет близится к завершению, слыша, как стихает хлопанье крыльев и как ослабевает ледяной ветер. Внезапно я со всего размаху грохнулся о землю.

Несмотря на сведенные судорогой мышцы, я начал вырываться из своей кожаной тюрьмы. Мне хотелось увидеть обладателя гигантских крыльев. Я изо всех сил напряг руки и ноги, разорвал швы, и мешок распался на три части.

Моргая от неожиданно яркого солнечного света, я посмотрел вверх... и глухо зарычал. Менее чем в дюжине футов над моей головой парило гигантское черное создание — не летучая мышь и не птица, хотя чем-то оно походило на них обоих. Размах кожистых крыльев составлял футов сорок, а поднимаемый их медленными движениями ветер бил мне в лицо и вздымал вокруг водовороты снежной пыли.

Мне вдруг показалось, что перед тем, как все убыстряющиеся взмахи крыльев унесли тварь в небо и она превратилась в едва заметную черную точку, в глазах

ее мелькнула насмешка. И глаза эти вдруг напомнили мне глаза стигийского чародея. Или это была лишь игра снежинок на фоне пасмурного неба? Не знаю.

Не тратя время на лишние раздумья, я потянулся, разминая затекшие суставы, и попытался определить, где же сбросила меня летучая тварь. Окинув взглядом незнакомую местность, я понял, что нахожусь к северу от Немедии. Снег здесь был глубже, лес гуще, а ветер, обдувавший мою обнаженную кожу, таким же холодным, как и ветры, знакомые мне с детства.

Итак, путь мой лежал на юг. Однако я не знал, как велико расстояние, отделяющее меня от Немедии. Я мог оказаться и совсем далеко в Асгарде, и в Ванахейме, или даже в Киммерии... или совсем близко, в краях, именуемых Пограничные Королевства. Однако я поклялся, что, даже если я очутился в обители самих Морозных Исполинов, я вернусь в Бельверус и выясню, что стало с Шанарой. Если с ней хоть что-то случилось... Я весь затрясся, одержимый жаждой крови.

Из-за деревьев неподалеку донеслись какие-то звуки: вой волка и рычание снежной рыси. Волк, видимо, был один, поскольку ни одна рысь не посмела бы связываться со стаей.

Я колебался... затем вприпрыжку помчался туда, где происходила схватка. Я быстро и ловко, как в юности, скользил среди деревьев и вскоре оказался возле поляны, где шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Обычно поединок рыси с одиноким волком идет на равных. Однако этот волк был со свалявшейся шерстью, старый и слабый. Мой нос подсказал мне, что это самка. И в запахе ее было что-то еще, почти неуловимое. Когти рыси разорвали живот волчицы, и ее внутренности вывалились на снег.

Я зарычал и ворвался на поляну. Рысь подняла голову и отскочила в сторону. Она явно растерялась: вероятно, прежде на нее никогда не нападал голый невооруженный человек. Недовольно ворча, снежнобелая кошка присела на длинные задние лапы и прыг-

нула, целясь мне в горло. Однако, изогнувшись, я уклонился от смертоносных когтей и щелкающих клыков. Когда рысь была еще в воздухе, я схватил ее за загривок, бросил на землю и упал на нее сверху. Яростно рыча, рысь пыталась освободиться, но мои ноги удерживали ее, а руки медленно сжимали ее горло.

Кошка была мускулистой и сильной. Ей почти удалось перевернуться, едва не распоров мне живот, но тут я нечеловеческим усилием наконец сломал ей шею. Тяжело дыша, я поднялся и, отшвырнув труп рыси в сторону, подошел к умирающей волчице.

Несмотря на то что она была облезлой и дряхлой и ее внутренности расползлись по покрасневшему снегу, я узнал ее. Ее тускнеющие глаза тоже узнали меня. Короткий стон вырвался из ее горла, язык слабо лизнул мою руку, и она умерла.

Это была та самая волчица, которая кормила меня, пока я не стал достаточно сильным, чтобы бегать вместе со стаей. Моей настоящей матерью была именно эта волчица, а вовсе не ванирская сука, обрекшая меня на смерть через несколько мгновений после моего рождения. Однако я не стал оплакивать безымянную волчицу так, как это делают люди,— с рыданиями и причитаниями, странными ритуальными словами, предназначенными для уже ничего не слышащих ушей. Слезы застыли у меня в глазах, когда я насыпал груду камней над ее телом.

Закончив, я присел и издал долгий, протяжный вой. Было ли случившееся ответом Сета Ледяным Богам, желавшим, чтобы я сражался на их стороне? Не был ли я лишь игрушкой, которую швыряли друг другу боги Севера и Юга, движимые неведомыми мне капризами?

Нет! Я был Гором Сильным! Я поклялся именем тех, кому мог бы поклоняться волк: так же, как я убил Раки Быстрого, Сигизмунда Медведя, Обри Хитрого, Элвина Молчаливого и Гудрун Златокудрую, я убью Ушилона, Тостига Зверобоя, мальчишку Ташако, а в первую очередь — Ментуменена Стигийца. Но лишь

черная магия могла объяснить, почему летучая тварь сбросила меня именно здесь и именно сейчас...

Кроме того, смерть ждала каждого пикта и гирканца, до которых я мог бы добраться. Это они были причиной непомерного тщеславия Ушилона. От «цивилизованности», приобретенной мной усилиями Шанары, не осталось и следа. Я снова был жаждавшим мести волком, кровожадным орудием смерти, направленным прямо в сердце моих ненавистных врагов!

В течение недели я блуждал по незнакомой местности, ведя жизнь дикого зверя. Я охотился на зайцев и выкапывал сусликов из полузамерзших нор. Однажды мне удалось полакомиться барсуком — я разбил ему череп камнем. Камни и дубинка из тяжелого сугна были единственным, что отличало меня от настоящего зверя; во всем остальном я был двуногим хищником. Я знал, что двигаюсь на юг, но не знал, как далеко мне удалось пройти.

Однажды, услышав рычание волков и крики людей, я поспешил на шум. Хотя меня мало волновало общество людей или волков, люди, по крайней мере, могли сказать мне, где я нахожусь, или попытаться убить меня... Если я намеревался привести свою месть в исполнение, я должен был рискнуть.

Подняв дубинку, я помчался по снегу, надеясь добраться до людей, прежде чем их всех загрызут волки. На этот раз я был вынужден сражаться против своих серых братьев, а не вместе с ними...

Наконец я выскоцил на заснеженную равнину, по сторонам которой росли сосны и ели, и вновь стал свидетелем отчаянной схватки. На этот раз она не имела ничего общего с прежними, ибо люди и волки не сражались друг с другом. Они охотились вместе, и добычей их был громадный лось.

Во времена Гора подобные монстры уже были редкостью. Во времена Джеймса Эллисона они уже давно вымерли. Зверь, рывший копытом снег и выдыхавший из ноздрей густые клубы пара, был не менее

настоящим, чем стекавшая по его лохматой шкуре кровь. Из его боков торчали три копья, но лось, казалось, даже не замечал этого.

Лось — вдвое больше оленя-самца — казался гигантом. Его массивные ветвистые рога были покрыты алыми пятнами, поскольку лось успел взять с преследователей свою кровавую дань, прежде чем его окончательно загнали.

Утоптанный снег вокруг был красным от свежей крови.

Волки принадлежали к той же поджарой серой породе, что и те, с которыми я бегал в детстве. Их было пятеро, и они изматывали лося, кусая его за нос и за бока. Людей было семеро — стройные мускулистые гиганты, голые, как и я, но их жилистые тела были покрыты густым белым мехом. Белые бороды окутывали их зверские лица, а белые волосы были спутаны и грязны. Оружием им служили копья с каменными наконечниками и каменные ножи. У некоторых были слегка кривые ноги, подобно моей левой ноге. Люди и волки охотились не как хозяева и домашние животные, а как равные члены одной стаи. Вот так когда-то я охотился вместе со своими братьями.

Охотники осторожно окружали добычу, вонзая в нее копья. Они ждали, когда лось ослабеет, чтобы поразить жизненно важные органы. Троек мертвых людей и два мертвых волка научили их, что атаковать слишком рано — чересчур опасно.

Однако осторожность не в правилах Гора Сильного. Я знал, как быстро завершить охоту. Подкравшись к охотникам и их добыче столь тихо, что ни человек, ни зверь не догадались о моем присутствии, я метнулся прямо к голове лося и изо всех сил обрушил дубинку между его глаз. Затем я отскочил, избегая рогов, удар которых мог проломить мою грудную клетку, словно тонкую доску.

От удара моя дубинка раскололась, но череп лося выдержал. Однако зверь был на мгновение оглушен.

Все, что оставалось сделать охотникам,— вонзить копья глубоко в его могучее сердце. Едва лось упал в предсмертных судорогах, волки тут же набросились на него.

Я смотрел на приближавшихся ко мне охотников: серые глаза на их бледных полуобезьяниных лицах разглядывали меня с подозрением.

Как Джеймс Эллисон я знаю, что их племя было последним из древних обезьянолюдей Арктики, потомками которых стали айсиры и ваниры, чьи наследственные черты проявлялись каждые семь поколений среди народов Нордхейма. Человек дал этим полузверям много имен. Некоторые из них до сих пор остались в истории: Ме-те, Йе-те, Ми-Го... Невежественные антропологи времен Джеймса Эллисона назовут их ископаемые фрагменты Гейдельбергским человеком.

Они были братья волкам и заключили первый пакт между человечеством и волчьим родом много веков назад. В тот давний день в ледяной пустыне возле лагеря Делрина Отважного волки Ванахейма почувствовали во мне эту древнюю связь. Как удалось этому маленькому племени обезьянолюдей выжить так далеко от их родины — мне неизвестно ни как Джеймсу Эллисону, ни как Гору Сильному. Впрочем, как Гора Сильного, меня это и не интересовало. Я лишь рассмеялся лающим волчьим смехом и вспомнил слова Итиллин:

«Никогда ты, наполовину человек и наполовину зверь, не найдешь мира ни в волчьей стае, ни среди человеческого рода...»

Ледяная ведьма солгала! Ибо я нашел свой народ.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ НЕМЕДИЙЦЫ

Итиллин оказалась права. Они не были моим народом, они даже не принадлежали к роду человеческому, хотя мне потребовался месяц, чтобы понять это.

Целый месяц среди искрящегося снега и пурпурно-голубых теней, под лучами холодного солнца, пылавшего ярким желто-белым пламенем, я пытался найти свое счастье. Целый месяц я пытался убедить себя — все с меньшим успехом, — что здесь я дома и счастлив. Бегая голышом среди больших занесенных снегом каменных глыб, похожих на гигантские погребальные курганы, среди отчаянно цепляющихся за жизнь лиственниц и удивительно зеленых елей, я пытался убедить себя, что это и есть настоящая жизнь и что здесь мое место — среди людей, которые на самом деле не люди, а звери, которые на самом деле все-таки не звери.

Однако Итиллин не солгала. Да, она была ведьмой, ледяной ведьмой, говорившей от имени самих Ледяных Богов, но она не лгала. Она знала. Она знала меня намного лучше, чем казалось мне самому.

Я тоже знал это, но пытался обмануть себя, ибо таков обычай людей, где бы они ни жили или умирали. Да, я человек, воспитанный зверями, но не зверь. Мы, люди, обманываем сами себя — по отдельности и целыми племенами, городами или нациями; мы обманываем наших женщин, наших животных и даже наших детей. Ибо существует ли хоть один отец, который не пытался бы убедить своих детей в собственной непогрешимости, даже в божественности?

Божественности. Да, мы даже богов пытаемся обмануть во всем, что касается нас: нашего поведения, нашего склада ума, чувства собственного достоинства. Удастся ли это нам?

Кто знает... А что такое бог? Кто ответит на этот вопрос?

Одни утверждают, что боги вездесущи и мы их совершенно не заботим, что для них мы — жуки, ко-пошающиеся в навозе у их могучих ног. Другие говорят, что боги создали нас по своему образу и подобию ради собственного удовольствия. Если так, то они должны чрезвычайно гордиться своей жестокостью и остротумием!

В Бельверусе я слышал, как один человек кричал на улице всем, кто хотел его услышать, что богов по своему образу и подобию создали сами люди, а не наоборот. Одни слушали с интересом. Другие улыбались и шли дальше по своим делам. А третий приходили в ярость и старались, чтобы оратор замолчал, да еще и потерял при этом несколько зубов, — это были жрецы, служители богов. Никто не знает, ревнивы ли боги, но жрецам в этом не откажешь, и потому они готовы заткнуть рот любому, кто прославляет иные божества, даже не останавливаясь перед тем, чтобы убить вольнодумца, его жену и его детей.

Никакой бог не создавал меня по своему образу и подобию. А если и был такой, я о нем никогда не слышал. Сам я тоже не создавал божеств по своему образу и подобию, ибо никто, подобно мне, не становился из младенца зверем, из зверя — человекозверем, а затем из человека — опять зверем...

Нет. В мире не было ни богов, ни людей, подобных мне.

Теперь вам понятно, что творилось в моих мыслях все это время? Я пытался разрешить неразрешимое весь месяц, который провел среди Ми-Го — ибо так они называли сами себя, хотя люди высокомерно называли их Иети, а поскольку люди пережили их, осталось только это имя.

Хотя кто знает, в самом ли деле мысли мои были тогда заняты подобными проблемами? Возможно, я столь разумно рассуждаю лишь теперь, будучи Джеймсом Эллисоном, в двадцатом веке, в своей нынешней жизни. Ибо я жил множество раз до того и буду жить впредь, снова и снова, и, возможно, однажды я вспомню Джеймса Эллисона, так же как сейчас вспоминаю несчастное одинокое существо, не человека и не зверя, который был мною, Гором, и его страдания в тот год, когда он стал взрослым.

Да, я действительно стал взрослым. До этого я был лишь зверем, радующимся жизни. Я жил сегодняшним

днем ради того, чтобы набить брюхо, я был одержим одной мыслью, мыслью о мести. И мщение мое свершилось. Я сам сделал себя сиротой среди людей, у которого не было ни единой родной души. А теперь рысь сделала меня сиротой среди зверей.

Ища близости и удовлетворения, я, словно дикарь, изнасиловал Шанару. А потом решил и объявил: она будет моей! Моей! Я уже говорил о высокомерии человечества? Моя принадлежность к нему обеспечена. У меня есть супруга!

А почему бы мне не завести и жену-волчицу — мне, которого люди звали Сильным, волки — Безволосым (хотя это не совсем так), а Ми-Го — короткошерстным, Гл'да? (Они имели в виду волосы на моем теле, которые люди уподобляли звериной шерсти...) Почему бы тебе, Гор, не найти себе симпатичную, чувственную волчицу — стройную, гладкую и ищущую близости? Помнишь ту, что пришла к тебе в тот день, когда снег сверкал на солнце, а небо было голубым, словно глаза Шанары? Молоденькую волчицу, отдавшуюся тому, кто, хоть и не походил на волка и пах не как волк, был тем не менее сильным зверем, от которого можно было ожидать защиты и хорошего потомства?

А почему бы и не... «женщину» Ми-Го?

Я попробовал с Клу'до из племени Ми-Го, но не мог думать ни о ком, кроме Шанары. Я закрыл глаза, но даже сквозь закрытые веки я видел Шанару. Кроме животных чувств, я не испытывал к этой самке ничего.

Было ли это доказательством того, что я не животное? Что я не принадлежу ни к волкам, которые были так добры ко мне и так понятливы, ни к Ми-Го, мех которых напоминал мягкий шелк?

Впрочем, Ми-Го знали, что такое чувства, и, как правило, каждый их самец оставался верен одной самке, той, что была у него первой. Вовсе не воспоминания о Шанаре отделяли меня от них, когда я лежал рядом с Клу'до.

Как волк я принадлежал к племени Ми-Го, которые были лишь более высокоразвитыми волками, они стояли выше четвероногих зверей, волчье благородство которых я всегда уважал. Но как Ми-Го, я...

Да. Я принадлежал к племени людей. И Итиллин не лгала.

Я не мог убедить обезьянолюдей присоединиться ко мне, последовать за мной, сражаться подобно людям с пиктами, захватившими Зингару, Аргос, Офир, большую часть Аквилонии и вгрызившимися в западные рубежи Немедии.

— Пикты наши враги — нет, — сказал мне Гл'ерф, вождь Ми-Го. — Не-ме-ди... Как ты сказал?

— Немедийцы.

— Немедийцы наши враги — нет. Они идти это место — они Ми-Го враги. Ми-Го идти то место — мы их враги. Много убивать. Мы оставаться это место, они оставаться то место, враги — нет. Убивать — нет. Это место — наша земля. То место — их земля. Сражаться за пищу — нет.

— Пикты пытаются украдь землю у немедийцев, — сказал я.

Гл'ерф посмотрел на меня, наморщил нос, почесал под левым коленом правой ногой, взъерошил густую седую гриву, посмотрел на меня и пожал плечами.

— Другие прийти место волка-брата, земля волка-брата — Ми-Го помочь. Другие прийти наша земля — волки-братья помочь. Пикты наш брат — нет. Пикты наш род — нет. Немедийцы наш брат или род — нет.

— Тогда я должен идти к ним, ибо я из их рода.

— Ты Ми-Го, Гл'да. Твои волосы только немного темнее и не так густы. Ты пришел к Ми-Го, мы братья тебе. Клу'до любит тебя — может родить тебе дитя.

В последнем я сомневался. Покачав головой, я вздохнул и покинул гостеприимных Ми-Го.

Спустившись с гор, я прошел пограничные владения короля Джарпуря без каких-либо происшествий, если не считать одной небольшой стычки, в ре-

зультате которой я достиг границ Немедии в одежде и с оружием: в синей шерстяной накидке, со щитом с зубцами по краям и слишком маленькой для моей крупной ладони ручкой, а также с неплохой секирой в форме серпа. Меня остановил патруль из шести немедийских солдат, и в их сопровождении я двинулся дальше. Секиру мне позволили оставить. Похоже, им казалось, что они меня «задержали» и что я под арестом. Я не стал никого разубеждать и воспринимал немедийских воинов как свой эскорт.

На расстоянии лиги от возвышавшихся впереди стен Бельверуса мы встретили группу вооруженных и богато одетых немедийских всадников. Среди них был Хъялмар. Я не стал ничего говорить о его наряде, но сам услышал множество удивленных возгласов по поводу того, что я жив. Я узнал, что старый монарх скончался (не с помощью ли стигийца?) и что в Бельверусе теперь правит Ушилон.

Вскоре Хъялмар и я оказались в просторном черно-красном павильоне, принадлежавшем Гараку, который был командующим немедийским войском, а заодно и моим тестем. Гарак встретил меня словами: «Гор... ты жив?», и я понял, что отец Шанары почти ничего не знал о событиях той предательской ночи месяц назад. Когда он сообщил, что ему рассказали, будто мы с его старшим сыном не на шутку поссорились из-за Шанары и что Ташако убил меня, я ошеломленно уставился на него.

— И ты в это поверил?

— Нет, — пожал плечами Гарак. — Но ты исчез, и я отправил свою дочь ради ее же безопасности на северо-восток. Мне не за что любить тебя, ванир. Я решил, что вы с Ташако и в самом деле повздорили и что тебя убили. Меня не волновало, как именно это произошло. Новый советник короля мне не по душе, хотя обычно я не обращаю внимания на этих странных зловещих стигийцев. Однако он умный человек, к тому же маг, и, когда он подтвердил слова короля и Ташако,

я не стал спорить.— Гарак пристально посмотрел мне в глаза.— Для меня это не имело большого значения, Гор из Ванахейма.

— Зато для меня имело! — перебил его Хьялмар. Гарак кивнул:

— Естественно. А также для тех айсирских и ванирских воинов, которых вы привели с собой. Я посвятил Хьялмара в некоторые детали командования армией, а также в тайны власти и могущества королевства, так что теперь он лучше понимает, что такое политика.

— Политика! Твоя дочь — моя жена, с ее и с моего добровольного согласия! И где она теперь?

— Отправлена в... безопасное место. Немедия все еще в осаде.

— Отправлена в Туран! — едва сдерживаясь, закричал я.— Старик, оскверняющий своим присутствием трон твоей страны, продал ее Ага Джунгазу в Туран! Если ей повезет, она может стать одной из его жен. Хорошо, если не наложницей!

Гарак вспыхнул, вскочил на ноги и схватился за эфес шпаги.

— Ложь! Этого не может... быть...— Голос его затих, и выражение лица стало скорее задумчивым, чем разгневанным.— Однажды Ушилон... упоминал — нет, не просто упоминал о чем-то подобном. Он пытался уговорить меня согласиться. Он надеялся, что подобный союз с Тураном может помочь нам выступить против Заморы и отвлечь гирканских волков от наших восточных границ... Митра и Иштар! Неужели это возможно?

— Хьялмар, это я удивлен, что ты до сих пор жив! Ибо твое пребывание в полном здравии не входит в планы четырех, которые правят Немедией: Ушилона, Ментуменена Стигийца, мага и прислужника старого Сета, и Тостига Зверобоя, ванира...

— Тостиг? — прервал меня Хьялмар, хватаясь за меч.

— Он мой двоюродный брат,— сказал я, не желаю вдаваться в причины ненависти Тостига ко мне в присутствии моего тестя.— И... я не решаюсь назвать четвертого, пока ты стоишь со шпагой в руке.

Гарак уставился на меня, заморгал и сел. Он показал мне пустые руки и сложил их на пряжке пояса. Похоже, он действительно успокоился и был готов слушать.

Тогда я снова заговорил, и Гарак в самом деле с трудом мне поверил; он был крайне разгневан тем, что его сын Ташако ввязался в заговор с темным магом, который был его дядей, и ваниром! В то мгновение никто из нас не знал, что одному из немедийцев, любившему лишь Гарака, стало известно о гибели его жены и сына у заморанской границы. Он обвинил в этом Ушилона. Гнев его превосходил даже гнев Гарака, немедийцем овладела жажда крови. (Его звали Сарган, и для меня он навсегда останется героем.) Еще до того, как на следующий день взошло солнце, Ушилон погиб от руки Саргана. Сам Сарган тоже погиб, получив не менее дюжины ран от клинов запоздавшей дворцовой стражи Ушилона.

Естественно, сын Гарака, друг и избранник Ушилона, объявил себя королем Немедии. Вполне естественно, что дворцовая стража, в число которой входил теперь и Тостиг Зверобой, с радостью его поддержала. Принесли корону, перешедшую к Ушилону от пережившего четверых придурков — наследников регента, и Ташако, видимо, пришлось что-то под нее подложить, поскольку, несмотря на все его самомнение, он все еще оставался мальчишкой.

Эти новости долетели до нашего лагеря еще до того, как солнце оказалось в зените, поскольку все только и делали, что шпионили друг за другом, несмотря на то что самодовольно именовали себя цивилизованными людьми.

Едва Ташако появился у высокого дворцового окна, царственно улыбаясь собравшимся внизу на пло-

щади, как распахнулись ворота и в город вошла армия Немедии. Люди в панике бежали, спасаясь от копыт коней, заполонивших площадь перед королевским дворцом. Блестя доспехами в лучах солнца, всадники в полном вооружении остановились перед окном, за которым стоял юноша в древней короне, явно великоватой для его головы.

Полуденное солнце отразилось в тысяче с лишним поднятых клинов, и Ташако — несомненно, благодарный тому, кто убил Ушилона, — начал было улыбаться, ибо солдаты подняли мечи, присягая на верность властителю.

— Да здравствует король! — закричали мы хором, и голоса наши разнеслись по всему Бельверусу. — Да здравствует король Гарак!

Мы были армией, Гарак — ее полководцем. Дворцовая стража в страхе бежала перед ворвавшимися во дворец легионами суровых немедийских воинов и их союзников — ваниров и айсиров. Вскоре стражники были вынуждены признать, что они ошибались: Гарак из Джелы действительно был королем Немедии, и, без всякого сомнения, с благословения Митры и Иштар.

Да, он был королем. Король Гарак вошел во дворец в сопровождении Хъялмара и меня — Гора, ванира из морозного Ванахайма, вождя айсиров.

Рослый человек в красно-бронзовом облачении стражника не последовал за своими отступающими товарищами. Глухо ворча, он уставился на меня своими голубыми глазами.

— Лучше беги, Тостиг Зверобой, — сказал я, стоя по правую руку от Гарака. — Иначе присоединишься к братцу твоего отца и своим двоюродным братьям!

— Приведите сюда Ментуменена из Стигии! — крикнул Гарак.

И это был голос короля, всегда стремившегося стать королем.

Воины пошли выполнять приказ Гарака, а Тостиг, не спуская с меня глаз, вытащил клинок из хорошо

смазанных ножен. Судя по всему, эти украшенные драгоценными камнями ножны были подарком его друзей-заговорщиков. Я тоже вытащил меч и, улыбнувшись, шагнул навстречу человеку, предавшему мой народ. Гарак снабдил меня хорошим клинком, а в руке Тостига лежал меч, который еще совсем недавно носил я, меч моего отца — Делрина Отважного.

— Этот человек убил моего дядю, собственного отца! — крикнул Тостиг, жестом отстраняя своих приспешников, кинувшихся было ему на помощь.

— Этот человек предал Гарака, единственную надежду Немедии в борьбе с пиктами и гирканцами! — крикнул я в ответ. — А также леди Шанару, его дочь и мою жену, и меня самого — а значит, нас всех!

Зарычав, Хъялмар рванулся вперед, но я остановил его, всем своим видом давая понять, что до Тостига он сможет добраться лишь через мой труп.

— Я поклялся, — тихо сказал я. Хъялмар кивнул и застыл на месте.

И мы встретились — два варвара с северных снежных равнин. Мы с Тостигом стояли друг против друга среди богато одетых немедийцев на мозаичном полу дворца, принадлежащего королю осажденной Немедии.

— Никто еще не остался в живых, сражаясь против этого меча! — прорычал Тостиг и замахнулся.

— Верно, — проворчал я, отражая могучий удар своим новым щитом и отступая на шаг в сторону. — Верно, Тостиг-предатель, но только когда он в моих руках!

Тостиг был опытным и очень мощным бойцом. Некогда он убил медведя одним лишь мечом. Однако я не уступал ему в силе, к тому же на моих мускулах не было ни капли жира, и вырос я среди волков, передавших мне свою ловкость и быстроту движений. Подобный поединок мог продолжаться час или несколько часов, пока противники окончательно не измотают друг друга.

Однако нам обоим не терпелось поскорее закончить это дело. Тостиг наверняка уже понял, что проиг-

рал, но все же стремился довести свою месть до конца, а затем, прежде чем его изрубят на куски, забрать с собой как можно больше народу. Мое нетерпение было вызвано иными причинами. Тостиг был единственным из четверых, кого я поклялся убить своими руками.

Мы кружили по залу, бросая друг на друга яростные взгляды.

Я нанес быстрый удар справа, направив его вверх и тем самым заставив Тостига резко поднять щит, а затем ударом слева попытался ранить его в бедро. Однако щит Тостига быстро опустился, отражая мой клинок, и меч в его могучей руке едва не снес мне голову. Я парировал удар щитом, повернув его так, чтобы клинок скользнул в сторону. Противник пошатнулся. Тостиг не успел заслониться щитом, и я со всего размаха погрузил свой меч в его бок.

В этот момент я вполне мог погибнуть, так как мой клинок застрял в кольчуге, плоти и костях, а Тостиг продолжал сражаться, несмотря на то что ему полагалось рухнуть у моих ног. Он сделал быстрый выпад, хотя лицо его исказилось от боли. Хотя я всегда гордился своей ловкостью, на этот раз я уклонился недостаточно быстро, и его меч обрушился на мой шлем. Я ощутил страшный удар, в ушах моих эхом отдался металлический лязг. Пошатнувшись, я вырвал клинок из его бока и изо всех сил ударил противника ногой в пах. Тостиг согнулся пополам, и мой почувствовавший вкус крови меч разрубил его череп. Тостиг рухнул на пол, звяня доспехами, а я подпрыгнул от боли, так как он свалился мне прямо на ногу. Кровь, хлеставшая из него фонтаном, мгновенно пропитала мои штаны.

Лишь теперь я почувствовал, что по моему лицу из-под шлема течет кровь. Я понял, что чудовищный меч разрубил металл и лишь ловкость спасла мне жизнь.

Тостиг лежал, раскинув ноги, словно птица со свернутой шеей, и никто из застывших в изумлении стражников не пытался ничего предпринять. Я стоял

шлем и, дотронувшись до головы, обнаружил лишь глубокую царапину. Густые волосы приняли на себя основной удар, и череп не пострадал.

Пока меня пытались заставить стоять спокойно, чтобы перевязать голову, с верхних этажей дворца послышались крики, а затем еще более громкий шум раздался снаружи. Прижимая к голове повязку — оторванный кусок мантии еще не коронованного короля, — я следом за всеми бросился на площадь перед дворцом. В моей руке снова лежал меч моего отца.

Все взгляды были устремлены в одну сторону. Из окна дворца вылетела огромная черная птица. Нет, даже не птица, скорее король всех летучих мышей, с ушами и когтистыми перепончатыми крыльями. А на спине у него сидел мальчишка!

Так Ташако и Ментуменен бежали из Немедии, которая более не нуждалась в их присутствии.

Гарак стал королем и оказался прирожденным правителем! Много лет прошло с тех пор, как в Немедии правил настоящий король, подлинный владыка. За несколько минут король Гарак принял больше важных решений, чем Ушилон или регент за годы.

— Мы пришли сюда, чтобы сражаться с пиктами. Хъялмар, наш доблестный союзник, готов ли ты повести своих горных львов на запад? Дикиари-пикты за полонили Аквилонию, словно голодная саранча, и нашим войскам приходится тяжко.

Хъялмар кивнул и широко улыбнулся, поскольку считал пиков худшими врагами из всех, что угрожали Немедии. Король Гарак призвал к себе писаря, приказав ему написать соответствующее распоряжение, и пообещал, что, если оно не будет изложено простыми и ясными словами, у короля будет новый писарь, а у дворцового повара новый помощник, который раньше был писарем. Так решил Гарак, король Немедии, и слово его было законом.

— Пока мы, немедийцы, пререкаемся и ссоримся недостойным наших предков образом, — громко

сказал король,— гирканцы подстрекают заморанцев и переселенцев из Зингарана напасть на наши восточные рубежи, а бритунцы и их гирканские хозяева пытаются прорвать оборону в горах страны Джарпуря на севере! Гергон, ты возьмешь отряды Драконов и Грифонов и немедленно выступишь к нашим восточным границам. Необходимо укрепить Ирилию и Ушилою, откуда родом моя семья. И еще, Гергон, если удастся освободить Ирилию, сразу же отправляйся дальше на восток, но не входи более чем на десять лиг в глубь Заморы. Ты понял?

— Понял, мой король,— сказал человек с ястребиным носом и шрамом над левой бровью.— Твое слово — закон, мой король.

Взгляд Гарака уже переметнулся в другую сторону.

— Гаррид, прикажи подготовить воззвание. Пикты намерены завладеть нашей любимой Немедией, кровожадные гирканцы готовы ворваться на ее поля, а теперь, похоже, с нами намерен сразиться сам маг из Стигии. Он овладел разумом моего сына, Ташако, и в том причина нашей скорби и праведного гнева. Ибо, хотя мы изгнали Ментуменена, он забрал с собой нашего любимого сына!

Вряд ли он так думал, но я хорошо помнил слова Гарака о политике и об искусстве командования. Что ж, пусть несчастный юный Ташако — пленник Ментуменена, а не сбежавший враг!

Король перевел свой орлиный взор на меня.

— Гор, правая рука нашего союзника Хъялмара, а теперь и моя!

— Да, мой король,— сказал я, вызывающе глядя на Гарака. Я уже успел сказать ему один на один, что меня не интересует его «политика» и что я соглашусь выполнить лишь единственное задание. Теперь я ждал его слов.

— В отсутствие жреца, я перед всеми немедийцами объявляю о своем браке с моей дочерью, и да благословит вас Богиня!

Я улыбнулся и чуть заметно кивнул. Он не был глупцом и не пытался заставить меня поступать вопреки моим желаниям. И он признал меня своим зятем.

— Писарь, пиши послание Ага Джунгазу, эмиру Турана. Гарак, король немедийцев, стал жертвой дворцового заговора. Его дочь, супруга Гора из Ванахейма, полководца Немедии, была преступным образом отправлена в Туран злым магом из Стигии. Этот маг, Ментуменен, пытается овладеть нашими странами. Извести эмира, что теперь он имеет дело не с королем Ушилоном, несмотря на печати или документы, которые у него могут быть. Гарак, король немедийцев, благодарит Ага Джунгаза за возвращение Гору его жены и моей дочери и за предоставление ему эскорта для путешествия через Туран, бывшую Замору и Коринфию.

На обратном пути тебе лучше всего избегать Британии, Гор. К концу года она станет нашей, и у нас там не будет друзей! — Гарак посмотрел мне в глаза. — Верни ее домой, Гор.

— Я верну ее, мой король.

На следующее утро я покинул Бельверус и отправился на восток с небольшим караулом, состоявшим из двенадцати айсиров и пятнадцати немедийцев. Все мы были одеты как купцы и скотопромышленники, но под одеждой каждого скрывалась кольчуга и крепкая сталь.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### КЛЯТВА АГА ДЖУНГАЗА

Путешествие из Немедии в Туран заняло несколько дней, и путь наш отнюдь не был прямым как стрела. Я был рад, что меня сопровождали лучшие из воинов и путешественников на прекрасных выносливых конях. Мой помощник-айсир, седой, поджарый Скорла, умел ориентироваться по солнцу и звездам, ибо в свое время он странствовал до самой Киммерии и был

капитаном корабля, плававшего по западному океану.  
(Как я подозревал, пиратского судна.)

Офир, находившийся в руках пиктов, и Коринфия, находившаяся в руках гирканцев, постоянно воевали друг с другом. Впрочем, в последнее время у границ Немедии воцарилось некоторое затишье, и я надеялся, что войска отступили к западу и к востоку, возможно, в страхе друг перед другом. Я повел свой отряд из Бельверуса на юг, вдоль границы между Офиром и Коринфиеей, в сторону далеких пустынь Кофа. Однако ранним ясным утром ехавший слева от меня воин внезапно остановился и, показывая на темное облако мчавшихся галопом нам навстречу всадников, закричал:

— Гирканцы! Их сотни!

— Всем стоять! — крикнул я, поворачиваясь.— Всем спешиться, каждому четвертому держать лошадей.

Мой приказ молниеносно исполнили. Я выстроил пеших воинов в ряд.

— Каждому натянуть тетиву и вложить в лук стрелу,— приказал я, двигаясь верхом вдоль небольшой шеренги.— Приготовиться к стрельбе, но стрелять только по моей команде.

Сидя верхом, я тоже достал из колчана стрелу.

Гирканцы приближались, оглашая окрестности воинственными воплями. Мои воины стояли неподвижно, словно стена. Некоторые из них воткнули стрелы в землю под ногами, чтобы мгновенно схватить их и перезарядить лук. Несмотря на то что мы попали в довольно опасное положение, я порадовался за своих отважных и преданных бойцов.

Видя, что нас мало, гирканцы пренебрегли своей обычной тактикой. Они легко могли сокрушить нас, взяв в клещи слева и справа, однако они летели прямо на нас, размахивая щитами и мечами.

— Цельтесь в лошадей,— сказал я своим застывшим в напряженном ожидании воинам.— Стреляйте!

Гирканцев отделяло от нас не более пятидесяти шагов, и я выпустил свою стрелу.

Небольшая тучка стрел пробежала по ясному небу. В следующее мгновение первые ряды людей и коней превратились в отчаянно бьющуюся мешанину. Те, что были сзади, налетали на эту живую преграду и тоже падали на землю. Мы слышали их яростные крики, видели их попытки перестроиться. Мои воины торжествующе вопили, выпуская новые стрелы, которые находили свою цель, усиливая всеобщее замешательство. Гирканцы, явно не рассчитывавшие на подобный отпор, начали отступать. Мои воины снова радостно закричали. Если бы я приказал, они бы тут же вскочили на коней и бросились в контратаку.

Ко мне подъехал Скобла и показал назад.

— Смотри, — тяжело дыша, сказал он. — Там, на западе, пикты...

Он не ошибся. По равнине в нашу сторону мчалась орда косматых людей на косматых лошадках. Они размахивали копьями и были готовы уничтожать все на своем пути.

Я мгновенно принял решение.

— Все по коням! — крикнула. — Уходим на юг. Мы должны опередить оба войска, и как можно быстрее!

Второй раз повторять не пришлось. Вскочив в седла, воины помчались следом за мной. В то же мгновение появились разъяренные пикты, а с противоположной стороны предприняли новую атаку восстановившие свои ряды гирканцы.

Каким-то образом нам удалось проскользнуть между вражескими войсками, послав лишь несколько стрел в тех, кто все еще пытался нас преследовать. Я склонился к развевающейся гриве своего коня, по-нуждая его бежать быстрее. Позади нас два ненавидевших друг друга племени сошлись в смертельной схватке.

Я оглянулся как раз в тот момент, когда две орды на всем скаку столкнулись друг с другом. Поднялся

немыслимый шум и грохот: лязгали мечи, трещали щиты и копья, люди, визжа, падали под копыта своих и чужих лошадей.

— Быстрее, быстрее,— лихорадочно торопил я своих, слыша, как мои слова передают дальше. Мы мчались на юг, через равнину, которая, как я с радостью отметил, была бесплодной и не могла дать пристанища большим армиям, нуждавшимся в траве для лошадей и воде для множества иссущенных глоток.

Нам повезло: мы сумели оторваться от пиктов и гирканцев, которые, видимо, в пылу сражения забыли о нашем маленьком отряде. Высоко над головой черными точками парили стервятники в надежде поживиться свежей падалью.

— Ты вождь из вождей, Гор,— послышался голос подъехавшего ко мне Скорлы.

— Другого выхода не было,— тяжело дыша, ответил я.— Придержите коней. Теперь, когда мы далеко, нам ни к чему загонять их до смерти.

В моем голосе не было радости, и Скорла понимающе улыбнулся.

— Согласен с тобой, Гор,— сказал он.— Наши стрелы сослужили нам службу, но я всегда считал, что даже женщина может пользоваться луком с безопасного расстояния. Если я правильно понял твою мысль, мужчине более пристало сражаться с врагом с мечом в руке.

— Другого выхода не было,— повторил я.— Будем надеяться, что больше не привлечем ничьего внимания.

Нам действительно повезло. Я не ошибся: эта местность и впрямь оказалась бесплодной. Травы здесь едва хватало нашим лошадям, да и лужи с водой попадались весьма редко. Вряд ли что-то могло нам тут угрожать, во всяком случае в последующие дни напасть на нас никто не пытался. Мы видели лишь небольшие группы кочевников, которые наблюдали за нами с холмов на юго-западных границах Кофа, но приблизиться они не осмелились.

Много часов мы ехали по иссушенней пустыне, прежде чем достигли границ Турана. Несомненно, дозор, вышедший нам навстречу, заранее знал о нашем приближении. Встречающих было больше сотни, и половина из них верхом. Поверх кольчуг они носили свободные мантии, а остроконечные стальные шлемы обмотали яркими лентами. Я выстроил своих воинов и во главе отряда въехал на территорию Турана.

— Стой, где стоишь! — рявкнул самый рослый туранец. Под его распахнутой мантией я заметил звенья кольчуги. Черная с проседью борода была расчесана на две половины — вправо и влево. В одной руке он держал круглый щит, в другой — большой кривой меч. Его спутники развернулись в цепь, держа наготове луки и копья.

— Стоять! — снова крикнул он, и я дал знак отряду остановиться. — Что вы делаете на земле Турана без позволения? — вызывающе спросил он.

— Уважай королевского посланника, — бросился в ответ, нащупывая под плащом меч. — У меня письмо для Ага Джунгаза, эмира Турана, от Гарака — самого могущественного правителя Немедии.

— Кто такой Гарак и где эта Немедия? — усмехнулся другой всадник-туранец. — Мы не знаем ни того, ни другого. Наш долг — поворачивать назад всяких чужеземцев, кроме тех, кому разрешено здесь появиться по распоряжению из дворца в Аграпуре.

— Про таких, как вы, ничего не говорилось, — сказал бородач. — Возвращайтесь туда, откуда пришли... Нет, подождите. Судя по вашему виду, вы торговцы. Может быть, у вас найдется что-нибудь ценное.

С каждым словом он нравился мне все меньше и меньше.

— Чем бы мы ни владели, вам нелегко будет хоть что-то у нас отобрать! — крикнул я и, дав своим людям знак стоять на месте, подъехал к наглецу ближе. — Ты слишком разговорчив для воина, — заявил я.

— Ты молодой или старый? — насмешливо спросил он. — Твои волосы белые, словно снег.

— А твои волосы темные, словно грязь,— парировал я.

— Что скажете, друзья? — обратился туранец к своим спутникам. — Не позабавиться ли мне с этим белоголовым придурком?

Взмахнув мечом, ярко сверкнувшим на солнце, он поднял щит и поскакал ко мне. Я пришпорил коня и двинулся ему навстречу.

Все кончилось, едва успев начаться. Он хотел столкнуться со мной в лоб, но я, дернув за узду, прокочил мимо. Его клинок сверкнул в воздухе, опускаясь на меня. Я принял удар на край щита и вонзил острие своего меча в грудь соперника, сквозь кольчугу и ребра, так что оно вышло сзади на ширину ладони. Когда противник падал с седла, я быстрым движением выдернул оружие и поехал вдоль шеренги туранских дозорных.

— Кто следующий? — спросил я. — Если хотите, выберите среди своих людей столько же, сколько у меня. Ваш приятель, который теперь валяется на земле, предлагал позабавиться. Что ж, давайте позабавимся. Когда мы прикончим вас всех, я доставлю свое послание в Аграпур.

Туранцы зашевелились, словно и вправду собирались напасть.

— Подожди! — послышался сзади низкий голос, и вперед на гнедом коне выехал человек, которого я прежде не заметил. Судя по оправленным в серебро доспехам, это был офицер.

— Давай поговорим, чужестранец, — сказал он. — Если у тебя есть письмо к нашему правителью, дай его мне.

— Я отдаю его только в руки Ага Джунгаза, — ответил я.

— Тебе грозят большие неприятности, — предупредил он, подъехав ближе, но вне пределов досягаемости меча. — Ты только что зарубил лучшего воина пограничной стражи нашего эмира...

— Ты видел, что он ударил первым, — напомнил я. — Я ударил последним, и второго удара не потребовалось.

— Что ж, пусть разбирается суд в Аграпуре. Тебя и твоих людей доставят туда под конвоем. Эй, Даула, подбери им сопровождающих. А теперь, называющий себя посланником, убери меч.

— С удовольствием, если ты и твои люди поступят так же.

Он подчинился. Я вытер клинок краем плаща и убрал его в ножны.

Путь до Аграпура занял оставшуюся часть дня. Мы ехали по хорошей дороге среди зеленых полей и садов. Даула, командир эскорта, стройный юноша с тонкими усиками, весело болтал со мной, будто я и не убивал его товарища. Он хвастался процветанием и культурой Турана, показывал красивые сельские дома и рассказывал, что прежние успехи гирканцев на севере Турана были сведены на нет мощным контратакованием, вынудившим гирканцев отступить в более холодные края — Замору и Британию.

— Гиркания не слишком жаждет нас победить, — улыбнулся он.

— Возможно, они берегут силы, чтобы напасть на Немедию, — предположил я. — Впрочем, там их встретят не лучше, чем у вас.

— Туран и Немедия могли бы стать союзниками, — заметил Даула.

— Именно об этом и говорится в моем письме.

На закате мы въехали в Аграпур, окруженный темно-желтыми стенами с широкими двойными воротами из обитого медью дерева. За воротами тянулись мощенные белым камнем улицы, вдоль которых выстроились ряды лавок с тканями, домашней утварью, овоцами и фруктами. Люди выглядели сытыми и хорошо одетыми, в длинных халатах и тюрбанах из разноцветной ткани. Их одеяния были столь свободными, что оценить силу мужчины и изящество женщины не удавалось.

В центре Аграпура, среди более высоких зданий, располагалось странное приземистое сооружение из грубого темного камня. В его стенах не было окон, лишь в одной из них зиял широкий дверной проем. Из царившей за дверью черноты тянулись струйки дыма.

— Храм Сета, Повелителя Тьмы, — пояснил Даула. — В Туране все поклоняются Сету. Ему мы приносим в жертву рабов и пленников. Сету принадлежит все. Самая страшная клятва — поклясться его именем.

— Похоже, вы любите Сета, — заметил я.

— Мы боимся его и его мрачных владений. Страх сильнее любви.

Ментуменен, где бы он теперь ни был, тоже служил Сету. «Интересно, — подумал я, — насколько сами туранцы подобны своему зловещему божеству?»

Мы проехали мимо храма и двинулись дальше, пока не увидели бескрайние водные просторы, тянувшиеся до самого горизонта. На берегу возвышался мраморный дворец эмира, многоэтажный, увенчанный куполообразной крышей и длинным шпилем. Стражник у дверей потребовал, чтобы я отдал ему послание для Ага Джунгаза. Я вновь настоял, что должен вручить его лично. Лоцманы высокомерные офицеры начали спорить. Наконец наших лошадей увели, а нас проводили в просторный зал с мягкими диванами, коврами на стенах и хрустальным фонтаном в центре. Под любопытными взглядами стражников мы ждали решения. Наконец вернулся чиновник по имени Кондунду — полный человек с кудрявой бородкой.

— Лишь тебе одному позволено предстать перед очами нашего эмира, — надменно сказал он мне. — Оставь здесь все свое оружие.

Я передал меч и кинжал Скорле и последовал за Кондунду. Занавес, прикрывавший узкий проем в стенах, слегка вздрогнул, и на мгновение из-за него выглянула красивая смуглая женщина. Наконец мы оказались у отделанных яшмой сводчатых дверей, которые охранял стражник с копьями в обеих руках, и меня

подвели к сидевшему на огромном, украшенном зелеными драгоценными камнями троне человеку с золотым венцом на голове и в мантии, которая, казалось, была сделана из чистого серебра. Кондунду распостерся перед ним на полу. Я продолжал стоять.

— О могущественнейший повелитель Турана, это немедийский посланник, о котором соизволили услышать от меня твои царственные уши,— затараторил Кондунду, затем неуклюже попытился на четвереньках.

Я разглядывал тронный зал. Он был обставлен богатой мебелью, со всех сторон виднелись занавешенные арки, за которыми, вне всякого сомнения, скрывались вооруженные стражники. В углу возвышался украшенный драгоценными камнями алтарь, над которым нависало изображение Сста из черного камня — бесформенное тело с гротескной звериной мордой с острым носом. Затем я повернулся, взглянув на Ага Джунгаза, и эмир посмотрел на меня в ответ.

Он был слегка полноват, хотя и пропорционально сложен. Глаза блестят, губы поджаты, коротко постриженная курчавая бородка покрашена в рыжий цвет. В одной руке он держал скипетр — золотой жезл, вокруг которого извивалась змея из зеленой эмали. Другая рука поглаживала сидевшую на его коленях и то и дело высовывавшую язык ящерицу.

— Мне сказали, что ты принес письмо от Гарака из Немедии,— раздался холодный голос.— Немедия далеко, но мне казалось, что ее законный правитель — Ушилон.— Его взгляд пронизывал меня насквозь.— Не кланяться перед сидящим на троне эмиром в обычаях немедийцев?

— Немедийцы стоят во весь рост перед своим королем, которым стал Гарак после смерти Ушилона,— ответил я.— Вот, повелитель, его слова, которые я лично отдаю в твои руки.

Я подал пергамент, и эмир принялся читать, безмолвно шевеля губами.

— Ты — Гор, о котором здесь говорится? — на-конец спросил он. — Мне потребуется время, чтобы обдумать мой ответ.

— С твоего позволения, повелитель, мне кажется, что ответдать просто, — как можно более церемонно сказала я. — Король Гарак желает, чтобы мне отдали его возлюбленную дочь Шанару, которая гостит у тебя, с тем чтобы я мог доставить ее обратно в Немедию.

— Шанара, — выдохнул он, — поглаживая блестящую спинку ящерицы. — Шанара. Когда я вижу ее, мне кажется, будто передо мной небесное создание. Она прекрасна, словно музыка.

Он посмотрел на меня.

— Когда я вижу ее, я говорю себе: «У Ага Джунгаза, эмира Турана, сто жен. Почему бы ему не иметь сто одну?» Именно к этому ее сейчас готовят. Судя по расположению звезд и луны, уже близко то время, когда я сочетаюсь с ней браком.

Кровь ударила мне в лицо.

— Хочу напомнить тебе, повелитель, о чем говорится в письме. По законам Немедии она моя жена.

Он снова погладил ящерицу.

— Странные законы, ибо она находилась здесь, в Туране, когда было объявлено о ее замужестве. Туран не признает этого брака.

— Один правитель должен признавать слово и власть другого, — сказал я, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. — Я представляю Гарака. Я его зять.

— Если бы его зятем была я, наши отношения стали бы намного лучше, — возразил Джунгаз. — Мне нужно подумать. Можешь идти.

В ярости я покинул тронный зал Джунгаза и пошел по коридорам назад.

Меня обуревало множество самых невероятных желаний. Что, если сбить с ног своего одетого в золото спутника, вновь ворваться в тронный зал, наброситься на Ага Джунгаза и потребовать отдать Шанару? Однако его со всех сторон окружали стражники.

Меня бы убили на месте, и Шанара стала бы его женой. Нужно как следует продумать план — разумный, а не самоубийственный.

В зале, где сидели мои товарищи, слышалась приятная музыка, которую исполнял оркестр, состоявший из рабов с арфами, свирелями и небольшими барабанами. Смуглые девушки-рабыни разносили высокие кувшины с вином, наполняя кубки. Слышался смех. Всем, кроме меня, было весело.

— Не хочешь ли выпить вина, мой господин? — прошептал рядом со мной тихий голос. — Это любимый напиток самого эмира.

Рядом со мной стояла стройная девушка, слегка прикрытая полупрозрачной тканью, украшенной аметистами. Голову ее покрывал искусно вышитый разноцветными нитями платок, а в руках она держала золотой кубок, до краев наполненный напитком, издававшим чудесную смесь цветочных и фруктовых ароматов. Я уставился на нее. Она была уже не девочкой, а взрослой женщиной, но весьма миловидной. Девушка протянула мне кубок.

— Только не пей много, — шепнула она. Я попробовал вино.

— Ты добрая и красивая, — сказал я. — Прости, но моя душа отдана другой, намного прекраснее тебя.

— Шанаре, — донесся до меня ее шепот, и я расплескал вино на пол.

— Ты смеешь произносить ее имя? — прорычал я. — Кто ты?

— Говори тише, иначе это может стоить жизни нам обоим. Я Джари, старшая жена в гареме Ага Джунгаза. Однако теперь, обезумев от любви к Шанаре, он клянется, что ради нее откажется от всех нас. Она заполняет его душу, так же как и твою. — Девушка подлила мне вина. — Делай вид, что ты беззаботен и весел: за нами следят. Если меня узнают, мы оба умрем: ты — настолько быстро, насколько это удастся убийцам, я — под пытками. Я помогу тебе выбраться отсюда вместе с ней.

— Похоже, тебе можно доверять,— шепнул я.— Что должно произойти дальше?

— Тебя и твоих людей должны напоить допьяна. Затем вас заключат в темницу, чтобы принести в жертву на алтаре Сета. Ага Джунгаз сообщает в послании вашему правителю в Немедии, что вы все погибли по несчастной случайности, но он, Ага Джунгаз, скрепляет союз, беря себе в жены Шанару. Теперь тебя не удивляет, что я в отчаянии?

— Отчаяние украшает тебя,— сказал я, ибо она действительно была красива.— Ты рискуешь жизнью, рассказывая мне об этом. Как я могу расстроить его планы?

— Мы не можем больше говорить, на нас смотрят. Сложи подушки в углу и брось на них свой плащ, будто это ты спишь. И вылей это отравленное вино.

Я сделал то, о чём она просила.

— Теперь идем со мной.

Она нырнула за большой разукрашенный ковер. Я последовал за ней. В полу открылась панель, и я начал спускаться по лестнице вслед за девушкой. Панель над нами снова задвинулась.

В подземном коридоре было темно, слышалось хлопанье крыльев, и я почувствовал, как моей щеки коснулась летучая мышь. В полурамке я едва различал очертания Джари, державшей меня за руку.

Я понятия не имел, куда мы идем среди неровных, сочащихся влагой каменных стен, но Джари хорошо знала дорогу. Мы поднялись по полуразрушенным ступеням и двинулись дальше по извилистому скользкому склону. Наконец, когда впереди забрезжил слабый свет, она остановилась.

— Эй, там, за занавеской,— стражник,— прошептала она.— Разделайся с ним и иди прямо в тронный зал. Но поклянись, что не станешь убивать Ага Джунгаза.

— Если я убью его, трон займет другой тиран,— сказал я.— Мне не под силу убить всех тиранов.

— Пусть он живет,— настаивала она.— Ты можешь застать его врасплох. Если ты действительно таков, каким кажешься, ты сумеешь заставить его поклясться именем Сета, что он отпустит тебя и Шанару. Он не посмеет нарушить такую клятву.

— Я мало знаю женщин,— сказала я,— но, похоже, все это ты устроила для своей собственной выгоды.

— Какой ты умный. Я хочу быть царицей, а не рабыней новой царицы Джунгаза.

Она отпустила мою руку, и я на цыпочках двинулась в сторону светлого пятна.

Стражник стоял, положив правую руку на меч и придерживая левой занавеску. Он был настолько поглощен тем, что представляло его взору, что я с легкостью подобрался к нему незамеченным. Мне тоже было все хорошо видно. Ага Джунгаз сидел на троне, поглаживая ящерицу. Перед ним стояла Шанара.

Кто мог бы описать ее прекрасную девичью фигуру, ее несравненное лицо, ее глаза, похожие на драгоценные камни, равных которым не было ни в Туране, ни в Немедии, ни во всем мире? Шанара молча и гордо стояла перед эмиром, густые золотистые волосы падали ей на плечи. Ага Джунгаз что-то горячо объяснял ей.

Я не мог убить стражника, не дав ему шанса защититься, и поэтому тронул его за плечо. Он резко повернулся и мгновенно выхватил меч. Уклоняясь от клинка, я шагнул в сторону, вонзил острие меча стражнику в горло и переступил через упавшее тело.

— Ты будешь царицей Турана, Шанара,— говорил Джунгаз.— Я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

— Я хочу, чтобы ты вернул меня домой, мой повелитель,— тихо, но твердо ответила Шанара.

— Я не смогу улыбаться, не смогу спать, если ты уйдешь. Подумай, Шанара...

В два прыжка я пересек зал. Шанара вскрикнула — не знаю, от радости или от страха. Из занавески

вешенных ниш шагнули вооруженные стражники в доспехах. Однако я уже склонился над царственной особой. Мой меч касался его бороды у самого горла.

— Если шевельнешься, твое движение станет последним в этом мире, который ты оскверняешь своим присутствием, — угрожающе сказал я.

— Твоя жизнь в моих руках, — выпучив глаза и заскакая, пробормотал он. — Мои стражники...

— Если хоть один из них посмеет приблизиться, ты этого уже не увидишь, — сказал я. — Эмир Ага-Джунгиз, до меня дошли слухи о твоем вероломстве. Ты намерен подло убить меня и моих друзей. Откажись от своих планов. Поклянись именем Сета, что отпустишь нас и Шанару.

— Именем Сета? — взвизгнул он, глядя на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. — Люди трепещут перед подобной клятвой.

— Да, ибо ее невозможно нарушить, — сказал я. — Ты поклянешься именем Сета, что Шанара, мои товарищи и я сам в целости и сохранности покинем твои владения. Поклянись немедленно, иначе сам встретишься лицом к лицу с Сетом в его темном царстве. Мой меч жаждет вонзиться в твою шею.

Он начал было поднимать трясущиеся руки. Я придинул меч ближе, коснувшись его мягкого горла.

— Клянусь, — простонал он.

— Клянись именем Сета, — снова приказал я. — И громко, так, чтобы все слышали.

— Хорошо, именем Сета, — он повысил голос. — Клянусь именем Сета, что все вы: ты, Шанара, твои люди — свободно покинете пределы Турана. Что я отшошусь к вам с уважением как к посланникам союзника-короля и позволяю вам вернуться домой.

— Именем Сета, — настойчиво повторил я.

— Я клянусь именем Сета, который слышит меня, — почти кричал он, — что вы можете беспрепятственно покинуть мои владения.

Я опустил меч, продолжая, однако, держать его на-  
готове. Эмир хлопнул в ладоши. Стражники подошли  
ближе.

— Слушайте все, — дрожащим от ярости голосом  
произнес Джунгаз. — Будьте свидетелями. Я только что  
поклялся, что этот человек, пришедший из Немедии,  
может вернуться вместе со своими спутниками домой,  
и госпожа Шанара вместе с ним. — Голос его чуть не  
сорвался, когда он произносил это имя. — Я поклялся  
именем Сета и не могу отречься от своей клятвы. Ты,  
ты и ты — идите и объявите о моем решении всему  
Аграпуру.

Трое стражников поспешили выйти. Джунгаз, ко-  
торому уже не угрожал мой меч, похоже, немного ус-  
покоился.

— Вечером мы устроим пир, и ты будешь почет-  
ным гостем за моим столом, — сказал он. — Завтра вас  
проводят до границы той же дорогой, которой вы при-  
шли.

— Гор, ты настоящий мужчина, — прошептала  
Шанара. — Я уже устала надеяться, но я знала, что ты  
меня спасешь.

Я обнял ее за плечи и повел к выходу. Джунгаз  
бесцомощно смотрел нам вслед.

Вернувшись в наш зал, я обнаружил своих людей  
в полном помрачении сознания, которое вряд ли мог-  
ло быть вызвано обычным вином. Строго запретив  
тем, кто еще был в состоянии, продолжать пьянство-  
вать, я растолкал Скорлу и еще двоих. С их помощью  
я поднял остальных и заставил их ходить взад-вперед  
и дышать полной грудью, пока в головах у них не про-  
яснилось и они не стали двигаться более-менее уверен-  
но. Вскоре появился Кондунду, объявив в обычной для  
него высокопарной манере, что Джунгаз приглашает  
нас на почетный пир.

Пиршество проходило в огромном зале, устлан-  
ном коврами и увешанном гобеленами. Столы ломи-  
лись от серебряных и золотых блюд. Джунгаз велел

своим придворным и офицерам сесть бок о бок с чужестранцами, в честь которых устроен пир. Меня посадили в одном конце стола вместе с Шанарой, Джунгаз и Джари восседали на другом. По бокам расположились представители местной знати. Подали нежное мясо, сочно зажаренных птиц, сладкое печенье в форме звезд, цветов и полумесяцев. Джари грациозно шла вокруг стола, обнося гостей вином. Джунгаз поднялся, чтобы произнести тост.

— За наших гостей, — объявил он, — и за будущую дружбу между нашей страной и Немедией, страной Гарака.

Казалось, он говорил вполне искренне. Все выпили под одобрительные возгласы. Вновь наполняя мой кубок, Джари шепнула мне на ухо:

— Будь бдителен. Он все еще хочет завладеть Шанарой.

— Я это предвидел, — ответил я, улыбаясь, словно мы обменивались ничего не значащими замечаниями.

— Клятва вынуждает его обеспечить тебе безопасность до границы, но...

— Да, — сказал я. — Дальше его клятва не действует.

— Его дозорные собираются догнать вас в пустыне, и их будет вдвадцать раз больше, чем твоих воинов. Они намерены забросать вас копьями и стрелами, оставить в живых лишь Шанару и доставить ее обратно Джунгазу.

— Так он думает, — сказал я. — Что ж, я тоже подумал.

Последовали новые тосты. Я поднялся и выпил за здоровье эмира и его народа и за наше благополучное возвращение домой. Джунгаз улыбался, глядя в свой кубок. Раб принес мне пиалу сладкого винограда.

— Скорла, — сказал я сидевшему за соседним столом другу, — должно быть, когда ты плавал по западным морям, тебе не приходилось вкушать столь изысканные яства?

— И опора под ногами здесь более надежная, чем палуба, — рассмеялся он.

Я принял окончательное решение. К этому времени уже прозвучали последние тосты, и Джунгаз отпустил гостей.

Вернувшись к себе, я велел своим спутникам взять оружие. Затем мы вместе с Шанарой направились по коридору к выходу. Навстречу нам шагнул стражник.

— Ваши лошади будут готовы только на рассвете, — предостерегающе сказал он.

— Мы дарим вам лошадей, — бросил я. — Если хочешь, попробуй нас остановить. Твой эмир поклялся именем Сета, что никто не причинит нам вреда.

Он бормотал что-то об офицере, но я отшвырнул его в сторону. Мы выбежали наружу. Над головой сияла круглая бледная луна. Свернув за угол, мы побежали к пристани, где стояло несколько кораблей.

Под изумленными взглядами зевак мы поднялись на борт галеры, показавшейся нам самой лучшей. На палубе несли вахту двое сонных матросов. Мы швырнули их за борт, и я перерубил швартовый трос ударам меча.

— Скорла, — сказал я, — теперь ты снова капитан корабля.

— Да! — радостно воскликнул он. — Все на весла и полный вперед!

Мои воины навалились на весла, неумело, но дружно, с каждым гребком их движения становились все увереннее. Положившись на них, Скорла взялся за руль и опытной рукой вывел корабль на просторы моря Вилайет, над которым мерцали мириады звезд. Позади послышались испуганные вопли. Слуги Джунгаза наконец поняли, что произошло, но было уже поздно.

— Куда плывем, Гор? — спросил стоявший у руля Скорла.

— На восток! — крикнула я, обняв Шанару. — Мы не можем высадиться на турецком побережье, по-

скольку Джунгаз замыслил уничтожить нас. Только вперед — навстречу приключениям!

Вскоре, повинуясь громким распоряжениям Скорлы, команда поставила квадратный парус. Его тут же наполнил дувший от берега ветер, и мы помчались по освещенным луной волнам.

— Что за этим морем? — спросила Шанара, прижимаясь ко мне.

— Другая земля, — все, что я мог ответить. — Неизвестная земля. Скоро мы узнаем, моя дорогая Шанара, что принесет нам завтрашний день.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### БЕЗДНА

Айсиры и немейдийцы дружно налегали на весла, во все горло распевая пересыпанные крепкими слоевками боевые песни. Первую ночь я провел у руля, вместе со Скорлой. Рядом, глядя вперед, на восток, куда лежал наш путь, стояла Шанара. Дул устойчивый сильный ветер, и к рассвету уже многие лиги отделяли нас от не на шутку разгневавшегося Ага Джунгаза.

Вдруг на воде, или под ней, появился красноватый отблеск, показавшийся мне дурным предзнаменованием — предвещавшим кровь и смерть — или свидетельством некой невидимой битвы, которую вели между собой морские боги. Затем осветился весь восточный горизонт, и вскоре над ним, рассыпая по волнам оранжевые, ярко-желтые и ослепительно белые искры, возник край золотого солнечного диска. Звезды исчезли вместе с темнотой, знакомые созвездия пропали из виду — последними покинули небосвод Меченосец и Колесница. Зрелище было захватывающим, и даже я, Гор Сильный, отнюдь не тонкий ценитель прекрасного, выросший в мире холодных рассветов над сверкающими ледниками, испытывал необъяснимое восхищение. Я никогда прежде не бывал в море, и теперь

начинался первый день в моей жизни, который предстояло провести вдали от суши, в новом странном мире. Туманная, далекая и почти забытая личность Джеймса Эллисона пребывала в благоговейном страхе, он даже опасался, что его слабое сердце не вынесет восторга. Он никогда в жизни не путешествовал, и ему были незнакомы явления первозданной природы. Ему никогда не приходилось видеть, как солнце — главное божество мира — покидает утробу океана, столь же чистое и новорожденное, как и в первый день творения.

Многим моим спутникам подобная картина тоже была незнакома. Не отрываясь от весел, они зачарованно смотрели на водные просторы, на выпрыгивающих из волн дельфинов и летучих рыб. Когда Скорла, закрепив руль веревкой и предоставив ветру подготовить наш корабль, объявил перерыв, один из немедицев крикнул:

— Мне так хочется пить, что я готов проглотить целое море!

Он подошел к борту, наклонился и, зачерпнув ладонью воды, поднес ее к губам.

Мгновение спустя он начал плеваться и кашлять.

— Конская моча! — выругался он. — Вода отравлена! Что за чертовщина?

Скорла рассмеялся, и его смех подхватили остальные, даже те, кто собирался совершить подобную ошибку. Немедиц положил руку на меч, но смех капитана тут же сменился глухим рычанием, а взгляд стал тяжелым, как сталь. Немедиц тотчас успокоился и, нахмутившись, ушел в нос корабля.

— Кстати, — шепнул я на ухо Скорле, — сколько у нас питьевой воды и продовольствия?

Он уставился на меня, словно околдованный каким-то жестоким стигийским божеством.

— О боги! — воскликнул он. — Неужели я самый большой глупец из всех, кто ходил по этой земле со времен Аруса?

— Спокойно, друг. Что случилось? И говори тише, чтобы не вызвать недовольства у команды.

— О отважный Гор, спеша захватить корабль, мы забыли запастись провизией и проверить, есть ли на борту продовольствие. Мы были так захвачены смелостью нашего плана, нам казалось, что мы так ловко провели глупого туранца, что просто обрубили канат и вышли в море, даже не заглянув в трюм.

Ему было по-настоящему стыдно. Он всегда хвастался тем, что некогда был отличным капитаном, а теперь вся его гордость рухнула под тяжестью единственного промаха.

— Это был мой план и мой приказ, — сказал я. — Ты и остальные воины отлично его исполнили. В Туране нас ждали неприятности значительно большие, чем перспектива оказаться с пустым брюхом. Когда волк находит добычу, он наедается до отвала, но, когда мяса нет, он терпеливо ждет. Бери с него пример и будь терпелив, Скорла.

— Да, это хороший совет, но последуют ли ему другие? Эти привыкшие к городской жизни немедийцы восстанут против нас, если не получат своих любимых кушаний.

— Тогда нам придется проломить несколько черепов. Меня это не пугает. А тебя?

— Нет, конечно...

— Тогда пойдем и посмотрим, что у нас есть.

Захваченный нами корабль отличался плавными обводами и низкой осадкой; на нем не было просторных трюмов, которыми, по словам Скорлы, обладали неповоротливые торговые корабли. Здесь была лишь тесная, душная деревянная полость, в которой мог храниться небольшой груз. Мне, привыкшему к открытым диким пространствам, пришлось собрать все силы, чтобы заставить себя войти внутрь.

Мы обнаружили около четырехсот покрытых глязурью и яркой росписью блюд, горшков и глиняных ламп, но никаких следов еды и лишь одну бочку, напо-

ловину заполненную протухшой водой. Видимо, как сказал Скорла, в ту ночь, когда мы захватили корабль, он только что вернулся из очередного путешествия и его владельцы забили товаром весь трюм — корабли такого типа использовались для торговли на побережье моря Вилайет. Цель подобной коммерции заключалась в том, чтобы быстро доставить небольшое количество ценного товара в порт и продать его по высокой цене, прежде чем более медленные суда привезут тот же товар в большем количестве и сбьют цену. Мой друг знал об этом еще с тех времён, когда плавал с пиратами. Ему никогда не приходилось разбойничать в этом море, но везде было примерно одно и то же. Меня не интересовала торговля, и я рассматривал глиняные изделия лишь как бесполезные безделушки, еще более презренные, чем золото. Но я обрадовался, что наш корабль мог обогнать многие другие.

— А не поплынет ли он быстрее, — спросил я, — если мы избавимся от этого глиняного мусора?

— Поплывет.

Я приказал выбросить весь груз в море. Некоторые немедийцы противились, говоря, что всю эту утварь можно продать за золото, но, когда я предложил им выбор: отправляться вплавь обратно в Туран, умереть от моего меча или остаться в живых, — они выбрали последнее. Вскоре брюхо корабля опустело, и весла еще проворнее понесли нас прочь от врагов. Однако, ползая под палубой, чтобы вытащить груз, все узнали тайну, которую я, впрочем, и не надеялся скрыть. У нас не было еды, и воды оставалось крайне мало, да и то несвежей. По совету Скорлы, сказавшего, что в море делается именно так, я разделил воду на порции, и каждый стал получать по ковшу два раза в день. Нашлись недовольные, и мне все-таки пришлось расколоть два или три немедийских черепа, но более серьезных проблем не возникло. Айсиры уважали и боялись меня и придавали дополнительную весомость моим приказам своими суровыми взглядами и прикосновениями к мечу.

На следующий день та же природа, что еще недавно очаровывала нас, разгневалась, словно неверная жена, и начала распространять вокруг медленный и неуловимый яд предательства.

Ветер стих. День заднем мы стояли посреди мертвого штиля, пока сам воздух не стал казаться застывшим и пропитанным потом. Скорла приказывал людям грести, пока те не выбивались из сил, и тогда мы с ним занимали места на веслах, закрепив руль веревкой. Когда наступал час отдыха, каждый получал свою жалкую порцию воды, и теперь уже больше никто не пел, даже почти не разговаривал. Мы тяжко, словно рабы, трудились под палящим солнцем, пока ночь не принесла едва заметное облегчение. Мои светлокожие айсиры стали красными, словно вареные раки, и пытались сорвать свое дурное настроение на немедийцах, но никто даже взглядом или жестом не осмеливался протестовать.

С наступлением темноты заговор природы против нас продолжался. Тонкий слой облаков заволакивал небо, закрывая звезды, но не было даже намека на дождь. Я мог ориентироваться по звездам не хуже любого моряка. Ледяные просторы Севера подобны морю — широкие, враждебные и обманчиво спокойные. Но, не видя звезд, ни Скорла, ни я не могли определить, где мы и куда плывем. Лишь на рассвете, когда солнце было далеко слева, нам обоим приходилось изо всех сил наваливаться на руль, чтобы вновь положить корабль на нужный курс. Мы продолжали плыть на восток, к дальним берегам моря Вилайет, но больше нам ничего не было известно. Как далеко мы переместились на север или на юг? Или на запад? Не отнесло ли нас ночью туда, откуда мы пришли, прямо в лапы Ага Джунгаза?

Наше положение становилось все более безнадежным, по мере того как люди слабели, а вода в бочке подходила к концу. Когда пришло время раздачи очередной порции, ковш проскрежетал о дно бочки,

зачерпнув зловонную жижу, которую никто не рисковал пить. Некоторые были на грани безумия.

Однажды один из немедийцев заметил возле борта большую рыбу и прыгнул в воду с ножом в зубах. Этот смелый поступок, встреченный одобрительными возгласами, на самом деле оказался весьма глупым, поскольку, прежде чем мы успели подумать о том, чтобы помочь храбрецу, рыба сожрала его и скрылась в кровавом облаке. Скорла сказал мне, что эта тварь называется акула и что в ее натуре соединяются черты льва, волка, медведя и стервятника. Это самое грозное морское создание, если не считать больших китов, напоминающих плавающие горы, извергающие фонтаны.

Вдалеке парили морские птицы, но они, похоже, сторонились нашего корабля. Скорла заметил, что подобное противоречит его опыту. Обычно птицы спокойно садились на мачты и реи. Тем не менее, когда какая-нибудь птица оказывалась несколько ближе, в нее неизменно летело несколько стрел. В конце концов я приказал людям не тратить стрелы впустую.

Все это время Шанара лежала пластом в каюте, которая, как сказал Скорла, предназначалась для капитана корабля. Каюта была достаточно просторной, к тому же в ней были окна. Большую часть времени моя жена проводила на мягкой койке. Качка оказалась невыносимой для ее желудка и ног, привыкших к твердой земле.

Я приходил к ней каждую ночь, когда на море опускался бледный закат, но вскоре жара, голод и жажда настолько измотали нас, что нам пришлось отказаться даже от любовных утех. Все, что я мог, — лишь тупо проклинать богов, судьбу, магию и собственную глупость, из-за которой я был обречен умереть, медленно иссыхая, словно кусок никому не нужной падали.

На седьмую ночь айсир, что нес вахту у руля, хрипло закричал и топнул ногой по доскам над моей головой. Я проснулся и вышел посмотреть, в чем дело. Айсир стоял на цыпочках, глядываясь в даль.

Нос корабля был направлен в сторону восходящего солнца, но виднелся лишь край его ослепительного диска. Остальное закрывал поднимавшийся из моря иззубренный черный силуэт.

— Скорла, что, акула откусила кусок солнца?

В ответ мой друг лишь рассмеялся и хлопнул меня по спине.

— Нет, уроженец севера Гор, нет! Это остров, и солнце поднимается за ним.— Он начал кричать: — Земля! Боги наконец смилиостились над нами! Мы спасены!

Мы тотчас начали отдавать приказы. Гребцы уселись на свои скамейки, весла опустились на воду, и мы завопили, забыв о жажде:

— Гребите! Гребите, пока не треснут ваши спины и руки не вывалится из суставов! Гребите!

Гребцы навалились на весла и даже пытались петь, насколько им позволяли иссушенные глотки и потрескавшиеся губы. Корабль заскользил по волнам, словно змея. Казалось, впервые за целую вечность поднялся ветер. Воздух стал прохладным, и наполнившийся ветром парус помогал нам, словно целый легион свежих гребцов. Мы мчались так быстро, что, казалось, перелетали с гребня одной волны на другую. По мере того как солнце поднималось над горизонтом, остров превращался из черного пятна в покрытую густым лесом гору, возвышающуюся над волнами. На ее вершине торчали голые скалы. У основания горы простирался широкий песчаный берег, на который нас и выбросило море.

Незадолго до того, как мы причалили к берегу, Шанара впервые за все эти дни покинула каюту. Я еще раз отметил про себя, как прекрасны ее развевающиеся на ветру волосы и освещенное рассветными лучами бледное лицо. Она вновь ожила после долгих, тяжелых дней, проведенных в каюте.

Шанара неуверенно поднялась туда, где стояли Скорла и я, и тоже взглянула на остров.

— Интересно, живет ли здесь кто-нибудь?

Я коснулся рукояти меча Делрина.

— Если кто-нибудь здесь живет, они дадут нам все, о чем мы попросим, или мы отберем это у них силой.

Я втайне надеялся, что нам представится возможность сразиться. После дней, проведенных в невзгодах и бездействии, я жаждал схватки и был уверен, что и другие испытывают те же чувства.

Волны сделали за нас большую часть работы, вынеся корабль на отмель. Затем все, кроме Шанары, спрыгнули на берег и вытащили корабль на сушу. Не сковаваясь, мы сразу же отправились на поиски воды и пищи. Я шагал рядом с Шанарой, остальные — за мной. Корабль, который никто не охранял, остался позади.

Вокруг, словно гигантские колонны, поддерживающие зеленый свод леса, возвышались дававшие прохладную тень деревья. На сотни футов вверх тянулись переплетенные лианы, по которым носились стаи веरещащих обезьян.

Нам почти сразу же удалось подкрепиться. Тяжелая роса все еще лежала на листьях, и мы тут же начали ее слизывать. Затем было потрачено несколько стрел, на этот раз не впустую. Мы полакомились обезьяням мясом и напились обезьяней крови. Я съел свою обезьянку сразу же, едва убив, прямо сырую, так же как и айсиры. Но немедийцы развели костер и поджарили свою добычу. Моя жена, верная своему цивилизованному воспитанию, ела вместе с ними.

Чуть позже в центре острова, на полпути вверх по склону, мы нашли холодный источник, с журчанием струившийся среди камней. Мне все еще казалось подозрительным это неожиданное везение, словно кто-то мучил нас надеждой, подобно кошке, которая позволяет пойманной мыши отбежать, а затем обрушивает на нее еще более страшный удар своей когтистой лапы.

Я приказал остановиться; айсиры стояли спокойно, а немедийцы, разинув рот, смотрели, как я опустил

ся на четвереньки и понюхал воду. Похоже, все было в порядке, и я начал лакать воду языком. Остальные, столпившись вокруг, принялись жадно пить, погружая в ручей головы, прыгая и плескаясь, словно дети.

Какое-то время мы отдыхали, затем решили обследовать остров более тщательно. Остров был необитаем, но прежде здесь явно кто-то жил. В зарослях неподалеку от источника лежали осыпающиеся от прикосновения огромные каменные блоки, покрытые мхом, заросшие лианами и наполовину погрузившиеся в землю. На них еще можно было различить высеченные изображения, подобных которым я никогда прежде не видел. Большинство из них стерло время и непогода, но часть фигур сохранилась. Изображений, похожих на человека, было немного, и все они располагались по краям или в других, не самых главных местах барельефов. Зато изображения чудовищ — громадных созданий с щупальцами, когтями и крыльями — занимали большую часть рисунков. Это были колоссы, превосходившие величиной горы, обозначенные позади них кривыми и зубчатыми линиями.

На камнях виднелись и какие-то надписи. Я попросил Шанару прочитать их, но она не смогла этого сделать. По ее словам, это была древняя письменность, относившаяся к временам древних царств, названия которых для меня были пустым звуком: Валузия, Атлантида, Лемурия... Возможно, для Джеймса Эллисона эти имена звучали более осмысленно и, возможно, на него наше открытие произвело бы большее впечатление.

Мы нашли гигантскую каменную голову, почти полностью погрузившуюся в землю джунглей, которая растрескалась много лет назад, когда остров поднимался из моря под воздействием чудовищных сил (так рассуждал Эллисон — Гор даже понятия не имел ни о чем подобном). Физиономия ее была птичьей, но более широкой и плоской, с высокими, как у человека, скулами и с закрытыми человеческими глазами.

Однако когда-то на месте носа у нее был клюв. Он давно отвалился и рассыпался, но обломок его достигал в высоту человеческого роста. Возможно, для Эллисона это что-то и значило, но для меня, Гора, и для всех остальных каменное лицо было лишь забавной диковинкой.

Быстро темнело, и я приказал разбить лагерь возле ручья.

— Не вернуться ли нам на берег, чтобы охранять корабль? — предложил один из айсиров.

— Нет, — сказал я. — На этом острове нет никого, кто бы мог напасть на нас, а если враг появится с моря, лучше, если он не найдет нас на берегу. Мы сможем обнаружить его раньше и воспользоваться преимуществом. Так что устраиваем лагерь здесь.

Я выставил часовых: четверых немедийцев на расстоянии в сотню шагов от лагеря, по одному с каждой стороны, и четверых айсиров — значительно ближе. Если бы кто-то попытался к нам приблизиться, дальние часовые подняли бы тревогу, а ближние разбудили бы всех в лагере. Кроме того, я не рискнул спать под охраной одних лишь немедийцев. Некоторые из них до сих пор могли быть недовольны тем, как с ними обошлись на корабле.

Долгий ярко-красный закат предвещал большую кровь, но я предположил, что если нечто подобное и случится, то в будущем, когда мы покинем остров. В ту ночь мы с Шанарай спали отдельно от остальных на расстеленном на земле плаще, и впервые за много дней мы вновь смогли стать друг для друга волком и его самкой. Когда я наконец заснул, мне ничего не снилось.

Часовые должны были сменяться каждые три часа. Сквозь сон я слышал, как, передавая друг другу пост, они обмениваются короткими репликами. Внезапно посреди ночи меня разбудили крики и суматоха.

Высоко в небе, освещая голые скалы, висела полная луна, и в заливавшем джунгли лунном свете я увидел нечто такое, отчего меня охватило изумление и

ярость. В джунглях шло сражение. Я слышал крики и лязг стали. Остальные, просыпаясь на ходу, тоже их слышали и бежали на шум. Ко мне, спасаясь бегством от битвы в джунглях, сломя голову неслись обьятые ужасом пятеро немедийцев.

— Трусы! Собаки! — закричал я. — Вы что, бросаете Гора и айсиров? Не посмеете, клянусь всеми вашими богами!

Они разбежались в разные стороны, когда я занес меч Делрина, и завопили, словно женщины, когда в слепой ярости я кинулся на них. Один из них попытался заслониться щитом, но мой меч уже опустился, разрубая его кольчугу, живот и позвоночник. Тело немедийца распалось на две половинки еще до того, как на его лице успело отразиться что-либо, кроме беспомощного изумления. Бурлящим фонтаном ударила кровь, и труп рухнул наземь.

Я с легкостью мог догнать самую быструю дичь, так что мне не составило труда схватить другого труса за шею. Я не стал убивать его сразу, а повалил на колени, держа левой рукой за горло. Всхлипывая, он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Трусливый ублюдок! Что повергло тебя в такой ужас? — прорычал я.

— Господин... господин... беги! — заикаясь, выдавил он. — Беги, если тебе дороги жизнь и рассудок. Черная магия... ничто не в силах ей противостоять...

Я сильнее сжал его горло, едва не сломав шею.

— Что там? Говори, сопливый пес!

— Господин, выслушай меня и поверь, — умолял он. — На стражу напали легионы бронзовых воинов, в масках с птичьими клювами, с перьями на шлемах и с железными крыльями за спиной. Они налетели на нас с верхушек деревьев, словно чудовищные птицы, вспарывая животы когтями и изрыгая огонь из своих копий!

— И ты бросил остальных и сбежал? Если ты не можешь жить, как подобает мужчине, то не можешь и умереть по-человечески.

В звериной ярости я переломил его шею, словно сухую ветку, затем оторвал голову и швырнул ее вслед одному из убегающих, сбив того с ног. На все это ушло лишь несколько секунд. Я не мог оставаться в стороне от схватки. Размахивая над головой громадным мечом Делрина и высоко подняв щит, я помчался в джунгли, издавая боевой клич северного берсеркера.

Немедиц был прав. Сотни, нет, тысячи крылатых людей спускались со звездного неба с пылающими копьями, с серебряными мечами и со щитами из кованого золота в руках. Я не знал, были ли они людьми, с головы до ног покрытыми броней, или же какими-то механическими созданиями. Охватившее меня кровожадное безумие затмевало все человеческие мысли. Мою силу, быстроту и ловкость человек времен Джеймса Эллисона не мог себе даже представить. Я сокрушал железные тела, отрубая им головы и конечности, — но они не умирали. Одни лежали неподвижно, другие же нелепо ползали и подпрыгивали после моих страшных ударов. Кровь из них не текла. Я продолжал драться, безнадежно и отчаянно, а их становилось все больше и больше — казалось, их полчища заслоняют луну на небе. Их крылья, маски, щиты были везде, подобно морю металла. Вокруг сражались мои воины. Среди нагромождения бронзы и сполохов огня я видел айсира или даже отважного немедица, дравшегося насмерть. Я видел, как они падали под беспощадным натиском врага. На мгновение рядом со мной появился Скорла, потом исчез. Затем откуда-то сверху прямо передо мной рухнуло его безголовое, безрукое и безногое тело и свалило одного из врагов. Даже погибнув, мой отважный друг сражался на моей стороне.

Казалось, сама земля была против нас. Гора сошла и ревела, сбрасывая каменные лавины и на людей, и на чудовищных гарпий. Деревья швыряли в нас свои громадные ветви и падали. Огромные лианы прорезали небо, словно хлысты в руках титанов.

Мой разум отказывался повиноваться. Внезапно мне показалось, что я падаю внутрь черного облака, затем нахлынула волна камней, человеческих тел и земли, и я видел перед собой лишь горную вершину, огромную и величественную в лунном свете. И вдруг передо мной предстало лицо горы, с двумя гигантскими, пылающими красным пламенем глазами, под которыми разверзлась бездонная пещера рта, откуда высунулся язык, проворный, словно у жабы, но могучий, словно водопад. Язык схватил меня и поднял, и земля расступилась, готовясь поглотить меня. Все, что последовало дальше, казалось чистейшим безумием. Сначала я падал в грохочущую тьму. Я все еще сжимал меч Делрина в руке и дико размахивал им, но мои выпады не достигали цели. Я не мог понять природу окружавших меня сил. Я был подобен муравью в бушующем потоке, песчинке в огромном море крови и каменных обломков... Перед моими глазами возник образ гигантской летучей мыши, и первобытный страх перед неизвестностью исчез, уступая место догадке. Ментуменен! Несомненно, это было дело его рук! Но чьих еще? Чьих? Даже величайшему из магов Стигии неподвластны подобные силы. Даже он не мог заставить расступиться землю, не мог заставить гору раскрыть свою пасть. У него были союзники. Это сделали боги, и даже создания более могущественные, чем боги.

Я падал сквозь бесконечную тьму...

И приземлился...

На бескрайней черной равнине.

Передо мной стояла огромная толпа, и в первых ее рядах четверо моих братьев — Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый и Элвин Молчаливый, — мой отец Делрин, моя мать, Гудрун Златокудрая, и все остальные, кого я убил; их лица были искашены ненавистью. Среди них были и Ага Джунгаз, и черный маг Ментуменен, и маленький дьявол Ташако. И все они хором произносили одно и то же:

— Приветствуем тебя, бессердечный вождь! Приветствуем тебя, Гор-Братоубийца! Вся природа, вся земля и все, что тебя окружает, презирают тебя. Ты нарушил самую главную из всех заповедей. Разве щенок восстает против волчицы? Нет! Но Гор восстал против своей матери. Не пытайся избежать своей судьбы, тварь, недостойная именоваться даже зверем! Смотри! Все вокруг жаждет мщения. Смотри же, вот твой рок! Мы все объединились против тебя!

Не могу в точности сказать, что произошло дальше. Последовала вспышка света, затем настолько мощный взрыв, что мое тело, казалось, разлетелось на куски, а потом, когда мои ослепшие глаза вновь обрели способность видеть, передо мной стояла уже не толпа врагов, а один-единственный противник — бронзовый гигант, у которого между ног мог бы поместиться весь мир. Лицо его было наполовину скрыто густым темным дымом маской. Вокруг ушей вспыхивали молнии.

Его меч медленно и неумолимо, подобно движению времени, опускался, готовый расколоть землю пополам.

Словно в красном тумане, охваченный ни с чем не сравнимым бешенством, я поднял мой меч — уже не меч Делрина, а мой меч — и закричал:

— Гор бросает вызов всему миру, требуя лишь мести! Я не отрекаюсь от того, что совершил. Я буду сражаться со всем человечеством, со всеми богами, со всеми демонами. Я расплющу землю своим мечом. Я сокрушу планеты. Я разрушу все до основания и буду прыгать от хохота, глядя, как обломки мира уносятся в первобытный хаос! Я снова уничтожу Делрина и весь его народ! Снова, снова и снова!

Затем мы с гигантом сошлись в схватке. То ли он уменьшился до человеческих размеров, то ли я стал гигантом — не знаю, но думаю, что, скорее всего, произошло последнее. Я был объят жаждой крови, какую не мог себе представить даже самый безумный берсеркер. Помню, как дрожала земля и рушились горы, пока

мы сражались. Когда наши клинки встречались, вокруг летели белые искры и слышался адский рев. Я билсь изо всех сил, не чувствуя ни боли, ни страха, и мне казалось, что я перешел в некое иное качество, лишившись всяких человеческих чувств. Единственным реальным чувством для меня оставалась лишь ненависть, единственным цветом — цвет крови, единственными звуками — крики, рев и лязг металла о металл.

Постепенно силы начали покидать меня. Я ничего не видел и не ощущал, кроме того, как постепенно притупляется моя ярость. Волна крови схлынула. Гигант исчез. Я все еще держал в руке меч Делрина. И тут ко мне вернулась боль.

Я обнаружил, что стою, шатаясь, под лучами яркого утреннего солнца, на берегу, неподалеку от того места, где причалил наш корабль. Вокруг меня лежали изуродованные тела моих товарищей, изрубленные на куски взбесившимися врагами. Тело Скорлы лежало там, где упало. Я нашел и безголовый труп, и разрубленного пополам немедийца.

Как все это могло случиться? Неужели полчища врагов действительно спустились с горы или вышли из джунглей? Я взглянул на голую вершину, и на ней, конечно, не было никаких глаз. А в лесу среди ветвей кричали птицы и обезьяны.

К своему ужасу, я вдруг увидел, что на берегу нет ни одного вражеского трупа — лишь мои спутники, айсиры и немедийцы. И только лишь меч Делрина был красивым от остряя до рукоятки. Я не мог ничего понять...

И вдруг на меня навалилась страшная слабость. Пронзила оструя боль в боку, затем в ноге. Все мое тело покрывали раны, на правом бедре кровоточил глубокий разрез, колено было ободрано до кости, но самая сильная боль ощущалась с левой стороны. Я тупо посмотрел туда и увидел, что моя рука отрублена по локоть.

Я опустился на колени на окровавленный песок, снял пояс с одного из мертвцевов и перевязал рану. Мой разум практически не действовал, но инстинкт само-

сохранения заставил меня поступить именно так, а не иначе. От напряжения и боли я терял сознание, но страшная мысль тут же привела меня в чувство. Шатаясь, я поднялся и побежал вдоль берега, разбрасывая безжизненные тела в стороны.

— Шанара! Шанара! — истошно кричал я.

Перед тем как потерять сознание, я успел бросить взгляд на восток и увидеть далеко над водой очертания двух тварей, уносявших мою Шанару.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВЫЗОВ БОГАМ

Боги нанесли мне столь чудовищный удар, что я, казалось бы, привыкший в этом мире к чему угодно, был потрясен до глубины души. С отрубленной по локоть левой рукой я стоял на песчаном берегу неспокойного моря, едва сдерживая стон от невыносимой боли. Я изо всех сил вглядывался в туманную даль, где скрылись две летающие твари, уносящие мою дорогую Шанару навстречу неизвестной судьбе. Однако напрасно я пытался разглядеть хоть что-нибудь.

Едва сдерживая рвущуюся наружу ярость и скрежеща зубами, я резко отвернулся и решительно зашагал мимо изрубленных тел. Я, Гор, некогда бывший Сильным, шел по окровавленному песку, терзаемый смутной мыслью... что боги наконец приняли решение, над которым столь долго размышляли.

Решение, направленное против меня.

Нет, даже хуже: против того, чем я был. Против всей моей сущности. Странное чувство охватило меня: словно они наблюдали за мной всю мою жизнь, то и дело — без моего ведома — вмешиваясь в мою судьбу.

Чем понятнее это для меня становилось, тем больше во мне пробуждался волк, мой внутренний зверь, и я то и дело глухо рычал в окружавшую меня пустоту, оскалив зубы. Да, я бросал вызов.

В еще большую ярость приводила меня убежденность в том, что этот выбор был сделан ими слишком быстро. Я оказался творением Великой Дикой Природы случайно. Обладая человеческим мозгом, я, не запятнанный цивилизацией, принадлежал к миллионнолетнему миру природы. Мы, звери, были абсолютно чисты, пребывая в единении с окружающей нас вселенной.

Направление, в котором двигалась дикая жизнь, отражало меняющийся климат гигантской планеты, на которой жили все мы. И вот теперь внезапно кем-то было принято решение, которое должно было изменить это направление силой.

Слишком рано. Я даже догадывался, что боги преднамеренно создали цивилизацию. Возможно, она была их любимым творением. То, что казалось мне лишь неравной заменой лесам, животным и первозданному морю, для них являлось предметом гордости и тщеславия. Возможно, их особенно привлекала некая конкретная черта цивилизации. Какая именно? Если бы я это знал, именно то, чем они так восхищались, стало бы целью моей атаки.

С этими мрачными мыслями я остановился, поднял голову и, взглянув вверх, поднял сверкающий меч Делрина, устремив его в серое небо.

— Приди, Итиллин! — зарычал я. — Безумная, ненавистная Ледяная Богиня, я хочу поговорить с тобой! Итиллин!

Смеет ли человек требовать внимания богов? Да, смеет, если речь идет о великом решении, принятом этими богами, и если он, по чистой случайности, оказался единственным среди бесчисленных жертв этого решения, кто осознавал его опасность. Столь сильна была моя убежденность в том, что я могу говорить от имени дикой природы, что мне казалось, будто лишь усилие воли не дает мне превратиться в зверя.

— Итиллин! — крикнул я. — Хитрая тварь, ты воспользовалась мной, чтобы помочь создать циви-

лизацию, посредством которой боги могли бы затем уничтожить мне подобных. Презренная интриганка, явись же мне!

С моих губ готовы были сорваться и другие, более крепкие выражения, но они не потребовались — передо мной начали вырисовываться туманные очертания.

Я ждал, с опаской сжимая меч и не будучи вполне уверен в том, что стану делать с ведьмой, когда она полностью материализуется.

Должен признаться, я испытывал мрачную радость при мысли о том, что мое отчаянное требование удовлетворено.

Однако ощущение победы исчезло, ибо передо мной возникла не Итиллин.

Охваченный ужасом, я узнал появившуюся в тумане фигуру. Ментуменен!

Вот, значит, каков был ответ богов. Не Итиллин, Ледяная Богиня, а демонический маг, бывший игрушкой в руках еще более могущественных существ.

Устремив на меня загадочный, полный коварства взгляд, он произнес странным хриплым голосом на моем айсирском диалекте:

— Ты наверняка удивлен, что при нашей прошлой встрече тебя всего лишь оставили лежать без сознания, а не убили. Такова была воля богов Юга. Они желали понаблюдать за тобой чуть дольше. Возможно, они полагали, что это позволит им узнать больше о тебе подобных и о смысле твоей жизни. Теперь они считают, что узнали все. Подавляющим большинством было принято решение против таких, как ты. Так что...

Голос мага продолжал звучать в полной тишине необитаемого острова, где мне уже пришлось пережить столько потерь. Однако, когда до меня дошел смысл его слов, я вдруг перестал их слышать. Все эти минуты я продолжал размышлять о том, как бежать от этого сверхъестественного существа. Бегство или нападение стали единственным, что занимало мой разум.

В одно мгновение я вспомнил свою предыдущую встречу с Ментумененом, и эти воспоминания не придали мне бодрости. Судя по тому, что я помнил, не приходилось сомневаться в том, что Ментуменен был демоном, а возможно даже полубогом. Увиденное мной подтверждало, что его могущество превосходит все человеческие возможности.

Осторожно отступая в сторону, туда, где почва была более твердой, я призвал на помощь спасительную мысль: демон Ментуменен, берегись раненого волка!

Возможно, я и прежде был опасен. Но, когда я не был ранен, где-то глубоко внутри меня таился инстинкт самосохранения. Я постоянно взвешивал свои силы и порой даже был готов отступить перед лицом очевидной опасности.

Совсем иные мысли обуревают возбужденный мозг раненого волка. Внезапно случилось невозможное. Прежнее ощущение неуязвимости улетучилось без следа — ибо вот болтается обрубок кровоточащей плоти и каждый разорванный нерв отчаянно кричит от боли.

Да, берегись раненого волка!

Естественно, как Джеймс Эллисон, я знаю, что это не совсем так. Изучив историю эпохи, что последовали за временами Гора, я понимаю, что в древности люди использовали членовредительство, чтобы подчинять себе опасных индивидуумов.

После победы Цезаря над войском Версингеторика у каждого пленника из вражеской армии была отрублена правая рука и запястье немедленно крепко перевязано веревкой (я тоже перевязал свою отрубленную руку). И их целью, и моей было предотвратить смерть от потери крови. Римская справедливость, благородство и высокий уровень цивилизации не позволяли им убивать побежденных, даже делать их своими рабами. Их просто лишили способности снова воевать против Рима.

Так что, хоть я и рычал, бросая вызов богам, где-то внутри меня таился рабский страх, который, возможно, испытывали и бывшие воины Версингеторика.

Я мог поступить и иначе. Мог отступить, примириться с судьбой. Сколько лап нужно отрубить зверю, прежде чем он в конце концов ляжет и умрет? Или что нужно сделать с человеком, чтобы он признал: теперь я ничем не лучше крестьянина, пахавшего землю в двухднях пути отсюда, которого мы оставили в живых, поскольку даже мы понимаем, что кто-то должен делать и эту работу. Конечно, не мы, доблестные воины, но кто-то же должен.

Я чувствовал, как та часть моего разума, которая еще могла здраво рассуждать, лихорадочно перебирает возможные варианты. И еще я чувствовал, что, возможно, должен наконец сделать то, на что по-своему, по-женски намекала Шанара — скрупульно пролитыми слезами или иными знаками, которые не ускользали от моего внимания, но которые воин Гор не считал необходимым замечать.

Охватившие меня чувства и беспорядочные мысли могли бы привести к еще большему самоограничению, будь у меня время на то, чтобы позволить наполнявшей меня тьме продолжить свой молчаливый, смертоносный спор. Но, как это часто бывает, у воина не остается времени на размышления. Враг видел, что я серьезно ранен, и потому он кинулся на меня, охваченный жаждой убийства.

Берегись раненого волка! Ему нечего терять. Он будет сражаться насмерть и потому крайне опасен. Его уже не заботит, останется он в живых или погибнет.

И, будучи раненным, он вынужден прибегать к хитрости, а не к прямому нападению.

Открыто атаковать бога или демона, конечно, невозможно — так, стая волков не может атаковать буйвола. В свое время я наблюдал, как самонадеянные молодые волки получали горький урок, когда половина их товарищей погибала, а остальные, хромая, ковыляли прочь.

Умная стая сперва начинает досаждать опасной добыче. Несколько ложных прыжков в сторону головы — и сбитая с толку жертва поворачивается туда, где

лязгают острые сильные зубы. В это время другие волки вцепляются в задние ноги. Один, два, три быстрых укуса — и назад. Подобный метод требует времени, но в конце концов задние ноги массивного зверя уже не могут его удержать... Смелый, могучий буйвол, пришел твой час стать вкусным обедом для голодной стаи...

Первый удар моего меча был направлен в мантию Ментуменена. Когда он сделал выпад своей палкой, целя в одну из чувствительных точек на моем теле, — я слышал о подобных демонических устройствах и уклонился, — его мантия взмыла в воздух, и я ловко распорол ее край острым как бритва мечом Делрина.

Похоже, демоны не умнее людей, ибо он ликующе рассмеялся и сказал:

— Промахнулся! Но теперь ты увидишь, что промахиваешься все время.

На песчаном берегу столкнулись моя хитрая стратегия и его лобовые атаки. Каждый раз, когда он пытался ткнуть в меня своим жезлом, я старался избежать удара, уклонившись лишь на самую малость, так, чтобы ему казалось, будто победа близка. И каждый раз мой меч отсекал еще один лоскут с его развевающейся мантии.

Вскоре мантия превратилась в лохмотья. А затем Ментуменен неосторожно наступил на один из обрывков и споткнулся.

Не могу сказать, как бы воспользовался подобной возможностью другой боец, но мой меч молниеносным движением рассек ремешок на заднике туфли на его правой ноге. Казалось, я не воспользовался тем, что противник мгновение был в полной моей власти.

В следующий миг Ментуменен освободил ногу, запутавшуюся в ткани. Видя кажущуюся тщетность моих усилий и радуясь тому, что не пострадал, он снова попытался ткнуть меня жезлом.

После двенадцати подобных попыток он топтался босиком на каменистой земле в зарослях, куда я завел его, отступая. Туфель на нем уже не было. Его

левая пуговица была распорота. Рукав черной шерстяной накидки разорван от запястья до локтя, и тонкая струйка крови текла из мизинца его левой руки — результат первого преднамеренного соприкосновения моего меча с его плотью.

Казалось, Ментуменена это не беспокоило. Его худое смуглое лицо посерезнело, но в сузившихся глазах не было страха. Глуп ли он? Думаю, его положение было значительно хуже. Он, обладавший особыми способностями, был посредником богов и потому просто не мог вообразить, что кто-либо из смертных способен представлять для него опасность. Он мог всего лишь коснуться своим жезлом определенных точек на моем теле — самое меньшее двух, самое большее трех, — и я немедленно был бы выведен из строя.

Однако даже к самому наивному из всемогущих в конце концов приходит понимание. Для Ментуменена этот момент наступил лишь тогда, когда он остался абсолютно голым, если не считать куска ткани, тянувшегося через его левое плечо и висевшего на ниточке на правом бедре.

Он ошеломленно заморгал и в ужасе кинулся бежать. Это произошло столь внезапно, что даже я был захвачен врасплох. Естественно, почти сразу же я бросился за ним следом. Обогнув каменный выступ, я увидел над головой обнаженную фигуру моего заклятого врага, неуклюже оседлавшего свой жезл. Видя, что с помощью магии он спасается бегством по воздуху, где я не мог его догнать, я крикнул:

— Передай своим хозяевам, что я и мои дикие звери бросаем им всем вызов. Мы не дадим свершиться их зловещим планам, с которыми никогда-никогда не согласимся!

Ментуменен поднимался все выше и выше, и я услышал его голос, доносившийся сквозь шум ветра:

— Помни предупреждение Ледяной Богини. Какое-то время тебе будет сопутствовать успех, затем все изменится. Очевидно, этот остров не станет для тебя

роковым, но скоро — скоро! — ты испытаешь горькое разочарование мужчины, потерявшего свою женщину, которая не погибла, а принадлежит другому. Женщину, которая в конце концов стала достаточно взрослой, чтобы понять, что большой вонючий варвар взял ее силой.

Остров и в самом деле не стал для меня роковым. В тот же день после полудня ко мне вернулась надежда. Я начал обследовать корабль, который привел мою злополучную армию на погибель, с мыслями о том, что, возможно, мне удастся выйти на нем в море. Я надеялся, что ветер погонит корабль на восток — туда, куда уносили Шанару двалетучих железных создания. Именно туда мне нужно было спешить.

Несмотря на зловещее предсказание Ментуменена, что в будущем Шанара оставит меня, сейчас она по-прежнему нуждалась во мне. Я надеялся, что смогу спасти ее, прежде чем ее постигнет злой рок.

Что касается самого предсказания, мне на него было наплевать. Всем известно, что демоны — коварные твари, которые постоянно обманывают и лгут, выполняя волю своих небесных хозяев.

Пока я размышлял над возможностью морского путешествия в одиночку, далеко на горизонте появился парус. Вскоре у берега бросил якорь большой корабль и меня переправили туда на шлюпке. К утру я договорился с капитаном, что меня доставят к неизвестным восточным землям. В обмен я подарил ему свой корабль.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ОРУЖЕЙНИК И МАГ

Один! Единственный оставшийся в живых. Одинокий волк.

Искалеченный волк. Гор Калека, который некогда был Гором Сильным.

Да, я все еще был Гором, но прежний Гор все больше и больше ускользал от меня, сжимаясь и уменьша-

ясь во времени и пространстве, подобно моей левой руке, которая гнила теперь вместе с трупами моих бывших товарищей на безымянном острове. Хотя трехногий волк обречен на скорую гибель, для умного человека потеря конечности вовсе не означает смерть, и потому человек во мне должен был вновь стать основой моего существа. Человек, а не волк. Не волк и не Ми-Го, а человек. Хомо сапиенс, или настолько близко к хомо сапиенс, насколько это было для меня возможно...

Ибо я больше не мог оставаться недостающим звеном цивилизации, скорее полузверем, нежели человеком. Я должен был обдумывать и планировать вещи куда более сложные, чем утоление голода стаи или удовлетворение своих инстинктов с охотно отдающейся самкой Ми-Го. Если я хотел выжить, я должен был рассуждать как человек, отбросив все звериные желания и страсти, пока... пока что?

Когда корабль, который прежде был моим, а теперь принадлежал моему спасителю, моряку-туранцу, оказался вблизи берега, я оторвался от размышлений, вновь переключившись на происходящее вокруг...

Когда туранец нашел меня на залитом кровью берегу того кошмарного острова, первой его мыслью было прикончить меня. Однако в маленькой шлюпке вместе с ним на остров высадились двое, и они были моряками, а не воинами.

Так что туранец предложил мне сделку: мой корабль в обмен на безопасную доставку к восточному побережью. Почему бы и нет? Какая польза от корабля мне, одионокому калеке? Однако я едва не разорвал нашу сделку, не успев ее заключить, когда увидел, что делают спутники капитана с телами моих убитых товарищей.

Мародеры! Они отрезали пальцы трупов ради золотых и серебряных колец, отрубали окоченевшие руки ради браслетов, выдирали серьги с драгоценными камнями из ушей и выбивали золотые зубы из рас-

крытых ртов моих мертвых воинов! Как волку, выросшему среди волков, мне часто приходилось есть мясо свежеубитого человека, но лишь ради удовлетворения голода и желания жить и ни по какой иной причине. Эти же люди были подобны стервятникам, и от их вида меня тошило больше, чем от боли в обрубке руки.

Видя, что даже в таком состоянии я готов прийти в неистовство, туранский капитан поспешил объяснил, что эта добыча обеспечит безопасность моего путешествия. Драгоценности предлагались тем, кто согласится доставить меня к устью Запорожки. Едва он проговорил это, как двое мародеров, все еще занятых своим кровавым делом, хором закричали, что согласны.

О отважные добровольцы, Кафра Талл и Зорасс Джадра — грабители мертвых! Итак, вы обещали безопасно доставить меня к восточному побережью? А что потом? Кто гарантирует вашу безопасность?

Слегка потускневший меч Делрина дрожал в моей здоровой правой руке. Все мое существо, помимо моей воли, призывало меня поднять меч и убивать, убивать, убивать!

Позже, сказал я сам себе. Позже.

И теперь этот момент наступил, и в моей голове начал созревать план...

Когда корабль подошел к скалистому берегу, за которым простирались густые джунгли и низкие, покосившие буйной растительностью холмы, я встал и подошел к рулевому. Зорасс Джадра окидал беспокойным взглядом утренний океан в поисках чужих кораблей. Я знал, в чем причина его беспокойства, поскольку подслушал разговор моих спутников прошлой ночью. Эти воды с незапамятных времен славились своими пиратами.

Ночной разговор четверых моих «компаньонов» сказал мне многое. Вот что мне удалось узнать...

Утром мы должны были оказаться в нескольких лигах от того места, где Запорожка владает в Вилайет,

и между нашим кораблем и рекой должен был находиться город с весьма странным населением. Четыреста лет назад туранцы построили на море крупный форт, разместив там военные корабли из Аграпура и других городов западного побережья. Задача этих кораблей была проста: справиться с пиратскими бандами, корабли и поселения которых роились словно мухи вдоль берегов реки Запорожки.

Однако несколько десятилетий спустя пираты сами овладели крепостью, свергли капитанов военных кораблей, и пиратская армада двинулась на разграбление самого Аграпура. В морском сражении при Аграпуре обе стороны потеряли более половины своих воинов, а уцелевшие вернулись в свои гавани, зализывая раны и восстанавливая понесенные потери. Затем в течение более двух столетий над водами Вилайета установилось тревожное перемирие. У туранцев были свои проблемы, у пиратов тоже, и на какое-то время им стало не до войны.

Таким образом, форт на восточном побережье превратился в небольшую крепость за высокими стенами, окруженную лабиринтом улиц и лавок и населенную самой невероятной смесью рас и народностей, которую только можно себе представить. Постепенно пираты привыкли к комфорту цивилизованной, более или менее спокойной жизни; многие стали лавочниками и торговцами, а с них взяли пример и их сыновья.

Они торговали вдоль всего побережья моря Вилайет и терпеть не могли настоящих, бродячих пиратов с реки, а потому почти полностью их уничтожили. Установились торговые связи: по морю — с городами западного побережья, по сухе — вдоль всего восточного берега, далеко на восток, до самого Кхитая с его яшмовыми куполами и курильнями опиума.

Вновь открытые морские и сухопутные пути процветали, привлекая в утробу Запорака всех бродяг, купцов и воров мира. Узкоглазых торговцев шелком из Кхитая можно было встретить бок о бок с борода-

тыми гирканскими оружейниками и искателями приключений и наемниками из Киммерии; дворцы изгнанных туранских владык стояли рядом с хижинами черных замбуланских каннибалов, которые приучались питаться мясом менее разумных существ; люди из Иранистана и Бритунии пили вместе в прибрежных тавернах и разыгрывали в кости сомнительные прелести заморанских проституток...

Из всей этой многоязыкой орды возник самый странный из всех символов цивилизации тех беспокойных времен, и имя Запорак стало синонимом господства!

Затем вернулись пираты...

Морские коршуны вновь начали разбойничать в морях, где почти все уже позабыли об их существовании. Да, теперь их было намного меньше, но соответственно и добыча их стала намного богаче. Они обосновались на прежних местах по берегам реки, где при необходимости могли скрываться в течение многих месяцев, прежде чем выйти в море на очередную охоту. Было ясно, что пройдет еще несколько лет, и они начнут представлять не менее серьезную угрозу, чем печально знаменитые пираты прежних времен.

Именно пиратов и опасались Зорасс Джадра и трое туранцев. Пиратов, поджидавших легкую добычу на подходных путях к Запораку. Торговцы из города обычно выходили в море под охраной нанятых ими военных кораблей, но иногда капитан не мог или не желал платить за подобную защиту и становился желанной целью для морских разбойников.

Конечно, на нашем маленьком корабле не было никаких сокровищ. Однако он мог оказаться лишь игрушкой для изголодавшихся по развлечениям пиратов!

Мы двигались на юг вдоль побережья в сторону Запорака. Через час мы должны были благополучно достичь порта, если, конечно, ничто нам не помешает. Однако я чувствовал, что нам это не удастся, и именно поэтому подошел к стоявшему у руля Зорассу Джад-

ре. Он не мог чувствовать опасность так, как я, и глаза его не могли видеть, как глаза волка. Паруса приближавшегося к нам разбойниччьего корабля виднелись на горизонте уже по крайней мере минуты три, когда я сказал ему:

— Паруса, Зорасс Джадра, пиратские паруса. Они догонят нас задолго до того, как мы доберемся до Запорака...

— Паруса? Пираты? — Он резко повернулся, окидывая взглядом открытое море, затем увидел надутые паруса — один большой и один маленький, — очертания которых быстро увеличивались на горизонте. Лицо его исказилось от страха.

— Кафра Талл! — закричал он. — Джорим, Герам Филосс! Все наверх, быстро! Пираты!

— Пираты? — воскликнул Кафра Талл, выскакивая на палубу, бодрый и свежий, словно и не спал еще секунду назад. — Где?

Позади него с тревожными криками выбирались из прохладной тени под палубой остальные.

— Вон, вон они! — крикнул Зорасс Джадра, показывая вдаль трясущейся рукой. — Они настигнут нас еще до того, как мы обогнем мыс!

Герам Филосс, моряк более опытный, послюнил палец и подставил его ветру.

— Не обязательно. С суши дует хороший ветер, а наш корабль достаточно легкий. Если мы пойдем под всеми парусами, им нелегко будет нас догнать.

— Погодите, — сказал я, прислонившись спиной к борту. — Вам заплатили за то, чтобы вы доставили меня в Запорак.

Они тупо уставились на меня, словно увидели первый раз в жизни. Затем, не обращая на меня внимания, Герам Филосс вырвал руль у Зорасса Джадры, в то время как остальные двое бросились к парусам.

— Нет, — глухо прорычал я, — в открытое море мы не пойдем. — Я толкнул Герама Филосса плечом, и он рухнул возле руля на палубу.

Ругаясь, он вскочил на ноги и схватился за висевший на поясе длинный нож, но меч Делрина, казалось, стал действовать по своей собственной воле. В последнее мгновение моряк попытался уклониться, но слишком поздно. Острье меча свистнуло между его оскаленными зубами, напрочь срезав нижнюю челюсть и вонзившись в горло. Мгновение спустя он был мертв.

Остальные трое набросились на меня, и корабль развернуло бортом к ветру. Зорасс Джадра занес кривую саблю высоко над моим плечом, но я, опустившись на одно колено, вонзил меч Делрина ему в пах, располовив живот до пушка.

— Ты ублюдок и мародер, — сказал я, глядя, как оседает его тело, — а я волк. Волк! — яростно зарычал я, поворачиваясь к оставшимся, которые, оцепенев от ужаса, смотрели на меня остекленевшими глазами. Ольяненный кровью, с горящими как у зверя глазами, я рванулся к ним. Кафра Талл успел поднять клинок, защищаясь от сокрушительного удара, но увидел лишь разлетающиеся обломки своего меча, за мгновение до того, как мой собственный меч рассек пополам его голову, шею и грудь.

Оставался лишь Джорим, напавший на меня с топором сзади. Мой волчий слух уловил свист воздуха, рассекаемого его тяжелым оружием, и, упав на колени, я замахнулся потемневшим от крови мечом Делрина. Топор Джорима плашмя скользнул по моему черепу, но мой клинок вспорол ему живот, и внутренности вывалились на палубу, обрызгав меня липкой слизью. Я выдернул меч и вонзил его острие в сердце противника еще до того, как у него начали подгибаться ноги. Он рухнул на палубу, и изо рта его хлынула кровь. Мгновение спустя он был мертв.

Я поискал, кого бы еще прикончить, но никого не осталось, если не считать приближавшихся пиратов. Схватившись за руль, я развернул корабль в сторону оконечности мыса. Предстояло лишь обогнать его, и от Запорака меня бы отделяло не больше полутора лиг.

Когда мне наконец удалось выровнять корабль, пираты уже почти настигли меня. Я уже видел их смуглые, покрытые шрамами лица, ощущал их злобные взгляды. Еще несколько мгновений — и они сцепят два корабля вместе абордажными крючьями. Не найдя на борту почти ничего ценного, они наверняка убьют меня и потопят корабль ради забавы.

Я взял небольшой бочонок с водой и вылил его содержимое на палубу. Затем я собрал драгоценности моих прежних товарищей, которые похитили мародеры Кафра Талл и Зорасс Джадра, и, завернув отрубленные пальцы, уши и так далее в тряпку, запихнул сверток в бочонок. Затем я крепко привязал к себе меч Делрина.

Пираты были уже рядом, и в воздух взлетели абордажные крючья. Облив паруса маслом, я поджег их и навалился на руль, пока острый нос моего корабля не развернулся. Ветер с суши наполнил пылающие паруса. Пираты поняли, что их ожидает, но было уже слишком поздно. Я протаранил их, и горящие мачты рухнули на палубу их корабля. Меня тоже сбило с ног, и когда я снова поднялся, то увидел, что оба корабля получили пробоины и медленно погружаются в пучину.

Я схватил бочонок и в то же мгновение увидел мелькнувшую на палубе тень. Один из пиратов прыгнул на мой корабль, несомненно намереваясь отомстить. Обезумев от ярости, он бросился ко мне, размахивая мечом. Я выставил перед собой бочонок, и клинок пирата застрял в нем. Прежде чем он успел выдернуть меч, я ударил его ногой в пах и, когда он согнулся пополам, обрушил бочонок ему на голову. Брызнули кровь и мозги, но я потерял равновесие и, поскользнувшись на окровавленной палубе, полетел за борт. Падая, я ударился головой о фальшборт, и...

...Она всплывала из неведомых глубин, восхитительно прекрасная, но столь же холодная, как и бездонная пучина, из которой она поднималась. Она казалась зеленой в океанской пене и в затуманных

смертью глазах. Глазах утопающего — глазах волка — моих глазах!

Однако, когда она заговорила, я понял, что перedo мной не сирена, не морское создание. Она существовала лишь в моем разуме, а не в окружавших меня волнах. Ведь бесчувственное состояние во многом подобно сну, а она умела подчинять человеческие сны своим собственным целям. Ибо это была Богиня, Ледяная Богиня Итиллин, первая дочь тех Ледяных Богов, чьими детьми были Морозные Исполины.

— Ну вот, Гор, — сказала она, и голос ее был подобен ветру, что гонит снежные вихри по ледяной пустыне, — ты покидаешь мир людей, не исполнив пророчества Ледяных Богов, не так ли?

— Оставь меня, — прорычал я, — и пусть будет что будет.

— О нет! — возразила она. — Для тебя еще есть работа, убийца собственной матери!

— Да? И я все еще должен спасти цивилизацию от разрушения и отдать ее айсирам? — насмешливо спросил я, глядя, как поднимаются перед моим лицом пузырьки покидающего легкие воздуха. — Дай мне утонуть спокойно — или спаси, если можешь. Так или иначе, ледяная ведьма, мне плевать на твою болтовню и бесовские пророчества. И поскольку я знаю, что ты не станешь меня спасать, утони же вместе со мной!

С этими словами я потянулся было к ее горлу, но обнаружил, что моя единственная здоровая рука крепко схвачена веревками, обмотанными вокруг бочонка.

— Моя рука! — в ярости закричала. — Верни мне руку, ледяная ведьма, и я задушу тебя!

Она рассмеялась, и смех ее был подобен стуку градин о землю.

— Твоя душа полна жаждой мщения, Гор, и глаза горят адским пламенем, но ты готов без сожаления расстаться с жизнью. Таковы все, подобные тебе. Но нет, ты не умрешь сейчас. Неужели ты хочешь умереть и покончить с жизнью... и с Шанарой?

— Не произноси ее имени, ведьма белой пустыни! — злобно ответил я. — В моей жизни было мало радостей, но Шанара — одна из них. Теперь она потеряна для меня — так же как и моя рука, и множество хороших друзей. Зачем мне жить?

Взгляд Итиллин посеръезнел, и мне показалось, что моей щеки касается ее ледяное дыхание.

— Ты не умрешь, Гор. Однажды я сказала, что твой удел — спасти цивилизацию. Теперь я говорю, что ты спасешь все цивилизации Земли. Ментуменен бросил вызов всем богам — и Юга, и Севера — и призвал себе в помощь силы, которыми сам не в состоянии управлять. Эти силы могут уничтожить нас всех!

Пока что Ментуменен смертен и, несмотря на все свое волшебство, остается человеком, но все больше и больше его человеческая сущность вытесняется силами тьмы. Вскоре он уже не будет человеком по имени Ментуменен, а станет истинным воплощением одного из тех, кому служит, демоном в человеческом обличье. И кто может сказать, орудием какой чудовищной магии он станет? В данный момент в его руках Шанара, и с ее помощью он может подчинить тебя, бросить тебя в бой против его врагов, против твоих же собственных Ледяных Богов...

— Так же, как ты хочешь бросить меня в бой против него? — усмехнулся я. — И скажи, пожалуйста, какое мне дело до Ледяных Богов?

Если боги умеют пожимать плечами — Итиллин пожала плечами.

— Несмотря на всю твою непочтительность и высокомерие, ты должен спасти Шанару, если сумеешь. А наше желание — спасти целую вселенную. Цели и мотивы богов во много раз величественнее, чем цели смертных. — Она помолчала, затем продолжила: — Я прокляла тебя, и мое проклятие нерушимо, однако я могу даровать тебе благо. Ты просил вернуть тебе руку, чтобы задушить меня. Что ж, ты получишь руку... в некотором роде. И поскольку магия похитила

у тебя Шанару, магия же поможет тебе ее вернуть. Теперь кое-что тебе скажу. Можешь забыть что угодно, но не забудь вот этих слов: ты найдешь оружейника и мага. Первый — непревзойденный мастер в своем искусстве, ты узнаешь его, когда увидишь. Второй занимается белой магией. Найди их. Если ты, убийца матери, посмеешь ослушаться, обречена не только Шанара, но и все будущее человечества...

С этими словами она исчезла. Сильные руки вытаскивали меня из моря на палубу военного корабля.

— Что, только один черный пес уцелел? — донесся голос, мгновенно приведший меня в чувство. — Только один пират, да с ним его большой меч, а все смелые парни с маленького торгового корабля пошли на дно вместе со своим судном. Что ж, мы знаем, как поступить с этим псом!

— Подождите! — закричал я. Почувствовав под ногами твердую палубу, я вырвался из удерживавших меня рук. — Я был владельцем этого корабля, а не пиратом. Какая польза пиратам от однорукого? А теперь, когда я потерял корабль и всех своих друзей, где же знаменитое гостеприимство Запорака, о котором я столько слышал? Вы ведь из Запорака, правда?

— Да, — согласился незнакомец. — Но ты можешь доказать, кто ты?

— Нет, — ответил я, яростно глядя на незнакомца, очевидно капитана корабля, — но я могу разбить череп любому, кто назовет меня лжецом! — И я угрожающе взмахнул привязанным к руке бочонком.

Капитан — невысокий человек, с коротко постриженной бородкой, носивший как знак своего высокого положения красный пояс и тюрбан с золотой застежкой — нахмурился и, прищурившись, посмотрел на меня. Наконец, словно на что-то решившись, он улыбнулся и сказал:

— Что ж, пират ты или и нет, но ты единственный, кто остался в живых. И если это ты проторанил ту паршивую пиратскую посудину...

— Да, я.

— Тогда ты имеешь право на гостеприимство Запорака. Мы не можем позволить, чтобы честные торговцы страдали от рук...

— У вас найдется для меня каюта? — прервал я его. — Мне нужно немного побывать одному: прийти в себя и поблагодарить богов за свое спасение.

Конечно, это была лишь отговорка, вовсе мне не-свойственная, поскольку мне никогда не приходилось лгать. Я никогда не молился богам и не благодарили их. Просто не хотел, чтобы кто-нибудь увидел маленький сверток, лежавший в моем бочонке. Было бы слишком сложно объяснить происхождение мрачных человеческих останков, лежавших там вместе с всевозможными безделушками. Несомненно, меня бы тут же сочли пиратом.

Мне показали каюту с окном над палубой, через которое я и выкинул в море куски плоти. Прежде чем сойти на берег, я спросил капитана:

— Возможно, ты мог бы мне еще раз помочь. Прежде всего мне нужен... оружейник...

И он показал мне на пышущую жаром мастерскую на пристани.

Стоя в дверях, я наблюдал за человеком, работавшим в дымном пламени кузнецкого горна. С первого же взгляда я понял, что это именно тот, кто мне нужен. Он трудился над крюком, прикрепленным к стальной чаше. Время от времени он примерял чашу к обрубку руки сидевшего перед ним старого моряка. Наконец зловещего вида крюк был подогнан как следует и его закрепили ремнями. Моряк немного помахал им в воздухе, улыбнулся, заплатил и повернулся, собираясь уходить. Именно в этот момент они оба увидели меня. Я прошел мимо старика и протянул оружейнику свою изуродованную левую руку.

— Мне нужно кое-что особенное, — сказал я. — Длинный нож, арбалет, крюк. Оружие. Можешь сделать?

Он кивнул.

— Да, могу.

Он посмотрел мне в глаза и вздрогнул. Несмотря на то что оружейник был сильным, широкоплечим человеком, с крепкими, как и металл, который они обрабатывали, руками, он смотрел на меня и трялся; затем он тихо выругался и сказал:

— Я... я знал... что ты придешь.

— Да?

— Вчера ночью во сне меня посетило видение.

Я кивнул:

— Женщина, Ледяная Богиня. Я знаю.

— Она называла себя...

— Итиллин, — угрюмо закончил я. — Послушай, у меня есть кое-какие безделушки, драгоценные камни, немного золота и серебра. Они твои, если...

— Нет, нет. — Он поспешил поднял руки. — Мне ничего не нужно. И я могу сразу же начать работать. Я уже нарисовал чертежи сегодня утром...

Пока не была закончена моя новая «рука», я жил в мастерской Дар'аха Хумарла. Лежа на полуоткрытой площадке над мастерской, я прислушивался к густому хрому Дар'аха. На то, чтобы изготовить «руку» — устрашающее оружие, в сущности, целый арсенал, — потребовалось целых четырнадцать дней, хотя Дар'ах работал по четырнадцать часов в день. Все это время он отказывал другим заказчикам, сосредоточившись на завершении моего заказа.

Мы почти не разговаривали; он работал, а я наблюдал за ним, временами оказывая посильную помощь. Постепенно между нами возникло некое родство, и мы молча восхищались друг другом. Мне нравились как сила Дар'аха, так и его немногословность. Его благовейный страх передо мной, несомненно внушенный ему во сне Итиллин, сменился дружелюбным любопытством. Меня очень интересовало, что же рассказала ему обо мне ледяная ведьма, и я решил спросить его, прежде чем мы расстанемся.

Я все-таки убедил его взять безделушки, когда-то принадлежавшие моим товарищам, погибшим на безумном острове. Поскольку так называемые «цивилизованные» люди придавали такое значение этим несъедобным побрякушкам, мой подарок, несомненно, должен был сделать Дар'аха Хумарла достаточно богатым. Тогда я не мог предвидеть, что мой подарок приведет его к гибели.

Поздним вечером тринадцатого дня моя новая рука была наконец завершена, покрыта черным лаком и повешена для просушки. Дар'ах обещал мне, что завтра я снова стану полноценным человеком — по крайней мере, настолько, насколько это позволяло его искусство. Выбрав из вещиц, которые я ему дал, массивный золотой перстень с красным камнем, он вышел и вскоре вернулся с полной корзиной хлеба и мяса, согбаясь под тяжестью меха с вином, лежавшего на его могучих плечах. Кроме того, в его кармане брякало несколько десятков тонких треугольных запоракских монет, которые могли обеспечить ему приличную жизнь в течение трети года.

Я выпил много вина и быстро опьянял от непривычки к сладкому напитку. Дар'ах беззлобно рассмеялся, когда я пошатнулся и чуть не свалился с лестницы, которая вела к моей деревянной постели наверху. Проснувшись, я понял, что что-то не так. Надо мной, сквозь отверстие в крыше, словно зловещий кровавый глаз, светила полная луна. Я почувствовал запах крови.

Что меня разбудило?

Крик? Шум внизу? Дар'аха в углу не было. Я пошел к его койке. Оружейника там не было, не было и золотых безделушек, спрятанных под его одеялом! Я поспешил вниз, в мастерскую.

Моя металлическая рука все так же висела в темной нише в стене, скрытая от посторонних взглядов. Но никаких следов Дар'аха я не обнаружил. Запах крови здесь ощущался отчетливее, и мгновение спустя я чуть не споткнулся о тело... Голова Дар'аха была разбита, и кошелек пуст.

Я вмиг протрезвел, и мой нос уловил в воздухе запахи трех человек. Видимо, они заприметили Дар'аха в городе, когда он ходил за покупками. Да, их было трое — я это знал. Они вернулись сюда следом за ним и стали ждать. Когда все затихло, они вошли, и один из них пробрался по лестнице наверх. Он забрал безделушки, но потревожил сон Дар'аха. Дар'ах последовал за вором вниз, в мастерскую, где прятались в тени двое, которые быстро и без шума прикончили кузнеца.

Черное злодейство! И вся цивилизация — сплошное зло...

Я отыскал их в таверне недалеко от моря. В одном из злачных мест Запорака, которые не закрывались всю ночь, обслуживая рыбаков, путников и торговцев, поздно прибывавших в порт. Это заведение относилось к числу низкоразрядных. Все трое стояли возле стойки и разыгрывали в кости свою добычу. Подонки-гирканцы с лицами заматерелых убийц. Я увидел, как один из отделанных камнями браслетов меняет владельца, и узнал в нем украшение, которое когда-то носил на руке один из моих товарищей.

Шагая среди пьяных посетителей этой дыры, я приблизился к стойке и, наклонившись к одному из троицы, прошептал:

— Знаешь Дар'аха?

— Что?.. — Он повернулся, хватаясь за нож. Я сбросил накидку, прикрывавшую мою новую руку, и повернул металлическое запястье. Сверкнуло узкое, острое как бритва лезвие и с легкостью вонзилось в бок убийцы. Практически не ощущая сопротивления, я повернулся, почти перерезав пополам вытаращившую глаза жертву. Подняв руку, я рассек лицо второго гирканца, от уха до уха.

Пока его подельники падали на пол, третий бросился бежать. Я повернул металлическое запястье, когда он уже был у открытой двери. Окровавленное лезвие исчезло из виду, скрывшись в металлическом футляре, а я поднял руку и направил ее на дверь, на

фоне которой вырисовывались очертания последнего грабителя. Прежде чем он успел скрыться, я нажал вделанную в протез кнопку. Послышался звук мощной пружины, и я ощутил легкую отдачу. Железная стрела вонзилась в позвоночник моей жертвы, вышвырнув убийцу на улицу.

Покинув таверну, я наклонился, чтобы выдернуть стрелу из спины мертвеца, и, оглянувшись, увидел в открытых дверях множество ошеломленных лиц. Мгновение спустя я уже мчался по ночной улице, словно тень, быстро растворявшаяся во мраке.

Над моей головой мрачно усмехалась луна, словно знала некую неведомую мне тайну. Близилось полнолуние. Уставившись на желтый круг в небе, я зарычал, ощущая вспыхнувший в моих жилах странный огонь, — такого никогда не случалось прежде.

Оружейник и волшебник, сказала ледяная ведьма. Что ж, я нашел оружейника, а теперь должен был искать волшебника, белого мага. Но даже без него я ощущал, как в меня проникают магические силы. Я снова взглянул на луну и, инстинктивно присев поволчьи, закинул голову и завыл. Я выл долго и протяжно, наполняя страхом улицы Запорака. Многие в эту ночь вздрагивали в своих постелях, преследуемые странными снами...

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ДАР ЛИКАНТРОПИИ

Я не знал, что вело меня среди лабиринта незнакомых улиц, мимо тускло освещенных винных лавок, из которых доносились хриплые голоса пьяных посетителей.

Никогда прежде я настолько не ощущал себя волком. Никогда прежде не случалось, чтобы некий глубоко укоренившийся во мне инстинкт не позволял мне выпрямиться в полный рост, как подобает человеку.

Из моего горла вырывался глухой рык, казавшийся мне таким же естественным, как дыхание. Словно я был вожаком волчьей стаи, разделяющей тушу ничтожного создания под названием «человек».

Люди поступали так же, как волки, лишь с большим коварством и вероломством, делая вид, что сражаются ради справедливости или из сострадания к другим. Как ни странно, так им было легче убивать себе подобных. Но в любом случае они убивали и продолжали убивать, как волки. Так не лучше ли было просто быть волком, не обремененным чувством вины?

В том, что волки убивают свою добычу, нет ничего странного или неестественного, но каждый раз, когда я начинал ощущать себя чуть больше человеком, меня тут же охватывали ярость и стыд, и я поспешил выбрасывать из головы подобные мысли.

Узкие улицы петляли из стороны в сторону, некоторые заканчивались тупиками (совсем как в пограничных королевствах Немедии, особенно в Бельверусе, казавшемся мне теперь таким же далеким, как в Аргосе, Шеме или тропических лесах Кешана), заставляя меня возвращаться назад в попытках выбраться из ограниченного морем лабиринта Запорака. Я уже говорил — я не знал, что руководило мной. Возможно, сейчас я просто не придавал значения тому, что чувствовал или подозревал.

Я ни на мгновение не сомневался, что все еще нахожусь под действием заклятия Ледяной Ведьмы, как бы далеко она ни находилась в данный момент, и что ее могущество по-прежнему столь велико, что рано или поздно я все равно помчусь к обители Белого Мага. Я знал, что это она порождает в моем мозгу картины, которые, хоть и были призрачны, неизбежно поведут меня к цели, когда я покину Запорак и окажусь в пустыне.

Я даже знал, что искомая обитель будет каменной — возможно, башней посреди бесплодной равнины или пещерой глубоко под землей.

Я был уверен, что Итиллин приведет меня к цели. Разве она не появилась передо мной из морских волн, когда я был так близок к гибели, и не сказала мне такое, что я вновь стал считать ее ведьмой, но вместе с тем и богиней, которой она себя провозглашала? Если уж она решила спасти мне жизнь, то должна была вести меня по предначертанному пути до конца.

В чем именно заключалась ее цель, я не знал. Мне было известно лишь то, что моя встреча с Белым Магом так же важна для нее, как теперь и для меня.

Вот почему я терпеливо кружил по улицам Запорака, зная, что скоро окажусь за его пределами и помчусь вперед, пока его белые, поссребренные лунным светом башни не скроются вдали.

И мои ожидания подтвердились. Когда в конце концов Запорак остался позади и передо мной раскинулась песчаная пустыня, среди которой возвышались лишь несколько валунов, я ощутил столь сильное желание спешить, что даже не оглядывался назад, до тех пор пока город не исчез из виду.

Горизонт впереди, казалось, сливался с безжизненной равниной, однако вскоре вдали показалась широкая каменная стена. Подъехав к ней, я увидел, что в глубь ее уходит прямой туннель, освещенный тусклым красноватым сиянием, а прямо перед входом в воздухе висит светящийся кроваво-красный знак, подобного которому я никогда прежде не видел.

Его треугольные с одной стороны и округлые с другой очертания показались мне неким волшебным талисманом, который, возможно, было опасно переступать. Однако, когда я прошел сквозь него и вошел в пещеру, ничего не случилось.

Это была очень большая пещера, и несколько мгновений мои волчий глаза могли различить лишь туманные, будто подпрыгивавшие силуэты.

Затем свет стал несколько ярче, и я увидел...

Мне приходилось раскалывать черепа множества врагов. Я отрубал руки и ноги, погружал меч глубоко

в животы. Я потрошил противников, разрубая от груди до паха, и без жалости глядел, как вываливаются на землю их внутренности.

Однако, насаженные на железные крючья, скелеты носили следы таких изощренных пыток, что любой другой, менее стойкий, чем я, в страхе бежал бы прочь, ибо то, что некогда случилось с незваными гостями, могло произойти и сейчас, и казалось куда ближе к черной магии, чем к белой.

На мгновение из-за игры света и тени мне почудилось, что скелеты вновь обросли человеческой плотью. В этом красном сиянии создавалось впечатление, что их все еще терзают и раздирают на части сотнями изощренных способов, ибо на костях еще оставалось достаточно мяса, чтобы стало ясно: то, что с ними делали, вряд ли повторялось когда-либо еще. На такое не были способны даже каннибалы, которые, собравшись вокруг костров в далеком Кешане и бормоча бессвязные заклинания, кусок за куском бросают в огонь человеческие останки.

Навстречу мне из тени вышло самое волосатое существо из всех двуногих, которых я когда-либо встречал, однако черты лица и телосложение у него были человеческие. Его бочкообразную грудь покрывали густые волосы, напоминавшие мех. Огромные мускулистые руки придавали ему сходство с гориллой.

— Пусть моя небольшая коллекция трофеев тебя не беспокоит, — сказал он без всяких предисловий удивительно тихим голосом. — Они были врагами Итиллин, и моими тоже. С теми, кто питает к нам вражду, следует поступать жестоко. В каждой щели есть ядовитые змеи, у которых следует отбивать охоту к приключениям.

Он помолчал, затем продолжил:

— Итиллин заверила меня, что ты друг, которому нужна моя помощь. И, хоть я человек в полной мере, мне приятны только волки и их родня.

Он кивнул, и его губы раздвинулись в беззубой улыбке.

— Ты наверняка слышал, что я часто превращаюсь в настоящего зверя. Но это не имеет ничего общего с действительностью. Я маг, а маг может изменять свою внешность так, как считает нужным. Но эта внешность — иллюзия, которая существует лишь в глазах зрителя. Это не означает, что я перестаю быть тем, кто я есть. Даже если бы тебе показалось, что я превратился в крокодила — а это я могу с легкостью совершил прямо на твоих глазах.

Я попытался заговорить, но услышал лишь волчья звуки, срывающиеся с моих губ. Только ценой отчаянных усилий я сумел произнести слова, которые, как я надеялся, будут ему понятны. Или я ошибся? Похоже, он понял то, что я пытался сказать, еще до того, как я вновь обрел способность изъясняться по-человечески.

— Мне не нужно ни во что превращаться, — сказал я. — Ни в твоих глазах, ни в глазах других. Я больше волк, чем человек, и те, кто меня знает, быстро понимают это, без помощи магии и бессмысленных иллюзий.

— Ты всегда считал себя волком, — сказал маг. — И это понятно. Ты был воспитан волками, и именно с точки зрения волка ты наблюдал, как волки раздирают на части твою мать. Но это лишь обман, иллюзия. Думаю, это пройдет. Я уверен, со временем ты поймешь, что я говорю только правду, хотя тебе и не легко признать свое человеческое происхождение. Даже перед самим собой.

Я ничего не сказал, ибо его слова были для меня солью, падающей на кровоточащую рану.

— Что, если я сделаю тебя настоящим волком? — спросил он. — Полностью, до самого мозга костей. Ты будешь волком всякий раз, когда пожелаешь... Ты сможешь быть тем, кем не мог стать еще ни один человек. Всякий раз, когда возникнет нужда заручиться поддержкой великих сил, которые намного старше Человека и доступны лишь тем, кто помнит первобытные инстинкты, как на земле, так и в межзвездных просто-

рах. В том числе и волкам, бегущим сквозь ночь в свете полной луны.

— Ты можешь сделать меня...

— Настоящим волком, — повторил маг, прежде чем я успел договорить. — Я могу наделить тебя бесценным даром ликантропии.

Ты должен произнести лишь несколько слов. Они опасны для меня, но не для тебя. Впрочем, Итиллин защитит меня, когда я произнесу их, и со мной ничего не случится. Однако в любое другое время... Но это неважно. Мне гарантирована безопасность, а для тебя превращение займет лишь мгновение или два и продлится столько, сколько ты пожелаешь. А когда захочешь, ты можешь вернуться в человеческий облик, просто повторив эти слова в обратном порядке. Не нужно касаться никакого талисмана. Не нужно пить магическое зелье. Я обо всем позабочусь, и Итиллин мне поможет.

— Это ее желание? — спросил я. — Желание холодной, безжалостной...

— Нет, нет, ты несправедлив к ней, — возразил маг. — В глубине души она привязалась к тебе. Однако ее мысли занимает великая цель, которую даже я не в состоянии понять.

— Возможно, ты прав, — задумчиво проговорил я. — Что ж, хорошо. Скажи мне слова, которые нужно произнести...

— Это не так просто, — ответил он. — Сначала я должен впасть в транс и призвать все свои внутренние силы, чтобы слова стали по-настоящему магическими. И еще я должен призвать в помощь Итиллин, которая сейчас далеко.

— Далеко? — спросил я. — Я слышал ее голос, он вел меня к тебе.

— Это не более чем аура, которую она создала и внедрила в твой разум во время вашей последней встречи. Мне же нужна от нее более серьезная помощь.

Он пристально смотрел на меня, и мне вдруг показалось, что он читает мысли, которые я не решался высказать вслух.

— Ты, конечно, полагаешь, что никто не станет наделять тебя бесценным даром, не требуя ничего взамен, — сказал он. — Ты с недоверием относишься к любому, чья щедрость превосходит все границы. Твое недоверие вполне оправданно. Однако я хотел попросить тебя лишь об одной небольшой услуге. Ты когда-нибудь слышал о Ламариле?

Я покачал головой.

— Ламариль Непобедимый, — сказал маг. — Он движется сюда с Севера, намереваясь опустошить прибрежные равнины и обратить в рабство всех, кому повезет остаться в живых после резни. Или, скорее, кому не повезет. Меня же он уничтожит после долгих дней и ночей медленных пыток, поскольку мы когда-то поссорились и он считает меня своим первым врагом.

Маг помолчал, все так же пристально глядя на меня.

— Он возглавляет могучую армию из многих тысяч воинов, — медленно продолжил маг. — Однако он всегда едет впереди своих легионов, опережая их на целую лигу и тем самым демонстрируя перед всеми свою дерзость и отвагу. Он ведет себя словно самовлюбленное дитя, но во всем остальном он далеко не ребенок. Уничтожь Ламариля — и его легионы в панике разбегутся, ибо они поклоняются ему, подобно богу.

— Я никогда о нем не слышал, но он наверняка смелый человек, раз отваживается на такой риск, — ответил я. — Ехать одному, зная, что можешь пасть от руки кого угодно: пиратов и людоедов, убивающих всех, кто встретится на пути, торговцев, готовых убивать ради спасения своего товара от жадных рук, за всегда таев таверн, что по двое или по трое выходят ночью в пустыню с длинными острыми ножами, подстерегая неосторожных путников, чтобы заработать себе еще на одну порцию выпивки...

— Ты еще никогда не встречал такого человека, — сказал Белый Маг, прежде чем я успел договорить. — В нем больше семи футов роста, и его защищают как магические заклинания, так и доспехи, изготовленные самыми искусными оружейниками. Его ненависть ко мне столь велика, что он с радостью увидел бы меня насаженным на железный кол над стенами Запорака.

— Обещаю, — сказал я, — что выполню твою просьбу, чего бы мне это ни стоило, ибо я считаю подобную услугу достаточно малым вознаграждением за дар ликантропии.

— Это все, о чем я хотел попросить, — удовлетворенно ответил маг.

Не сказав больше ни слова, он сел на пол пещеры и скрестил ноги.

Я внимательно наблюдал за ним. Он больше не смотрел на меня, и меховая накидка, висевшая у него на плечах и застегнутая на груди замысловатого вида застежкой с драгоценным камнем, казалось, почти сливалась с его волосатыми руками, ногами и выступающим брюхом. Он ни разу не опустил глаз и, подобно бритоголовым немедийским жрецам, смотрел прямо вперед, в пустоту.

Мне уже приходилось видеть человека, по своей воле погружающегося в глубокий транс. По словам некоторых, подобное состояние могло быть опасным, а путешествие в глубины разума могло превратить тело в подобие трупа и остановить дыхание.

Я никогда не видел, чтобы человек, пробудившись от транса, сошел с ума или умер в конвульсиях. Однако о подобных случаях я слышал достаточно часто, чтобы не считать их досужим вымыслом. Впрочем, сейчас меня интересовал лишь результат — могущество, которым маг мог наделить меня, совершив загадочное путешествие в глубь собственной души.

Я не слишком разбирался в магии. Но то, что после подобного транса несколько произнесенных слов

или начертанная на песке шестиконечная звезда могли разбить вдребезги мечи тысячи наступающих воинов, вызвав среди них неописуемое смятение, я однажды видел собственными глазами. Хотя маг, наславший это чудовищное заклятие, был мне незнаком.

Воспоминания о том незабываемом дне молниеносно пронеслись в моем мозгу, и я сделал то, о чем позже мне пришлось пожалеть. Я снял меч Делрина и мою новую руку и положил их рядом с собой на землю.

Я вспомнил еще кое-что, о чем лучше было бы не вспоминать или усилием воли подавить эту мысль: перед тем как свершится магическое действие, доброе или злое, считалось разумным не искушать судьбу, держа в руках смертоносное оружие.

Я никогда не испытывал страха перед колдовством, оно не могло остановить моей руки во время сражения, однако те, кто был знаком с тайнами магии, много раз говорили мне, что меч в руках человека притягивает разрушительные силы. Смертоносный меч Делрина и моя новая рука стали частью меня самого и были для меня не просто оружием. Мудрость и бесстрашие в бою — разные вещи, и я не видел причин отказываться от мер предосторожности в присутствии Белого Мага, занимавшегося и черной магией, о чем неопровержимо свидетельствовали висевшие на стенах пещеры скелеты.

Я знал, что при необходимости смогу достаточно быстро надеть свою вооруженную руку. Могла ли моя волчья хитрость сравниться с искусством человека, обещавшего мне этот дар? Я не мог с уверенностью ответить на этот вопрос. Волк, как и человек, порой совершает неразумные поступки, но рискует значительно больше, забывая о всякой предосторожности.

Впрочем, дело было не только в этом. Если мне предстояло некое превращение, если дар ликантропии действительно был реальностью, наверное, мне следовало испытать его, будучи обнаженным. Искусственная рука, служившая мне оружием, могла оказаться

помехой. Да и как бы я мог ею воспользоваться, став настоящим волком?

Казалось, сидящий ко мне лицом маг, даже будучи погруженным в транс, чувствовал мое замешательство и желал, чтобы я избавился от своей новой руки. Но я понимал, что нельзя доверять ему полностью. Однако не доверять тоже казалось неразумным, поскольку ликантропия была даром, которым мог наделить меня лишь он один. Дар этот был невероятно ценен, ибо, обладая им, я мог наконец найти путь к спасению Шанары и вновь заключить ее в свои объятия после того, как выполню данное волшебнику обещание.

Я пристально наблюдал за Белым Магом, как вдруг взгляд стал более осмысленным. Ноздри его вздрагивали, словно у зверя, уловившего незнакомый запах, черты лица начали неуловимо меняться.

Порой, когда мною овладевали волчье инстинкты, я тоже испытывал подобное возбуждение, и даже малейшие следы чужого запаха заставляли меня приюхиваться и предупреждающе скалить зубы.

Я понятия не имел, как долго продлится его транс, но ничуть не удивился, когда все неожиданно кончилось.

Волшебник медленно поднялся и плотнее запахнул меховую накидку. Взгляд его был абсолютно спокойен. Я сразу же понял, что у него все получилось.

Казалось, он собирается произнести магические слова, но маг лишь медленно отступил на шаг назад, продолжая задумчиво смотреть на меня.

— Мы оба должны быть очень осторожны, чтобы не ошибиться, — сказал он. — Эти заклинания могут показаться простыми, но стоит допустить малейшую оплошность, и все закончится очень печально. Ты понял?

Я весь обратился во внимание.

Он молчал почти минуту, словно давая мне понять, что осознает мое нетерпение и доволен, что я не пытаюсь задать ему лишние вопросы.

— Слова на самом деле просты, — наконец сказал маг. — Они на языке, которого ты не знаешь, но это

не имеет значения. Это короткие, отрывистые слова без шипящих звуков, и если ты в состоянии произнести «Титтат», то сможешь произнести и их. Неважно, если ты не сможешь выговорить их в точности так, как это собираюсь сделать я. Они настолько заряжены магией, что, даже если ты произнесешь их заикаясь и запинаясь, ликантропическая трансформация наступит мгновенно.

Как я уже сказал, — продолжал он, — Итиллин обеспечила мне защиту на то время, пока я буду их произносить. Иначе я бы тоже стал волком.

— И ты хочешь, чтобы я произнес их прямо сейчас?

Волшебник покачал головой.

— Это последнее, чего хотели бы от тебя Итиллин и я, — сказал он. — Ты должен покинуть эту пещеру в своем обычном облике, если намерен сдержать данное мне обещание, а также исполнить все, о чем она может попросить тебя в дальнейшем, ибо она заслужила твою благодарность. Ты сам поймешь, когда наступит подходящий момент. Когда ты увидишь одиночно едущего по пустыне Ламария...

— Но если я не произнесу эти слова следом за тобой...

— Ты должен запомнить их, — прервал он меня. — Просто внимательно слушай. Слов всего четыре, все из одного или двух слогов. Я буду говорить медленно.

— Но моя память...

Он снова не дал мне договорить.

— Они навсегда врежутся в твою память, едва ты их услышишь. Ты никогда их не забудешь. Это тоже составная часть магии.

Он подождал, но, когда я ничего не ответил, быстро добавил:

— Навсегда забудь о ложном поверье, что для ликантропии необходимо дождаться восхода луны или смены ее фаз. Ты можешь произнести магические сло-

ва в любое время, когда пожелаешь совершить трансформацию. А произнося их в обратном порядке, от последнего слова к первому, ты снова обретешь человеческий облик так же быстро, как опускался на все четыре лапы. Слушай же.

Он выпрямился во весь рост, и то, что я считал какими-то невероятными заклинаниями, показалось мне бормотанием пьяницы, бредущей домой поздно ночью.

Я запомнил слова сразу же, лишь только он умолк. Мысленно повторил их три или четыре раза, плотно сжав губы, чтобы с них не сорвался даже самый тихий шепот.

Чтобы сосредоточиться, я опустил взгляд, и тут же хриплое дыхание Белого Мага сменилось странным шелестящим звуком.

Я решил, что, выполнив свою утомительную задачу, он просто отошел в глубь пещеры, и не обращал на него внимания, пока хриплое дыхание не послышалось вновь. И на этот раз оно казалось иным. Оно напоминало тяжелое дыхание зверя.

Резко подняв голову, я увидел, что передо мной уже не человек, а громадный, покрытый шерстью зверь с остроконечными ушами, оскаленными зубами и яростно горящими глазами, зверь медленно пятился назад, с его черных губ стекала слюна.

Я мгновенно понял, что он отступает лишь для того, чтобы тут же броситься на меня с кровожадным воем обезумевшего от голода волка. Ибо это был гигантский волк, самый крупный из всех, кого я встречал вочных лесах и ледяных пустынях, он намного превосходил силой тех волков, что вскорили меня и считали своим соплеменником. Никогда прежде мне не приходилось видеть такого волка.

Я был уверен, что через две-три секунды этот чудовищный зверь вцепится мне в горло. Он стоял между мной и моим оружием и готов был прыгнуть, как только я пошевелюсь. Обладай я человеческой глупостью, я бы мог решить и иначе. Но я был не настолько глуп.

На расстоянии вытянутой руки на стене висела длинная пика с железным наконечником, на котором все еще болтались клочья почерневшей плоти. В то самое мгновение, когда зверь прыгнул, я рванул оружие к себе и ударили изо всей силы. Острый конец вонзился в его глаз, с хрустом войдя глубоко внутрь черепа.

Он поднялся на задние лапы, молотя когтями воздух. Я выдернул пiku, отскочил назад и нанес удар, вонзив острие так глубоко в его внутренности, что оружие вырвалось из моей руки, оставшись в глухо ударившемся о пол пещеры теле.

Слегка потрясенный внезапностью нападения, но достаточно спокойно, как бывало всегда, если убийство прошло гладко и без вреда для меня, я наблюдал, как громадный зверь вновь превращается в человека.

Белый Маг в конвульсиях извивался на земле, хватаясь за грудь в тщетных попытках выдернуть пронзившее его железное древко. Серый волчий хвост исчез, а мгновение спустя звериный мех вновь сменился человеческими волосами. Они так пропитались кровью, что казалось, будто его грудь покрыта крошечными кровавыми червячками, расползшимися из страшной раны.

Он выгнулся в жуткой судороге, и длинная волчья морда медленно превратилась в человеческое лицо. Прежде чем неподвижно вытянуться на полу пещеры, он взглянул на меня, заставив вспомнить те времена, когда мною овладевала жажда убийства и я чувствовал, как мной управляют неподвластные мне силы. В такие мгновения я полностью ощущал себя волком, но, когда безумие проходило, меня начинали мучить сомнения, хоть я все еще оставался безжалостным убийцей, которого не трогали ни хлещущая кровь врага, ни отрубленные конечности. Я чувствовал себя так, словно оказался посреди ревущего потока на краю водопада, где не было ни камней, ни свисающих веток, за которые можно уцепиться.

Я произносил слова превращения лишь про себя. Губы мои не шевелились. Это Белый Маг произносил

их вслух, неоднократно заверив меня, что ему не угрожает опасность. Если бы он с самого начала хотел меня убить, зачем ему было прибегать к столь изощренному обману? Хватило бы одного удара, когда я стоял к нему спиной, или выпада мечом, едва я вошел в пещеру.

Неужели Ледяная Богиня обманула и предала его, дав ему лживое обещание? Неужели она хотела, чтобы он стал волком, зная, что ничто не в силах остановить превращения, стоит ему лишь произнести заклинание?

Неужели она хотела, чтобы он прыгнул на меня и перегрыз мне горло? Или маг совершил самоубийство, зная, что, если я нападу на него с пикой, это будет равносильно тому, что он сам бросится на нее? Возможно, обладая пророческим даром, Итиллин была уверена, что я поступлю именно так, поскольку, по глупости, я снял свою новую руку.

Острие пики могло сделать то, на что не был способен меч. Считается, что кол, вбитый в сердце вампира, может навсегда положить конец его ночных похождениям. Неужели увечья, причиненные пикой, разрушили магическую силу волшебника, лишив его возможности избежать смерти? Не заслужил ли он ненависть Ледяной Богини по неизвестной мне причине, и не совершил ли он сам над собой акт возмездия? А вдруг подобное могло произойти лишь с помощью ликантропии? Волк-оборотень, как и вампир, — сверхъестественное существо, и, убитый в трансформированном состоянии, он мог остаться мертвым навсегда. Все могло быть иначе, если бы он успел обрести человеческий облик, прежде чем душа покинула его тело. Но теперь он должен рассыпаться в прах.

Я отогнал от себя эти безумные мысли, возможно, не имевшие ничего общего с действительностью. Я был уверен лишь в одном: в пещере мне угрожала смертельная опасность. Я поднял мою руку-оружие и пристегнул ее на место. Убрав в ножны меч Делрина, я вышел в ночь.

Простиравшуюся вокруг пустыню все еще заливал серебристый свет луны. Песчаная равнина, монотонность которой лишь изредка нарушали одинокие валуны, тянулась на многие мили, от пещеры до самого горизонта, столь далекого, что, казалось, он сливался со звездным небом.

Слегка пошатываясь, я пошел вперед, полный решимости не отступать и никогда не возвращаться к побережью. Если тот, кто лежал в освещенной красным светом пещере, говорил правду, теперь я обладал даром ликантропии и следовал предначертанным свыше путем. Сознание того, что я могу стать настоящим волком, было для меня важнее всего, и ни на одно оружие, даже самое чудесное, я не променял бы этот бесценный дар. Я шел выпрямившись, как и подобает человеку. Возможно, я стал относиться к людям еще более пренебрежительно, чем прежде, хотя с легкостью перенимал их привычки для собственного удобства, не теряя при этом ни капли вольского чувства собственного достоинства.

Я шагал и шагал по серой пустыне, подгоняемый странным чувством, что если буду следовать пути, которым продолжала вести меня Ледяная Богиня, то рано или поздно встречу того, кого ищу. Как бы жестока и безжалостна ни была ее цель, я не мог поверить, что она желаала погубить меня. Пророчество, вознесенное ею в нашу первую встречу, привело меня в неописуемую ярость, поскольку, по словам Итиллин, меня должны были всю жизнь преследовать опасности и лишения, я никогда не найду покоя и жить мне осталось не слишком долго.

Однако из этих слов явствовало, что она вовсе не хотела становиться на сторону моих врагов и что моим предназначением было спасти цивилизацию — все человечество! — в час некой роковой битвы. И потому у меня не оставалось другого выбора, кроме как во всем следовать ее указаниям, ибо меня окружала чужая, незнакомая земля, на которой жизнь одинокого волка подвергалась ежеминутным опасностям.

Я потерял счет времени, продолжая размеренно шагать по пустыне. Я знал лишь, что минуты складываются в часы и что тьма сменяется рассветом, а затем новой ночью, освещенной сиянием луны.

Когда я наконец увидел его, сперва он показался мне подрагивающей точкой над горизонтом. Однако точка быстро увеличивалась, превратившись в фигуру всадника в сверкающих под серебристым лунным светом доспехах и шлеме. Он двигался по равнине в мою сторону.

Уже один его конь изумлял, ибо никогда прежде я не встречал подобного животного — полосатого, словно зебра, и похожего на лошадь, но с головой рептилии, покачивавшейся из стороны в сторону. Я слышал о подобных созданиях — мифических существах из легенд далеких северных стран, но никогда не принимал эти рассказы всерьез. Магия может творить чудеса, и я не сомневался, что голова животного — лишь иллюзия, созданная колдовским заклинанием, чтобы еще больше удивить человека, созерцающего, как Ламариль Непобедимый в полном одиночестве едет на восток впереди своих легионов.

По мере приближения всадника полностью подтверждалось все, что говорил о нем Белый Маг. Это был самый громадный человек из всех виденных мною, если не считать настоящих гигантов, непропорционально сложенных и внешне неуклюжих. Он производил впечатление великого воина, каждый мускул которого закален в сражениях. А держался он подобно легендарному властителю, право которого командовать не оспаривалось с первого дня его рождения, даже когда он был еще младенцем, хнычающим на руках кормилицы.

Его нагрудник и шлем покрывали замысловатые узоры, но меч был лишен украшений. Сияющий клинок, длинный и острый, казалось, уже был готов косить врагов направо и налево. Или, возможно, он служил предупреждением любому мародеру, который

отважился бы выскочить из-за укрытия в безумной попытке напасть на Ламариля.

Его внезапное появление на краю пустыни застало меня врасплох. Решение пришлось принимать мгновенно. В какой мере связывало меня обещание, данное Белому Магу, теперь, когда он был мертв и убийство Ламариля уже не имело для него никакого значения?

Я не мог ответить на этот вопрос, не зная ничего о том, почему он погиб и какую роль сыграла в этом Ледяная Ведьма. Однако, даже если она предала нас обоих, мне следовало сдержать обещание. Дар ликантропии был каким-то образом связан с моим предназначением, и что-то подсказывало мне, что, хорошо это или плохо, но я должен следовать этому предназначению до самого конца.

Сняв свою новую руку, я положил ее на песок рядом с мечом Делрина. Выпрямившись в точности так же, как Белый Маг, когда он произносил четыре слова, оказавшиеся для него роковыми, я повторил их медленно и отчетливо.

Какое-то мгновение я думал, что ничего не происходит. Затем, посмотрев вниз, я увидел, что мое тело начало вытягиваться и менять форму, сужаясь в талии.

Мои туловище и бедра начали покрываться жесткой белой шерстью, которая росла очень быстро, и еще до того, как упасть на четвереньки, я заметил, что моя одежда исчезла. Вероятно, исчезла бы и моя искусственная рука, если бы я ее не снял. Меня это не удивило, поскольку вполне соответствовало тому, что я прежде слышал о ликантропическом превращении. Одежда каким-то странным образом исчезает и появляется вновь, когда в ней снова возникает необходимость. Мчась по равнине навстречу всаднику, я сообразил, что вырывавшийся из моего горла вой стал более диким, чем прежде, и что мои челюсти превратились в настоящие волчьи. От лязганья зубов мою голову мотала из стороны в сторону, а из пасти на песок падала белая слюна.

Меня отделяло от Ламариля не более восьмидесяти футов, но, казалось, он меня не замечал. Он со средоточенно смотрел вперед, словно обдумывая свои будущие победы.

Не дожидаясь, пока он подъедет ближе, я несся длинными скачками в его сторону так быстро, что, когда его взгляд наконец упал на меня, было уже слишком поздно что-либо предпринимать, кроме как резко остановить своего «коня» и, защищаясь, поднять меч. В следующее мгновение я прыгнул прямо к его горлу.

Меч Ламариля остановил меня. Он ударили плашмя по правому боку, и я полетел в песок.

Ламариль тут же соскочил с «коня», который тотчас галопом унесся прочь, и взревел так яростно, что его рев отозвался эхом от далеких скал. Подняв меч, он наступал на меня, изрыгая проклятия на незнакомом мне языке. О том, что это именно проклятия, свидетельствовали пылающие диким блеском глаза и искривленный ненавистью рот.

Один его рост должен был повергать людей в страх. Однако крупные размеры человека ничего не значат для волка. Люди кажутся ему слишком уязвимыми.

Лишь его искусство владения мечом, которое так превозносил Белый Маг, заставило меня поостеречься и удержало от повторного прыжка.

Я начал кружить вокруг Ламариля столь быстро, что он дважды промахнулся, пытаясь ударить меня мечом. Наконец, когда он на мгновение отвернулся, пытаясь определить источник звука, существовавшего, возможно, лишь в его воображении или бывшего лишь шорохом песка на ветру, я воспользовался представившимся мне шансом.

Я прыгнул к правой ноге Ламариля, вонзил в нее зубы и начал раздирать плоть, пока он не завопил, уронив меч на песок. Столь прославленный и героический воин тут же превратился в жалкое зрелище. Однако я не собирался жалеть его и был уверен в том, что он и не ждал от меня пощады.

Я продолжал терзать его тело, пока песок вокруг него не пропитался кровью и он не затих с разорванным горлом.

Наслаждаясь видом бездыханного тела, которое совершенно не вызывало у меня отвращения, что мог бы испытывать человек, я вдруг ощутил непреодолимое желание вернуть себе человеческий облик. Мне хотелось убедиться, действительно ли ликантропическая трансформация обратима, как утверждал Белый Маг. Если нет, если он солгал мне, то незнакомая местность, в которой я оказался, могла стать для меня столь враждебной и опасной, что я, возможно, не долго прожил бы в облике волка.

Отважного воина можно ненавидеть и опасаться, но волк, бегущий в ночи, изначально считается воплощением зла и немедленно становится мишенью для копий и отравленных стрел.

Я помчался туда, где оставил свое оружие, и, спеша вновь обрести руку и меч, произнес слова в обратном порядке.

Намного быстрее, чем ожидал, я обнаружил, что снова стою выпрямившись. Несомненно, еще какое-то мгновение внешне я походил на волка, присевшего на задние лапы. Однако вместе с переменой, заставившей меня подняться в полный рост, начала исчезать и шерсть на моей спине и бедрах. Я ясно чувствовал, как с легким шелестящим звуком моя кожа покрылась вновь возникшей одеждой. Ощущение было таким, словно при превращении ткань растворилась, повиснув вокруг меня облачком мельчайших частиц. Впрочем, я перестал удивляться, вспомнив, как лед превращается во влажный пар, а затем снова становится льдом.

Едва я выпрямился, моя искусственная рука, казалось, сама прыгнула мне в ладонь. Я даже не заметил, как пристегнул ее на место. Пошатываясь, я огляделся по сторонам, и тут посреди освещенной лунным светом пустыни раздался голос, отчетливый и звонкий,

словно Ледяная Ведьма преодолела все барьеры пространства и времени, чтобы донести до меня важную весть. Речь ее сопровождалась легким звоном, будто миллионы ледяных кристалликов кружили внутри стеклянного сосуда размером с земной шар, мелодично ударяясь о его поверхность.

— Ты отлично справился со своей задачей, — услышал я. — Лишь сбросив человеческую оболочку, лишь призвав на помощь великий дар ликантропии, ты можешь быть уверен в грядущих победах против врагов намного более грозных, чем все встреченные тобою прежде. Кровь должна литься рекой, ибо велика опасность, что все живое может исчезнуть с лица земли.

Много раз тебе приходилось убивать без жалости и пощады. Однако мало считать себя волком в человеческом обличье. То, что верно для волка, верно и для льва, и для медведя, и для какого-нибудь маленького дикого зверька, который вынужден убивать, чтобы выжить. Лишь они могут черпать силу от великих Древних, правящих среди холодных ветров, что обдают нас своим ледяным дыханием из глубин космоса. Древние все еще пребывают во сне, и силы, лежащие в основе их власти, недоступны пониманию Человека. Эти силы намного древнее Ледяных Богов, первой дочерью которых я являюсь. Лишь когда ты бежишь сквозь ночь в облике настоящего волка, их дремлющая сила вливается в тебя; люди же в состоянии общаться с ними только в мимолетных снах, туманных и путающих, которые человек стремится забыть, боясь сойти с ума.

Но наступит день, когда Древние проснутся и земля содрогнется от их необузданного гнева, ибо лишь случайность в начале времен отбросила их в темные глубины Вселенной. Однако день этот лежит в далеком будущем, и сейчас неразумно заострять на нем внимание, ибо земля может погибнуть в любую минуту. Достаточно знать, что, когда ты бежишь сквозь ночь в облике настоящего волка, Йог-Согот и всемогущий

Ктулху могут придать тебе силы, и если ты прислушаешься, то услышишь далекий лай Псов Тиндалоса.

За время всех моих странствий я никогда ни от кого не слышал о подобных богах. Однако это никак не противоречило словам Итиллин. Боги эти были столь ужасны, что люди действительно пытались стереть из памяти любое упоминание о них, чтобы не сойти с ума.

Как ни странно, сейчас меня волновал совершенно другой вопрос — не столь устрашающий, но для меня намного более важный.

— Почему ты предала Белого Мага? — спросил я. — Зачем тебе потребовалось, чтобы он превратился в настоящего волка и чтобы я убил его? Агалли он мне, говоря, что может произнести заклинание, не подвергая себя опасности? Разве ты не обещала ему, что его защитит могущественная магия, которую ты поможешь призвать на помощь во время транса, в который он погрузился? Значит ли это, что ты ненавидела Белого Мага и хотела его гибели?

— Как можно ненавидеть ничтожного червя? — донеслось до меня. — И что значат обещания, данные червю? Он был лишь несчастным, лживым созданием, желавшим помочь мне только ради того, чтобы заслужить мою благосклонность. Он надеялся, что я обращу часть моих магических сил ему на пользу. Его гибель не имеет никакого значения. Все это лишь часть испытания, которому я хотела тебя подвергнуть, чтобы не сомневаться, что даром ликантропии будет наделен достойный.

В человеческом облике ты убил чудовищного зверя, мгновенно осознав угрожавшую тебе опасность и умело воспользовавшись подвернувшимся тебе под руку оружием. Затем, уже в облике волка, ты снова убил, на этот раз выдающегося воина, не имевшего себе равных в этих краях, — Ламариля Непобедимого. Ты успешно следовал моим указаниям и оказался хорошим убийцей.

Однако вместе мы сможем действовать еще успешнее. У нас теперь общие цели, и впредь, когда тебе

снова придется убивать, я всегда буду рядом. Ты будешь черпать свои силы и у Древних.

— Мне многое непонятно, — сказал я. — Если Древние, о которых ты говоришь, полны злобы и вражды не только к человечеству, но и к хранителям земной цивилизации — даже к Ледяным Богам, — как они могут защитить нас в этой борьбе? Разве они не твои и не мои враги? И разве мне не было предсказано стать спасителем Немедии?

— Ты спасешь Немедию, — ответила она, — ибо теперь, когда ты бежишь сквозь ночь в облике волка, непостижимое могущество Древних придаст тебе новые, неведомые силы. Ты даже сможешь подчинить эти силы нашим целям.

— Нашим целям? — переспросил я. — Я ничего не понял. Ты хочешь сказать, что Древних можно заставить либо защитить, либо уничтожить нас?

— Может показаться, что я говорю загадками, но это на самом деле не так, — сказала Итиллин. — Древних не в силах подчинить себе ни человек, ни волк, ни даже Ледяные Боги. Древние неподвластны никому. Однако всякий раз, становясь волком, ты сможешь впитывать их силы всеми фибрами своего существа — непостижимые силы, которых тебе не удастся понять до конца, но которые ты сможешь подчинить себе, заставить их защищать тебя и помогать в борьбе с врагами Немедии.

Итиллин замолчала, затем голос ее зазвучал еще убедительнее:

— Даже самый маленький лесной зверек может стать грозным и опасным. Даже он, хотя и крайне примитивным образом, может подчинить эти силы себе, борясь за выживание.

— Но человек — тоже животное, — возразил я. — Почему же он, в отличие от волка...

Прежде чем я успел договорить, она ответила, и мне не было нужды спрашивать дальше, ибо никто не знал людей лучше, чем я.

— Пресловутый человеческий разум на самом деле лишь прикрытие людского невежества. Он не позволяет человеку подчинить себе силы, которыми тот в определенной степени обладает. Каждое живое существо в состоянии обрести силу от Древних в мгновения смертельной опасности.

Некоторые люди, возможно, в силу своей кровожадности и варварской натуры могут обратить подобные силы себе на пользу, но им никогда не удается сделать это в той мере, что волку или тигру. Ментуменен, например, ошибочно полагает, будто могущество Древних можно обратить на службу врагам Немедии. Он даже верит, что может призвать на помощь самих Древних. Он способен лишь отчасти подчинить себе их силы, но ты можешь победить его, если тебе удастся подчинить их себе. Так или иначе, Ментуменена ждет неминуемое поражение и гибель.

### ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ВОЙНА БОГОВ

«Ты должен найти Шанару. Она ближе, чем ты думаешь. Следуй на север за зверем Ламариля».

Эти слова Итиллин вселили в меня надежду.

Откровения Ледяной Ведьмы переполняли мой разум множеством образов, приводивших меня в полное замешательство. Обругав ее последними словами, я поспешил на север по следам коня-рептилии, некогда принадлежавшего Ламарилю. Поднимаясь на песчаные дюны и спускаясь с них, я все больше ощущал себя зверем, и с каждой милю мною овладевало нестерпимое желание принять волчий облик, казавшийся мне более естественным в этой дикой местности.

Поднявшись на очередной из бесчисленных холмов, я увидел перед собой оазис или то, что я посчитал оазисом. Мысль о воде гнала меня вниз, в прохладную тень, но что-то инстинктивно удерживало меня. Волк

чует колдовство намного лучше человека. Сидевший во мне зверь принюхивался к зноному воздуху, к чему-то незнакомому, таившемуся внизу. Однако мне нужна была вода. С ворчанием оскалив зубы и сжав рукоять меча, я крадучись двинулся в сторону деревьев.

Волосы поднялись у меня на загривке: в воздухе ощущалось присутствие чего-то сверхъестественного. Я вспомнил жуткий остров посреди моря Вилайет.

Здешние деревья никак не походили на деревья пустыни. Их стволы были слишком искривлены, а широкие листья простирались над головой, словно балдахин. Пока я шел к пруду, мне казалось, что деревья перешептываются друг с другом, будто таинственные существа. Зарычав, словно хищник, не подпускающий завистливых соперников к только что убитой добыче, я погрузил лицо в воду. Она показалась мне пьянящим вином.

Оторвавшись от воды, я взглянул на ночное небо. Над пустыней оно сияло миллионами звезд, рассыпанных, точно драгоценные камни на бархате, а здесь, над оазисом, не было видно ни одной! Над мной простиралась сплошная чернота, будто колоссальная тень накрыла меня, заперев в этом таинственном месте. Среди деревьев что-то шелестело, словно они тихо дышали, склоняясь ко мне и пытаясь обнять.

— Гор! — прошептал чей-то голос. — Дитя Земли!

И меч Делрина, и оружие, созданное Дар'ахом Хумарлом, мгновенно сверкнули в моих руках. Я готов убивать — достаточно малейшего повода. Кто-то пошевелился среди густой листвы.

— Мы — твои братья. Следуй за нами.

На песок спрыгнули три фигуры и встали передо мной. Они были без оружия и слишком малы для того, чтобы представлять реальную угрозу. Кожа их походила на древесную кору, руки напоминали тонкие ветви. Когда они повернулись ко мне, я услышал легкий скрип их тел.

— Кто вы? — прорычал я.

— Демоны Стихий,— хором прошептали они.— Наша цель — служить тебе, хотя мы служим Великой. Мы проводим тебя к ней.

Они приблизились и окружили меня. Я продолжал держать оружие наготове, но земля подо мной неожиданно задрожала и начала проваливаться. Я слышал о подобных явлениях в пустыне, но был уверен, что сейчас против меня действует чья-то злая магия. Было слишком поздно атаковать демонов и даже опасно шевелиться, ибо земля проглатывала меня.

— Не бойся, Гор.— прошептали демоны, не отрывая от меня взгляда.— Твои враги далеко. Прими благословение, которое найдешь внизу, и обрети новые силы.

К моему ужасу, меня начало засыпать песком. Меня пытались похоронить заживо! Я выкрикивал проклятия в адрес богов и прочих тварей, заманивших меня в ловушку, но, видимо, было уже слишком поздно, поскольку демоны даже не пытались меня успокоить. Небо померкло. Под тяжестью песка я упал на колени, и он начал сжимать меня со всех сторон, затягивая в холодную бездну. Песок заполнял мне глаза, уши, рот. Мне показалось, что я умер.

То, что последовало далее, больше напоминало сон, нежели реальность. Я знал, что погребен глубоко под землей. Вокруг меня не было ничего, кроме земли и песка. И тем не менее меня не терзали душевные и телесные муки. Меня окутали тепло и покой, а затем ощущение удивительной ясности в мыслях. Я слился с землей, словно с утробой, что меня породила.

До меня доносился голос, подобный шелесту морских волн, столь спокойный и тихий, что приглушил даже мою звериную ярость. Я знал, что ко мне обращается сама Земля, и ощущал свою принадлежность к бесконечному круговороту всех ее созданий, одуванченных и неодуванченных.

— Ты Дитя Земли, Гор. Набирайся же от меня сил.

Я хотел что-то сказать, спросить, но не мог. Мой разум напоминал сосуд, который она должна была наполнить пьянящим вином истины. Я ощущал вкус Земли, ее запах, слышал ее шепот.

— Я погрузила тебя так глубоко в себя, чтобы боги не услышали ничего из того, что я скажу. Боги! Как же они используют моих несчастных детей! — продолжал голос. — Как же они используют тебя, Гор, в своей бесконечной войне! И они рассказали тебе так мало — лишь намеки, разрозненные фрагменты единой мозаики, не более того. Они посыпали тебе видения, которым надлежало вести тебя по пути, уже предначертанному ими. И тем не менее у тебя достаточно сил, чтобы пойти своим собственным путем, даже если он и приведет к той же цели, что они для тебя избрали.

Меня уже давно мучает эта война богов, ибо я вынуждена сражаться против них — Богов Порядка и Богов Хаоса! Их вражда вечна, и я презираю их, ибо они терзают меня и моих истинных детей, словно волки загнанного оленя. Боги Порядка — в частности, Ледяные Боги, которым служит Итиллин, — стремятся поднять цивилизацию до недостижимых высот, ибо верят, что человек и боги смогут мирно сосуществовать лишь в том случае, если человечество выберется из варварства. Они хотят объединить все враждующие народы твоего мира, Гор. Объединить их в новой империи, которая пре-взойдет все существовавшие до сих пор. В Немедии!

Но, как и всему живому, им противостоят Боги Хаоса. В незапамятные времена, когда они развязали небесную войну, разрушившую структуру мира, я едва не погибла, превратившись в безжизненный кусок камня, но все-таки сумела выстоять. Как видишь, я снова жива и дала новые силы своим детям. Однако злобные Боги Хаоса все еще пытаются разрушить творения Порядка и полностью изменить структуру живого, приспособив ее к своим низменным нуждам, извратив и расчленив этот и все остальные миры, — даже те, что еще только возникнут в будущем.

Их конфликт вечен. Вместе с ними сражается бесчисленное множество полубогов и демонов, духов и порождений тьмы, ибо чудовищная небесная война затягивает в свое жерло все сущее.

Я презираю их — Богов Порядка и Богов Хаоса! Я никогда не имела с ними ничего общего, ибо они обесчестили меня и подчинили моих детей своим, а не моим целям! Я должна им сопротивляться, если хочу продолжать существовать. Я изгоню их прочь — бога за богом, демона за демоном.

Есть и другие. Многие миллионы лет назад среди звезд и множества вселенных блуждали чудовищные создания, подчинявшиеся не Повелителям Хаоса, а лишь своим гнусным, но не менее ужасным причудам. Они тоже отбирали у меня жизненную силу, отдавая ее своему отродью. За подобное святотатство другие боги заковали их в невидимые цепи и обрекли на вечное изгнание. Теперь они пребывают во сне — бессмертные, но лишенные свободы. Многие из них покоятся глубоко внутри меня, и я поддерживаю их сон, не давая ему прерваться ни на мгновение. Итиллин рассказывала тебе о них — о Древних. Остерегайся пользоваться их силой! Иначе тебе придется дорого заплатить.

Ты, Гор, не такой, как другие люди. Ты ведь чувствовал это с самого рождения — так же, как чувствовала Гудрун, твоя мать. Она бросила тебя волкам не из-за твоей кривой ноги. Она знала, что ты — Дитя Земли, о котором позаботится сама природа. И разве я не сделала этого? Разве тебя не приводила в восхищение твоя дикая жизнь, твоя способность выжить там, где погиб бы любой другой?

Есть люди — мои истинные дети, Гор, и есть те, кого подчинили своим целям боги. Именно животное начало заставило Ледяных Богов заметить тебя. Чтобы превратить Немедию в оплот всемогущей цивилизации, они должны дать волю насилию и хаосу, ибо только так они смогут подчинить себе всех остальных. Им нужен человек, который больше чем человек, и в

прошлом им уже приходилось прибегать к помощи подобных людей, таких как чародей-альбинос с розовыми глазами или гигант из Киммерии. На этот раз таким человеком оказался ты. Никто еще не был так близок к природе, как Гор Сильный! Тебе предназначено спасти их цивилизацию и заложить фундамент новой империи — на крови. Однако цивилизация сама по себе противна твоей натуре, и потому ты не намерен им повиноваться.

Но как насчет моих желаний, Гор? Еще раз повторяю: я против всех, кто насилияет меня и позорит меня своим отродьем! Я против Богов Порядка, поскольку они стремятся придать случайному ходу событий неестественную упорядоченность, а это приведет ко всеобщему уничтожению. Я против Повелителей Хаоса, которые пытаются изменить все сущее и создать новые вселенные, в которых нет места здравомыслию, лишь страданиям.

Итак, я говорю тебе, Дитя Земли: ступай и создай Немедийскую империю. Подчини себе другие народы. Я же буду поступать в соответствии с собственным планом, и знай: я разрушу ее! Не с помощью огня, наводнения, землетрясения или бури, а с помощью рабов Ледяных Богов! Я погоню их на юг — киммерийцев, ваниров, айсиров, — заставив в страхе бежать перед надвигающейся стеной льда. Им покажется, будто сами боги, которым они поклонялись, обратили против них свой гнев. Да, будут жестокие войны, но в конце концов Ледяных Богов не станет! Конечно, на их место придут другие, ибо Боги Порядка неуязвимы, как и Боги Хаоса, но я снова восстану против них.

Итак, следуй своему предназначению. Гор!

Стань основателем Немедии, даже если это тебе и не по душе. Если ты потерпишь неудачу, это пойдет на пользу Повелителям Хаоса. Если им удастся изменить будущее, мы все погибнем. Ты получил оружие и способности, которые должны помочь тебе. Хаос лишил тебя руки, но Итиллиндала тебе новую, а вдобавок

ко всему наделила тебя даром ликантропии. Пользуйся этим даром с осторожностью, ибо он делает тебя ближе ко мне. У тебя есть еще одно оружие, могущество которого я скрывала от Ледяных Богов с тех пор, как оно впервые появилось на свет, — меч Делрина. Он был выкован огненными демонами глубоко в моих недрах, еще во времена моей молодости. Если ты призовешь дремлющие силы Древних, меч защитит тебя от возможных последствий, а без него ты погрузишься в бездну их могучей воли, как уже бывало со многими и будет впредь.

Но больше всего остерегайся Ментуменена! Этот полубог стремится к власти и господству над миром, и ничто иное его не интересует. Однако он — орудие в руках Сета и Повелителей Хаоса, хотя сам не понимает, как именно они его используют! Он намеревается посадить Ташако на трон Немедии, развратив мальчишку и похитив его разум. Он использует против тебя и Шанару, Гор. Как бессердечны боги! Они уже воспользовались ею как приманкой, очаровав тебя ее красотой. Однако они никогда не позволят тебе получить ее. Разве Ледяная Ведьма не говорила тебе, что ты умрешь, не оставив потомства? Тебя не удивляло, что лоно Шанары остается бесплодным, хотя она столько времени провела с тобой? Да, ты не оставил потомства, чтобы в будущем твой род не претендовал на трон Немедии. Ледяные Боги используют сидящего внутри тебя зверя, чтобы ты завоевал трон для них, но их конечная цель — безграничная власть над всем человечеством. Если это произойдет, я стану матерью, лишившейся детей. Нет, Дитя Земли, королем Немедии должен стать Хьялмар. Это входит и в планы Ментуменена, поскольку он знает, что, если Шанара и Хьялмар станут любовниками, ты возненавидишь своего друга. Трещина между вами расколет Немедию надвое и оставит ее без владыки.

Ты не должен допустить, чтобы Ментуменен разрушил империю еще до ее рождения! Необходимо

расстроить планы Хаоса. Примирись с тем, что Шанара не принадлежит тебе.

Примирись со славной судьбой Хьялмара — ему предстоит убить Горма, вождя пиктов. Не ссорься с Хьялмаром, ибо этим ты лишь окажешь услугу Хаосу. Ведь Хаос уже пытался обманом заставить тебя служить себе. На острове в море Вилайет ты видел во сне крылатых бронзовых чудовищ, а проснувшись, обнаружил своих товарищ убитыми, и тебе показалось, что они погибли от твоей руки. Я слышала, как ты кричал, что будешь сражаться со всем человечеством, всеми богами и всеми демонами и что ты сравняешь землю своим мечом. Над тобой насмехались призраки, тени мертвых — твоей семьи и всех, кого ты убил. «Вся природа, вся земля и все, что за ее пределами, презирают тебя!» — смеялись они. Такова изощренная ложь Хаоса! Будь осторожен, ибо Хаос может попытаться использовать тебя. Не противоречь сидящему внутри тебя зверю, Гор, ибо вся природа и вся земля — твоя истинная надежда. Мы — твои союзники. Будь уверен, что говоришь от имени дикой природы, ибо это действительно так! Ты — мой голос, мой меч, мой защитник!

Видения, которые показывала мне таинственная стихия, с бешеною скоростью проносились перед моим мысленным взором. Наконец-то величественная картина мира предстала передо мной во всей своей полноте. До сих пор я мог видеть лишь ее отдельные фрагменты. Итиллин не солгала, нет! Она обманула меня. Я был прав, не доверяя ей. Она показала и рассказала мне лишь столько, сколько было необходимо, чтобы я отправился в свой путь. Она дразнила меня, используя в качестве приманки Шанару. Шанара! Неужели то, что говорила Земля-оракул, правда? Неужели она никогда не станет моей? Однако мои размышления прервал глухой голос:

— Активность Хаоса невероятно возросла с тех пор, как Ментуменен невольно вызвал к жизни разрушительные силы, которые не в состоянии себе под-

чинить. Его сделки с Сетом и другими богомерзкими существами с Юга стали предвестниками многих бедствий, подобных эпидемиям. Одним из таких бедствий стали Ламариль и его армия — создания Хаоса. Белый Маг, Телордрик, служивший Итиллин, пытался уничтожить Ламария и тех, кто следовал за ним, но безуспешно. В конце концов Телордрик сам продался силам Хаоса и тем навлек на себя гнев Итиллин, которой служил. Именно гнев Ледяной Богини стал причиной его гибели. С твоей помощью, Гор... Итиллин с легкостью могла уничтожить Телордрика сама, но предоставила это тебе, не рассказав об истинных причинах случившегося. Смерть очистила Телордрика, и его душа отправилась не в Хаос, а в угробу земли. Если бы его убила Итиллин, то она отправила бы его в Хаос, а она никогда не посыпала своим заклятым врагам ничего больше комка пыли! Так что тебя обманули еще раз.

Телордрик рассказал тебе, что когда ты убьешь Ламария, его легионы в панике разбегутся. Это действительно так. Но Ментуменен вновь собрал их. Сейчас вместе с Ташако и пленной Шанарой он намеревается выйти вместе со своей армией в море Вилайет, чтобы развязать войну. Не знаю, правда, когда именно. Я не могу прочитать то, что таится в сердце Ментуменена, ибо он настолько пропитан Хаосом, что то немногое человеческое, что в нем оставалось, умерло.

Ты, Гор, должен отправиться на север. Найди эту армию и способ, как уничтожить ее, а если сможешь, то и самого колдуна. Доставь Шанару назад в Бельверус, несмотря на то что я говорила тебе о ее предназначении. Ты должен уничтожить армию Ламария, иначе Хаос осмелеет, и его новые порождения наверняка будут еще ужаснее. Ткань между измерениями столь тонка! Знай, Гор, что надвигается битва титанов не только здесь, в твоем мире, но по всей вселенной. Перевороты и катаклизмы бывали и прежде, но исход этого конфликта решит не только мою судьбу, но судьбы всех времен и всех вселенных. Конфликт между

тобой и Ментумененом --- это ось, на которой держится равновесие во всем мире...

Последовал тяжкий вздох, словно Землю утомила произнесенная тирада. Меня окутала тишина, и я ощущал прилив новых сил; Земля напитала меня ими, словно я действительно был ее сыном. Похоже, она сказала все, что хотела сказать, открыв мне тайны, прежде ставившие меня в тупик. Теперь мне предстояло выбрать свой путь.

Ментуменен и Шанара где-то рядом. Я должен найти их и обрушить на голову колдуна все таившиеся во мне силы. Он — та самая дыра, через которую Хаос выплескивался на землю.

Я потряс головой и обнаружил, что снова стою на берегу пруда. Демоны исчезли, и деревья утратили свой странный вид, превратившись в обычные пальмы. Рядом с собой я увидел тушу оленя и не стал тратить время, задаваясь вопросом, как она сюда попала. Я просто вонзил в нее зубы и начал жадно отрывать кровавые куски, словно дикий зверь, каковым я, собственно, и был. Теперь я знал, что если хочу чего-либо добиться, то должен сбросить остатки своей цивилизованной оболочки. Я был сыном Земли, свободным зверем, и лишь мой неукротимый нрав мог позволить мне завладеть тем, что принадлежало мне и моей матери-земле.

Небо снова прояснилось, мерцая мириадами звезд, взошла полная луна. Я поднял голову и завыл. Звук, вырывающийся из моего горла, ничем не отличался от воя настоящего волка. Вдыхая ночной воздух и пытаясь уловить запах следа зверя Ламариля, я посмотрел на север. Моя цель была где-то там, на берегу моря Вилайет. Закончив пиршество, я помчался к ней по песчаным дюнам.

Два дня и две ночи я выслеживал зверя Ламариля, останавливаясь лишь затем, чтобы добить еды. Я был пустынным хищником, намного опаснее шакала. Я раздирал свою добычу на части и пил горячую кровь,

с наслаждением ощущая, как она вливается в мои жилы. Никогда прежде я не был столь далек от Джеймса Эллисона, ибо по-настоящему вернулся в перво-бытное состояние. От комплексов и страхов современного человека не осталось и следа. Я был сыном Земли: в моем сердце и в моих жилах пульсировала та же чистая энергия, что наполняла внутренности планеты под моими ногами.

Наконец я добрался до высокого каменного утеса, с которого открывался вид на долину. Там, в нескольких милях от освещенных луной вод Вилайета, я увидел войско Ламариля. С этого расстояния я не мог различить отдельных воинов, но знал, что они не принадлежат этому измерению. Вероятно, они были рождением преисподней, ибо они выстроились рядами, словно восставшие из могил. Безмолвные, подобно мумиям, которых мне доводилось видеть среди руин северных городов. Над ними носились летучие существа, очертаний которых я не мог разобрать даже в свете полной луны, но и они, видимо, тоже были рождениями Хаоса, вызванными Ментумененом.

Справа виднелись шатры — вероятно, в них находились Шанара и мерзкий мальчишка, Ташако, которому я намеревался перегрызть глотку еще до рассвета. Земля сказала, что я должен уничтожить эту орду. Но как это сделать? Превратиться в волка и бросаться на всех подряд? Но внизу выстроились тысячи кошмарных созданий. Не оживут ли они, если я попытаюсь на них напасть?

Нет, я должен атаковать самого Ментуменена. Он не мог знать, что я здесь, так близко. Все же я должен был стать волком и тайком обежать лагерь. Мне очень не хотелось прятать меч Делрина теперь, когда мне стало известно его истинное предназначение, но я все же решил закопать его вместе со своей искусственной рукой. Запомнив место, я произнес магические слова Телордрика. Превращение произошло почти мгновенно, и я стал белым волком, шерсть которого засереб-

рилась в сиянии луны. Пробравшись среди песчаных холмов к границе лагеря, я двинулся в сторону шатров.

Снаружи были привязаны какие-то трехголовые бестии, явно не принадлежавшие этому миру. Почуяв мой запах, они вскочили, сверкнув ярко-красными глазами, и зарычали, грохоча цепями. Я отскочил в тень. Из шатра вышли люди, и у меня поднялась шерсть на загривке, ибо среди них был Ташако. Высоко подняв факелы, они внимательноглядывались в ночную тьму, но меня не заметили. Однако трехголовые твари продолжали рычать. Если бы их спустили с цепи, я бы разорвал их в куски и швырнул их туши обратно в лагерь! Однако люди успокоили этих монстров.

Если Ментуменен здесь, я не смогу подобраться к нему незамеченым. Я не стал рисковать, ведь пре-восходство было явно на их стороне. Я вспомнил слова Итиллин и слова матери-земли. Силы Древних доступны мне. Телордрик произносил мрачно звучавшие имена — Йог-Согот, Ктулху и Псы Тиндалоса. Псы! Где-то в глубинах моего волчьего разума я слышал их далекий вой, словно доносившийся сюда из бескрайних межзвездных просторов. Не помогут ли Псы волку-оборотню? Посмотрим.

Пошарив в потаенных глубинах памяти, я нашел тайные ключи, с помощью которых я мог призвать на помощь Псов. Земля говорила, что держит Древних в плену; теперь же я чувствовал, что она извлекает часть их сил и передает мне, и я знал, что следует делать. Я напел ровное место и когтями нацарапал на песке два квадрата, один внутри другого. Затем я помочился на четыре угла внутреннего квадрата и, встав посреди него, задрал голову к луне и звездам. Псы Тиндалоса должны были появиться в углах внешнего квадрата. Я завыл, и мне показалось, что подо мной содрогается земля.

Лагерь мгновенно ожила. Над рядами неподвижных воинов разнесся жуткий вопль. Трехголовые твари заливались яростным лаем.

Казалось, сам Хаос рвется с поводка, чуя приближение ужасной силы.

Я продолжал выть, и земля у моих ног стала скользкой от слюны. По звездному небу побежала рябь, словно оно отражалось в неспокойной воде. Я услышал глухой, душераздирающий рык и обернулся. Позади меня, внутри первого квадрата, стоял поджарый лохматый зверь, ростом по плечо человеку. Его взгляд мог бы свести с ума, а зубы сверкали, словно ножи. С них стекала пенящаяся слюна, более смертоносная, чем любой яд. Вскоре меня окружала уже целая стая этих чудовищ, они с ворчанием обнюхивали мои метки. Их тяжелое дыхание казалось шумом волн из глубин космической бездны, однако ко мне они не приближались. Это были Псы Тиндалоса.

Издав радостный крик, я выскочил из внутреннего квадрата и помчался в сторону лагеря, где теперь царил настоящий бедlam. Псы за моей спиной тут же подняли такой вой и лай, какого еще не приходилось слышать никому из смертных. Мы стаей ворвались в лагерь, раздирая зубами и когтями все живое, попадавшееся нам на пути. Не знаю, как мне удавалось управлять Псами, но они отлично справлялись со своей задачей. Они набросились на воинов Ламариля, уголяя свой зверский аппетит и разрывая на куски всех, кто оказывался рядом. Ни один земной зверь не способен испытывать такой голод, как они.

Мне удалось увидеть исчадия ада, составлявшие армию Хаоса. Вокруг вопили и шипели чудовищные твари — пародии на людей и животных. Они прыгали, ползали, извивались... Это было достаточным доказательством того, что Хаосу удалось прорвать ткань между измерениями и вторгнуться в наш мир. Я не испытывал никакой жалости, разрывая эти мерзкие создания на части. Над нами с воплями носились многоголовые твари с острыми как бритва когтями. Подпрыгнув, я схватил одну из них зубами за крыло. Оторвав голову твари, я отшвырнул тело далеко в сторо-

ну. Весь забрызганный кровью, я перегрыз алые глотки другим монстрам, и мне казалось, что, если понадобится, я смогу призвать на помощь самих Древних! Моим разумом словно овладела некая темная сила, которая стерла все мысли, кроме звериного желания убивать.

Время словно остановилось, пока я давал выход своей безумной злобе. Передо мной оказался один из шатров. Я рванул в сторону полога, загораживавшего вход. Внутри, прикрываясь телохранителями, стоял Ташако. С яростным рыком я кинулся на них. Быстрый как ртуть, я увернулся от их клинков и, сбив воинов с ног, перегрыз им глотки. Прежде чем Ташако кинулся бежать, я повалил его на землю и поставил лапу ему на горло. Он дико завопил. Теперь я видел, что Хаос действительно изменил его; один лишь вид его казался мне невероятно отталкивающим. Он словно уже не принадлежал этому миру.

Будучи зверем, я не мог разговаривать, но я прорычал слова, которые снова сделали меня Гором. Ташако смолк, с ужасом глядя на мое искаженное ненавистью лицо.

— Гор? — проквакал он. — Этоты? Ты тоже стал орудием Хаоса?

Я не испытывал никакой жалости к тому, кто предал меня и желал моей смерти. Одной рукой схватив мальчишку за тонкую шею, я переломил ее, словно тростинку. Смерть его была быстрой и милосердной. Вытерев кровь с лица, я вышел наружу. Псы сеяли хаос среди созданий Хаоса. Вокруг, насколько хватало взгляда, бушевал кровавый океан. Шум стоял немоверный.

Я кинулся к другим шатрам, валя их опоры, но там было пусто, если не считать растерзанных тел приспешников Ментуменена. Но где же сам колдун?

Над головой послышался шум крыльев. Один из Псов подпрыгнул, едва увернувшись от острых когтей. Это была та самая громадная летучая тварь, которую я уже видел раньше, над островом посреди моря.

— Гор! — донесся до меня полный ужаса женский голос — голос Шанары. Я стоял, беспомощно глядя, как летучий монстр — которым, как я знал, был изменивший свой облик Ментуменен — уносится в освещенное луной небо. Ему снова удалось уйти от меня. Но я думал уже не о нем, а о Шанаре. На меня нахлынуло непреодолимое желание вновь обрести ее, желание, горячее, как только что пролитая мною кровь. Она выкрикнула лишь одно слово, мое имя, но это значило для меня больше любых других слов. Любовь? Да. Что бы ни заявляли боги и как бы ни подтверждала их слова Земля, я знал, что Шанара любит меня. Лишь уверенность в этом удерживала меня от безумия.

Справившись со звериной яростью, я начал размышлять, что делать дальше. Взглянув на творившийся вокруг ад, я вдруг понял, что его нужно прекратить. Вместо того чтобы уничтожать отродья Хаоса, нужно обратить их себе на пользу!

Я завыл, призывая Псов Тиндалоса. Как и прежде, они тут же повиновались. Псы легли на песок, вывалив черные языки и слизывая кровь и грязь со своих поджарых боков. Они ждали. Войско напоминало раненого зверя, стонущего от страха и боли. Я должен был им воспользоваться. Если я хочу завоевать Немедию, мне нужны союзники. Я уже подчинил себе ужасную силу Псов, а теперь я собирался воспользоваться и этими силами, и любыми другими, которые могли бы мне помочь. Я должен стать разрушительным орудием, каким стремился стать Ментуменен. Кдьяволу всех богов! Когда в этом мрачном войске отпадет необходимость, я уничтожу его так, как и настаивала Земля.

Я быстро поднялся на песчаный холм, чтобы найти меч Делрина и свою механическую руку.

Сейчас я двигался подобно волку. Можно ли пройти границу между человеком-волком и волком-оборотнем? Если так, то она с каждым часом становилась все тоньше. Я взял меч и, подняв голову к небу, снова завыл. Пусть все боги слышат меня! Я больше не игруш-

ка в их руках. Пусть они сражаются друг с другом и несут гибель человечеству! Я останусь в живых! Я и мои дикие братья — мы выживем и заново заселим землю.

Я отпустил Псов до завтра. Они умчались в пустыню, и, даже когда они уже скрылись из виду, горячий пустынный ветер все еще доносил до меня их хриплое дыхание. На рассвете мне предстояло отправиться в долгий путь, который в конце концов должен был привести меня в тыл гирканцев. Псы Тиндалоса будут патрулировать мое чудовищное войско с флангов, пожирая любого, кто нарушит строй. Страх стал моим орудием. Я был готов уничтожить любого, кто встанет на моем пути.

Пусть сотрясается земля, пусть содрогаются звезды! Пусть сражаются боги — Дети Земли презирают их!

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПУТИ ХАОСА

Войско добралось до степей. Вокруг до самого горизонта тянулась однообразная твердая поверхность цвета засохшего навоза, которую лишь изредка украшали травяные кочки, похожие на щетинистые желтые скальпы. Небо было еще более пустынно, чем земля; ни облачка не нарушало его яркую голубизну. Горизонт казался размытым из-за жары и клубящейся пыли. Я постоянно всматривался вдаль, следя, не появится ли вражеский дозор. Хотя зрение мое было острым, как у волка, мне приходилось напрягаться, глядываясь в туманную дымку, но это меня не печалило, поскольку позволяло отвлечься от созерцания войска, которым мне приходилось командовать.

Все входившие в его состав люди, кроме одного, погибли во время нашего нападения на лагерь. Возможно, некоторые из существ, шагавших впереди меня, тоже когда-то были людьми. Неестественно ровная поступь, монотонная, словно удары гигантского

механического молота, окутывала их клубами пыли, достаточно было одного взгляда, чтобы увиденное запомнилось надолго.

У одного неимоверно вытянутая губа болталась ниже подбородка, у другого голова торчала из влажной дыры между плечами, у третьего на левой щеке, подрагивая и моргая на ходу, улыбалось недоразвитое второе лицо. Фигура, тащившаяся слева от меня, вполне могла сойти за обычновенного воина, если бы не глаза, торчавшие на неком подобии улиточных рожек. Меня так и тянуло в свирепой звериной ярости наброситься на эти существа и с отвращением растерзать их. Но я не мог этого сделать, ибо они вели меня к моей цели.

Итак, Ментуменен ошибся. Вспомнив об этом, я мрачно улыбнулся. Прошлой ночью, когда он бежал, унося с собой Шанару, головы его воинов поворачивались ему вслед. Когда самая жуткая из его тварей устремилась было за ним, я готов был убить их всех, но понял, что они могут помочь мне. Хоть и лишенные разума, воины Хаоса все еще были преданы Ментуменену и последовали бы за ним куда угодно. Поскольку таким образом они неизбежно приведут меня и к гирканцам, я был вдвойне прав, отправившись за ними следом.

Единственного человека, пережившего бойню в лагере, я оставил в живых. Запах его страха привел меня к песчаному холму, за которым он прятался. Судя по темной коже и выбритой макушке, он был одним из приспешников Ментуменена. Намереваясь вцепиться в его дрожащее горло, я вдруг подумал, что он может рассказать о планах своего хозяина. Я связал ему руки — это оказалось не слишком приятным занятием, поскольку его левая рука была исковеркана Хаосом и кончики пальцев раздулись, напоминая желе. Теперь он ехал верхом рядом со мной.

Меня бесило его униженное подобострастие. Он походил на побитого пса, который, лежа на брюхе, лизет ноги хозяина. Более того, он, видимо, считал, что

я пощадил его просто за то, что он человек. Пользы от него не было. То ли союз с Хаосом, то ли могущество Ментуменена стерли из его памяти даже собственное имя. Я решил, что, когда мы разобьем лагерь, я выбью из него все секреты, какие бы средства для этого ни потребовались.

К полудню я уже не мог выносить ни его преданного взгляда, ни его молчания. Вокруг тянулась бескрайняя степь — однообразное море иссохшей травы, цвета старческой кожи, неприятно хрустевшей под ногами шагающих воинов. В воздухе висела пелена бурых облаков. Редкие порывы ветра поднимали клубы пыли. Вдоль флангов войска в траве скользили длинные угловатые тени, и я знал, что Псы Тиндалоса всегда начеку. Однако, видя постоянно удаляющийся горизонт и тучи мух, которые взмывали над пересохшими лужами, безжалостно жаля войско, я чувствовал себя одиноким. Бездействие доводило меня до бешенства.

Взгляд мой был прикован к шагавшему впереди меня воину. Его жирная голова достигала ширины плеч, а над ней жужжал рой мух. Внезапно в безволосой макушке открылся десяток влажных отверстий, поглотивших насекомых. Больше я этого выносить не мог; нужно было что-то делать, иначе я бы сошел с ума. Вытащив меч Делрина, я коснулся им горла связанного пленника.

— Расскажи мне про Ментуменена, — прорычал я. — Говори или сгниешь здесь, облепленный мухами.

Лицо стигийца сморщилось, казалось, он вот-вот разрыдастся.

— Я не могу спать, — в страхе прошептал он. — Мой господин... Он ждет меня в моих снах. Он хочет... — вздрогнув, он замолчал.

Каких кошмаров боялся этот несчастный? Я вспомнил, как Ментуменен явился передо мной на роковом острове. Схватив за повод коня, на котором ехал пленник, я слегка ткнул стигийца мечом в горло, пустив кровь.

— Говори, иначе заснешь навеки.

— Сет ждет, — пролепетал он. Возможно, страх смерти вернул ему память. — Однажды я видел его морду. Он всегда стоит у плеча господина и слушает...

Меня утомил этот бред, и я едва сдержался, чтобы не воткнуть меч глубже. Вдруг стигиец успокоился, словно понял, что обречен, независимо от того, скажет он что-нибудь или нет.

— Я знаю, чего хочет мой господин, — прошептал он.

«Говори же, и побыстрее», — сказало вместо меня острие моего меча.

Он огляделся по сторонам, должно быть, опасаясь, что орда чудовищ может наброситься на него.

— Он явится в снах вождям гирканцев и пиков. Он убедит их объединить силы против Немедии. Да, он в состоянии убедить их даже в этом. Он предложит им в помощь союзников, против которых эта армия — ничто. Но когда они завоюют Немедию, вожди станут его марионетками, а он сам — императором.

От его спокойствия не осталось и следа. Глаза судорожно забегали, распухшие пальцы прижались к губам. Если бы он знал, что Ментуменен — сам марионетка Хаоса, насколько сильнее был бы его страх! Однако я лишь по-звериному оскалился. Если Ментуменен марионетка, кто же тогда я, Гор Сильный?

Я окунул взглядом бескрайнее поле выжженной травы. Казалось, ничто, кроме поднимавшейся и оседавшей желтыми облаками пыли, не двигалось. Я остался один, наедине со своими мыслями, ибо стал чужим и для людей, и для богов. Ледяные Боги лишили меня трона, богиня Земли, называвшая меня своей матерью, похитила мою любимую. Лишь Хаос помогал мне, бессознательно ведя меня к цели.

Как недоставало мне сейчас вкуса крови, боевых кличей, стонов раненых и поверженных — чего угодно, только не забивавшейся во все поры пыли и бесконечного шелеста сухой травы! Как я жаждал пора-

зить тех, кто пленил Шанару, и унести ее прочь — но для кого?

Пленный стигиец вздрогнул, услышав мой глухой рык, но я рычал не на него. Ради всех богов — если кому-то из них еще можно доверять — я бы никому не отдал Шанару. Гарак похитил ее у меня и подарил льстивому эмиру; а теперь на нее претендовал Хьялмар. Стал бы он, как я, сражаться за нее клыками и когтями? Нет, он бы соблазнил ее ласковыми словами. Для другого он слишком слаб, ибо он — человек.

Возможно, степная жара иссушала мой разум, если я позволил себе подумать подобное о своем друге. Но мог ли я назвать другом кого-нибудь из людей? Не был ли мертвый пейзаж доказательством того, что богиня Земли покинула меня, пока я не понадоблюсь ей вновь? В отсутствие жертв моя жажда крови могла быть обращена лишь внутрь меня самого.

Внезапно я заметил на горизонте пятнышко, которое не двигалось и не изменялось, лишь увеличивалось по мере нашего приближения. Это был небольшой куст — первый, увиденный мной за весь день. Вспыхнувшее было чувство благодарности тут же угасло, ибо меня привела сюда орда Хаоса, а не богиня Земли. Тем не менее я знал, что редкие леса посреди степей обычно расположены по берегам озер или рек. Надеясь утолить мучившую меня жажду, я поспешил следом за войском.

Первые ряды чудовищ уже почти достигли озера, когда из-за деревьев появился небольшой отряд конных гирканцев. Они тоже направлялись к воде. Пораженные видом и размерами моего войска, они развернулись и бросились прочь. Хор ужасных воплей, с которыми орда кинулась за ними следом, казался не более диким, чем мой собственный ликующий рев. Выхватив меч Делрина, я пришпорил коня.

Ослепленный яростью, я устремился к гирканцам с левого фланга. Я считал ниже своего достоинства пользоваться искусственной рукой не только потому,

что ею было трудно действовать, держа в другой руке меч, но и потому, что она была творением цивилизации, вызывавшей у меня отвращение. Однако именно рука спасла меня от стрелы, которую не сумел отразить мой щит, когда гирканцы начали в отчаянии отбиваться. А затем я набросился на них, подобно кровожадному зверю, и они увидели пламя смерти, пылающее в моих глазах.

Первого из них отвлек вид следовавших за мной чудовищ. Мой меч тотчас вонзился ему в живот, и я почувствовал, как лезвие задело позвоночник. Я выдернул меч, и мой противник распластался на земле среди собственных внутренностей.

Воин, превосходивший меня ростом, разрубил пополам мой щит и отсек бы мне руку, но рука эта была металлической. Его клинок отскочил и поранил мне плечо. Обезумев от боли и ярости, я выбил щит из его рук, а мой меч глубоко вошел ему в бок. Хлынула кровь.

В горячем красном тумане боя у меня мелькнула мысль, что, возможно, я все-таки оказываю услугу богине Земли: земля жадно впитывала кровь, сухая трава стала теперь мокрой и красной. Я обрушился на следующего воина и сбил его с ног ударом щита, крепко закрепленного в металлической руке. Когда противник упал, мой меч расколол его череп.

Четвертый воин пытался убежать от двух монстров, напоминавших людей, если не считать, что их руки были длиной с туловище. Они обхватили задние ноги лошади, пытаясь ее повалить. Всадник был обречен, но он заслуживал смерти, подобающей воину. Одним ударом меча я снес ему голову. Чудовища все еще цеплялись за отчаянно кричащую лошадь, одна нога которой уже была оторвана. Чувствуя тошноту, я прикончил несчастное животное.

Гирканцы были повержены. Я окинул взглядом поле битвы и затрясся от ярости. Комок подступил к моему горлу, ибо существа, которыми я якобы командовал, вели себя не как люди, но и не как звери. Их

свирапость была извращенной, нечеловеческой и несовместимой с тем, что зовется разумом.

Некоторые гирканцы еще были живы. Одна из тварей просовывала щупальце в горло жертвы, намереваясь вырвать ее внутренности. Два звероподобных монстра отрывали руки и ноги умирающего воина и тут же пожирали их. Еще двое волокли вонящего головного гирканца по острой как бритва траве. Куда бы ни падал мой взгляд, армия нелюдей удовлетворяла свою звериную страсть на раненых, умирающих и даже на мертвых.

И это войско я считал подвластным себе! Не менее отвратительной казалась мне и моя собственная глупость. Неужели Ментуменен рассчитывал, что я решу оставить в живых его армию и что силы Хаоса подчинят меня себе точно так же, как они подчинили Ташако? Мог ли он предвидеть, что мне придет в голову встать во главе его войска, в то время как на самом деле я мог лишь следовать за ним? Неужели моя расступая ненависть ко всему живому — первый признак того, что меня порабощают силы Хаоса?

Ментуменен не принял в расчет мои новые способности. Со зловещим выражением на лице я двинулся прочь от кровавой бойни. Пленник-стигиец прятался среди деревьев. Он не принимал участия в резне, и пока что мне не хотелось его убивать. Убедившись, что его руки крепко связаны, я поехал к дальнему берегу озера. Напоив коня, я привязал его к дереву, затем спрятал меч и металлическую руку под корнями деревьев.

Мне казалось недостаточным спустить Псов Тиндалоса на чудовищное войско. Я участвовал в их зверствах против гирканцев, пусть даже неумышленно. Теперь же я должен был повести стаю против них, чтобы полностью очиститься от влияния Хаоса. Произнеся магические слова, я тут же покрылся густой шерстью, обретя острые клыки и когти, готовые рвать врагов. Едва сдерживая звериную ярость, я совершил ритуал с квадратами.

Псы тут же примчались ко мне. Почему-то они показались мне теперь более тощими, более угловатыми, а их морды почти человеческими. Так могли бы выглядеть люди, если бы произошли от каких-то невероятных, наделенных столь же темным и далеким разумом существ из дальних уголков вселенной. Однако у меня не было времени на подобные размышления. Взвыв, я повел стаю на чудовищную орду.

Твари были слишком заняты своими извращенными забавами, чтобы заметить надвигающуюся гибель. Тех, кто пытался бежать, стая настигала без каких-либо усилий. Я сбивал с ног чудовище за чудовищем, раздирал клыками глотки и выплевывал куски студенистого мяса, отвратительный вкус которого еще больше сводил меня с ума, не позволяя оставить в живых ни одного из монстров. Их крики — вопли, булькающий клекот, хриплое рычание — приводили меня в еще большее неистовство.

Когда с последним из них было покончено, я, тяжело дыша и зализывая раны, лег на брюхо. Вокруг меня на блестевшей от крови траве лежала стая, и эта картина напомнила мне мое детство среди волков. Я слишком устал, чтобы куда-либо идти.

Внезапно мне показалось, что мой мозг улавливает мысли Псов. Они были единым разумом, и их мысли были мыслями их хозяев, Древних. Я видел глаза с человеческую голову, широко раскрытые над морскими и каменными просторами. Нечто черное и бесформенное бурлило посреди безграничной тьмы. Казалось, пузыри танцевали в такт чудовищной музыке, а потом превращались в странные существа, которые выползали на черную как смоль поверхность, а затем вновь погружались в бездну. А над всем миром маячил огромный черный силуэт с кожистыми крыльями и перепончатыми когтями.

Вздрогнув, я пришел в себя. Глаза Псов равнодушно наблюдали за мной. Какие силы я пробудил, призвав на помощь стаю? Удастся ли мне противостоять

бесконечно чуждому могуществу? Я не знал ни слов, ни ритуала, чтобы избавиться от Псов, но должен был осторегаться вызывать их слишком часто, ибо я не знал, каким еще силам я мог невзначай дать волю.

Итак, у меня не осталось ничего — ни войска, ни Псов. Я мог надеяться лишь на то, что меч Делрина поможет мне победить Ментуменена. Я должен был следовать тем же путем, по которому шла орда, и верить, что этот путь в конце концов приведет меня к цели. Пробормотав обратное заклинание, я направился к озеру.

Вернуться в человеческий облик оказалось нелегко. Кожа моя будто покрылась короткой щетиной, и мне пришлось приложить усилие, чтобы подняться с четверенек.

Несколько мгновений я вглядывался во мрак среди деревьев. По стволам скользили тени, между ними колыхался туман; мне чудилось, будто я всматриваюсь в глубокий ил. Затем, взревев, я бросился вперед. Мой конь исчез!

Еще не добежав до нужного мне дерева, я знал, что меч Делрина похищен. Псы не предупредили меня. Зачем, если он должен был защитить меня от их хозяев? Металлическая рука все так же лежала под корнями. Видимо, двойной груз оказался слишком тяжелым для похитителя.

Схватив руку и пристегнув ее на место, я увидел вора. Пленник-стигиец, руки которого теперь были развязаны, скакал в сторону горизонта — туда, куда устремилась орда. Он низко пригнулся к шее лошади, словно хотел сделаться невидимым. Меч Делрина тускло блестел в его руках. Хаос помог ему освободиться.

Я уже собирался призвать на помощь Псов, как вдруг на дальнем краю леса увидел своего коня. Сначала я принял его за спутанную массу ветвей и листвы. Возможно, он оборвал поводья, испугавшись Псов. Во всяком случае, похититель не смог его поймать.

Пробравшись через сплетение корней и густые кусты, я подошел к коню, стараясь не напугать его.

Хотя я ездил на нем лишь со времен сражения на море Вилайет, казалось, он чувствовал во мне животное начало и знал, что я не причиню ему вреда. Конь вскидывал голову и с фырканьем пытался, но все же позво- лил себя погладить, в то время как я успокаивал его тихими звуками, которые издавал скорее инстинктив- но, нежели понимая, зачем я это делаю.

Продолжая что-то нашептывать, я вывел коня из леса. Затем, уже не в силах сдерживать охватившую меня ярость и издав нечленораздельный рык, скорее волчий, чем человеческий, я пришпорил коня и пустился в погоню за стигийцем, который уже почти скрылся за горизонтом. На морде коня появилась пена, на боках выступил пот, но я готов был гнать его вперед, пока не разорвется его сердце или пока я не верну свой меч.

Небо потемнело, раздались раскаты грома. Струи дождя ударили мне в лицо, одновременно освежая и приводя меня в еще большее бешенство. Однако сейчас я жаждал не воды, а крови стигийца. Я уже нагонял его. Повернув свою лысую голову, он увидел меня и начал отчаянно колотить ногами по бокам лошади.

Дождь кончился, но гроза продолжала бушевать. Вспыхивали молнии, разрезая облака огненными росчерками. Небо превратилось в нависший надо мной свинцовый утес. Казалось, он готов в любую минуту обрушиться. Вокруг не было ничего, кроме крошечной, словно подвешенной между землей и небом фи-гурки всадника. Я взялся за металлическое запястье. Скоро я настигну свою добычу.

Пейзаж был не столь однообразен, как могло показаться. На горизонте возник небольшой лес, к которому, похоже, и спешил беглец. Вскоре мое предполо-жение подтвердилось. На одном из ближних деревьев восседала черная тварь. Над кожистыми перепончаты-ми крыльями виднелось лицо, которое отдаленно по-ходило на человеческое. Это был Ментуменен.

Почему он не полетел навстречу своему приспеш-нику? Возможно, колдуну хотелось позабавиться с

нами обоими. Хотя я не был уверен, что беглец достаточно близко, медлить было нельзя. Обхватив круп коня ногами, я тщательно прицелился и нажал на металлический спусковой крючок.

Сначала мне показалось, что стрела пролетит у беглеца над головой. Затем она начала опускаться, теряя скорость, ударила его в поясницу и хоть и не вонзилась в тело, но свалила седока с лошади. Меч Делрина вылетел из рук стигийца и вонзился в землю в нескольких ярдах от него.

Услышав шум кожистых крыльев, я зловеще оскалился, будучи уверенным, что схватчу меч первым. Беглец лежал неподвижно, лицом к небу. Пришпоривая коня, я видел, что летучая тварь даже не взлетела. Что ж, пусть будет рядом, когда меч Делрина вернется ко мне!

Мгновение спустя я увидел, почему он не торопится. Из-за деревьев навстречу мне выехало около десятка гирканцев.

Что ж, я готов сразиться и с ними. Я ближе к мечу, чем они, а мой конь взбешен не меньше своего всадника. Стоит мне только схватить меч, и на землю прольется намного больше их крови, нежели моей. Но, когда первая стрела вонзилась мне в бедро, до меча было еще далеко.

Хотя мне показалось, что в мою плоть воткнулась докрасна раскаленная кочерга, я все равно успел добиться до меча, но вторая стрела попала коню в глаз. Я рухнул на твердую, как камень, землю, а конь упал сверху, придавив мою металлическую руку. Теперь я был безоружен и не мог освободиться, так как рука была зажата до самого плеча.

Ко мне приближалась смерть: двое гирканских всадников уже подняли мечи, готовые изрубить меня на куски. Однако внезапно за их спинами раздался голос:

— Взять его живым!

Отчаянно пытаясь высвободить придавленный обрубок руки, я увидел, как крылатая тварь взлетела с

дерева. Она спикировала на своего приспешника и когтями разорвала ему горло.

Когда гирканцы спешились, я начал отчаянно отбиваться ногами, рыча, словно пойманный зверь. Я отбил ногой один меч, но получил рукоятью другого удар, который мог бы проломить череп человеку не столь крепкому, как я. Впрочем, и мне показалось, будто мой череп раскалывается на куски. Последнее, что я увидел, — поднимавшегося к зениту Ментуменена с мечом Делрина в когтях.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ПЕЩЕРЫ СТИГИИ

Казалось, меня окутала кромешная тьма, пронизываемая яркими вспышками. Я слышал лязг оружия гирканцев, слышал их смех и язвительные замечания.

Думаю, именно это вывело меня из оцепенения. В глазах у меня внезапно прояснилось, и я свирепо уставился на гирканцев.

— Итиллин! — послал я беззвучный призыв, как это уже бывало прежде. — Если в тебе осталась хоть капля сострадания, о прекрасная Ледяная Ведьма, учительница, защитница и мучительница — мне нужна твоя помощь! Земля, что считает меня своим сыном, — приди мне на помощь! И меч, Меч Делрина, — вслух произнес я, хотя мой голос оказался не более чем приглушенным шепотом, — могучий Меч, с которым сплетена моя судьба, покинь заоблачные высоты и вернись на Землю, где ты был выкован, вернись в мою руку!

Красный туман рассеялся. Передо мной стояла Ледяная Дочь Богов, прекрасное тело которой казалось жемчужным с кровавым оттенком. Она улыблась мне, на этот раз без тени презрения. Никогда еще она не казалась мне столь чистой, столь желанной и столь опасной. Но теперь не для меня.

Нет! На этот раз ее гнев был направлен на тех, кто пытался захватить меня в плен. Описав рукой полу-круг, она вытянула указательный палец, словно вылепленный скульптором из снега, и легко выдохнула. Небольшое облачко пара поплыло вдоль ее изящной руки. Оно росло, вытягиваясь в ту сторону, куда указывал палец. Брызнули снежные хлопья, и тела гирканцев под ними побелели. Морозные узоры украсили их доспехи, глаза превратились в ледяные шарики. Повисла абсолютная тишина. Мои недавние противники стояли, наполовину вытащив мечи, словно белокаменные статуи. Презрительные ухмылки застыли на их губах.

Затем Итиллин перевела холодный как лед взгляд на меня. Такой же холодной была и ее улыбка, и окружавшая ее аура. Но, привыкший к пронизывающим ветрам, я почти не ощущал холода.

За ее плечом я увидел летучую тварь, уносившуюся все выше и выше в серо-стальное небо. Внезапно освещенные магическим сиянием облака разошлись. Я понял замысел Ментуменена сразу же, словно был его братом по духу.

Он намеревался спикировать подобно орлу, нанося удары мечом, словно хищным железным клювом. Его первой жертвой должна была стать Итиллин. Не будучи ни призраком, ни сонным видением, она казалась вполне уязвимой в своем нынешнем теле. Следом за ней наступала моя очередь.

Я попытался что-то сказать, но из моего горла вырвался лишь хрюп. Сложив крылья, колдун устремился к земле, обгоняя свист ветра.

Я поднял свободную руку и показал на него. Итиллин, вероятно, подумала, что я протягиваю руку к ней.

Она больше не улыбалась. Голос ее звучал словно хрустальный колокольчик.

— Ты просил моей помощи. Разве этого недостаточно? Зачем ты звал еще и Гею? Если она значит для тебя больше, чем я, пусть теперь она тебе помогает!

Широко распластертые черные крылья были по воздуху, не давая колдуну врезаться в землю. Пронзительный вопль Ментуменена напоминал свист пикирующего самолета. Аналогия стала еще более полной, когда летучей твари наконец удалось выровнять полет.

С неба падала настоящая зажигательная бомба! Я, Гор, никогда не видел и даже не мог себе представить ничего подобного. Однако я сразу же узнал свой меч, раскаленный добела, с дымящейся рукоятью, он падал прямо в круг замороженных воинов, в центре которого стоял я. И мне показалось, будто я слышу голос Земли: «Ты сказал: Меч, вернись туда, где ты был выкован! Теперь он возвращается, и если ты хочешь вновь обрести его, тебе придется прорубать долгий путь».

Меч вонзился в землю и исчез в ней. Колдун, продолжая дико вопить, взмыл в небо и, оставляя за собой дымный след, скрылся в облаках, из которых тотчас полил дождь.

Я знал, что без меча я беззащитен перед всемогущими Древними. Без меча слишком опасно призывать их сомнительную помощь. Я мог лишь предполагать, как скоро они обратят на меня внимание. Из дыры, которую оставил после себя ушедший в землю меч, поднимался пар. Будь я кротом или мышью, я бы забрался в эту нору. Будучи человеком, я не мог этого сделать. Будучи волком? Мне показалось, что я знаю способ, как добраться туда, где сейчас находится меч, но даже, если и получится, вход в обитель Огненных Демонов слишком далеко, а времени у меня слишком мало.

Стигиец, приспешник Ментуменена, рассказал мне достаточно. Возможно, он знал и кое-что еще, важное для меня. Я направился туда, где лежало его тело. Под жаркими лучами солнца замерзшие люди и лошади оттаивали и падали на землю. Один из них сидел с таким нелепым выражением лица, что я не удержался от улыбки. Он меня не заметил, поскольку был мертв.

Но стигиец меня заметил! Он лежал в луже крови, которая продолжала течь из ужасной раны в его

горле. Он не мог говорить, и лишь бульканье доносилось из его груди, когда он пытался что-то произнести.

Он показал на лезвие, все еще торчавшее между моих стальных пальцев, затем жестом изобразил, будто его голова отделяется от тела. Я присел рядом.

— Сет не давал тебе спать. Теперь он не дает тебе умереть, так?

Он кивнул, и его пальцы заскребли по земле, поспешно царапая неразборчивые рунические знаки:

«Освободи меня огнем. Тогда я смогу заснуть. Даже Сет не в силах восстановить тело из пепла! Гор, ради твоей матери, освободи меня!»

— Я убил свою мать. Если окажешь мне услугу, я освобожу тебя. Потом сможешь заснуть.

Он снова начал царапать пальцами по земле. Я прочитал:

«Заснуть — да! Заснуть навсегда — да! Я помогу тебе, чем пожелаешь».

— Тогда отведи меня к входу в Стигийские Пещеры, откуда я мог бы добраться до обители Огненных Демонов. Но сначала...

Я взял стрелу, поместил ее в самострел, встроенный в мою механическую руку, и взвел пружину. Коснувшись кнопки, я убрал лезвие. Затем я снял пояс с убитого гирканца, тую обмотал им металлическую руку и, сняв, привязал ее к поясу стигийца.

— Вставай! — прорычал я. — Ты мертв, и я не могу убить тебя во второй раз, но, пока ты в состоянии двигаться и твоя душа остается внутри твоего гниющего тела, ты все еще можешь чувствовать боль.

Его искажившиеся черты, дрожащие руки и судорожно подергивающиеся мышцы свидетельствовали о том, что моя догадка верна.

— Я знаю много способов, как сделать больно, — прокрежетал я и тут же продемонстрировал один из них. Он захрипел, заскулил, и взгляд его стал отчаянным и просящим. Я отпустил его.

— Помни — зубы могут сделать куда больнее! — сказал я и произнес слова превращения. Вместе — волк-оборотень и живой мертвец — мы отправились в путь.

Я намеревался двигаться на северо-запад, однако приходилось идти в западном направлении, к Стигийским Пещерам, расположенным во владениях Сета. Затем нам предстояло спуститься в их черные бездны, чтобы отыскать меч. Я должен был вернуть его! Мое сердце влекло меня к Шанаре. Мой разум обгонял тело. Берегись, Итиллин! Только попробуй снова насмехаться надо мной!

Я знал лишь одно. Прежде чем я умру, как каждый из людей, я должен увидеть вонючую кровь Ментуменена на лезвии Меча, сколь бы едкой и отвратительной она ни была.

Когда я, Джеймс Эллисон, перечитываю написанное мною, я порой удивляюсь тому, что я, Гор, так хорошо помню некоторые события, но с трудом могу вспомнить в подробностях другие, которые кажутся мне — слабому человеку в ином мире — не менее важными.

Возможно, дело в том, что события, значимые для Гора, глубоко впечатались в его память, а оттуда и в мою; те эпизоды, которые он считал несущественными, стерлись из тайных глубин подсознания, которыми, как утверждают психиатры, мы обладаем.

Так или иначе, путешествие в Стигию казалось мне, Гору, утомительным и долгим, хоть и обошлось без всяких происшествий. Я помню...

Солнце, словно огненный шар, пыпало на бронзовом небе. Песок был раскален, словно дверца печи. Рядом со мной неутомимо бежал стигиец, обескровленный и высохший, со скрипевшими от отсутствия жидкости суставами. Однако он был жив, и его мучили жара и желание как можно скорее умереть и уйти в забвение. А силы, которые я черпал от Древних, казалось, оставляли во мне все меньше и меньше человеческого.

Иногда я бежал впереди, иногда, просто ради развлечения, пристраивался сзади, щелкая зубами и покусывая его за пятки. Осторожно, чтобы не надкусить сухожилия, ибо даже сейчас, становясь с каждым днем все больше зверем и все меньшем человеком, я знал, что он нужен мне как проводник. Однако меня отчаянно мучил голод, и я чувствовал, что скоро уже не смогу себя сдерживать. Я уже почти не жалел, что вынужден прибегать к помощи опасных сил, и наслаждался пребыванием в обличье волка!

Я помню, что не ощущал запаха разложения стигийца, хотя подобное мне казалось странным. Сейчас меня это не удивляет, поскольку мне приходилось видеть другие тела, превратившиеся в мумии от жары и сухости в песках Аризоны,— а пустыни мало отличаются друг от друга. Запаха не было, однако над нами терпеливо кружили стервятники, ожидая, когда им достанется добыча. Видя меня, они знали, что человек рано или поздно будет мертв!

Итак, я и мой жуткий спутник вместе пересекли пустыню, отделявшую Туран от темных земель Стигии, и вступили во владения Сета. Линия туманных облаков, висевших над рекой Стикс, подсказала нам, что граница рядом. Мы приближались к ней, а иссушенные деревья тянули к нам сухие, лишенные листьев ветви, словно прося воды или желая предостеречь нас об опасности.

Если так, в подобном предупреждении не было необходимости. Пока что мне вовсе не хотелось пересекать реку.

Лишь стервятники видели, как мы подошли к огромной дыре, куда с грохотом уходила река Стикс, исчезая в Стигийских пещерах.

Если нам удастся выйти из них, мы окажемся в Стигии.

Бросив последний взгляд на стервятников, с разочарованными криками круживших над краем бездны, мы начали спускаться по ступеням, вырубленным в камне тысячелетия назад. Так давно, что лишь вождь

Кулл мог знать, были ли они творением человеческих рук или же гибких пальцев змеелюдей, с которыми он сражался в Валузии.

Я знал лишь то, что жители Стигии не вырубали эти ступени, ибо они испытывали благоговейный страх перед Сетом, могучим Богом, гнева которого следовало опасаться. Так что, скорее всего, ступени в скале вырубили сами обитатели пещер.

Лестница спускалась вдоль стены, которая была дальше всего от водопада. Края ступеней стерлись от тысячи прошедших по ним ног и были покрыты слизью, из-за которой не удавалось разглядеть следы моих предшественников. Судя по всему, лестницей не пользовались уже давно.

Произнеся магические слова, я забрал у стигийца свою механическую руку. Мне пришлось повторить их трижды, прежде чем началось превращение. Никогда еще оно не проходило столь тяжко и столь болезненно; никогда прежде я так не сожалел о необходимости изменять свой облик, никогда мне так не хотелось оставаться хищником и никогда еще, становясь человеком, я не чувствовал себя таким слабым.

Однако, хоть я и знал, что в облике зверя могу успешнее противостоять Бессмертному Червю, Сету, единственной моей надеждой вновь обрести меч, единственной моей защитой от влияния Древних оставалось обличье человека.

По мере того как мы спускались все глубже, тьма рассеивалась. Слизь на ступенях и стенах испускала призрачное свечение и расплзлась от моего прикосновения, словно некая, судорожно пытающаяся отпрянуть форма жизни.

Обрушившись в бездну водопад все меньше походил на водяной столб и все больше на облако брызг, освещенное снизу колеблющимся красноватым светом, который тоже казался мне живым.

Воистину жизнь окружала меня со всех сторон, но жизнь эта не была дружественной ни ко мне, ни к

любому другому из людей. Яростно зарычав, я поднял свою смертоносную руку. Стигиец начертил на слизи, покрывавшей стену, неровный круг.

Снизу послышался пронзительный, повторявшийся снова и снова звук, напоминавший флейту. Он пронизывал меня до костей, заставляя вибрировать и содрогаться мою плоть. Мне казалось, еще немного — и я упаду, расползшись лужей слизи, которая, как я теперь понял, состояла из тел мужчин и женщин, продолжавших чувствовать, страдать и помнить верхний мир.

Стигиец нарисовал внутри круга фигуру четвероногого змея с человеческой головой. Я понял, что это символ Слепого Флейтиста, Посланника Богов, ибо он был изображен играющим на флейте.

Мой спутник, безуспешно силясь что-то сказать, показал вниз. Наконец он нацарапал на слизи единственное слово, которое дрожало и расплывалось, но я успел прочитать: «*Ag*» — и понял, что мы находимся в Стигийской Преисподней.

— Сет там, внизу? — спросил я. Скрипя шейными позвонками, он покачал головой и нарисовал еще одну картинку, на этот раз невероятно уродливое существо с головой крокодила. Он с ненавистью посмотрел на меня, и я понял, что если бы этот зловещий демон, доставивший ему столько мучений, находился сейчас в своей мрачной обители, нас бы уже заметили.

Мы продолжали спускаться, и вокруг становилось все светлее. Звук флейты стал громче. К горлу подступила тошнота. Водяные брызги превратились в облако густого тумана, освещенного снизу пляшущими языками пламени.

Стены высыхали от шедшего снизу тепла, их уже не покрывала дрожащая слизь. Вместо нее ползали белые черви, которые приподнимались на своих задних сегментах, глядя на нас крошечными черными глазками. На лестнице было мало места, но мы старательно избегали их прикосновений и наконец оказались на широкой каменной площадке, на которую я

ступил с облегчением, хотя это еще не было дном колодца.

С площадки в темноту уходил коридор, откуда доносились жуткие звуки флейты. Я не осмелился войти в него и продолжал спускаться вниз, вниз, вниз, ступень за ступенью в Ад, и за мной неотступно следовал объятый ужасом стигиец. Однако по мере того как я оказывался все ниже, мой страх начал постепенно проходить.

Меня охватило странное спокойствие. Я чувствовал, что недалек от цели, давно ожидающей моего появления. Итиллин говорила, что я никогда не изведаю подобного покоя. Возможно, это продлится недолго, но впервые за всю свою долгую, дикую, трагическую жизнь я был совершенно спокоен. В некотором смысле я возвращался домой, в породившую меня утробу — не в ту, которую я ненавидел и презирал, не в утробу Гудрун Златокудрой, которую, если бы она каким-то чудом возродилась, я с удовольствием убил бы снова, а в утробу моей истинной матери, Геи, родившей в муках и скорби все расы Человечества, лишь для того, чтобы ее терзали и опустошали те, кого она вскормила, защищала и любила.

Да, любила! На меня нахлынула волна чувств. Впервые за всю мою горькую жизнь меня охватили чувства жалости и привязанности, и они были для меня столь новыми, столь странными и столь добрыми, что, закрыв лицо руками, я упал на колени, и Гор — Могучий Гор, Ужасный Гор, Гор Внушающий Страх — разрыдался словно ребенок, ища утешения у Матери-Земли, в глубоких подземельях темной и порочной страны Стигии, в самом логове Сета, друга Древних и хозяина Ментуменена, моего смертельного врага!

В голове у меня зазвучал тихий голос:

— Любимый мой сын, ты встретился лицом к лицу с воплощением ужаса, но не дрогнул. Ты выполнил свой долг, и ты заслужил награду. Прими же ее и освободи своего спутника!

Я поднял голову. По уходившей в бездонную пропасть лестнице, раздвигая покачивающиеся волны тумана, ко мне поднималось сверкающее облако. Оно увеличивалось в размерах, приобретая форму огненного гиганта, вид которого был ужасен, хотя я и знал, что он не испытывает ко мне вражды.

У него были руки и ноги, голова и туловище, и в одной пылающей руке, окруженной волнами мерцающего света и жара, он держал меч — могучий меч Делрина, казавшийся черным на фоне живого огня, которым, собственно, и был этот посланник из Страны Огненных Демонов, где некогда выковали этот Меч.

Гигант держал меч за лезвие, протягивая мне рукоятью. Я поколебался, опасаясь обжечься, и протянул в ответ свою металлическую руку. Демон опустил меч, и его огненные губы раздвинулись в улыбке.

Раздался тихий, спокойный голос:

— Не бойся ничего, сын мой. Здесь тебе никто не причинит вреда, но опасность уже в пути, и ты должен быть вооружен. Возьми то, что принадлежит тебе, ибо сюда идет Ментуменен. Он не знает, что ты его ждешь... С ним та, за кого ты должен сразиться!

Я вытянул вперед здоровую руку и, взявшись за протянутую рукоять, обнаружил, что она холодная.

Стигиец умоляюще смотрел на меня. Он сделал шаг к Огненному Демону и снова посмотрел на меня, словно ожидая разрешения.

— Прими и ты свою награду, — сказал я. — Теперь ты можешь умереть. Ты мне больше не нужен. Ты свободен и можешь навсегда освободиться от Сета!

Он бросился в распластерные объятия демона, словно в объятия любовницы. Его иссохшее тело вспыхнуло, будто вязанка хвороста в очаге, и вверх поднялось облако едкого дыма. Лишь горстка белого пепла упала на камни. Я растер пепел подошвой сандалии и смахнул его с края пропасти.

— Иди же с миром и предстань перед Высшим Судом. А если чаша весов склонится против тебя, ска-

жи им, что перед ними явлюсь я, дабы говорить от твоего имени! Ты никогда больше не будешь принадлежать Богу-Крокодилу.

Оставшись один, я повернулся к выходу и начал подниматься навстречу собственной судьбе — какой бы она ни была.

Теперь я точно знал, что Ментуменен, Повелители Хаоса, Древние и Сет — союзники. Какие еще требовались доказательства, если я слышал самого Пла-кальщика Тьмы, игравшего на своей флейте в мрачных пещерах, ожидая Сета?

Я слышал, что у него есть единственный враг, которого он по настоящему опасался,— Ктуга Фомальгаут, который с радостью пришел бы нам на помощь, если бы его позвали.

Карабкаясь наверх, я продолжал размышлять. Теперь я мог более четко представить себе расклад сил в предстоящей битве. С одной стороны — вышеупомянутые ужасные враги; с другой — Ктуга и все человечество, не только жители Немедии, но и Мать-Земля, которой наверняка досаждали пещеры — болезненная рана на ее теле — и Ледяные Боги, Повелители Порядка.

Трудно было сказать что-либо о преданности Псов Тиндалоса, которых я вызвал, возможно, себе на погибель. Мог ли я отослать их назад? В легенде утверждалось, что еще ни одному человеку не удавалось этого сделать, не расставшись с жизнью в качестве платы за их услуги!

А в центре событий были мы с Шанарой — жалкие насекомые среди сражающихся богов.

Главное теперь не просто спасти цивилизацию Немедии, а всю цивилизацию! Только я обладал знаниями, которые должен был дать миру, чтобы человечество могло заранее подготовиться и провести черту между союзниками и врагами.

Если я погибну в этих пещерах, даже Сет не знает, что будет дальше. Призвать на помощь Древних я

тоже не мог: это равносильно тому, что я сам приглашувал палача и заточу топор для своей собственной шеи!

Я продолжал карабкаться наверх. Я обязан выжить. Мне, Гору, варвару, у которого никогда не было друзей и который никогда в них не нуждался, было странно чувствовать такую ответственность. Да, у меня был долг, долг перед самим собой. И я намеревался исполнить его любой ценой.

Я выбрался на площадку и на цыпочках миновал коридор, из темноты которого продолжали раздаваться заунывные звуки флейты.

Увы, меня заметили. Как? Возможно, когда мы спускались! Тогда нам не помешали, ибо кто мог скрыться от Сета? Однако чтобы незваный гость вновь поднялся к свежему воздуху и безопасности? Такого просто не могло произойти!

Посыпался жуткий, леденящий кровь вой, затем кто-то дважды позвал: «Игнай! Игнай!» Последовавший за этим смех оказался еще страшнее, ибо хлюпающие шаги в коридоре становились громче, а туман расходился в стороны перед невидимым чудовищем.

Я застыл на месте. Что мог сделать меч против такого гиганта? Оставалось только догадываться.

Из лежавшей внизу бездны, эхом отдаваясь от стен, донесся другой крик, крик о помощи, обращенный к единственному могущественному врагу чудовищного флейтиста. Я сразу же узнал этот голос. Гея, Земля-Прорицательница, Мать-Земля, призывала своих союзников на помощь Гору, ее сыну!

— Ф'нглуи мглв'нафх Ктуга Фомальгаут н'гхагхаа наф'л тхагн! Иа Ктуга!

Крик повторился трижды, и вскоре пришел ответ. Могучие крылья сотрясли воздух пещеры. Я прижался к скользким ступеням. Меня накрыла жаркая волна. От стен и лестницы шел пар. Воздух обжигал легкие, металлическая рука и меч жгли мою плоть. Чудовище влетело в коридор, откуда послышалось шипение горящего мяса, повалили клубы дыма и раздались та-

кие жуткие вопли, что я побежал вверх по лестнице, забыв про усталость.

Борьба в пропасти продолжалась. Жар высушил ступени, и ноги легко и быстро несли меня к поверхности.

Затем внизу наступила тишина, и кто-то начал подниматься по ступеням. Кто? Сначала я мог лишь догадываться, затем нарастающий жар подсказал мне, что победителя можно не опасаться. Я прижался к стене, и огромные крылья пронеслись мимо. Вверху виднелось круглое отверстие входа, на фоне которого ярко сверкали звезды, а среди них — темный силуэт Фомальгаута, столь сверхъестественный, что я не в силах описать его. Хлопая крыльями, он исчез вдали.

Когда я наконец выбрался наверх, мне показалось, что Ктуга возвращается. Мгновение спустя я понял, что ошибся. Я слишком хорошо знал чудовищную тварь, напоминавшую летучую мышь, — Ментуменена! И он знал, что это я — Гор!

Послышался пронзительный вопль, и тварь, спикировав, кинулась ко мне. Прежде чем упасть, я успел подставить меч, и клинок погрузился глубоко в ее плоть. Летучая тварь бесформенной грудой полетела прямо в водопад, а потом рухнула в бездну.

Меня вдавливало в землю чье-то бесчувственное тело. Раздраженно оттолкнув его в сторону, я заглянул за край пропасти. Внизу, среди яростной пены, брызг и тумана, вздымался фонтан искр и горящих углей, который не могла погасить ревущая вода!

Столб пламени поднялся над землей, осветив все вокруг, и я увидел у своих ног Шанару. Схватив ее, я бросился бежать, а позади меня рушились стены, шипел пар и слышался ужасающий предсмертный рев.

Выбравшись на твердую почву, я огляделся. Гигантский факел все еще с ревом поднимался в небо. Затем он уменьшился и погас, словно свеча.

Почти у самых моих ног в земле образовалась впадина — песок устремился в пещеру. Стикс, словно

дикий зверь, метался по пустыне в поисках нового русла.

Стигийских пещер больше не существовало. Рана на груди Матери-Геи затянулась навсегда. Где-то глубоко под землей Огненные Демоны вновь могли предаваться своим мирным занятиям, и больше никто не мог им помешать.

Но Слепой Флейтист? Был ли он бессмертным? Суждено ли нам когда-либо встретиться вновь? Смогли Ментуменен взлететь над огненным факелом? Я знал лишь одно: как я и поклялся себе, его кровь наконец обагрила мой меч. Я повернулся на север, в сторону Немедии, держа на руках бесчувственную Шанару, нежную, дорогую и прекрасную.

И еще я знал: если Ментуменен выжил, он стал калекой, как и я. Я отрубил когтистую лапу, которой он держал Шанару за пояс, — то есть ногу колдуна, в его другом воплощении.

Плотно сжав губы, я шагал по пустыне, сверяя направление по звездам. Наши силы существенно сравнялись.

Мои мрачные союзники — Псы Тиндалоса — не покинули меня. То и дело я ощущал прикосновение их холодных жилистых тел к моей ноге и слышал их хриплое дыхание. Однако, как ни странно, их присутствие меня не пугало. Да, они могли не вернуться в свое странное измерение до самой моей смерти. Или их все-таки можно обмануть, умертвив другого? Я чувствовал, что среди моих многочисленных врагов наверняка найдется один, пригодный для этой цели!

Мне удавалось с честью выйти из многих затруднительных положений. Теперь же, вновь обретя свою любовь, я не сомневался, что смогу справиться и с этим.

Что ж — вперед, в осажденную Немедию! Берегитесь, гирканцы! К вам идет Гор, с мечом Делрина и в окружении внушающей ужас стаи, неся смерть вашим мужчинам и слезы вашим женщинам!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ  
ТРИжды ПРОКЛЯТЫЙ

Я шел по пустыне вдоль берега великой реки Стикс, с бесчувственной Шанарой на руках, а рядом бежали чудовищные Псы. Они были невидимы, и я лишь слышал их тяжелое дыхание и время от времени ощущал прикосновения их жесткой шкуры. Я шел сквозь ночь, на север, ведомый мерцавшими над головой звездами; но даже могучие силы, которыми я, Джеймс Эллисон, обладал в те почти забытые дни, когда был Гором, братоубийцей и оборотнем, иссякали. Порой я спотыкался и падал от усталости, будучи все-таки созданием из плоти и крови, в отличие от Псов, колдовских созданий, неутомимо бежавших в ночи. В конце концов, задыхаясь, я рухнул на песок. Шанара, не проснувшись, вскрикнула и пошевелилась, затем снова затихла. Я протянул руку, чтобы удостовериться, что она еще жива, но последние силы покинули меня, и я заснул рядом с моей любимой. Не знаю, как долго я проспал посреди пустыни, охраняемый лишь Матерью-Землей, Геей, но солнце успело подняться и зайти снова по крайней мере один раз, ибо, когда я снова пришел в себя, стояла ночь, хотя уже занимался рассвет.

Окончательно разбудил меня слабый голос Шанары, просившей воды. Казалось, она совершенно не удивилась, увидев меня, лишь едва слышно еще раз попросила пить. Неподалеку с ревом неслась река Стикс, но вода в ней была черной и тусклой, и я отказался от мысли напиться из этого зачарованного потока. Спотыкаясь, я отправился на поиски другого источника. В конце концов я нашел маленький мутный ручеек среди колючей пустынной растительности и позвал Шанару. Вода была мутной и горьковатой, с привкусом песка, и Шанара морщилась, утоляя жажду. На поясе у меня все еще висел старый высохший мех для вина, который сохранился со временем давно

забытого пиршества. Я размочил его и наполнил водой. Воды в нем уместилось явно недостаточно для путешествия через пустыню, но волчьи инстинкты подсказывали мне, что это все же лучше, чем пить из черных вод Стикса. Шанара, вновь мучимая жаждой, направилась было к реке, но я приказал ей вернуться. Она, хоть и с неохотой, повиновалась. До этого мы не обменялись ни единым словом, и я сожалел, что мои первые слова, обращенные к любимой после столь долгих поисков, оказались такими резкими.

Весь следующий день мы брали на север, и вода попадалась нам на пути крайне редко. Я давал Шанаре пить из своего меха, но сам отказывался от воды, предпочитая мучиться жаждой, чем вынуждать Шанару пить из чудовищной реки. На третью ночь река превратилась в ручей, бежавший среди скал. Лежать и слышать шум воды оказалось настоящей пыткой, но я был рад, что завтра мы будем уже далеко от реки, исток которой лежал во владениях Древних, реки, насыщенной кровью скрытых под землей служителей Хаоса. Даже если бы мне предстояло умереть от жажды, ничто не могло заставить меня смочить губы этой водой.

Шанара выпила последние капли воды из меха и теперь спала, тихо постаянывая. Не в силах заснуть, я с тревогой смотрел на нее. Что произошло с ней в пещерах Стигии, в руках колдуна? Я мог никогда не узнать этого. Я сомневался, что и она сама это знала. Временами она казалась оглушенной и полубезумной, после всех ужасов и лишений, что ей пришлось пережить, от ее прежней красоты почти ничего не осталось. Однако для меня она по-прежнему оставалась такой же прекрасной, и меня мало волновали издевательские слова Ментуменена, что однажды Шанара с отвращением отвергнет меня, сочтя диким зверем. Во всяком случае, пока что она покорно следовала за мной, ни на что не жалуясь, даже когда не поспевала за мной. Возможно, ей тоже не терпелось скорее оказаться дома, в Немедии.

Однако сейчас, глядя на ее беспокойный сон, я начал задумываться. Как с ней обращался Ментуменен? Если моя любимая пострадала от его рук, мрачно размышлял я, он уже заплатил за это своей ногой, или когтистой лапой. Ибо сколь бы великим магом ни был Ментуменен, он, как и я, оставался существом из плоти и крови, существом, вполне уязвимым для меча Делрина. Гея предупреждала меня, что Шанара, возможно, не была мне верной. Что ж, подумал я, глядя на ее изможденные черты, за это она тоже заплатила. В мире, подобном этому, женщина не имела иного выбора, кроме как повиноваться тому, кто владел ее телом. Ведь и своей невестой я сделал ее, по сути, сильой, и то, что мы полюбили друг друга, было лишь одним из благословений, данных мне вместе со множеством проклятий. Нет, я не стану спрашивать Шанару, какую цену ей пришлось заплатить, чтобы пережить выпавшие на ее долю тяжкие испытания. Об этом следовало забыть. Как и о самих Стигийских пещерах, исчезнувших навсегда.

Вновь взглянув на Шанару, кутавшуюся в мой плащ и разорванные лохмотья некогда пышного платья, я вдруг увидел, что то, что с ней произошло, скрыть уже не удастся. Живот ее округлился... и я знал, что это значит. Стали понятными и ее изможденный вид, и постоянно мучившая ее жажда. Не одно лишь чувство голода заставляло ее искать в пути горькую пустынную траву. В теле Шанары зрело проклятие Геи.

Кто же стал отцом этого ребенка? Я сам, еще до того, как ее похитили из моих объятий? Ментуменен, одержимый ненавистью и злобой? Или еще хуже — некое безымянное существо из мира колдовства и зла? Несмотря на проклятие Итиллин, ребенок мог вполне оказаться и моим. «...Ты никогда не станешь отцом сына, который будет править после тебя...» Речь шла не о том, что у меня никогда не будет сына, но о том, что я не стану основателем династии. Что ж, в то время никто не мог быть уверен в собственной жизни, а королев-

ства в собственном существовании, и, возможно, даже боги не знали, какие именно династии станут править. Как показывал мой извилистый жизненный путь, даже планы богов далеко не всегда сбывались.

Да и почему я должен верить словам Ледяной Ведьмы? Задумавшись, я лег рядом с Шанарой и крепко обнял ее. Меня совершенно не беспокоило, что ребенок, растущий в ее утробе, может оказаться не моим. Что значило родство для меня, выброшенного умирать на снегу рукой отца, который посеял семя моей жизни и остался недоволен урожаем? Что значило родство для меня, Гора Братоубийцы, который убил четверых своих братьев и обрек на смерть Гудрун Златокудрую? Я, вскормленный и воспитанный волчицей, с которой у меня не было ни капли общей крови, решил, что усыновлю ребенка Шанары, отвергнув лежащее на мне проклятие. Возможно, я действительно никогда не стану отцом сына, который будет править после меня и встанет рядом с Хъялмаром из Немедии, но сын Шанары, приемыш Гора, после моей смерти возьмет в руки меч Делрина и понесет память о Горе сквозь века.

Обнимая Шанару, я заснул, и, видимо, крепко, поскольку, когда я проснулся, ее не было рядом. В тусклых рассветных сумерках я услышал звук, от которого моя кровь обратилась в лед. Вскочив, я увидел Шанару, которая, спотыкаясь и раня ноги, спускалась по камням к ручейку. Я закричал, чтобы она вернулась, но, когда я бросился к ней, она уже наклонилась к воде и жадно пила. Я оттащил ее назад, но взгляд ее был отсутствующим, по лицу и подбородку текла влага, и, глядя в ее пустые глаза, я понял, что мои инстинкты не обманули меня. Воды Стиksа действительно полны зла, и Шанара испытала на себе их проклятие — она не узнавала меня и ничего не помнила. Она снова наклонилась к воде, но я железной хваткой вцепился в ее руку и потащил назад по каменистому склону. Следовало держаться подальше от вод Стиksа, даже если при этом мы отклонялись от цели.

Что так неудержимо влекло ее к водам Стикса, если, проведя столько времени в Стигии, она вновь выбрала безумие и тьму? Когда я смотрел в ее пустые глаза, мне казалось, будто я снова слышу Слепого Флейтиста в сердце Хаоса. Не было ли это эхом того, что заполняло сейчас разум Шанары?

Несмотря на ее сопротивление и проклятия, мы направились прочь от реки, и к полудню шума воды уже не было слышно. Пустыня постепенно уступала место более гостеприимному пейзажу. К вечеру мы нашли источник с чистой водой и напились досыта. Какой-то крестьянин, уходя от вооруженных орд, бесчинствовавших в этих краях, оставил амбар, полный зерна, сущеных кореньев и свежего сена, где мы впервые провели ночь во вполне сносных условиях.

Однако единственный глоток из Стикса стер из памяти Шанары все воспоминания о ее пребывании под землей. Возможно, это стало для нее благом, поскольку ей казалось, что мы снова в Немедии и возвращаемся в город, где впервые полюбили друг друга. Никакие мои слова не могли изменить этой уверенности. Воспоминания о плене, ужасе, насилии исчезли из ее памяти. Она смущенно разглядывала лохмотья своего платья, мою металлическую руку, свои исхудавшие и огрубевшие ладони, но, когда я попытался рассказать ей о том, что случилось, она лишь непонимающе качала головой. Она ничего не помнила, и я чувствовал, что это к лучшему, поскольку, лежа в моих объятиях, она становилась все той же юной девушкой, какой была давным-давно, когда я только переходил от жизни волка к жизни человека, и сердце мое снова пело от нашей любви. А к исходу следующего дня мы пришли в селение, где жили люди.

А теперь я, Джеймс Эллисон, бывший когда-то Гором Братоубийцей, пятым сыном Делрина, вынужден признаться, что дальше в моих воспоминаниях наступает пробел. По какой-то неизвестной причине в моей памяти зияет провал, как и у Шанары. Возмож-

но, я все же выпил глоток воды из Стикса. Или капля этой воды попала мне в рот, когда я целовал губы Шанары? Или же все дальнейшие дни и месяцы были полны лишь бессмысленных лишений и потому преданы забвению? Так или иначе, я ничего не помнил о том, как мы с Шанарой вернулись в Немедию и как настам встретили. Остались лишь смутные воспоминания об огромной толпе, приветствовавшей меня, и о великой битве, в которой гирканцы падали наземь, словно срываемые ветром осенние листья. Помню, что мы захватили город с высокими башнями на краю ледяной пустыни. Помню, что нас осадили враги и нам пришлось отступить в дикие края, подобные тем, где я когда-то охотился со стаей волков. И еще я помню, что однажды ночью в селении на краю пустыни память возвратилась ко мне, и я увидел группу беседующих немедийцев и себя, Гора, среди них.

— Удача оставила нас, — говорил бородатый воин, — но мы можем вернуть то, что нам принадлежало, и никому более не отдавать. Даже если этому дьявольскому отродью удалось подкупом пробраться в высшие круги, многие в Немедии продолжают поддерживать нас. С нами наши великие вожди — Гор и Хяллмар. Луд рассказывал о пещерах в ледяной пустыне, где мы могли бы спрятать наши припасы и оружие, прежде чем оставшиеся в живых айсиры и ваниры смогут вновь прийти к нам на помощь. — Он показал на рослого мужчину в одежде из шкур.

— Да, я знаю эти пещеры, и Гор тоже их знает, — сказал Луд, — поскольку эти края знакомы ему с детства. Ты сможешь провести нас туда, Гор?

Я молча кивнул. Мне не слишком хотелось возвращаться туда, где я бегал когда-то вместе с волками и куда меня вышвырнула моя родня. Мне казалось, что там меня вечно будут преследовать призраки. Однако проклятие времен юности каким-то образом вновь вернуло меня сюда, и я чувствовал себя обреченным. Когда совет закончился, ноги сами собой понесли меня

к самому большому дому в селении, к нашему с Шанарой дому.

Провал в памяти оказался глубже, чем я предполагал. Живот Шанары сильно увеличился, лицо осунулось, хотя продолжало казаться мне все таким же прекрасным. Женщина, ухаживавшая за ней, отступила в сторону, и я подошел к лежавшей на груде шкур Шанаре. Несмотря на измученный вид, на губах ее появилась счастливая улыбка.

— Я рада, что ты пришел, — сказала она. — Думаю, еще день, может, два — и ты сможешь взять на руки сына Гора — того, кого ждет меч Делрина!

Улыбнувшись, я погладил ее по волосам, благословляя тот единственный глоток воды из Стиksа, что стер все ее воспоминания о Стигийских пещерах. Не помнила она и того, что когда-то носила шелка и драгоценности. Теперь ее вполне удовлетворяли грубая одежда из шкур и маленькое ожерелье из сверкающих звериных зубов, которое кто-то где-то для нее нашел. Однако я твердо решил, что еще до конца зимы должен вновь увидеть ее в пышных дворцах Немедии и ее сына — нашего сына — в золотой колыбели! Да, его отец был вскормлен молоком волчицы, но сын Гора должен иметь нянек, кормилиц и игрушки и должен вырасти принцем Южных земель!

Однако сейчас мы вынуждены были вновь уходить на север, в ледяную пустыню. Пока я шел во главе отряда по замерзшему снегу, а Шанару несли на носилках четверо крепких воинов. Я не мог ее оставить, мне казалось, что следом за мной по льду крадутся призраки. То и дело я ощущал прикосновение к моей ноге прозрачной фигуры, похожей на одного из моих бывших братьев-волков, которые вместе со мной сосали волчицу и с которыми я дрался за кость с остатками мяса. Я знал, что невидимые Псы Тиндалоса всегда со мной, но порой в морозном тумане появлялись и другие существа. Каждый раз, когда я касался рукояти меча, я словно наяву видел широкое красное лицо Делрина, кото-

рое сменяли лица моих братьев. Снова и снова, как когда-то прежде, я повторял их имена:

— Раки Быстрый. Сигизмунд Медведь. Обри Хитрый. Элвин Молчаливый.

— Гор... Братоубийца! Гор Проклятый!

А затем мне показалось, что в тумане передо мной возникло лицо женщины, которое все время изменялось, как менялся я сам, превращаясь из волка в человека и обратно в волка. Мгновение ее лицо было лицом Гудрун Златокудрой, потом оно превращалось в лицо Итиллин, Ледяной Девы, а затем снова в лицо Гудрун.

— Эй! Гор, что с тобой? — послышался чей-то голос, и я, вздрогнув, схватился за меч, ибо голос этот показался мне голосом Судьбы. Затем, призвав на помощь остатки рассудка, я увидел перед собой лицо Луда и заморгал, пытаясь отряхнуть с век видения и иней.

— Что с тобой? — повторил он. — Ты словно не в себе!

Я что-то пробормотал в свое оправдание. Да, я действительно был не в себе; на мне вновь лежало проклятие, от которого я, казалось, избавился за время долгого путешествия на юг. Не следовало сюда возвращаться: я должен был держаться подальше от ледяной пустыни, где меня поджидало проклятие Итиллин. Проклятие, о котором я успел забыть в теплых южных странах! И проклятие Итиллин лежало не только на мне, но и на моем сыне...

Что ж, возможно, он не был моим сыном и потому мог избежать этого проклятия. Однако древняя, яростная боль мучила мою ногу. Мучила с тех пор, когда я, голый хромой малыш, ковылял по льду следом за своими братьями-волками.

Следующую ночь мы провели в еще более убогом селении, где было лишь восемь или десять домов из ледяных блоков, стоявших на фундаменте из древних костей. Жители селения в течение многих лет собирали кости моржей и китов, не зная никаких других строительных материалов. Шанара была слаба и все

время молчала. Лишь поев немного жирного мяса, которое смогли добыть наши охотники, она оживилась. Вскоре после захода солнца, который в этих широтах наступал рано, женщина, которая ухаживала за ней, сказала мне, что у Шанары начались схватки. За годы, проведенные среди людей, я уже привык к тому, что женщины производят на свет потомство далёко не так легко, как волки, и потому оставил Шанару на попечение повитухи. Вскоре после полуночи, когда я сидел среди воинов, угрюмо потягивая вино и ворча над их шутками, женщина вновь позвала меня, и я увидел Шанару, лежавшую на соломе с красным сморщенным младенцем у груди.

Он казался очень маленьким, морщинистым и безобразным. Безволосый, он не был симпатичен, как новорожденный волчонок, однако Шанара держала его на руках, что-то тихо ему напевая, и, полагаю, он казался ей красавцем. Я погладил его по лысой головке и поцеловал Шанару. Она, устало улыбнувшись мне, прошептала:

— Я слышала... что народ Северных земель... выбрасывает своих младенцев, если у них не все в порядке. Но ведь ты не выбросишь его, правда, мой любимый Волк?

И, откинув шкуры, в которые был завернут ребенок, она показала мне изуродованную маленькую ножку.

На какое-то мгновение слова застряли у меня в горле. Значит, ребенок был моим, и на нем лежало проклятие! Однако я спокойно ответил:

— Моя нога тоже была кривой от рождения, однако с возрастом она выпрямилась благодаря упражнениям и бегу. Когда он подрастет и сможет бегать, мы не должны его слишком баловать, моя дорогая. — И я погладил маленькую кривую ножку, такую крошечную, что она легко уместилась в моей ладони.

В ту ночь, когда я спал рядом с Шанарой, призраки, казалось, роились возле моей подушки. Лицо Дел-

рина висело в воздухе надо мной, и до меня доносился издевательский голос моей матери, Гудрун Златокудрой: «Каков отец, таков и сын! Но этому суждено умереть среди льдов, и он уже не вернется, чтобы убивать!» Вокруг меня, словно в кошмаре, кружили лица убитых братьев, нарушая мой беспокойный сон.

А затем на фоне ледяных кристаллов, белых и сверкающих, казалось, заполнявших все пространство вокруг нас, появилось лицо Итиллин. Я лежал, не в силах пошевелиться, в то время как мерцающая Ледяная Богиня нависла над Шанарой и младенцем.

— Иди же, — шептал беззвучный голос, — иди же! Ты обречена, Шанара, решившая разделить проклятие и судьбу братоубийцы! Иди! Ты не можешь противостоять моей воле, испив воды темной реки. Я повелеваю тебе вспомнить все, о чем ты забыла...

Покрытая инем Ледяная Богиня наклонилась и коснулась Шанары холодным пальцем, окутав ее морозным дыханием. Я попытался вскочить, закричать: «Оставь ее, Ледяная Ведьма! Я один навлек на себя твое проклятие! Моя жена и сын ни в чем не повинны!» Готовый сражаться зубами и когтями, словно волк, я хотел вскочить, хватаясь за меч, но ее холодное дыхание сковало меня, не давая пошевелиться. Мне показалось, что я вижу, как Шанара с ребенком на руках поднимается с постели и скользит следом за удаляющейся фигурой Ледяной Богини. Итиллин обернулась, бросив на меня торжествующий взгляд, и лицо ее превратилось в насмешливо улыбающееся лицо Гудрун Златокудрой. Раздался ее ликующий смех, и я проснулся.

Я проснулся, благодаря Гею за то, что это был всего лишь сон, и повернулся на постели, чтобы обнять Шанару, однако мои руки нашупали лишь пустоту. Она исчезла!

Неужели... о Боги! Неужели все это произошло в действительности? Нет, боги не входят в дома смертных, не приходят и мертвые, чтобы посмеяться над своими убийцами. Однако я все еще видел насмешли-

ые глаза Гудрун Златокудрой, слышал проклятия, которыми она меня осыпала. Вскочив с постели, я бросился к двери. Полная луна освещала лед холодным сиянием, на севере занималась голубоватая мерцающая утренняя заря, и всюду лежали тени. Мне казалось, что на фоне зари я вижу более бледную тень... или это было мерцание призрачного силуэта Итиллин, уводящей объятую сном Шанару за собой, на смерть в ледяной пустыне?

Проклятие! Зарычав, словно раненый волк, я сквачил меч Делрина и побежал — полуголый, босиком — по замерзшему снегу, выкрикивая имя Шанары. Проклятие, проклятие Итиллин... У меня никогда не будет сына, который мог бы основать династию... Неужели мой сын должен погибнуть вместе с Шанарой прямо здесь и сейчас, среди льдов и снега? Я мчался изо всех сил; я еще надеялся найти их до того, как они погибнут...

Я бежал, задыхаясь, ругаясь и моля богов, и наконец различил впереди очертания Шанары. Я позвал ее, но, похоже, она меня не слышала. Неужели она вспомнила все, что случилось с ней в руках колдуна Ментуменена, и воспоминания лишили ее рассудка? Неужели дыхание Итиллин вернуло ей память, так милостиво отнятую водами Стикса? Сколько ужасны были картины колдовства, насилия и отчаяния, возникавшие в ее мозгу, пока я лежал, скованный кошмарным сном?

Однако она шла спотыкаясь, еще слабая после родов, и я постепенно настигал ее удаляющуюся фигуру.

А затем, когда мне уже казалось, что я вот-вот догоню Шанару, передо мной возникла черная тень, и на меня, источая отвратительный запах падали и метя острым клювом мне в глаза, опустилась громадная зловещая птица. Я резко выбросил вверх руку с мечом; чудовище отпрянуло, глядя на меня полными боли и безумной злобы сверкающими глазами. Даже в таком виде я его узнал: это был колдун Ментуменен! Ментуменен, раненный моим клинком, спустился на своих

колдовских крыльях, став между мной и моей обезумевшей женой!

— Пропусти меня, — сказал я сквозь зубы. — Клянусь своим мечом, когда Шанара будет в безопасности, я готов сразиться с тобой, если пожелаешь, голыми руками и зубами!

Громадный силуэт летучей твари быстро уменьшился, и передо мной появился Ментуменен в своем человеческом облике, стоя на одной ноге. По его фигуре пробегали зеленые колдовские огоньки.

— Что ж, пусть будет так, — насмешливо сказал он, — но пусть сначала она избавится от своего неполноценного щенка... Пусть она бросит его волкам, как когда-то бросили тебя. Но на этот раз без надежды на спасение. И на этом закончится твой проклятый род! Ты отрубил мне ногу, и, несмотря на все мое колдовство, я обречен на хромоту до нескорого еще дня моей смерти. Но твой сын заплатит за мою хромоту! Сын Гора станет добычей волков, а сам Гор — жертвой моей мести. А Шанара... Шанара отправится вместе со мной в преисподнюю, на мой трон!

— Ты и в самом деле сейчас отправишься в преисподнюю, дьявольское отродье! — закричал я, бросаясь на него с мечом Делрина. Казалось, он не вооружен; однако когда он выбросил вперед руку, в ней появилось оружие — зеркальное отражение моего собственного меча, колдовским образом парировавшее мои удары. Проклятье, да был ли здесь он сам, или же это всего лишь еще один призрак, еще одна иллюзия, чудовищный кошмар, порожденный страхом и опасениями за жизнь Шанары и младенца?

В отчаянии я попытался призвать на помощь Гею и Богов Порядка, которым я вынужден был служить в их борьбе против сил Хаоса. Передо мной стоял не человек, даже не колдун, а самый настоящий демон Хаоса, явившийся, чтобы лишить меня самого дорогого, что у меня было. Однако никто не пришел мне на помощь; в моем распоряжении не осталось ничего,

кроме меча Делрина и моих собственных сил. И, как бы я ни старался, я не мог пробиться сквозь сверкающую преграду его меча. Защищенный магией, Ментуменен не давал мне двинуться с места, в то время как Шанара уходила все дальше и дальше в ледяную пустыню вместе с нашим новорожденным сыном.

Как простой смертный может убить демона? Ответ лишь один — никак. Меч не в силах противостоять магии. Я был вооружен мечом, и он тоже... и внезапно я понял, в чем заключается ответ. Мой противник мог владеть лишь тем оружием, которым владел я, точной его копией. Я отшвырнул меч Делрина далеко в сторону и, еще не успев обернуться, услышал отчаянный крик Ментуменена, ибо, как я и предполагал, теперь, когда я разоружился, он вынужден полагаться лишь на собственные силы!

С волчьим рычанием я набросился на него, мои зубы коснулись его горла, и я почувствовал едкий, отвратительный вкус его черной крови. Он царапался и плевался, пытаясь вонзить ногти мне в глаза, но я безжалостно продолжал сжимать зубами его горло, железной хваткой удерживая его руки. Магия ничем не могла ему помочь. Из раны на горле хлестала кровь, силы явно покидали его.

Я поднял Ментуменена над головой и бросил на свое колено, переломив ему спину.

Выпустив из рук обмякшее тело, я с ужасом увидел, как оно уменьшилось в размерах и исчезло. На льду остался лишь изломанный труп ворона. Вот каков был конец колдуна Ментуменена! Мне показалось, что в тумане на мгновение возникла голова самого Сета. Боги южных земель не могли выжить среди здешних ледяных просторов без поддержки тех, кто им поклонялся! Что ж, Ментуменен ошибся, когда, движимый местью, изменил облик и полетел на север, покинув страну своего Бога! Сет, видимо, и в самом деле вернулся в Южные Земли, но уже без своего ручного ворона, Ментуменена!

Вырвавшись из объятий леденящего ужаса, я схватил меч Делрина и побежал по исчезающим вдали следам Шанары. Где-то завыл волк. Далеко над горизонтом занимался рассвет. И мне показалось, что я вижу Шанару...

Я бежал, с трудом переводя дыхание и сжимая в руке меч Делрина. Я должен, должен успеть отогнать волков! Отчаянная схватка с колдуном Ментумененом почти лишила меня сил, но, если придется, я готов сражаться зубами и когтями за свою самку и детеныша... Я был уже не человеком, а обложенным со всех сторон волком. Я завыл, и откуда-то издалека послышался ответный вой. Волки! Я увидел стаю волков, которые рычали и дрались, и откуда-то снизу слышался человеческий крик. Я налетел на зверей, размахивая мечом Делрина, и волки разбежались в стороны от разящей стали.

На льду передо мной, все еще сжимая в объятиях сына, лежала Шанара.

Волки успели растерзать их обоих. Они были мертвы.

Подняв голову к небу, я завыл. Проклятие действительно сбылось. Я, братоубийца, лишился своих близких.

— Итиллин! — взвыл я. — Смотри же, вот оно, твое проклятие! Смотри же, Ледяная Ведьма, и вы, все боги, предавшие меня! Гор-Волк больше не станет вмешиваться в дела богов и людей. Я не буду больше пешкой в руках Порядка или Хаоса, но буду волком среди волков, как мне и было предназначено, когда меня выбросили в снег!

Я швырнула на лед меч Делрина.

— Я не стану больше носить меч, который убил моих близких и не смог спасти ни мою любимую, ни моего сына!

Я сорвал с себя одежду из шкур.

— Я не стану больше носить человеческие ложмочь! Идите же ко мне, Псы! Я, Волк среди Псов, на-

всегда остаюсь здесь, во льдах, и в конце концов умру как зверь, которым я был со дня своего рождения! И будьте вы прокляты, все боги, все люди и все цивилизации!

Человеческий облик слетел с меня, словно тонкая водяная пленка. Упав на четвереньки, я помчался на север, к холодным северным звездам.

Позади я слышал смех Ледяной Богини, доводивший меня до безумия.

За мной по пятам бежали Псы.

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ТУМАННАЯ РЕКА

— Вы негодяй, Джеймс Эллисон!

Я стоял у окна своей квартиры в Сан-Франциско, глядя на туман, струившийся, словно ледяная река, через Золотые Ворота. Услышав голос одного из своих гостей, я не спеша повернулся к сидящим в мягких кожаных креслах возле камина.

Ароматные поленья почти догорели, но их пламени все еще хватало, чтобы освещать комнату.

Голос принадлежал Юрико Ямасита — пожалуй, самой красивой женщине из всех, кого я когда-либо встречал. Отблески пламени мерцали в ее темных глазах, на длинных черных волосах и подбородном им в тон костюме, который лишь подчеркивал ее изящную фигуру. Юрико — единственная женщина, которая в одиночку поднялась по опасному северному склону Эвереста. Кроме того, она голыми руками убила не менее пяти вооруженных мужчин, причем трех из них за один раз.

— Негодяй, дорогая моя? — улыбнулся я. — Вовсе нет. По крайней мере, как Джеймс Эллисон. Хотя я уверен, что, по нынешним меркам, в большинстве своих прежних воплощений я действительно был негодяjem. Как и многие из нас.

— Вы действительно верите во все эти перевоплощения?

На этот раз ко мне обращался Абрахам Стейнман. Его складная инвалидная коляска лежала в прихожей. Глядя на Абрахама, сидевшего возле камина, никто бы не предположил, что он парализован с детства. Однако повреждение позвоночника, превратившее его тело в пассивный придаток голове, нисколько не помешало появлению наиболее изобретательного разума со временем Эдисона.

Величайшим изобретением Стейнмана на сегодняшний день, изобретением, освободившим индустриальный мир от зависимости от стран ОПЕК и сделавшим Стейнмана первым миллиардером, добившимся успеха собственными силами, был Универсальный Преобразователь Стейнмана. Это устройство, размеры которого могли колебаться от наручных часов до Большой Плотины Куле, могло преобразовывать энергию из любой формы в любую другую форму, в том числе превращать энергию солнца, ветра или тепла в электричество, с коэффициентом полезного действия выше девяноста девяти процентов.

Эйб Стейнман держал гигантский штат, занимавшийся его изобретениями, но вдобавок у него была и собственная лаборатория в деревянном сарае. И он поклялся, что в этом деревянном сарае он разработает управляемые биотоками мозга миниатюрные аппараты, с помощью которых сможет через три года ходить, а через пять — играть в Американской лиге, даже если для этого ему придется купить свою собственную команду.

— Я не просто верю в перевоплощение, Эйб, — ответил я на его вопрос. — Не более чем вы «верите» в существование ураганов или кислорода. Они существуют. Вы знаете о том, что они существуют, но не это делает их реальными. Ураганы будут существовать, независимо от того, верите вы в них или нет. Молекулы кислорода, пары атомов с атомным весом восемь и

валентностью два будут существовать, независимо от того, верите вы в них или нет. Мы все перевоплощаемся, раз за разом. И вера не имеет к этому никакого отношения.

— Вы не правы. — Он медленно покачал головой — одно из немногих движений, на которые он был способен. — Самое главное — именно в вере. Если бы мы все верили в перевоплощение, не имело бы никакого смысла бороться за что-либо в этом мире. Можнo было бы просто лежать и ждать лучшей жизни, если нам не нравится эта. Нет, Джим, именно вера в то, что именно эта жизнь — наш единственный шанс, заставляет нас любыми путями стремиться к успеху. И некоторые его действительно добиваются!

Мой третий гость громко хмыкнул. Протянув ухоженную руку к маленькому серебряному блюдечку с ободком из синего стекла, он поднял его и взял крошечную серебряную ложечку. Осторожно наполнив ложечку тонким белым порошком, он предложил ее Юрико и Абрахаму, затем наполнил ложечку для себя.

Помолчав, он сказал:

— Я согласен, что главное — в вере, но вера в перевоплощение не обязательно так расслабляет человека, как вы утверждаете, Эйб.

— Вот вам пример, — возразил Стейнман. — Подобная вера оказалась серьезным препятствием на пути прогресса Индии. Одна из величайших культур мира пришла в застой и упадок. Зачем трудиться? Зачем заботиться о собственном успехе или о прогрессе общества, если знаешь, что всегда будешь иметь новые и новые шансы в последующих жизнях? Когда-нибудь мы все станем королями, если верно следовать карме, так что ни к чему заботиться об улучшении жизни множества крестьян, даже если мы сами в этой жизни всего лишь крестьяне!

— Ах, Эйб, Эйб, — ответил его собеседник. — Вам бы следовало время от времени высывать нос из

своей лаборатории и наблюдать, что происходит в мире. Вовсе не вера в перевоплощение привела Индию к отсталости, а всего лишь Британская Восточно-Индийская Компания! Индия до сих пор пытается избавиться от дурного влияния, которое англичане привнесли в ее древнюю культуру.

Стейнман усмехнулся.

— Что ж, сенатор, я преклоняюсь перед вашими глубокими познаниями в политике.

Сенатор Макферсон улыбнулся в ответ. Гарднер Хендрикс Макферсон был наиболее выдающимся из всех курсантов, вышедших из Вест-Пойнта со временем Дугласа Макартура. Он даже побил рекорд Макартура по скорости повышения от младшего лейтенанта до бригадного генерала. Его звезда продолжала восходить на военном небосклоне, когда он поразил нацию своим решением подать в отставку и баллотироваться в Сенат Соединенных Штатов.

Он победил на выборах и благодаря своим выдающимся способностям стал лидером меньшинства еще до конца своего первого срока — еще одно беспрецедентное достижение Макферсона. Никто не сомневался, что ему суждено стать президентом США, и вопрос заключался лишь в том, произойдет это через четыре года или через восемь.

Макферсон поставил синее блюдечко на стол, взял с подноса тайскую палочку и поджег ее зажигалкой из чистого золота. Медленно вдохнув дым, он кивнул и передал палочку сидевшей справа от него Юрико.

— Вряд ли вы хотели перевести нашу беседу на рельсы абстрактной философии, Юрико, когда назвали нашего любезного хозяина негодяем, — сказал Макферсон, наклоняясь к альпинистке. — Но что вы все-таки имели в виду?

— Я просто имела в виду, что Джеймс поступил как негодяй, оборвав свою историю на середине. Мне даже неинтересно, истина это или сказка про бело-

го бычка. Я с должным уважением отношусь к вашим убеждениям, Абрахам и Гарднер. Но Джеймс...— Она покачала головой. Поленья в камине с шипением вспыхнули, и золотые огоньки заплясали в волосах Юрико.

Сделав несколько шагов по мягкому керманишанскому ковру, я остановился возле нее. Юрико протянула мне тайскую палочку, словно говоря: «Не обращай внимания на мои слова, между нами все остается по-прежнему». Кивнув, я вдохнул ароматный дым, поддержал палочку для Стейнмана и передал ее сенатору Макферсону.

Из динамиков, скрытых за бесценным стариным гобеленом, полилась тихая музыка Моцарта.

— Что бы вы хотели услышать дальше? — спросил я.

Юрико рассмеялась.

— Джеймс, вам повезло, что вы унаследовали свое состояние. Вам бы никогда не удалось хорошо заработать, если бы вы пытались писать романы.

— Я никогда не считал себя бизнесменом или писателем, — ответил я. — Но что вас, собственно, не устраивает? Я просто рассказал историю жизни Гора, пятого сына Делрина. Так, как я ее прожил. Да, моя дорогая, именно так, как я прожил ее неизмеримые тысячелетия тому назад. Вам может не нравиться стиль изложения, но какие могут быть возражения против истины?

— Что ж, Джеймс, давайте еще раз взглянем на вашу историю. То есть историю Гора.

Ее совершенные руки, казалось, поплыли по воздуху.

— Вы начали свою жизнь брошенным калекой, которого вскормила оказавшаяся поблизости волчица. Что-то знакомое, не так ли?

Я кивнул.

— Вы выжили, ваша кривая нога стала здоровой, и вас воспитали волки. Затем вы вернулись в челове-

ческое общество, отомстив семье, которая бросила вас в младенчестве.

— Да.

— А затем на вашу долю выпали самые невероятные приключения. Включая войны, насилие и кровавые убийства.

— Но что именно смущает вас в моем рассказе? — спросил я. Она улыбнулась.

— Я готова согласиться с самыми невероятными вещами, Джеймс, я даже готова не принимать во внимание сверхъестественные вмешательства, которые происходят столь часто. Допустим, что это всего лишь варварская интерпретация событий, для которых сегодня могли бы найтись иные объяснения.

— Например?

— Например. — Она протянула руку и слегка коснулась моей ладони. Я почувствовал легкое возбуждение, которым всегда сопровождались ее прикосновения. — Например, та странная история на острове. Что там случилось? Проснулся вулкан, из его расплавленного чрева появились бронзовые роботы, уничтожили всех спутников Гора и улетели в небо. Ну и ну!

— Это было на самом деле, — рассердился я.

— Конечно. Но была ли в этом замешана магия? Не могла ли в то время существовать другая, более развитая цивилизация? Может, это были геологи, изучавшие тот вулкан. Когда началось извержение, они собрали свои находки и улетели. Это были не роботы, а люди в защитных костюмах.

— И все же, Юрико, почему вы назвали меня негодяем?

— Потому, Джеймс, что вы не закончили свою невероятную сагу. После крови и страданий, после смерти ваших жены и ребенка, после смерти вашего заклятого врага Ментуменена вы снова стали жить вместе с волками. И что произошло дальше?

Прежде чем я успел ответить, послышалось еще одно возражение, на этот раз от Абрахама Стейнмана.

— Мне не вполне понятен пантеон ваших богов, Эллисон.

Я стоял спиной к огню, ожидая дальнейших разъяснений.

— В начале вашей истории вы ссылались на некоторых скандинавских божеств. Да, Имир — знакомая фигура. Итиллин не столь известна, но данное вами описание вписывается в скандинавскую концепцию. Но затем у вас появляется Митра, которому в течение нескольких веков поклонялись как некой альтернативе Христа. Иштар, великая богиня Вавилона. Сет, египетский бог-дьявол, убивший своего брата Осириса. Гея, греческая богиня Земли. И Псы Тиндалоса, насколько я помню, творения современного гения, Белкнапа. Не говоря уже о Ктулху, Йог-Соготе, Ктуге Фомальгауте.

Он прищелкнул языком, словно учитель, поймавший малолетнего ученика на лжи. Полагаю, на фоне его выдающегося интеллекта мы все выглядели малолетками.

— Если все это происходило тысячи поколений назад, — продолжал Абрахам, — каким образом могли сойтись вместе боги и существа из столь различных культур и эпох?

— Я не смогу вам этого объяснить, — сказал я. — То, что я рассказал вам, — лишь краткий очерк из жизни, которую я прожил задолго до нынешней. То, что произошло, — произошло, и я не стану пытаться ни защищаться, ни оправдываться. Мы находимся не на заседании суда. Если не хотите мне верить, считайте все это просто сказкой. Надеюсь, что я развлек вас за эти несколько часов. И вы вовсе не обязаны мне верить.

— Что ж, — решил Стейнман, — полагаю, это достаточно честно с вашей стороны.

— Однако, — вновь заговорил сенатор Макферсон, — давайте все же удовлетворим любопытство мисс Ямасита. Расскажите, что случилось после того, как вы

вернулись к волкам. Наверняка ваши воспоминания на этом не заканчиваются?

— Конечно, нет,— сказал я.

Итак, я снова стал волком и душой, и по большей части телом. Я словно вернулся во времена своего детства, в ту страшную пору, когда Гудрун Златокудрая отказалась от меня и Делрин Отважный вынес меня на лед умирать.

Волк-оборотень, волк-человек, человек-волк — какая, собственно, разница? Я старался не думать и не вспоминать об ужасных событиях, в которых мне довелось участвовать, и об ужасных поступках, которые я совершил с тех пор, как впервые встретил айсиров и ваниров.

Менялся ли я? Свершалось ли надо мной таинственное ликантропическое превращение в занесенную снегом пустыне? Произносил ли я несколько магических слов, которые узнал от Белого Мага, бегая то на двух, то на четырех ногах, сражаясь то с помощью кулаков или металлической руки, то с помощью звериных клыков и когтей?

Не знаю, и меня это не интересовало.

Видимо, время от времени я все же менял облик, превращаясь из волка-оборотня в человека-волка. Впрочем, какое это имело значение?

Самое главное — я забыл обо всех страданиях, которые мне пришлось пережить. Я не помнил ни о сражениях, ни об убийствах, ни о полученных мною ранах. Все это казалось некой огромной игрой, в которой победа в битве, завоевание наций, свержение династий значили не больше, чем выигрыш в шахматы или потеря фигуры.

Мне достаточно часто приходилось видеть смерть, чтобы понять, что она неизбежно приходит ко всем людям и вообще ко всем живым существам и что с нею можно бороться и пытаться ее избежать лишь для того, чтобы продлить ту военную игру, которую мы называем жизнью. Здесь, среди волчьей стаи, мне удалось

забыть единственное воспоминание, которое не смогла принять моя душа, — воспоминание о моей жене Шанаре и моем безымянном сыне, что лежали мертвыми на замерзшем снегу.

Мрачная ирония судьбы: я, без колебаний убивший родителей и братьев, радовавшийся их предсмертной агонии, не смог вынести утраты тех, кого сам любил больше всех на свете.

Я уверен: Ледяная Ведьма Итиллин холодно и безжалостно смеялась над моим горем! И лишь жизнь среди волков, добровольный отказ от человеческой личности, человеческого сознания, человеческих воспоминаний позволяли мне жить дальше.

Вместе с волками я охотился на лосей, наслаждаясь едким запахом страха, исходившим от добычи, когда гигантское травоядное понимало, что загнано в ловушку и обречено. Я пьянял от ощущения живой плоти под моими клыками, от вкуса горячей крови на языке.

Я стал пользоваться уважением среди волков за свой острый нюх и несравненное умение выслеживать добычу. В мгновения атаки не было никого бесстрашнее и яростнее меня. И никого ужаснее и кровожаднее меня, когда наступал миг убийства.

Соревнуясь с другими в отваге, ловкости и силе, я занимал все более высокие посты в волчьей иерархии, пока не оказался вторым после вожака стаи. И однажды настал день, когда я ощутил странное, непреодолимое влечение. Я чувствовал, как поднимается моя шерсть, вываливается язык и раздуваются ноздри, возбужденные ни с чем не сравнимым запахом: запахом самки.

Я поднялся со своего места и вскоре нашел источник всемогущего запаха. Это была самка вожака нашей стаи, старого и мудрого волка, повидавшего уже немало зим. Давным-давно он выбрал себе волчицу на всю жизнь — так принято у волков. Однако спустя несколько лет, за которые она подарила ему не

один выводок щенков, она умерла, и, проведя какое-то время в трауре (да, и у волков существует понятие «траур»!), он нашел себе другую, на этот раз молодую самку с блестящими глазами и длинной, густой шерстью.

Однако ее запах влек меня, и я не мог более сопротивляться, точно так же как лед не в силах сопротивляться весеннему солнцу. Я подошел к волчице, лежавшей на мягком снегу. Она посмотрела и лизнула меня в нос.

Мой могучий вой дал понять волкам нашей стаи столь же ясно, как человеческая речь сказала бы человеческому уху, что я заявляю свои права на самку вожака и вместе с ней на предводительство в самой стае.

По волчьим законам (да, у волков есть свои законы!) старый вожак мог выбрать один из трех вариантов. Он мог принять мой вызов и сразиться со мной насмерть. Он мог уступить мне волчицу и предводительство в стае, став покорным мне рядовым волком. Кроме того, он мог покинуть стаю, стать одиноким волком и жить, охотясь на мелкую дичь, которую был в состоянии добыть один, или подбирая оставленные другими объедки... Или охотясь на презренного Человека.

Он решил сражаться.

Волки не любят терять время. Вызов был брошен. Старый вожак его принял. Стая собралась вокруг нас, самка вожака расположилась рядом, а мы встали в центре, сверкая глазами и яростно рыча.

Он был старше меня, крупнее и сильнее. Однако реакция его уже была не такой быстрой и запас сил — меньше, чем в прежние годы.

Я же не ощущал возраста.

Видимо, мой соперник чувствовал разницу между нами и понял, что единственный шанс победить — напасть быстро и решительно.

Он рванулся вперед и, оказавшись в нескольких шагах от меня, взлетел в воздух, целя желтыми клыками мне в горло.

Рассчитав время, я прижался брюхом к снегу и прыгнул в то мгновение, когда он завершал свой прыжок.

Он промахнулся, скользнул брюхом по моему заду и свалился на снег.

Молниеносно развернувшись, я напал на него сзади и, пока он пытался подняться после неудачного нападения, укусил за заднюю ногу.

Хрипло рыча, он уставился на меня горящими глазами. Мой укус практически не причинил ему вреда. По его шкуре стекала тонкая струйка крови. Он начал отходить в сторону, пытаясь выбрать удобную позицию для новой атаки. Его унизили, и он не хотел быть униженным еще раз.

Он вызывающе зарычал, побуждая меня к нападению, но я медлил, словно насмехаясь над ним. Пойдя к его самке, я помочился на снег рядом с ней, пометив ее как свою собственность, и слегка стукнул ее лапой, не для того чтобы сделать ей больно, а для того чтобы показать — теперь она моя.

Старый вожак чуть не задохнулся от рыка. Он снова метнулся ко мне, на этот раз стелясь низко по земле и намереваясь вцепиться мне в горло снизу. Эта атака была намного опаснее предыдущей.

Я развернулся, отступив на полшага, так что траектория его прыжка лежала под прямым углом — как назвали бы это люди! — к моему собственному положению.

Он попытался скорректировать нападение, и отчасти ему это удалось.

Прыгнув одновременно, мы, лязгая клыками, столкнулись в воздухе и упали на снег. Я повалился на бок, ему же удалось затормозить и удержаться на ногах. Прежде чем я успел подняться, его зубы уже были готовы вонзиться в мягкую плоть моей шеи, положив тем самым конец поединку и моей жизни... если бы не моя густая шерсть и если бы в предыдущем столкновении он не повредил нижнюю челюсть.

Так что вместо разорванной артерии единственной его добычей оказалась полная пасть густой шерсти и крохотный кусочек моей плоти.

На этот раз я зарычал от ярости и негодования и отполз назад, собираясь восстановить потерянное преимущество.

Мой противник отлевывался, пытаясь освободить пасть от моей шерсти. Заворчав, я начал обходить его по кругу. Он подошел к самке — символу и призу нашего поединка — и встал над ней, предупреждающее рыча.

В это мгновение я едва не произнес несколько слов, которые превратили бы меня в человека, вооруженного бронзовой механической рукой Дар'аха Хумарла, человека, готового пронзить врага острым клинком или выпущенной силой пружины стрелой, уничтожив его, как человек уничтожает дикого опасного зверя. Но нет — я сам был зверем, столь же диким, как и мой противник, и даже еще более опасным.

Я подавил желание произнести эти слова и вновь рванулся к сопернику. В десятке шагов от волчицы я сделал вид, будто намереваюсь проскочить слева. Вместо этого я свернулся направо. Старый волк дернулся сначала в одну, потом в другую сторону. Еще одно верное движение, и мой противник уже пытался маневрировать в трех направлениях сразу. Он поднялся на задние лапы и, оскальзываясь на снегу, молотил передними по воздуху.

Собрав все силы моих железных мускулов, я прыгнул, целя не в горло, не в незащищенное брюхо, а в могучую грудь вожака.

Широко распахнув пасть и склонив голову набок, я сомкнул челюсти с обеих сторон его грудной клетки. Мои острые как бритва клыки пронзили густую шерсть и мускулистую плоть старого вожака, словно мягкое руно и нежное мясо новорожденного ягненка.

Продолжая сжимать челюсти, я почувствовал и услышал, как хрустнули его ребра. Мои зубы сошлись посередине его груди. Я дернул головой, вырывая сердце моего противника, и его безжизненное тело рухнуло на снег.

Он даже не дернулся.

Я бросил свой трофеи на снег и поставил на него лапу. Я стоял над побежденным соперником, а стая сидела вокруг. Я издал тихий призывный звук, и волчица, подбежав ко мне, лизнула маленькую ранку на моей шее. Я глухо заворчал, разрешая ей попробовать лежащее перед ней свежее мясо.

Она понюхала тело того, кто был ее самцом, отрвала кусок плоти и отнесла его в сторону, чтобы съесть.

Один за другим члены стаи почтительно приближались ко мне, их новому вожаку, чтобы получить свою долю мяса.

После того как мое ведущее положение в стае было принято всеми, я вышел из круга, предупреждающе прорычав, чтобы никто не смел следовать за мной.

Я долго шел в одиночестве среди снега и льда, пока не наступила ночь. Небо было черным, но ясным, звезды и луна ярко сияли в чистом, почти полярном воздухе. Свет их отражался от белой поверхности, создавая призрачное подобие дневного света.

Я произнес слова, которые узнал от Телордрика, прежде чем убить Белого Мага. Они были короткими и простыми, чтобы их мог произнести волк, голосовой аппарат которого приспособлен лишь к рычанию и вою, а не к человеческой речи.

Я почувствовал, как изменяется мое тело, как удлиняются мои задние ноги, а передние превращаются в руки. Моя морда превратилась в человеческое лицо. Моя шкура исчезла, оставив лишь бороду и жесткие волосы на теле нормального, хотя и волосатого человека.

Задрав голову, я уставился в небо, бросая вызов моему учителю, покровителю, мучителю и врагу — Итиллин, первой дочери Ледяных Богов.

— Ведьма! — закричал я.— Ведьма! Я стал вожаком волков! Я завоевал себе прекрасную волчицу! Не твой ли она знак? Что еще я должен сделать? Кого еще должен победить? Почему я не могу умереть, Ледяная Ведьма?

Поднялся страшный ветер, вздымая сверкающие кристаллы снега. Подобно призмам, они превращали лунный свет в мерцающую радугу, которая окутывала меня словно живым многоцветным огнем. Ветер подхватил меня, как ледяной водоворот, уносящий моряка, или торнадо, затягивающий копающегося в земле крестьянина в свою смертоносную утробу.

Меня уносило высоко в воздух, то и дело переворачивая вверх ногами, и вскоре я уже не мог понять, где настоящие луна и звезды, а где их отражения на ледяных склонах внизу. Ветер свистел в моих ушах, и сквозь свист я слышал голоса — или мне так казалось — богов и смертных, с которыми я сражался все эти страшные, тяжкие годы. Всех, кого я знал...

Там были Гудрун и Делрин, старый Браги и четверо убитых мною братьев: Раки и Сигизмунд, Элавин и Обри. Там были Харольф, вождь айсиров, и Хетлунд, его сын, Тьярвакка, айсирский жрец, и Хъялмар, мой товарищ по оружию. Ванирские воины Одерик и Гутрик, Нальд и Кадрик, мой дядя Хенгист Железная Рука и мой двоюродный брат Гостиг Зверобой.

Там был и Гл'ерф, вождь полулюдей Ми-Го, и Клу'до, с которой я пытался заниматься любовью.

Ага Джунгаз, эмир Турана, и прекрасная Джари, его главная жена. Ушилон и стигийский колдун Ментуменен, Кай Валконн из Аквилонии и Ламариль Непобедимый, который до встречи со мной вполне оправдывал данный ему титул.

И Гарак, король Немедии, и его сыновья Ташако и Яшати, и его дочь, моя жена, Шанара, и наш сын.

Ветер продолжал завывать. Где-то в ответ завывали волки. И вой их превратился в жуткий лай, лай Псов Тиндалоса.

Они окружали меня, и их глаза блестели красным огнем на фоне черного неба и белого снега,— Псы, приходившие на зов из самых дальних уголков пространства.

Я увидел Ледяную Ведьму Итиллин, которая смотрела на разворачивавшуюся перед ней сцену, и в глазах ее было не обычное выражение надменного любопытства, а озабоченность, тревога и — я не мог поверить — страх!

— Гор! — крикнула она.— Гор!

— Что тебе, Ведьма? — ответил я.

— Иди со мной! Беги, беги от Псов, ибо для нас еще не все кончено, для тебя и для меня! Для нас еще не все кончено!

Рассмеявшись, я сорвал бронзовую руку, которую сделал для меня Дар'ах Хумарл из Запорака, и швырнул ее в простиравшуюся подо мной белую мглу.

— Беги со мной, Гор! — вновь закричала Итиллин.— Смертный, зверь, ликантроп, убийца и вождь! Я сделаю тебя одним из бессмертных, одним из Ледяных Богов! Иди же со мной!

Она устремилась ко мне сквозь некие высшие измерения, недоступные пониманию ни древнего человека, ни современного ученого. Казалось, каким-то невообразимым образом она приближается ко мне, преодолевая неизмеримые просторы пространства и времени.

Торжествующий лай Псов стал громче, и я увидел перед собой Итиллин, Ледяную Ведьму, окруженную тяжело дышащей, истекающей слюной стаей.

Она повернулась, пытаясь спастись бегством, но было уже слишком поздно.

Псы набросились на нее, раздирая одежду, терзая плоть и проливая ее кровь, не красную, как у любого земного существа, а бледно-голубую. Капля этой крови — единственная капля! — попала мне на кожу.

Вот сюда, где шрам.

Меня обожгло и окутало смертельным холодом, причиняя невыносимые муки и унося в миры неописуемого экстаза.

Я лишился сознания. Я лишился жизни. Все кончилось.

Все. Все. Все.

В моем камине слегка потрескивал огонь. Через окно я мог видеть туманную реку, которая текла через Золотые Ворота, растворяясь вместе с лучами утреннего солнца в серых водах Тихого океана.

— И это все, что вы помните, до вашей нынешней жизни в качестве Джеймса Эллисона? — спросил Абрахам Стейнман. — Все, что вы помните о Горе?

К своему удивлению, я обнаружил, что тяжело дышу и весь взъерошен, а моя рубашка и смокинг пропитались потом. «Словно волк, выбирающийся из ледяной реки», — подумал я и потряс головой, собираясь с мыслями.

Я окинул взглядом комнату. Стейнман, сенатор Макферсон и Юрико Ямасита сидели в кожаных креслах, ожидая ответа на вопрос.

Я глубоко вздохнул и вытер мокрый лоб шелковым платком.

— Отнюдь, Абрахам. О нет, это далеко не последнее из того, что я помню. Многие годы спустя после того, как Гор обратился в прах, я прожил жизнь воина-жреца в Атлантиде. Я был пиктом в древней Британии. Я жил в Кхитae — вы наверняка помните сказочный Кхитай на востоке! О, там я стал свидетелем таких событий, принимал участие в таких действиях, что вы бы мне никогда не поверили, если бы я взял на себя смелость вам о них рассказать.

Да, я жил в Шеме. Я знаю, каково истинное происхождение легенды об Эдеме. Я путешествовал через Берингов пролив, когда перешеек еще соединял этот континент и тот, который мы называем Азией. Я жил среди микстеков в высокогорьях Центральной Америки и среди людей, обитавших возле Южного полюса в городе, который вы никогда не назвали бы городом, среди людей, имевших облик, который вы никогда бы не назвали человеческим.

Я прожил все эти жизни, Эйб, и еще многие другие! И, когда эта жизнь, ничтожная жизнь Джеймса Эллисона, завершится — иные последуют за ней. Я не верю в это, Эйб. Я — это знаю.

Он только фыркнул.

— Когда-нибудь я расскажу вам о тех, других жизнях, — продолжал я. — Если, конечно, вы того пожелаете. Если нет — что ж, давайте обсудим международную политику или стратегию Оклендского бейсбольного клуба. Или, может быть, развлечемся игрой в шахматы?

— Думаю, нам пора идти, — вмешался сенатор Гарднер Хендрикс Макферсон. — Разрешите подать вам руку, Стейнман?

Стейнман принял предложение.

Я знал, что Стейнман добьется всего, чего намеревался достичь. Я знал, что через три года он снова будет ходить, и что через пять он будет играть в Американской лиге. Я не стал говорить ему об этом. Это лишь испортило бы все удовольствие.

Стейнман сел в свою инвалидную коляску и покатил к лифту с помощью сенатора, бывшего генерала, Гарднера Хендрикса Макферсона, который втайне надеялся, что его изберут президентом Соединенных Штатов через четыре года, а может быть, через восемь. Я знал, что он никогда им не станет, но ничего ему не сказал. Это лишь испортило бы все удовольствие.

Дверь лифта с шипением закрылась за сенатором и парализованным инженером.

За моей спиной, на фоне квинтета Моцарта, послышался тихий голос Юрико Ямасита:

— Мне не хочется уходить, Джеймс.

Я повернулся и увидел, что Юрико протягивает мне зажженную тайскую палочку.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо, моя дорогая.



АЛЬМАРИК



## ВСТУПЛЕНИЕ

Собственно, открывать тайну исчезновения Иса Кэрна я никогда не собирался, более того, нарушить молчание меня заставила именно его воля. И я могу понять, что им двигало, потому что желание поведать миру, отвергнувшему его, поставившему вне закона, а теперь бессильному настичь жертву, свою невероятную историю совершенно оправдано. То, что решил рассказать Иса, — его личное дело, я же, со своей стороны, не собираюсь ничего добавлять. Пускай тайна, каким образом мне удалось совершить это, кстати наделавшее много шума, исчезновение и переместить Ису Кэрна в неведомый мир, так и останется тайной. Останется тайной и то, каким способом мне удалось связаться с мистером Кэрном, находящимся так далеко от Земли, на планете, кружящей вокруг неведомого солнца, свет которого будет идти до нас еще тысячи и тысячи лет. Тем не менее я слышал слова Иса Кэрна, дошедшие из неведомых глубин космоса, словно он поведал мне свою историю за чашечкой кофе, сидя в удобном кресле рядом со мной.

Единственное, что я считаю нужным сказать: перемещение мистера Кэрна отнюдь не было спланиро-

вано заранее. На идею Большого Скачка я натолкнулся совершенно случайно, в ходе научных изысканий, проводимых совсем с другой целью. Я даже и не предполагал использовать свое открытие в практических целях до того злополучного вечера, когда ко мне в обсерваторию ввалился мистер Кэрн, преследуемый безжалостной сворой охотников, с кровью другого человека на руках.

И привела этого человека ко мне чистая случайность, тот инстинкт, который заставляет загнанного, затравленного и истерзанного собаками матерого волка вновь и вновь бросаться на преследователей в том сражении за жизнь, которое он никогда не сможет выиграть. Я сразу разглядел в нем человека того сорта, который никогда не сдается, предпочитая поражению смерть.

В этом месте я должен со всей ответственностью заявить, что мистер Кэрн — не преступник и никогда им не был. Увы, он, как и многие прежде, просто оказался винтиком зловещей криминально-политической машины, и машина эта обрушила на непокорную деталь всю свою исполинскую мощь. Стоит ли говорить, что почувствовал странный парадоксальный разум Исы Кэрна, осознав весь ужас и всю грязь сопричастности к этой системе?

Наука психология в наши дни еще лишь подбирается к пониманию феномена людей, о которых мы говорим «родившиеся не в свое время». Но всем известно, что есть люди, столь жестко привязанные к определенному историческому периоду, что, родившись в другое время, они испытывают невероятные трудности, чтобы приспособиться к своему веку. Скорей всего, это явление — одно из тех нарушений небесной гармонии законов мироздания, какие человеческая наука объяснить не в силах.

Есть множество примеров людей, родившихся не в своем веке, и Иса Кэрн явно ошибся эпохой. Появившись на свет в современной Америке, причем вовсе

не среди отбросов общества, он тем не менее был совершенно чужим здесь. Мой бог, мне просто не доводилось видеть человека, настолько не вписывающегося в индустриальную цивилизацию двадцатого века, полную законов, правил и условностей, которые зачастую он просто не в состоянии был постичь.

Пускай вас не вводит в заблуждение тот факт, что я говорю о нем «был». Он жив в метафизическом значении этого слова, но для Земли он мертв — ибо никогда более нога его не коснется этой планеты.

Так вот, независимая, можно даже сказать дикая, натура этого человека не принимала никаких посягательств на его личную свободу. Любое самое незначительное ущемление его прав вызывало в нем бурю протеста. В проявлении своих поистине первобытных страстей он был прост и безудержен, как дикарь. А его храбрости, отчаянности и рискованности не было равных на всей планете. Можно сказать, вся его жизнь была конфликтом разума и чувств, сдерживанием своих сил (даже на спортивных площадках он был вынужден себя ограничивать, действуя не в полную силу, чтобы не покалечить противника). В общем, по всем параметрам Иса Кэрн был чужаком в современном мире. С его силой, накалом эмоций и животным магнетизмом ему следовало бы родиться на заре человечества.

Однако провидение рассудило по-своему, хотя, родившись здесь, на северо-западе Соединенных Штатов, он впитал в себя дух борьбы, живший в суровом краю его предков, — борьбы с врагом, с диким зверем, с силами природы. Детство его прошло в Скалистых горах, где до сих пор в почете древние традиции первых поселенцев.

Иса Кэрн по натуре был неисправимым индивидуалистом и любой вызов воспринимал как личный. Соперничество — вот был стержень его жизни, ее соль. Без него Иса не видел смысла бытия. Невероятная физическая сила этого человека оказалась чрез-

мерной даже для игры в американский футбол. Он заслужил репутацию человека, выходящего на поле, скорее, чтобы расправиться с противником, нежели для того, чтобы привести свою команду к победе. В азарте борьбы с него слетал налет цивилизованности. Выведенный из себя атмосферой поединка, он уже с трудом контролировал свои действия, добавляя в свой послужной список еще чьи-нибудь сломанные ребра или проломленный череп. Неудивительно, что матчи с его участием были ознаменованы множеством травм и повреждений у спортсменов, причем не только соперников, но и членов родной команды.

В этом не было его злого умысла, просто силы, дарованные ему богом, намного превосходили физические способности окружающих. Кэрн абсолютно не был похож на столь распространенный тип заплыvших жиром медлительных силачей. Наоборот, он был весь полон энергии, всегда напряжен и готов к действию.

Это была не последняя причина, по которой ему пришлось бросить колледж, после чего он решил попробовать свои силы на профессиональном ринге. И вновь безудержность натуры сослужила ему плохую службу. Накануне своего первого боя он чуть не до смерти изувечил своего будущего противника, кстати куда более именитого и известного боксера, чем он сам. Пронюхавшие об этом бульварные газетенки раздули сенсацию, и в результате Кэрн был лишен лицензии с пожизненным запретом заниматься профессиональным боксом.

Озлобленный, неудовлетворенный, он бесцельно брел по жизни — этакий Геркулес, скожаемый жаждой приложить к чему-нибудь свои невероятные силы, ищащий только повода, чтобы совершить новые подвиги. Что мог ему предложить наш цивилизованный мир, в котором не осталось дикого и неосвоенного пространства?

О последних днях его пребывания в нашем мире, превратившихся в девяностодневное бегство от смерти, нет нужды рассказывать отдельно: газетчики, захле-

бываясь словами, на все лады обсасывали эту историю. Что тут можно добавить? Погрязшая в коррупции мэрия, подкупленные политики, козлы отпущения — и человек, выбранный для того, чтобы стать инструментом, орудием (вернее сказать, смертельным оружием) закулисной борьбы.

Кэрн, уставший от бесцельного существования и жаждущий настоящего дела, был идеальным орудием, но — до поры до времени. Я уже подчеркивал, что он не был преступником, не был он и глупцом. Достаточно быстро сообразив, в какую грязную историю оказался втянут, он, не заботясь о последствиях — таков уж был его характер! — бросил вызов системе, никогда раньше не встречавшейся с таким упорным сопротивлением одиночки.

И даже тогда можно было избежать трагедии, если бы настроившие его против себя политики, выковавшие Кэрна-орудие, были бы чуть-чуть поумнее. Но им и в голову не могло прийти, что найдется на свете человек, которому будет наливать на все их деньги и связи.

К этому возрасту Иса Кэрн научился сдерживать свой нрав в достаточной мере. Видимо, мистеру Блейну пришлось весьма постараться, оскорбляя мистера Кэрна, чтобы тот все же позволил восторжествовать своему характеру. Впервые за долгие годы его эмоции смели все защитные барьеры — и в результате череп Блейна лопнул, как гнилой орех, от одного-единственного удара в лоб. Могущественный политик, игравший в своем кабинете судьбами десятков тысяч людей, был убит прямо на рабочем месте, за письменным столом.

Как бы ни затмил гнев разум Кэрна, он прекрасно понимал, что пощады от системы, контролирующей целиком округ, ждать не приходится. Вовсе не в страхе покидал он кабинет Блейна. Нет, вел его тот самый первобытный инстинкт, запрещавший человеку смиряться с неизбежностью смерти и заставлявший его до последнего вздоха цепляться за жизнь.

И завершил он свой земной путь в стенах моей обсерватории в силу неисповедимости путей провидения. Поначалу Иса Кэрн, увидев, что в помещении есть кто-то еще, сразу решил уйти, чтобы не втягивать никого постороннего в свои проблемы. Но я усадил его в кресло и заставил рассказать всю его историю. Честно говоря, меня нисколько не удивил ее финал: несмотря на железную волю и выдержку этого человека, такой конфликт чувств и разума не мог не привести к трагедии.

Никакого плана у него тогда не было, Кэрн просто хотел забаррикадироваться где-нибудь и вести бой со всей полицией округа, пока свинцовый плевок не поставит точку в его жизни.

Сначала я согласился с ним, не видя другого выхода. Я не был столь наивен, чтобы предположить, будто суд присяжных может вынести оправдательный приговор, случись делу Исы Кэрна дойти до суда.

Он ничего у меня не просил, а я ничего не мог ему предложить. И вдруг мне в голову пришла невероятная, но вместе с тем предельно простая и логичная мысль. Большой Скачок! Я не только рассказал ему о своем открытии, но и продемонстрировал кое-какие возможности своего изобретения, чего до сих пор не проделывал ни перед одним живым существом.

Короче говоря, я предложил Исе Кэрну рискнуть совершить перелет через космос. При всей опасности и немыслимости такого предложения, оно сулило ничуть не большие неприятностей, чем та судьба, которая ждала Ису Кэрна, останься он на Земле.

Космос не место для людей, наша планета счастливое исключение, но, хвала небесам, не единственное. Мне, исследовавшему всю Вселенную, удалось открыть еще всего лишь одну планету, чьи природные условия более или менее походили на земные. Эту далекую, суровую и странную планету, лежащую на краю мироздания, я назвал Альмарики.

Кэрн прекрасно осознавал риск такого предприятия. Но этот человек поистине не ведал страха — он

принял мое предложение без раздумий и лишних вопросов.

Вот и все. Иса Кэрн покинул планету, на которой был рожден, и перенесся на другую — чужую, полную опасностей планету, где ему суждено было теперь закончить свои дни.

Что же, я рассказал довольно, теперь пришло время предоставить слово мистеру Кэрну, который, несмотря ни на что, сохранил известную привязанность к роду людскому, пускай и обошедшемуся с ним так несправедливо.

## РАССКАЗ ИСЫ КЭРНА

### 1

Все свершилось в одно мгновение. Только что я находился внутри этой странной машины профессора Гильдебранда — и вот я уже стою посреди бескрайней равнины, залитой ярким солнечным светом. Ошибки быть не могло — я действительно находился в каком-то другом, неведомом мире. Хотя пейзаж оказался не таким фантастическим и невероятным, как можно было бы ожидать, он все же не имел ничего общего с любым земным ландшафтом.

Но прежде чем уделить должное внимание изучению окрестностей, я оглядел себя с головы до ног, чтобы убедиться в том, что совершил это невероятное путешествие в целости и сохранности. Результаты осмотра оставили меня удовлетворенным: все было при мне и на первый взгляд работало как надо.

Меня больше беспокоил тот факт, что я был абсолютно гол. Профессор Гильдебрандт объяснил мне, что его машина не в состоянии перенести неорганические вещества. Только органическая, наполненная вибрациями жизни материя может, не претерпев необратимых изменений, выдержать Большой Скачок.

Мне еще повезло, что я оказался не на северном полюсе или в пучине вод. Местное светило приятно припекало, и теплый ветер оевал мою обнаженную кожу.

Во все стороны от меня, до самого горизонта, растянулась гладкая, как стол, равнина, поросшая короткой густой травой, вполне земного зеленого цвета. В некоторых местах трава становилась выше, и там сквозь зеленую стену можно было различить блеск воды. Вскоре я обнаружил изрядное количество нешироких извилистых речек, кое-где разливавшихся озерами, что неспешно несли свои воды по равнине. На их берегах сквозь прибрежные заросли мне удалось рассмотреть движущиеся черные точки, но на таком расстоянии я не смог определить, что это было. По крайней мере, мне стало ясно, что загадочная планета, на которой я оказался, не была абсолютно необитаемой. Оставалось выяснить, каковы же были ее обитатели. Воображение уже услужливо рисовало химерические образы, порожденные самыми страшными ночных кошмарами.

Странное чувство испытывает человек, оторванный от привычного мира и заброшенный в невероятные дали на другую планету. Если бы я не сказал вам, что стиснул зубы, чтобы не застучать ими от ужаса, и не побледнел от сознания того, что со мной произошло, — я бы соврал. Человек, который доселе не ведал, что такое страх, превратился в обнаженный комок натянутых как струны нервов, вздрагивающий от звуков собственного дыхания! В тот момент меня впервые в жизни охватило отчаяние — казавшиеся до той поры надежной защитой в любых жизненных ситуациях сильные и мускулистые ноги и руки показались мне хрупкими и слабыми, как у младенца, только что появившегося на свет. Впрочем, так ведь оно и было. Как я смогу защитить себя в новом мире?

Если бы мне тогда подвернулась возможность вернуться на Землю, пускай и прямиком в лапы своих преследователей, а не сражаться в одиночку с кошма-

рами, которыми мое воображение уже населило Альмарик, я бы не раздумывал ни секунды. Очень скоро мне предстояло узнать, что никакие воображаемые опасности не сравняются с реальными, на которые столь щедра жизнь, и что мое слабое тело будет меня выручать в таких переделках, которые я не смог бы представить себе даже в бреду.

Конец моим душевным метаниям положил негромкий звук за моей спиной. Развернувшись, я изумленно уставился на первого встреченного мной жителя этого мира. И каким бы грозным и враждебным он ни казался, я почувствовал себя вновь уверенно: оцепенение оставило мышцы, кровь ровно потекла в жилах. То, что можно увидеть и пощупать, всегда страшит меньше, чем неведомое и невидимое.

В первый момент мне показалось, что передо мной стоит горилла. Но, присмотревшись, я понял, что это все-таки разумное существо, подобного которому (я в этом уверен) не доводилось видеть еще ни одному жителю Земли.

Незнакомец был ненамного выше меня ростом, но значительно шире в плечах и более атлетического сложения. Могучие мышцы бугрились на его руках и бочкообразной груди. Из одежды на нем был какой-то кусок ткани, напоминавшей шелк, наброшенный через плечо и перехваченный в поясе широким кожаным ремнем, с которого свисал большой кинжал в кожаных же ножнах. Обут он был в плетеные сандалии с высокой шнурковкой. Но все эти детали я заметил лишь краем глаза, потому что мое внимание было приковано к лицу незнакомца.

Что там вообразить — описать его будет занятием не самым легким. Представьте себе чуть сплюснутой формы голову, крепко сидящую на могучих плечах почти без признаков шеи. Из-под узкого покатого лба яростно взирают на мир маленькие, налитые кровью глаза, нацеленные на меня словно два стальных острия; квадратный волевой подбородок выдается впе-

ред как таран, его покрывает короткая густая борода, над верхней губой топорщится щетка пышных усов; приплюснутый нос едва выступает с лица, а широко раздутые ноздри постоянно вздрагивают, приносясь к исходящему от меня запаху; с головы существа свисают спутанные космы густых волос, из-под которых едва удается разглядеть маленькие, плотно прилегающие к черепу уши. Когда тонкие губы незнакомца разошлись в животном рыке, вырвавшемся из глотки, я разглядел полный рот длинных, острых, словно наконечники стрел, клыков.

Борода и шевелюра человека, а я уже отнес его к представителям человеческого племени, были иссиня-черными. Такого же цвета волосы покрывали практически все его тело. Он не был, как вы могли бы подумать, покрыт шерстью, как обезьяна, но был определенно куда более волосат, чем любой земной человек.

Я инстинктивно определил, что, случись мне вступить с незнакомцем в бой, противник у меня будет опаснейший. Его фигура словно излучала силу, даже, скорее, не силу, а необузданную первобытную мощь. Ни единой унции жира или дряблой плоти не было места на его могучем торсе, а покрытая волосами кожа казалась крепкой, как шкура опасного хищника. Но не только тело, его поза и осанка говорили моему опытному глазу об угрозе, заключавшейся в незнакомце. Взгляд, манера смотреть — все демонстрировало готовность обрушиться на любое препятствие всей яростной мощью, управляемой диким, необузданым разумом. Встретившись с ним взглядом, я физически ощутил исходящую от него волну агрессивного недоверия. Мои мышцы инстинктивно напряглись.

Можете представить мое удивление, когда в следующий момент я услышал слова, произнесенные на самом настоящем, отличном английском:

— Тхак! Ты что за человек?

В хриплом голосе слышалось явственное презрение. Во мне начал вскипать гнев, но я постарался сдержать свои чувства.

— Меня зовут Иса Кэрн,— коротко ответил я и замолк, не в силах объяснить мое появление на этой планете.

Незнакомец, презрительно скривившись, оглядел мое обнаженное безволосое тело и уже совершенно невыносимо унизительно для меня брезгливо бросил:

— Тхак тебя разорви, мужик ты или баба?

Ответом ему был мой яростный удар в грудь, от которого мой собеседник грохнулся на землю.

Мое действие было совершенно инстинктивным. Вспыльчивость подвела меня в очередной раз, затмив рассудок. Но времени на никчемные переживания у меня не было. Взревев, как гризли, от боли и ярости, незнакомец вскочил на ноги и бросился на меня. Мы сошлись лицом к лицу в сражении не на жизнь, а на смерть, и в мире не осталось ничего, кроме нашего первобытного гнева.

В первые в жизни я, вынужденный везде и всюду соразмерять и сдерживать свою силу, столкнулся с железной хваткой человека, скажу откровенно, бывшего сильнее меня. Это я в полной мере ощутил в первые же мгновения нашего поединка, приложив невероятные усилия, чтобы вырваться из захвата, просто раздавившего бы мне ребра.

Бой был коротким и отчаянным. Меня спасло только то, что как бы ни был силен мой противник, он понятия не имел о боксе. Естественно, он мог, я это почувствовал на себе, наносить мощнейшие удары кулаками, но они были беспорядочными и неприцельными, хотя и достаточно опасными. Трижды я уворачивался от ударов, наносить которые скорей пристало бы молоту, если бы хоть один из них достиг бы цели, вы бы никогда не услышали моего рассказа. При этом мой противник совершенно не умел уходить от ударов. Не думаю, что кто-либо из профессиональных боксе-

ров моей родины сумел бы оставаться в живых, пропустив такое количество ударов, которое он получил от меня. Но он продолжал без устали осыпать меня ударами. Ногти на его пальцах скорее напоминали звериные когти, и вскоре из пары дюжин порезов на моем теле уже сочились кровь.

Почему он сразу не схватился за кинжал, так и останется для меня загадкой. Скорей всего, он посчитал, что вполне управится со мной голыми руками. Не скрою, у него были все причины считать именно так. Но теперь, выплевывая выбитые зубы и то и дело отирая с лица кровь из разбитых бровей и скул, он потянулся к рукоятке кинжала. Это движение оказалось для него роковым и позволило мне выиграть схватку.

Вырвавшись из клинча, в который я зажал его, чтобы лишить преимущества более длинных рук, он начал опускать правую руку к поясу, где висели ножны. Казалось, мир вокруг меня остановился и в нем осталась только волосатая рука, неумолимо тянувшаяся к оружию. Призвав на помощь все свои силы, я в этот миг вогнал свой левый кулак в его печень, вложив в свой удар всю массу тела. Мой противник споткнулся, замер, из его груди донесся всхлип, глаза подернулись пеленой, и, не теряя ни секунды, я обрушил страшный удар кулаком правой в челюсть.

У незнакомца подогнулись колени, и он рухнул навзничь, как оглушенный кувалдой бык; из его открытого рта на траву вытек ручеек крови — мой удар раскроил ему губу, разорвал щеку и, пожалуй, раздробил челюсть.

\* \* \*

Стараясь успокоить дыхание, потирая содраные кулаки, я смотрел на наверженного мною человека, прикидывая, что наверняка сам подписал себе приговор. Теперь мне точно нечего было ожидать доброжелательного отношения со стороны альмарикан. Но эта

бездостная мысль не помешала мне снять с бедняги его скудную одежду и, подпоясавшись его же ремнем, прихватить в качестве трофея кинжал. Снявши голову, по волосам не плачут. Если меня поймают, то обвинение в воровстве будет лишь несущественной добавкой к главному обвинению в покушении на жизнь. Но меня еще надо было поймать, а вместе с одеждой и оружием я обрел уверенность.

Я внимательно осмотрел кинжал. Не скажу, что мне доводилось раньше видеть столь идеально подходящее для убийства оружие, как это. Обоюдоострый клинок, острый как бритва, был дюймов двадцати в длину. У рукояти он был широк и постепенно заострялся к концу, тонкому, как игла. Гарда и навершие были серебряными, а рифленую рукоять обтягивала кожа, по виду напоминавшая змеиную. Клинок, несомненно, был стальным, но никогда прежде мне не доводилось держать в руках сталь такого качества. Да, этот кинжал являлся настоящим произведением оружейного искусства и свидетельствовал о достаточно высоком уровне, по крайней мере, материальной культуры этого мира.

Оторваться от кинжала и оглянуться вокруг меня заставили стоны медленно приходящего в себя незнакомца. Глубоко погруженный в свои мысли, я не заметил двигающуюся в нашу сторону группу людей, находившихся, по счастью, еще довольно далеко. Блеск ща солнце стальных клинков, которые они сжимали в руках, был довольно убедительным аргументом. Если они застанут меня рядом с полумертвым сородичем, к тому же одетым в его одежду и с его оружием в руках, — нетрудно догадаться, что они сделают со мной.

Пора размышлений прошла, я огляделся вокруг себя в поисках подходящего убежища. С одной стороны равнина упиралась в гряду пологих холмов, которые постепенно переходили в более основательные возвышенности, сменяемые, в свою очередь, горными отрогами. В тот же момент приближающиеся фи-

туры скрылись в густой траве, переходя вброд разделявшую нас речку.

Я решил не дожидаться, пока они снова выйдут на открытое место, и со всех ног помчался к холмам. Покрыв отделявшее меня расстояние и оказавшись у подножия ближайшего, жадно хватая ртом воздух, я оглянулся. Поверженный мной незнакомец казался отсюда черной точкой, окруженной черными силуэтами соотлеменников, выбравшихся к этому времени из прибрежных зарослей.

Задыхаясь от усталости и обливаясь потом, я вскарабкался на вершину холма и, не переводя дыхания, бросился вниз по склону, чтобы скрыться из виду этой компании.

Пройдя еще несколько миль, я оказался в самой неровной и изрезанной местности, какую едва ли можно было найти даже в родных Скалистых горах, где прошло мое детство. Со всех сторон к небу вздымались отвесные скальные круч и изломанные утесы, пэрой настолько растрескавшиеся, что, казалось, могли в любой момент с грохотом обрушиться вниз, похоронив под обломками человека, так жалко и неуместно выглядевшего здесь. Повсюду выходила на поверхность коренная порода — какой-то красноватого цвета камень. Растительность была небогатой: невысокие изломанные деревья, размах веток которых порой превышал высоту ствола, да несколько разновидностей колючего кустарника. На некоторых кустах росли весьма странные по цвету и форме плоды, больше напоминающие орехи. Расколов о камень один из них, я принохался к маслянистой мякоти. Хотя запах не вызывал опасений, попробовать плод неизвестного растения, даже несмотря на сильный голод, я не решился.

Куда больше мучений мне доставляла жажда, но, по крайней мере, у меня была возможность утолить ее. Пробираясь вперед, я оказался в узком ущелье между двумя заросшими кустами скальными грядами. Дви-

гаясь вдоль узенького ручейка, я достиг небольшого озера, наполняемого, без сомнения, горными ключами, — вода в нем весело бурлила.

Я устало опустился на поросший мягкой травой берег и опустил лицо в кристально чистую воду, окававшуюся ледяной. Прекрасно понимая, что эта жидкость может быть вовсе не живительной влагой, а смертельнейшим для земного организма ядом, я все же, не в силах сдерживаться, решил рискнуть. У воды оказался какой-то странный привкус, что не помешало мне вдоволь напиться. Освеженный, я так и остался лежать, наслаждаясь тишиной и спокойствием, то и дело блаженно опуская лицо в воду. Я даже не подозревал, насколько был близок к гибели. Ешь на бегу, пей на ходу, спи вполглаза и не засиживайся на одном месте — вот основные принципы выживания первобытного мира, и короток век того, кто ими пренебрегает.

Живительные лучи солнца, журчание воды, чувство безопасности и истома, сменившая упадок сил после драки и долгого бега, заставили меня погрузиться в приятную полудрему. Должно быть, пресловутое шестое чувство, доставшееся мне в наследство от диких предков, предупредило меня об опасности, когда до моего слуха донесся легкий шорох, явно не имеющий отношения к плеску воды и шелесту травы. Еще до того, как я осознал в нем приглушенную поступь массивного зверя, я уже откатывался набок, одновременно пытаясь извлечь из ножен кинжал.

В тот же миг огромная тень, взметнувшаяся над травой, оглашая окрестные скалы диким ревом, накрыла то место, которое я занимал долю секунды назад. В мгновение ока чудовищный зверь, ловкость и манера двигаться которого делали его похожим на смертельно опасную дикую кошку, сориентировался и набросился на меня.

К сожалению, я не успел убраться достаточно далеко, и одна из лап хищника (а что это был хищник, сомневаться не приходилось) с выпущенными когтями

ми прошлась по моему бедру, разорвав плоть. Успев, однако, увернуться от оскаленных клыков, щелкнувших прямо у моего горла, я рухнул как подкошенный. Одновременно раздалось раздосадованное рычание хищника, отдаленно походившее на рычание леопарда, сменившееся фырканьем, когда зверь тоже влетел передними лапами в ледяную воду, подняв фонтан брызг. На мгновение оглушенный падением и болью, я потерял ориентировку, а когда вынырнул, то успел заметить лишь могучее тело, исчезнувшее в кустах у подножия скал.

Внимательно оглядев берега и не увидев больше ничего опасного, я вылез из озера, стучая зубами от холода. Мой кинжал так и остался в ножнах. Мне не хватило буквально доли секунды, чтобы выхватить его. Спасло меня лишь то, что эта гигантская кошка, походившая на леопарда, если бы леопард, конечно, мог бы вырасти размером с небольшую лошадь, наподобие своих земных сородичей ненавидела воду.

Я решил заняться своими ранами. Четыре пореза на плече меня не сильно беспокоили, чего нельзя было сказать о большой рваной ране на бедре. Из нее толчками лилась кровь, и я опустил ногу в воду, вздрогнув, когда ледяная вода проникла внутрь. Лишь когда нога совсем онемела от холода, кровь перестала идти.

Я понял, что оказался в весьма неприятном положении. Меня мучил голод, вот-вот должно было начать темнеть; где-то по соседству скрывается разъяренный хищник, да и неизвестно, какие страшные звери тут есть еще. В завершение всего я был серьезно ранен.

Современный человек слишком изнежен благами цивилизации. С той раной, которая украшала мою ногу, дома меня бы отправили на больничную койку на несколько недель. Уж на что я всегда с презрением относился к боли и травмам, и то приуныл, когда до меня дошло, что мне нечем смастить и перевязать рану. Похоже, ситуация полностью выходила из-под моего контроля.

Подумав, я, хромая, направился к скальной гряде, где рассчитывал найти какое-нибудь укрытие из камней или, еще лучше, пещеру, чтобы провести ночь. Судя по тому, как быстро падала температура воздуха, она обещала быть не такой теплой и приятной, как день. Вдруг за моей спиной послышалось какое-то дьявольское тявканье. Оглянувшись, я увидел стаю каких-то гиеноподобных созданий, которые целенаправленно трусили ко мне со стороны входа в ущелье. Звуки, которые они издавали, были еще более жуткими и отвратительными, чем у земных гиен. Я не ошибался насчет их планов: твари явно решили меня сожрать.

Нужда — жестокая хозяйка. Еще минуту назад я медленно ковылял, постанывая от боли. И вот уже несусь во весь дух к скалам, словно не был измучен и ранен. Каждый шаг отзывался адской болью в бедре; из раны снова хлестала кровь, но, стиснув зубы, я не снижал скорость.

Проклятые твари тоже прибавили ходу, и я было начал терять надежду добраться раньше них до росших у подножия скал деревьев, на которых надеялся спасти. Однако когда нас уже разделяли считанные метры, я достиг ближайшего дерева и, радостно подпрыгнув, вскарабкался на сук, располагавшийся выше человеческого роста. К моему ужасу, преследователей это не смутило, и они начали карабкаться по стволу дерева следом за мной.

Бросив отчаянный взгляд вниз, я понял, что звери эти изрядно отличались от земных гиен, как и все на Альмарице отличалось от земного: их гибкие мускулистые тела с кошачьими когтистыми лапами прекрасно подходили для лазания по деревьям.

Я приготовился принять последний бой, когда обратил внимание на нависший над головой скальный выступ, в который упирались ветви дерева. Срывая кожу с коленей и локтей, я вскарабкался по каменной стене и, перевалившись через край каменного языка, лег на скалу, глядя на своих преследователей.

Гиеноподобные создания повисли на верхних ветвях дерева и, злобно скалясь на меня оттуда, выли в бессильной ярости. Похоже, их способность к лазанию ограничивалась сравнительно прямыми древесными стволами. Одна из гиен все же решила меня сожрать и попыталась вспрыгнуть на скалу, в результате чего рухнула вниз с душераздирающим воплем. Судя по рычанию и чавканью, ее спутницы не теряли времени даром.

Между тем солнце стемнело и на небе появились маленькие тусклые звезды, складывающиеся в незнакомые мне созвездия; взошла огромная, золотистого цвета луна. Гиеноподобные твари, похоже, уходить не собирались. Они сидели на ветках и на земле под деревом и, издавая отвратительные звуки, выли на луну, видимо, жалуясь на неудачную охоту.

Мало сказать, что ночь была холодной, — на камнях даже выступила изморозь. Я совершенно окоченел. Единственный лоскут ткани, бывший в моем распоряжении, я использовал как жгут, чтобы остановить делявшееся уже опасным кровотечение из раны на ноге.

Никогда я еще не чувствовал себя таким беспомощным. Ночь я провел, стуча зубами от холода, скривившись на голой скале. Буквально на расстоянии вытянутой руки горели холодным огнем глаза гиен. Ночь переполняли звуки жизни и смерти. Где-то вдали слышались рычание и вой невидимых в темноте чудовищ, визг, крики, стоны и лай. И я лежал, голый, как младенец, терзаемый холдом, голодом и болью, дрожа от страха за свою жизнь, словно один из моих далеких предков-обезьян, покинувших безопасное дерево.

Теперь я понял, почему наши предки обожествляли солнце. Когда наконец холодная луна уступила место теплому солнцу Альмарика, я был готов пропеть осанну. Гиены подо мной, полаяв и повыв еще немногого, отправились на поиски другой, более легкой добычи. Мало-помалу тепло проникло в мое окоченевшее

тело и расслабило одеревеневшие мышцы. Я с трудом поднялся на ноги, размял руки и ноги и триумфальным криком поприветствовал наступление нового дня — совершенно так же, как делал первобытный человек десятки тысяч лет назад, дожив до очередного рассвета.

Более-менее прия в себя, я спустился из своего убежища на землю и решительно направился к ореховым кустам. Расколов подюжины плодов, я съел их содержимое — лучше умереть от отравления, чем от голода. В этот момент мне казалось, что ни одно блюдо на Земле не было таким вкусным. Орехи прекрасно утоляли голод, и никаких симптомов отравления не последовало. Я начал адаптироваться к окружающим условиям. По крайней мере, стало ясно, что с голоду я не умру. Первое препятствие было преодолено — я осваивался с жизнью на Альмарице..

\* \* \*

Описывать подробно следующие несколько месяцев моей жизни не имеет смысла. Я жил среди скал и холмов, испытывая столько страданий и лишений, сколько люди на Земли уже тысячелетия не испытывали. Не будет преувеличением заметить, что только человек невероятной силы и упорства мог бы выжить там, где удалось мне. Но я не просто выжил. Я приспособился и освоился в этом негостеприимном мире.

Первое время я не отваживался покидать свое ущелье, где, по крайней мере, у меня были вода и пища. Я построил себе что-то вроде шалаша из веток на каменном языке, ставшем для меня ночным пристанищем. Нельзя сказать, что я там спал, нет, сном это состояние назвать было трудно. Я, скорчившись, лежал, обхватив себя руками, коротая время до рассвета, чтобы днем при малейшей возможности впасть в неглубокий, чуткий сон. Постепенно у меня выработалась способность просыпаться от малейшего непривычного шороха.

Остальное время я проводил, бродя по окрестным холмам в поисках орехов. Нельзя сказать, что эти прогулки были безопасным занятием. Не единожды мне приходилось спасаться бегством или искать убежища на крутых скалах или высоких деревьях. Предгорья населяло огромное количество разных зверей, в большинстве своем кровожадных хищников.

Именно по этой причине я держался своей территории, где был в сравнительной безопасности. В холмы же меня гнала та самая сила, из века в век движавшая человечеством — от неандертальцев до колонизаторов-европейцев, — поиск пищи. К этому времени я объел уже почти все орехи поблизости, и, хотя жизнь на природе и набор мышечной массы пробуждали поистине зверский аппетит, не я один был виновником истощения запасов. Полакомиться орехами приходили сюда и огромные животные, напоминающие медведей, и другие — похожие на покрытых густым мехом бабуинов. Несмотря на любовь к орехам, судя по вниманию, проявляемому ими к моей персоне, не чурались они и мясной пищи.

Избежать встречи с медведями было не так уж трудно. Эти исполины не очень быстро двигались, не умели лазать по деревьям и, к счастью, не отличались остротой зрения. Но вот бабуинов я ненавидел всеми фибрами своей души и смертельно боялся. Эти твари буквально не давали мне жизни; они отлично бегали и лазали, да и каменные кручки не были для них препятствием.

Как-то раз им удалось загнать меня в мое убежище, и один из бабуинов перепрыгнул с ветки на выступ скалы вслед за мной. Проклятая тварь не учла, что человек, прижатый к стенке, становится куда опаснее, чем можно ждать от него в данной ситуации. Все мое существо затопил ослепительный гнев, я не желал более быть объектом охоты. Инстинкт защиты жилища заставил меня броситься на врага грудью. Я выхватил кинжал и из всех сил вонзил стальное жало прямо в

грудь бабуину, пригвоздив его к скале, добрая сталь пронзила плоть и почти на дюйм вошла в рыхлый пещаник.

Этот случай доказывает не столько отличное качество альмарианской стали, сколько возросшую крепость и силу моих мышц. Я, привыкший быть сильнейшим у себя дома в Америке, здесь, на Альмарике, оказался слабаком. Но в отличие от безмозглых тварей у меня была способностью тренировать свое тело и свой разум. Постепенно я стал заново обретать уверенность в себе.

Чтобы выжить, мне нужно было окрепнуть и закалиться. И я это сделал. Моя кожа, выдубленная солнцем, дождем и ветром, стала практически нечувствительной к холodu, жаре и боли. Я больше не синел от холода по ночам, острые камни не ранили мне подошвы при ходьбе и лазании. Мышцы не только налились новой силой, но и стали куда более выносливыми. Могу с уверенностью сказать: я достиг физической формы, какую не набирал вот уже многие поколения ни один житель Земли.

Я мог с ловкостью обезьяны взлетать по отвесным скалам, цепляясь за малейшие выступы и трещины, мог часами бежать без остановки, а на коротких дистанциях перегнать меня могла бы, пожалуй, только скаковая лошадь. Раны, единственным лекарством для которых была ледяная вода, заживали сами собой.

Буквально за несколько месяцев до моего вынужденного перемещения на Альмарик одно из медицинских светил, эксперт в области физической культуры, назвал меня идеально подходящим для жизни в дикой природе. Так вот, доктор и представить себе не мог, насколько он окажется прав. И если говорить положа руку на сердце — я тоже. Сравнить меня сейчас с тем, кого обследовал тот учений, — так я был просто неженкой и слабосильным хлюпиком.

Я на этом останавливаюсь лишь по одной причине — чтобы показать, какой тип человека формирует

дикая природа. Если бы она не выковала из меня совершенное существо из кремня и стали, я просто не смог бы уцелеть в кровавой схватке, которая на Альмарике называется жизнью.

С ощущением собственной силы ко мне вернулась и присущая мне уверенность. Я крепко стоял на ногах, чтобы с презрением поглядывать на своих соседей — жестоких, но неразумных тварей. Больше я не убегал сломя голову от одинокого бабуина. Наоборот, я вел настоящую войну с этими зверюгами, будто основанную на кровной вражде. Я относился к ним так, как к людям-врагам на Земле. Ведь они поедали те самые орехи, которыми питался и я.

Достаточно скоро бабуины уяснили новый расклад сил и перестали преследовать меня. И наконец настал тот день, когда я один на один встретился с воожаком их стаи. Косматая тварь набросилась на меня из-за кустов, сверкая полными ненависти глазами. Отступать было поздно, да и в любом случае делать этого я не собирался. Увернувшись от скрюченных пальцев обезьяны, норовившей вцепиться мне в горло, я хладнокровно вонзил кинжал прямо в сердце осмелившейся бросить мне вызов твари.

Но заглядывали в долину и куда более опасные звери, встречаясь с которыми я не хотел бы ни при каких обстоятельствах: гиены, саблезубые леопарды (теперь мне хорошо удалось рассмотреть животное, с когтями которого я познакомился в первый день пребывания в этом ущелье) — больше и тяжелее, чем земные тигры, и куда более кровожадные; огромные, похожие на лосей звери с крокодильими челюстями; гигантские вепри, покрытые толстым слоем свалявшейся щетины, которую, казалось, было бы не пробить и самому острому мечу. Встречались и другие чудовища, появлявшиеся только по ночам, впрочем, не могу сказать, как они выглядели. Двигались эти зверюги совершенно бесшумно, лишь изредка издавая низкий вой или глухое уханье. Инстинктивно мне они пока-

зались куда более опасными, чем те, с которыми я встречался при свете дня.

А однажды я проснулся на своей скале от непривычной тишины, в которую погрузился ночной лес. Тишина эта была напряженной и буквально сочилась угрозой. Луна только что зашла, и вокруг была абсолютная тьма. Ни вопли бабуинов, ни леденящий душу вой гиен не нарушали зловещее молчание. Между каменных отрогов что-то двигалось. Я слышал лишь шелест травы, отмечавший бесшумное движение какого-то огромного тела, но в темноте мои глаза смогли лишь уловить гигантскую бесформенную тень — нечто, неестественно большее в длину, чем в ширину. Через какое-то время монстр скрылся за скальной грядой, и сразу же словно вздох облегчения пронесся над долиной. Ночь снова наполнилась привычными звуками, и я уснул, больше ощущив животом, нежели осознав головой, что лишь случай спас меня, да и большинство остальных обитателей долины, от неведомого, но смертельно опасного чудовища.

Я уже говорил, что причина соперничества с бабуинами крылась в нехватке съедобных орехов. Вскоре мне пришлось покинуть ущелье, чтобы найти источник пропитания. Я забирался на вершины холмов, перелезал через скалы, карабкался по горным кручам и пересекал ущелья. Мне нечего рассказать вам об этих днях: я голодал и объедался до отвала, нападал на более слабых и убегал от тех, кто был сильнее меня, защищал свою жизнь в кровавых схватках — в общем, я жил обычной, полной радостей и опасностей жизнью дикаря.

Вы наверняка сочтете, что я страдал от отсутствия общества себе подобных, книг, одежды, развлечений — всех этих атрибутов цивилизованной жизни. С точки так называемого человека моя жизнь выглядела жалким прозябанием. Мне так не кажется. В этом существовании не только полностью нашли применение все мои способности, но я еще рос и совершенствовался. Я уверен, что истинная сущность человечес-

кой жизни — борьба против враждебных сил природы, а все остальное — иллюзии для слабаков, не имеющие реального значения.

Мою жизнь наполняли события и приключения, заставлявшие работать мозг и тело на сто процентов. Просыпаясь утром, я знал, что увижу закат только благодаря своей силе, выносливости и храбрости. Тысячи ликов смерти взирали на меня со всех сторон. Даже во сне я не мог ослабить бдительность. Закрывая глаза вечером, я никогда не был уверен, что увижу рассвет живым и невредимым. Я все время был начеку. Поверьте, эта фраза значит куда больше, чем может показаться вам на первый взгляд. Внимание изнеженного цивилизацией человека всегда рассеяно. Его отвлекают тысячи вещей. Он даже не понимает, скольким ему пришлось пожертвовать, борясь за развитие своего интеллекта.

Жизнь на Альмарице заставила меня понять, что я тоже был сыном своего времени, и мне пришлось переделывать себя, перестраивать сознание, учиться концентрировать внимание. И только когда мне удалось стать другим человеком, я стал по-настоящему живым. Любой шорох, каждая тень, каждый след имели для меня значение. От ногтей до кончиков волос я был напряжен и готов к действию.

Меня переполняла жизненная энергия, каждая клеточка, каждая жилка, каждый мускул вибрировали в беспрестанном гимне жизни. Наконец-то мой рассудок стал совершенно здоров. Почти все мое время и силы уходили на то, чтобы добыть пропитание и спасти свою шкуру, поэтому мне было не до комплексов и никчемной рефлексии. Тем же утонченным умникам, которые сочтут такое миропонимание упрощенным, я напомню, что легко рассуждать о сложных материалах, когда о твоем пропитании и жизни позабочились другие. Моя жизнь и раньше была не слишком усложнена, а теперь она и вовсе упростилась. Я жил одним днем, не задумываясь о прошлом и будущем.

Зато теперь моя душа находилась в гармонии с миром и с собой, чего не можете сказать о себе вы, кому, как мне ранее, всю жизнь приходится обуздывать инстинкты и усмирять страсти. Я же стал свободен, свободен использовать все свои силы в не скованной надуманными рамками борьбе за выживание, и я знал, что о такой свободе другие не могут и мечтать.

Итак, в своих странствиях — с тех пор как покинул ущелье — я прошел огромное расстояние. И на всем протяжении моего пути мне не встретилось никаких следов деятельности человека или других разумных существ.

\* \* \*

Встреча с человеческим существом была для меня совершенно неожиданна. В один из дней, поднявшись на вершину холма и оглядывая окрестности, я совершенно случайно наткнулся взглядом на фигуру человека. Впрочем, замеченному мной загоревшему дочерна атлету, как две капли воды походившему на предыдущего хозяина моей одежды и оружия, было сейчас не до меня. Этот человек вел неравный бой с саблезубым леопардом на травянистой поляне ниже по склону. Исход боя не вызывал у меня сомнений: ни один человек не может противостоять в поединке гигантской кровожадной кошке.

Тем не менее чернокожий боец размахивал стальным кинжалом, очерчивая границу между зверем и его добычей. Судя по блестящей от крови шкуре леопарда, альмарикин уже некоторое время противостоял хищнику, но было ясно, что он долго не продержится и схватка завершится гибелью человека.

Даже не потрудившись додумать эту мысль до конца, я уже мчался вниз по склону. Разумеется, я не был ничего должен тому человеку, но его отчаянная храбрость нашла чувствительный отклик в глубине моей огрубевшей души. Я не стал кричать, экономя

дыхание, а молча бросился на леопарда со спины. Мне не хватило буквально мгновения. Когда я нанес зверю сильнейший удар кинжалом под лопатку, воин выронил свой клинок и рухнул под натиском хищника, сомкнувшего огромные клыки на горле несчастного.

Зверь выпустил свою жертву и с диким ревом покатился по траве, орошая ее кровью, в агонии вырывая когтистыми лапами громадные куски земли. Зрелище было не для слабонервных; я с облегчением вздохнул, когда саблезубый демон конвульсивно выгнулся и затих.

Я подошел к человеку, лежащему в луже крови. Горло его было разорвано, но в глубине раны пульсировала неповрежденная артерия. Куда страшнее выглядела рана на животе. Когти леопарда распороли человека от подреберья до паха — через рваные края раны виднелись синевато-белые внутренности и надломленные ребра. К моему невероятному удивлению, человек был не только жив, но и оставался в сознании. Однако жизнь покидала его с каждой каплей крови.

Я как мог перевязал альмарикину раны его же одеждой и посмотрел бедняге в сереющее лицо. Да, этот человек явно принадлежал к тому же народу, что и тот, с которым я подрался в первый день пребывания на Альмарике. Его невероятная живучесть и воля к жизни, которые, как я уже имел удовольствие узнать, были свойственны людям его расы, ничем не могли помочь ему.

Стоило мне лишь на минуту отвлечься и предаться воспоминаниям, я сразу же чуть не заплатился за это жизнью. Я услышал свист, и что-то пролетело мимо моего уха, обдав меня ветерком. Обернувшись, я увидел длинную стрелу, торчащую из земли. До меня донеслись громкие крики: ко мне со всех ног неслись полдюжины волосатых варваров, на ходу прилаживая стрелы к лукам.

Я зигзагами понесся прочь. Свист стрел вокруг меня изрядно помог мне набрать нужную скорость. Добравшись до спасительной стены зарослей, я вло-

мился в кусты и полез вглубь, царапаясь о шипы и обдирая локти и колени. Этот случай окончательно уверил меня в воинственности и враждебности людей Альмарики и укрепил мою решимость по возможности избегать встреч с ними.

Вспоминая бежавших ко мне людей, я изумленно сообразил, что кричали они на чистейшем английском. Кроме того, по-английски говорил и мой первый противник. Тщетно я искал ответа на этот вопрос. За время, проведенное на Альмарике, я разобрался, что все местные растения, вещи и живые существа, при некоторой схожести с земными, имеют куда больше различий, чем общих черт с ними. Невозможнымказалось предположить, что эволюция на столь отдаленных планетах привела к созданию абсолютно одинакового языка. С другой стороны, не верить собственным ушам я тоже не мог. Выругавшись, я решил не тратить времени на бесплодные размышления.

И тем не менее это происшествие, эта встреча с братьями по разуму, пускай и враждебными, не шла у меня из головы. Мучимый тоской, я начал страстно желать попасть в общество себе подобных, а не скиваться в одиночестве по дикому краю, населенному одними кровожадными хищниками. И, когда однажды горы сменились бескрайней равниной, доходящей до самого горизонта, я решил попытать счастья и идти вперед на поиски равных мне по уму созданий, несмотря на то что не ожидал встретить взаимопонимание и доброжелательное отношение.

Прежде чем покинуть холмы, я, повинуясь неясному внутреннему требованию, сбрил острым, как бритва, кинжалом изрядно выросшие бороду и усы и, насколько мог, подровнял гриву волос на голове. Не могу сказать точно, зачем я так поступил: должно быть, человек, отправляясь в новые места, старается привести себя в порядок, чтобы «лучше выглядеть». Решив отложить свое выступление на завтра, я последний раз заночевал в холмах.

Я вступил на бескрайнюю равнину, простиравшуюся на юг и восток, с первыми лучами солнца и за первый день без каких бы то ни было происшествий покрыл немалое расстояние. По пути я пересек несколько небольших речек, трава по берегам которых поднималась выше человеческого роста. Я слышал, как в этих густых зарослях ворочаются и чавкают какие-то крупные животные, которых я с превеликой осторожностью старался обходить стороной.

В местах разливов речек в изобилии летали птицы самых разнообразных размеров и раскрасок. Одни молча парили над моей головой, другие же с пронзительными криками падали в воду, чтобы схватить какую-нибудь рыбешку.

Кроме того, мне несколько раз встречались стада травоядных, похожих на некрупных оленей, а один раз я наткнулся на совершенно невероятное создание: представьте себе средних размеров свинью с невозможнно толстым животом, которая, подобно кенгуру, передвигается неравномерными скачками на длинных и тонких ногах. Это зрелище настолько меня позабавило, что я рассмеялся во весь голос, впервые, кстати, после моего появления на этой планете.

В ту ночь я уснул прямо в густой траве неподалеку от мелкой речушки и мог бы стать добычей какого-нибудь ночного хищника. Но судьба оказалась ко мне благосклонна; хотя темнота вокруг была полна ревом и рыком охотящихся чудовищ, ни одно из них не заинтересовалось мной. Ночь была теплой и приятной и так не похожа на ледяные ночи в предгорьях.

Следующий день был щедр на открытия. Я не упоминал об этом, но с тех пор как я оказался на Альмарике, я не видел огня. Скалы и холмы здесь были сложены из какого-то неизвестного на Земле камня, напоминающего мягкостью песчаник. И вот на равнине я наткнулся на кусок зеленоватого камня, очень напоминавшего на ощупь кремень. Затратив некоторые усилия на первые неудачные попытки, я все же сумел

высечь из него искры скользящим ударом кинжала и запалить ими раскрошенную в труху сухую траву. Несколько минут осторожного раздувания, и я становлюсь счастливым обладателем небольшого костерка.

Следующей ночью я окружил место своего привала огненным кольцом из долго горящих стеблей растения, похожего на бамбук. Впервые я чувствовал себя в безопасности, хотя и привычно вздрагивал, за слышав крадущиеся шаги неподалеку или увидев отражающие огонь глаза в темноте.

На этой равнине основное мое меню составляли те плоды, которые, как я видел, поедали птицы. Эти фрукты были вкусны, хотя им явно недоставало питательности уже привычных мне орехов. Имея возможность развести огонь, я начал плотоядно присматриваться к оленям, прикидывая, каким способом можно было бы прикончить одного из этих крайне осторожных и боязливых созданий.

Так я много дней шел по равнине, которой, казалось, не будет ни конца ни края, пока не набрел на большой, огороженный стеной город.

Увидел я его перед самым закатом, и, как бы мне ни хотелось побыстрее войти в него, я заставил себя повременить до утра. Привычно соорудив костер, я гадал, заметят ли огонь с городских стен и не вышлют ли горожане отряд, чтобы выяснить, кто и зачем всю ночь напролет жжет сухостой и стебли бамбука.

Как всегда быстро стемнело, и в неясном свете звездя не смог разглядеть никаких подробностей крепости. Однако в размытых тенях угадывались массивные стены с могучими сторожевыми башнями.

Я так и не смог уснуть. Лежа на прогретой солнцем земле в огненном кольце, я пытался представить себе, как могут выглядеть обитатели этого сурового города. Окажутся ли они членами дикой и кровожадной расы, с представителями которой у меня уже был печальный опыт встреч? Хотя вряд ли такие примитивные создания смогли бы построить столь внушитель-

ное сооружение. Может быть, мне предстояла встреча с более цивилизованным народом. Может быть... Хотя местная жизнь приучила меня к тому, что любые предположения могли оказаться неверными.

Когда наконец взошла луна, мои догадки подтвердились. Могучая крепость возвышалась черным монолитом на темно-синем бархате неба. Словно позолоченные, сверкали стены, башни и крыши за ними. Внезапно меня посетила мысль, что будь во власти людей-обезьян построить хоть что-то, именно таким бы оказался плод их трудов.

## Ω

Как только горизонт начал светлеть, я уже бодро шел по равнине к таинственному городу, предчувствуя, что, скорее всего, совершаю самый безрассудный поступок в своей жизни. Но любопытство, помноженное на одиночество, а также привычка никогда не сворачивать с избранного пути — все это пересилило осторожность.

Чем ближе я подходил к крепостным стенам, тем больше деталей города открывалось моему взгляду. Так, я рассмотрел, что стены и башни были сложены из огромных каменных блоков со следами грубой обработки. Похоже, после того как их вырубили в каменоломнях, их не касалось тесло камнетеса и уж точно никому не пришло в голову их полировать или облицовывать. Эта мрачная цитадель создавалась для одной-единственной цели — защищать ее обитателей от врагов.

Как ни странно, пока что не было видно самих обитателей. Город можно было бы счесть покинутым, если бы не утоптанная множеством ног дорога, ведущая к воротам. Никаких садов или огородов вокруг города не было и в помине, густая трава подходила к самому основанию стен. Подойдя к воротам, прикрываемым с обеих сторон двумя массивными сторо-

жевыми башнями, я заметил несколько темных голов, мелькнувших над стеной и на верхних площадках башен.

Я остановился и поднял руки в знак приветствия и в старинном жесте мира. В эти минуты солнце как раз взошло над стенами и ослепило меня. Не успел я открыть рта, чтобы обратиться к крепостной страже, как послышался звонкий хлопок, очень мне напомнивший винтовочный выстрел; над стеной поднялось облако белого дыма, и сильнейший удар в голову заставил меня рухнуть без сознания.

Пришел я в себя сразу же, а не пребывал в полу-беспамятстве, словно рывком, повинуясь усилию воли. Я лежал на голом каменном полу в просторном помещении, стены и потолок которого были сложены из уже знакомых мне блоков зеленоватого камня. Уже достаточно высоко поднявшееся солнце равнодушно глядело на меня сквозь узкое зарешеченное окно. Комната, если не считать единственную грубо сколоченную скамью, была совершенно пуста.

Вокруг моего пояса была обмотана тяжелая железная цепь, скрепленная каким-то странным замком. Противоположный ее конец был закреплен на вмурowanном в стену большом железном кольце. Мне бросилось в глаза, что в этом странном месте все было крупным и массивным.

Голова сильно болела. Я поднес к ней руку и обнаружил, что рана, оставленная неизвестным предметом, пущенным со стены, умело перевязана тканью, весьма похожей на шелк. Посмотрев на пояс, я убедился в правильности своего предположения — кинжала там не было и в помине.

Я от души выругался. С тех пор как я попал на Альмариц, я не был уверен в своем будущем, не мог загадывать даже на день вперед, но, по крайней мере, я был свободен. Теперь же я оказался в лапах одному богу известных тварей, которые явно ничего не слышали о священности человеческой жизни. Но, привыкший к самым злонамеренным поворотам судьбы,

я не потерял самообладания и не впал в панику. Правда, в первый момент меня охватил ужас, сродни тому чувству, которое испытывает загнанное в ловушку или пойманное животное, но очень быстро оно уступило место дикой ярости. Вскочив на ноги, я заметался по комнате, насколько позволяла моя железная привязь.

Прекратить бесплодные попытки освободиться от оков меня заставил звук открываемой двери. Я сжался как пружина, приготовившись к отражению любого нападения, но совершенно не был готов увидеть то, что предстало перед моими глазами.

В дверном проеме появилась девушка. Совершенно обычная земная девушка, если не считать странной одежды; разве что более стройная, чем большинство встречаемых мной раньше. Черные как смоль волосы незнакомки резко контрастировали с алебастрово-белой кожей. Некое подобие туники без рукавов из тонкой воздушной ткани позволяло рассмотреть гладкие изящные руки, а глубокий вырез более подчеркивал, чем скрывал прекрасную грудь. Ее одеяние, перевхваченное тонким ремешком на поясе, оканчивалось чуть выше колен. Крепкие икры обвивала шнуровка изящных сандалий.

Незнакомка замерла в дверях, широко распахнув от удивления при виде меня фиалковые глаза и приоткрыв кораллово-красные губы. В следующий момент она взвизгнула от страха и, повернувшись, опрометью бросилась вон.

Я смотрел ей вслед. Если она была типичной представительницей населявшего этот город народа, мои предыдущие выводы были ошибочными. Эта девушка явно принадлежала к народу с развитой и утонченной культурой.

Мои размышления были прерваны звуком тяжелых шагов, голосами спорящих людей, в следующий миг в комнату ввалилась целая толпа мужчин, сразу же замолчавших, увидев меня пришедшем в сознание и на ногах. Их вид рассеял мои иллюзии относительно

утонченности строителей города. Все они, как на подбор, относились к знакомому мне типу низкобородых здоровяков, заросших черными волосами, с обезьяноподобными лицами, со свирепым выражением налипших кровью глаз. И хотя они отличались по росту или по оттенку кожи и волос, от каждого из них буквально исходили флюиды первобытной дикой силы и грубости. В дюжине пар обращенных в мою сторону серо-стальных глаз ясно читалась враждебность. Все вошедшие были вооружены, и при виде меня руки их инстинктивно легли на рукояти кинжалов.

— Тхак! — прорычал один из них. — Да он пришел в себя!

— Думаешь, он сможет говорить или понимать человеческий язык? — огрызнулся другой

Все это время я, задохнувшись от удивления, прислушивался к их речи. Наконец-то я разобрался, что говорили они не по-английски! Это откровение просто поразило меня. Как могло случиться, что я прекрасно понимал речь этих дикарей, говоривших не на каком-либо из земных языков? Более того, я даже понимал смысл понятий, не имевших аналогов в земной речи. Однако сейчас не время было ломать голову над причинами этого явления.

— Я не хуже тебя говорю и все понимаю, — выпалил я недолго думая. — И хотел бы знать: кто вы? Что это за город? И с какой стати вы напали на меня? Почему, в конце концов, я закован в цепи?

Дикари ошалело заморгали, словно не знали, верить или нет своим ушам.

— Он говорит, Тхак его разорви! — хрюкнул один из них. — Я же говорил, что он вылез из-за Барьера!

— Из выгребной ямы он вылез, — злобно рявкнул другой. — Это просто мерзкий тонконогий выродок, оскорбивший свет своим появлением. Такую пакость надо давить во младенчестве.

— Надо поинтересоваться, как у него оказался кинжал Костолома, — предложил еще кто-то.

Один из мужчин поздоровее отделился от группы и, с откровенным недоверием глядя на меня, издали показал мне мой кинжал.

— Где это ты украл его? — поинтересовался он.

— Я ничего не крал! — рявкнул я, прия в неописуемую ярость, словно доведенный до беспенства зверь. — Я отобрал этот кинжал у прежнего хозяина в честном бою один на один!

— Ты убил его? — раздались недоверчивые голоса.

— Нет, — буркнул я уже тише. — Мы дрались голыми руками, пока он не схватился за оружие. Тогда я его так отдал, что он остался лежать без сознания.

Мои слова были встречены шумными криками. Сначала я подумал, что дикарь взбесили мои слова, но вскоре я разобрался, что они просто спорили между собой.

— А я говорю, что он врет! — перекрыл общий гвалт зычный рев, похожий на бычий. — Неужели не ясно, что Логар Костолом не тот парень, который уступит в драке этому изнеженному сопляку. Только Гор Медведь смог бы справиться с ним. И никто другой!

— Да? А кинжал у него откуда? — яростно взревел другой.

Скандал разгорелся с новой силой, и вскоре в качестве аргументов спорщики начали обмениваться оплеухами и зуботычинами; казалось, еще немного — и спор перейдет в грубую поножовщину.

Делу положил конец тот самый дикарь, что спрашивал меня о кинжале, который изо всех сил застучал рукояткой моего оружия по стене и заорал с невероятной силой:

— Заткнитесь! Все заткнитесь! Если еще хоть кто-нибудь разинет рот, я башку ему оторву!

Видимо, он был у моих тюремщиков самый главный, так как его призыв и угрозы возымели действие. Шум быстро затих, и предводитель, как будто ничего не произошло, продолжил более спокойно:

— Кинжал сам по себе ничего не значит. Костолома могли застать спящим, заманить в засаду, наконец, этот парень мог просто украдь клинок или найти его. Нам-то какое дело, мы же не братья Логара Костолома, чтобы волноваться о его судьбе?

Одобрительное хмыканье встретило его слова. Кем бы ни был этот Логар Костолом, здесь он большой любовью не пользовался.

— Вопрос сейчас в другом: что нам делать с этим созданием природы? Нужно собрать совет и обсудить это дело. По крайней мере, я не думаю, что эта тварь съедобна.— Лицо дикаря расплылось в улыбке.

Оказывается, этим полуобезьянам не было чуждо чувство юмора, пусть и такого животного.

— Можно попробовать выделать его шкуру, — с сомнением предложил кто-то.

— Тонковата будет, — не согласился с ним сосед.

— Вообще-то я не сказал бы, что он очень мягкий, — вновь заговорил главный.— Когда мы его тащили, я подумал, что у него под кожей камни.

— Нашли о чём спорить, — вмешался еще один, — сейчас отрежем кусочек да посмотрим, на что годится его шкура и что у него внутри.

С этими словами он направился ко мне, вынимая из ножен кинжал. Все остальные следили за его действиями.

Это переполнило чашу моего терпения. Меня погребла под собой мутная волна гнева, глаза застила кровавая пелена. И когда я понял, что это животное вполне серьезно намерено попробовать на мне остроту своего оружия, я окончательно потерял над собой контроль. Взвыв, я схватил перекинутую через плечо цепь обеими руками, обмотал ее вокруг запястий для крепости захвата и, расставив покрепче ноги, откинулся назад, обрушившись на железные звенья всем своим весом. Мои мышцы вздулись, из носа хлынула кровь, но наградой мне был треск разламываемого камня — не выдержало вмурованное в стену кольцо. Я, словно

живой снаряд, отлетел прямо под ноги дикарям, которые не замедлили наброситься на меня.

Мой звериный вопль едва ли не перекрыл весь их хор, а мои кулаки заработали как два стальных поршня. Да, знатная удалась потасовка! Мои противники не пытались убить меня и не стали доставать оружие, решив взять меня живой массой. Мы сцепились в один визжащий, царапающийся и кусающийся ком, перекатывающийся из одного угла комнаты в другой. В какой-то момент мне показалось, что в дверном проеме появились женские лица, похожие на виденную мной красавицу, но сейчас мне было не до них. Со всех сторон на меня навалились огромные туши, глаза заливал пот, и в них все плыло от основательного удара в нос. Мои зубы впились в чье-то покрытое волосами ухо, и я не преминул сжать их изо всех сил.

Несмотря на мое удручающее состояние и подавляющее численное превосходство противников, я сумел достойно постоять за себя. Перебитые челюсти, расплющенные уши, сломанные носы, выбитые зубы — вот была главная награда, а стоны пострадавших от моих могучих кулаков звучали для меня торжественным маршем. К сожалению, проклятая цепь обвилась вокруг моих ног, лишив меня подвижности, да к тому же повязка слетела с головы, рана раскрылась, и мое лицо оказалось залитым кровью. Спутанный и ослепленный, я не смог точно наносить удары, и вскоре повисшим на моих руках и ногах противникам удалось меня скрутить.

Бросив меня в угол, альмариане расположились в разные стороны и, кто сидя, кто лежа, постанывая и охая, принялись осматривать полученные увечья. Я же продолжал осыпать их бранью и проклятиями. Несмотря на то что сам почти терял сознание, я очень порадовался тому жалкому состоянию, в котором пребывали мои противники. Еще больше меня обрадовало заявление одного из них, что у него сломана рука. Другой и вовсе вырубился, и, чтобы привести его в

чувство, потребовалось вылить на него кувшин холодной воды. Кто принес воду — я со своего места видеть не мог, но наверняка это была одна из женщин, наблюдавших за дракой из дверей.

— Его рана опять открылась, — пробурчал один из бойцов, тыкая в меня пальцем. — Так он истечет кровью и подохнет.

— Надеюсь, не сразу, — простонал другой, лежавший, скорчившись в углу. — Как он пнул меня! Я умираю. Принесите вина.

— Если ты действительно умираешь, нет смысла переводить на тебя доброе вино, — сурово оборвал его жалобы их предводитель, скорбно разглядывая выбитый зуб, но тем не менее бросил: — Акра, перевяжи-ка пленника.

Тот, которого звали Акра, без особой охоты подошел ко мне и наклонился.

— Только попробуй дернуть своей тупой башкой, — злобно рыкнул он.

— Убирайся прочь! — отрыгнулся я. — Ничего мне от вас не нужно. Только попробуй дотронуться до меня, я тебе руки вырву!

Человек, раздраженный моим тупым, с его точки зрения, упрямством, ткнул резким движением меня пятерней в лицо, попытавшись прижать мою голову к полу. Это было ошибкой с его стороны. Я со всей силой вцепился зубами в его палец — послышался хруст, за которым последовал душераздирающий вой, и лишь с помощью товарищей неудачливому Акре удалось освободить изувеченный палец от моей хватки. Обезумев от боли, он вскочил на ноги и изо всех сил пнул меня в висок. Ударившись раненой головой об угол скамьи, я надолго потерял сознание.

Когда я очнулся, то обнаружил, что рана моя перевязана, сам я связан по рукам и ногам, а опутывающая меня цепь приклепана к новому кольцу, несомненно, более основательно вмурowanому в стену, нежели первое.

За окном стояла ночь, и сквозь решетку я различил ставшие уже привычными звезды. Мой угол освещал одинокий факел, укрепленный в специальной нише и горевший странным ровным белым пламенем, остальную часть комнаты скрывала полутьма.

Прямо напротив меня, на скамейке, подперев голову руками и поставив локти на колени, сидел мужчина, видимо уже какое-то время внимательно наблюдавший за мной.

— Я уже думал, ты вообще никогда не очухаешься, — наконец сказал он.

— Паршивого пинка будет маловато, чтобы покончить со мной, — оскалился я в ответ. — И уж тем более это сможет сделать не такая свора хиляков, как ваша. Если бы не рана и не эта проклятая цепь, я бы вам показал...

Похоже, мои оскорблении ничуть его не разозлили, а, наоборот, вызвали интерес. Почесав покрытую свежей запекшейся кровью ссадину на скуле, он спросил:

— Кто ты такой? Откуда ты вообще взялся?

— ...!

— В Котке никто не должен быть голодным, — сказал он невозмутимо, одной рукой поднимая стоявший у ног котелок, положив другую на рукоять кинжала. — Я поставлю эту чашу рядом с тобой, чтобы ты смог подкрепиться, но учти, если тебе в голову придет укусить или ударить меня, испытываешь на своей шкуре остроту моего клинка.

Я промычал что-то неопределенное. Альмариканин поставил чашу рядом со мной, одним движением перерезал связывающую мои руки веревку и торопливо отступил на безопасное расстояние. В чаше оказалось нечто вроде похлебки, утолявшей одновременно голод и жажду. Наполнив желудок, я почувствовал, что настроение мое улучшилось, и уже с большей охотой ответил на вопросы стражника.

— Меня зовут Иса Кэрн, я американец, с планеты Земля.

Альмариканин не понял.

— Это где? За Барьером? — спросил он, нахмурив брови.

Теперь пришла моя очередь удивляться.

— Я не понимаю тебя, — был мой ответ.

— Значит, мы оба не понимаем друг друга, — покачал он головой, — но если тебе неизвестно даже, что такое Барьер, значит, ты не мог прийти из-за него. Ладно, с этим разберемся потом. Ты лучше ответь, откуда ты шел, когда мы заметили тебя на равнине. Это твой костер горел неподалеку всю прошлую ночь?

— Скорей всего, мой, — признался я. — Много месяцев я прожил в предгорьях к западу отсюда. Лишь несколько дней назад я спустился на равнину.

Мой собеседник вытаращил на меня глаза.

— Ты жил на холмах? Один, вооруженный всего лишь кинжалом? — спросил он, мотая головой, не в силах оправиться от удивления.

— Ну да, а что такого? — пришла моя очередь удивляться.

Он покачал головой, не зная, верить мне или нет.

— Еще несколько часов назад я сказал бы, что ты лжешь, и даже не стал бы терять время, разговаривая с тобой. Но теперь я уже не настолько в этом уверен.

— Как называется этот город? — спросил я его.

— Котх, город племени котхов. Наш вождь Кошут Скуловерт. А меня зовут Таб Быстроног. Меня назначили сторожить тебя, пока остальные воины держат совет.

— Что еще за совет? — поинтересовался я.

— Они обсуждают, как с тобой поступить. Совет начался на закате, и не похоже, чтобы дело шло к концу.

— А в чем разногласия?

— Ну, — чуть пожал плечами Таб, — одни парни хотят тебя повесить, другие же настаивают на том, чтобы содрать с тебя кожу живьем.

— А никому не пришло в голову предложить отпустить меня с миром? — мрачно пошутил я.

Таб бросил на меня холодный взгляд.

— Не прикидывайся дураком, — буркнул он.

Нашу беседу прервали шаги за дверью, и в комнату вошла девушка — та самая, которая, ранее испугавшись меня, убежала. Таб неодобрительно покосился на нее.

— Что ты здесь делаешь, Альта? — спросил он.

— Я хочу посмотреть на незнакомца, — ответила та мягким мелодичным голосом. — Я никогда не видела подобных ему. Его кожа почти такая же нежная, как моя, и на ней нет волос. А какие странные у него глаза! Откуда он пришел?

— Говорят, что с холмов, — не слишком любезно ответил Таб.

Альта даже руками всплеснула.

— Но ведь на холмах, за исключением диких зверей, никто не живет! Неужели это тоже какое-то животное? Я слышала, что он умеет говорить и очень понятливый...

— Так оно и есть, — подтвердил Таб, — а еще он умеет вышибать мозги прямо голыми руками, у него кулаки тверже и тяжелее, чем булыжники. Так что шла бы ты отсюда от греха подальше. Если этот дьявол схватит тебя, то сожрет целиком — и хоронить нечего будет.

— Я не буду подходить к нему, — заверила моего стражи девушка. — А ведь глядя на него не скажешь, что это чудовище. Смотри, в его взгляде совсем нет злобы. Скажи, а что с ним сделают?

— Совет решит. Может быть, предоставят ему шанс сразиться один на один с саблезубым леопардом голыми руками.

Альта закусила кулачок — такого, полного чувства и притом чисто человеческого жеста здесь, на Альмарике, я еще не видел.

— В чем его вина, Таб? Он ведь ничего не сделал. Он пришел один, без оружия, не скрываясь. Стражники выстрелили в него без предупреждения, а теперь...

Таб с раздражением взглянул на девушку:

— Довольно, если твой отец узнает, что ты вступаешься за пленника...

Видимо, угроза была вполне серьезной, потому что девушка тотчас же потупилась.

— Не говори ему, пожалуйста, — сказала она жалобно и пошла к выходу. Дойдя до дверей, она вдруг вскинула голову и выкрикнула: — И все равно так нельзя! Даже если отец до крови выпорет меня, я не откажусь от своих слов!

Она выбежала из комнаты, закрыв лицо руками.

— Что это за девушка? — спросил я.

— Альта, дочь Заала Копьеносца.

— А он кто?

— Один из тех, кого ты так любезно отдал некоторое время назад.

— Ты хочешь сказать, что эта девчонка — дочь такого... — Мне не хватило слов.

— А что с ней не так? — не понял меня Таб. — Она ничем не отличается от остальных женщин нашего племени.

— Выходит, все женщины похожи на нее, а мужчины — на тебя?

— Естественно, а как же еще? Ну, все в чем-то отличаются друг от друга, но в общем... А что, у твоего народа все по-другому? Точно-точно, ты, наверное, не единственный в своем племени уродец!

— Эй, полегче! — Я опять разозлился.

Тут в дверном проеме показался другой воин.

Войдя, он сказал:

— Можешь идти, Таб. Я тебя сменяю. На совете решили отложить дело до возвращения Кошута утром.

Таб ушел, а его место на скамье занял новый котх. Я не стал пытаться разговорить его. Моя голова и так была переполнена, к тому же я очень хотел спать. Я устроился поудобнее, насколько позволяли обстоятельства, и погрузился в глубокий сон без сновидений.

Видимо, все пережитое за день оказалось велико для меня, настолько утомив, что даже притулило ост-

роту восприятия. Иначе как можно объяснить, что, почувствовав прикосновение к своему лицу, я не вскочил, готовый к бою, а лишь наполовину вынырнул из состояния дремоты. Из-под полузакрытых век я сквозь сон увидел склоненное надо мной девичье лицо. Фиалковые глаза испуганно рассматривали меня, губы слегка приоткрылись от волнения. Я ощутил свежий запах ее свободно рассыпавшихся по плечам волос. Девушка осторожно и как-то робко прикоснулась ко мне и тотчас же, отдернув руку, отпрянула, испугавшись того, что сделала.

Стражник мерно хралел на скамейке. Факел почти догорел, и лишь тусклое красное свечение лилось из ниши в стене. За окном взошла луна, бросив золотую полосу через всю комнату. Все это я смутно отметил про себя, проваливаясь в сонное забытье, в котором вновь и вновь возвращался к склоненному надо мной и так тронувшему меня прекрасному лицу Альты.

### 3

Проснулся я на рассвете, когда к приговоренным обычно являются палачи. Надо мной стояла группа людей, один из которых не мог быть никем иным, кроме как Кошутом Скуловертом.

Этот суровый воин на добрую голову возвышался над всеми остальными и превосходил всех шириной плеч. Лицо и тело вождя покрывали старые шрамы. Этот котх-великан был темнее большинства виденных мной альмарикан и явно старше всех по возрасту. В роскошной гриве его волос пробивалась седина.

Этот воплощенный символ дикаря бесстрастно глядел на меня, поглаживая ладонью рукоять широкого меча. Увидев, что я открыл глаза, он сказал:

— Говорят, ты хвалился, что победил в честном поединке Логара из Тутры? — От его глухого голоса веяло спокойствием могилы.

Я ничего не ответил, а продолжал молча лежать, чувствуя, как во мне поднимается гнев.

— Почему ты молчишь? — наконец спросил вождь.

— Потому что мне нечего сказать тем, кто мне не верит.

— Зачем ты пришел в Котх?

— Потому что устал жить среди зверей. Теперь я вижу, что оказался глупцом. По мне, так компания саблезубых леопардов и бабуинов куда безопаснее и честнее, чем общество людей.

Вождь покругил седые усы:

— Мои воины говорят, что ты бьешься, как бешеный леопард. Я ценю смелость. Но что нам с тобой делать? Если мы освободим тебя, то твоя ненависть к нам наверняка заставит мстить за причиненную обиду. А судя по всему, твою ненависть укротить непросто.

— А почему бы вам не принять меня в свое племя? — нагло предложил я.

Седовласый великан покачал головой:

— Мы не ягяя, у нас нет рабов.

— А я и не раб, — огрызнулся я. — Разрешите мне жить среди вас как равному. Я буду охотиться и воевать, и я докажу, что ничем не хуже любого воина вашего племени.

К этому моменту к свите Кошута присоединился еще один воин. Он был больше всех котхов, которых я уже видел. Не выше, а именно больше, массивнее.

— Да уж, тебе лучше постараться доказать это! — рявкнул он и выругался. — Развяжи его, Кошут, развязи! Говорят, это парень не из слабых. Сейчас посмотрим, кто кого...

— Он ранен, Гор, — указал вождь.

— Ну так пусть его лечат, пока он не выздоровеет, — рявкнул Гор, потрясая могучими руками.

— У него просто железные кулаки, — вставил кто-то из уже познакомившихся с ними воинов.

— Тхак вас всех разорви! — взревел Гор, вращая глазами. — Прими его в наше племя, Кошут! Пусть он

пройдет испытание. Если выживет — клянусь бородой Тхака, — этот парень будет достоин носить имя котха!

— Над этим стоит подумать, — ответил Кошут после напряженных раздумий.

Все успокоились и вслед за вождем потянулись к выходу. Таб, выходивший последним, ободряюще помахал мне рукой на прощание. Выходит, и этим дикарям не было чуждо чувство раскаяния и дружелюбия.

\* \* \*

День прошел без событий. Таб больше не появлялся; другие воины принесли мне еду и питье, и я позволил им перевязать мои раны. Когда ко мне начали относиться более или менее по-человечески, я перестал впадать в буйную ярость, хотя гнев, конечно, не угас совсем.

Альта не появлялась, хотя несколько я раз слышал за дверью легкие шаги — не знаю, ее или других женщин.

Под вечер за мной пришли. Несколько воинов объяснили мне, что доставят на общий совет племени, где Кошут, выслушав все аргументы, решит мою судьбу. Можете представить мое удивление, когда я узнал, что будут представлены аргументы не только против меня, но и в мою пользу.

С меня взяли обещание ни на кого не нападать и, открыв замысловатой формы ключом замок, освободили меня от ненавистной цепи, заменив веревки на ногах и руках легкими кандалами.

Следуя за своими конвоирами, я пошел по каменным коридорам. Коридоры эти были на редкость функциональны, их не украшали ни резьба, ни роспись, ни облицовка. Каждые пару десятков шагов на стенах белым огнем горели факелы.

Миновав целую анфиладу комнат, залов и переходов, наконец мы оказались в просторном круглом помещении, над которым нависал не низкий камен-

ный потолок, а высокий свод купола. У противоположной от входа стены прямо в массивном куске скалы был вырублен трон, на котором, облаченный в пятнистую шкуру леопарда, восседал сам Кошут Скуловерт, вождь котхов. Перед ним, занимая три четверти зала, уходящего ступенями кверху наподобие амфитеатра, собралось, видимо, все племя: впереди — мужчины, восседавшие по-турецки на шкурах, ближе к стенам, на верхних ступенях, стоя, — женщины и дети.

Удивительное это было зрелище. Я имею в виду разительный контраст между грубыми волосатыми мужчинами и стройными женщинами с молочно-белой кожей.

Мужчины были одеты в набедренные повязки и кожаные сандалии на высокой шнуровке. Плечи некоторых украшали шкуры животных — охотничьи трофеи. Женщины носили свободные туники того же покроя, что и Альта, которую я успел заметить среди остальных. Одни женщины были обуты в легкие сандалии, другие ходили босиком. Различия между полами были явно различимы даже у младенцев. Девочки были тихими, худенькими и симпатичными; мальчишки же походили на обезьян даже больше, чем их отцы и старшие братья.

Мне отвели место чуть в стороне от пьедестала вождя. Сидя на камне в окружении эскорта, я оценивающие присматривался к занимавшему почетное место по правую руку от Кошута Скуловерта Гору. Тот морщил лоб, то и дело непроизвольно поигрывая могучими мышцами.

Как только я занял свое место, совет начался. Кошут просто объявил, что желает выслушать все доводы, а потом ткнул пальцем в человека, который должен был защищать меня. Судя по реакции котхов, это был заведенный обычай на подобных мероприятиях. Назначенный моим опекуном молодой помощник вождя — Гушлук Тигробой, тот самый, что командовал моим избиением, первоначально не проявил энтузи-

азма по поводу порученного ему дела. Потирая синяки и ссадины, нанесенные моими кулаками, он без особого желания вышел вперед и, отстегнув ножны меча и кинжала, положил оружие на пол передо собой. Так же поступили и остальные воины.

Все умолкли, и Коншут объявил, что сперва желает выслушать доводы тех, кто считает, что пленник по имени Иса Кэрн (надо отдать должное котху, совершенно правильно выговорившему непривычное для его языка имя) не должен быть принят в племя.

Аргументов таких, ясное дело, была прорва. С поддюжинами воинов вскочили со своих мест и разом заговорили, сорвавшись тут же на крик (я уже успел заметить за котхами черту: чуть что — кричать). Гушлук общался со всеми одновременно, в той или иной мере удачно приводя контрдоводы своим оппонентам. Я сник и понял, что дело плохо. Но оказалось, что это только начало. Мало-помалу Гушлук разошелся, впал в ораторский раж, его глаза засияли — он исступлению и уверенно доказывал остальным их неправоту. Судя по его неподдельному энтузиазму, обилию аргументов в мою пользу, можно было подумать, что мы с ним просто друзья с детства.

Хорошо еще, что не было назначено отдельного обвинителя. Каждый, кто хотел, мог выступить. И если Гушлуку удавалось разбить его доводы, то еще один голос присоединялся к голосам в мою пользу. Так что все новые и новые воины присоединялись к нашему лагерю. Крики Таба, рев Гора и зажигательные речи моего заступника Гушлука слились в едином потоке, и вскоре почти все воины поддержали идею принять меня в племя котхов.

\* \* \*

Совет котхов! Как бы я ни старался, я все равно не смогу донести до вас всю невообразимость этого зрелища. Восточный базар, паника на бирже, суматоха

шедший дом не шли ни в какое сравнение с племенным залом котхов, в котором могло одновременно звучать до тысячи голосов, и никогда один. Как Кошут умудрялся хоть что-то понимать — осталось для меня загадкой. Но он явно держал в руках все нити спора, восседая на своем каменном троне, словно мрачный бог, осматривающий подвластный ему мир.

Чуть позже я понял, что откладывать в сторону оружие был мудрый обычай. Спор необузданных котхов нередко переходил в грубую свару. Дикари, забыв, о чем шла речь первоначально, переходили на личности, поминая близких и дальних родственников, а также животных, благодаря которым те появились на свет; всплывали давние обиды, а когда кончались слова, в ход шли зубы, кулаки, ноги. Руки, привыкшие к мечу, тянулись к поясам, где обычно висело оружие. Изредка приходилось вмешиваться даже Кошту Скуловерту, чье слово было законом.

Я тщетно пытался следить за ходом дискуссии. С моей точки зрения, многие аргументы, как за меня, так и против, были лишены не только мало-мальской логики, но и вообще какого бы то ни было смысла. Мне не оставалось ничего другого, как просто ждать, чем так или иначе кончится дело.

Ко всему прочему, котхи частенько настолько далеко уходили в сторону от темы, что, вернувшись, не могли вспомнить, на чьей они стороне. Пыл и красноречие воинов не ослабевали, и казалось, они никогда ни о чем не договорятся. В полночь они все так же яростно спорили, крича как оглашенные, пихаясь и таская друг друга за бороды.

Женщины не принимали участия в обсуждении. После полуночи они стали потихоньку расходиться, уводя с собой детей. В конце концов на верхних ступенях осталась лишь одна хрупкая фигурка. Это была Альта, с неподдельным интересом следившая за ходом споров.

Сам я уже давно бросил это дело. Гуслуку моя помощь была не нужна, он и сам отличноправлялся.

Гор подбежал к трону вождя и умолял яростным басом позволить ему свернуть кое-кому из особо упорных спорщиков шею.

Мне же это действие больше всего напоминало конвент сумасшедших домов. Наконец все происходящее меня так утомило, что, не обращая внимания на шум и на то, что решается моя судьба, я начал клевать носом и вскоре крепко заснул, предоставив доблестным воинам-котхам драть глотки и бороды друг друга, а планете Альмарику нестись по своему извечному маршруту под мудрыми звездами, которым не было ни малейшего дела до эфемерных человечков с их эфемерными проблемами.

На рассвете радостный Таб растолкал меня и жизнерадостно гаркнул прямо в ухо:

— Мы победили! Ты станешь членом племени, если поборешь Гора!

— Я сверну ему шею, — буркнул я и снова уснул.

## 4

Вот какие события предшествовали началу моей жизни среди людей Альмарика. Я, начавший свой путь на этой суровой планете голым дикарем, перескочил на следующую ступень эволюции, став варваром. Как ни крути, племя котхов было варварским племенем, несмотря на все их шелка, стальные клинки и каменную крепость. Сегодня на Земле нет народа, стоящего с ними на одной ступени развития. И никогда не было. Но об этом чуть позже. Пока же я опишу вам мой единок с Гором Медведем.

Сразу же после совета племени с меня сняли оковы и определили на жительство в одну из башен — до моего окончательного выздоровления. Тем не менее я все еще оставался пленником. Котхи в изобилии снабжали меня питьем и пищей и регулярно меняли повязку на голове. Кстати сказать, рана эта была не такой

серъезной, как те, что наносили мне дикие звери, да и прекрасно заживала сама по себе, безо всякого лечения. Однако котхи очень серьезно отнеслись к решению Кошута, чтобы я подошел к поединку абсолютно здоровым и мог сразиться с Гором на равных. Если я одержу над ним победу, то докажу свое право стать одним из них, если же проиграю, то, судя по услышанному и увиденному, проблем, что со мной делать дальше, не будет. Пожиратели падали позабочатся о моих останках.

За время, которое я провел заперт в башне, я не видел ни одного знакомого лица, за исключением Таба Быстронога, проникшегося ко мне глубокой привязанностью. Остальные котхи относились ко мне равнодушно. Ни Кошут, ни Гор, ни Гушлук, ни Альта ни разу не появились.

Ничего, кроме скуки и тоски, я в этот период не чувствовал. Предстоящего поединка с Гором я совершенно не страшился. Не могу сказать, что я был заранее уверен в победе, просто мне столько раз доводилось рисковать жизнью, что страх за собственную шкуру почти выветрился из моей души. Куда хуже я переносил сам факт заключения. Было ужасно прожить долгие месяцы свободным, как вольный ветер, и вдруг оказаться запертым в каменном мешке. Если бы мое заточение продлилось чуть дольше, боюсь, я не выдержал бы и попытался сбежать. Лучше погибнуть в бою за свободу, чем смириться с заключением. Но во всем происходящем была и положительная сторона: раздражение и злость не давали мне расслабиться, так что я всегда был в форме и готов к любым переделкам.

Увы, среди моих бывших соотечественников нет людей, настолько сильных и постоянно готовых к бою, как обитатели Альмарика. И тем не менее альмарики — нормальные люди, хотя и дикари, их жизнь полна опасностей, я тогда еще и не подозревал — насколько, сражений с хищниками и другими племенами.

Занять мне себя в башне, кроме размышлений о прошлом, было нечем. Однажды мне вспомнился чемпион Америки по классической борьбе, который, в шутку повозившись со мной, назвал меня самым сильным человеком в мире. Посмотрел бы он сейчас на плечника крепости Котх! Если бы мне довелось встретиться с ним ныне, я без труда переломил бы борца о колено, как связку тростника. Я играючи порвал бы некогда казавшиеся мне могучими мышцы, как газетную бумагу, и перебил бы кости, как трухлявые доски. Что касается скорости, то ни один, пускай самый быстрый, бегун Земли не был бы в состоянии соперничать с тигриной мощью и выносливостью, таящейся в моих связках и сухожилиях.

И несмотря на все это, я понимал, что мне придется полностью выложиться, чтобы устоять против первозданной мощи моего противника, действительно изрядно походящего на пещерного медведя.

Таб Быстроног поведал мне не одну историю о победах Гора. Такой череды поверженных противников и зверей я еще не встречал. Жизненный путь этого славного воина был отмечен переломанными конечностями, свернутыми шеями и разбитыми головами его противников. И никто ни разу не смог устоять против него в схватке без оружия; правда, молва гласила, что Логар Костолом был ему ровней.

Логар, как я выяснил, был вождем тугров — племени, враждебного котхам. На Альмарике враждовали друг с другом абсолютно все племена, местное человечество было расколото на бесчисленное количество обособленных групп, постоянно воевавших между собой. Как вы понимаете, вождя тугров прозвали Костоломом за его недюжинную силу. Отобранный мной кинжал был его любимым оружием. Таб совершенно искренне уверял меня, что клинок выковал некий сверхъестественный кузнец.

Котх назвал это существо «горх», и я обнаружил, что этот странный народец рудокопов поразительно

напоминает гномов-кузнецов из древних германских мифов моей родной планеты. Вообще Таб оказался незаменимым источником информации не только о котхах и других народах, но и обо всей планете, но к этому я еще вернусь чуть позже.

Но вот наконец наступил день, когда в сопровождении свиты воинов ко мне в башню пожаловал Кошут и, осмотрев мои раны, нашел меня в добром здравии, а следовательно — полностью готовым к испытанию.

\* \* \*

В вечерних сумерках я впервые прошел по улицам Котха. Я с интересом поглядывал на окружавшие меня стены домов. В этом городе все здания были выстроены на века, с большим запасом прочности и мощности, но без единого намека на украшения. Наконец мои конвоиры привели меня к некоторому подобию стадиона — овальной площадке, граничившей с крепостными стенами, вокруг которой поднимались широкие ступени каменной лестницы, где и размещались зрители. Сама арена поросла невысокой густой травой, наподобие бейсбольного поля, и с внутренней стороны была огорожена импровизированной сетью. Я решил, что та нужна для того, чтобы уберечь головы соперников от чересчур сильного прикладывания к каменным трибунам. Площадку заливал белый свет многочисленных факелов.

К моему прибытию зрители, а их было не меньше, чем на финальном матче по бейсболу в Америке, уже расселись по местам: мужчины — у самой арены, женщины и дети — на верхних ярусах. Среди моря лиц я с удовольствием заметил прекрасное лицо Альты, не отводившей от меня бездонных фиалковых глаз.

Таб проводил меня на арену и быстро присоединился к остальным воинам за сеткой. Почему-то на ум пришли подпольные кулачные бои, пользующиеся у

меня на родине огромной популярностью: голая земля, неверный свет, угрюмые мужчины... Устремив взгляд на полное неярких звезд небо, красота которого не переставала поражать меня, я вдруг от души расхохотался. Господи, кто бы мог подумать! Я, Иса Кэрн, родившийся в двадцатом веке в самой передовой стране мира — Америке, должен сейчас, почти обнаженный, за исключением узкой набедренной повязки, кровью и болью доказывать свое право на существование в мире дикарей, о которых на моей родной планете даже не подозревают.

С другой стороны арены к сетке подошла вторая группа воинов. В ее центре возвышался Гор Медведь, живо подлезший под сетку и приветствовавший стадион диким воплем. Он был в ярости, уязвленный, что я опередил его и появился на ристалище первым.

Кошут, восседавший на возвышавшемся над первым рядом помосте, встал на ноги. Воинственные котхи заорали и затопали ногами. Вождь взял в руки копье, размахнулся и послал его в центр арены. Пролетев короткий полет глазами и увидев, как копье вонзилось в траву, мы с Гором ринулись друг на друга — две горы мышц, полные яростного желания победить.

Правила поединка были просты: запрещалось наносить удары любыми частями тела, как кулаком, так и раскрытой ладонью, локтями, коленями; равно запрещалось пинаться, кусаться и выцарапывать глаза. Все остальное было разрешено.

Когда заросшая густыми черными волосами туша навалилась на меня, я успел подумать, что Гор, пожалуй, посильнее Логара. Лишенный своего лучшего оружия — кулаков, я терял единственное преимущество перед противником.

Такого соперника мне не попадалось ни разу в жизни: восемь стоунов железных мышц, обладающие рефлексами огромной кошки. К тому же привычный к подобным поединкам Гор владел богатейшим арсе-

налом приемов и уловок, о которых я не имел понятия. В довершение ко всему его голова так плотно сидела на плечах — на короткой шее, сплошь покрытой мускулами, что бесполезно было пытаться свернуть ее.

Меня спасли только упорство и выносливость, приобретенные за время жизни в холмах, да неукротимый дух сына Земли. К тому же, проигрывая в масце и силе, я был более быстр и подвижен.

О самом поединке говорить особенно нечего. Казалось, само время приостановило свой бег, превратившись в неподвижную, скрытую кровавой пеленой вечность. Что удивительно, стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь нашим хриплым дыханием, потрескиванием факелов да шарканьем по траве босых ног. Наши силы оказались почти равны, что делало невозможной быструю развязку. В отличие от подобных состязаний на Земле, тут мало было уложить противника на лопатки. Нет, состязание шло до тех пор, пока один или оба противника не рухнут на землю замертво, прекратив сопротивление.

Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая, какой концентрации физических и моральных сил стоила мне эта схватка. Уже грянула полночь, а мы, совершенно измотанные, но не потерявшие боевого духа, все еще стояли, упервшись друг в друга плечами. Казалось, весь мир утонул в кровавом тумане. Все мое тело превратилось в единый сгусток напряжения и боли. Некоторые мышцы просто онемели, и я перестал чувствовать их, другие же сводило невыносимыми приступами боли. Кровь сочилась у меня изо рта и из носа. Я полуослеп от нечеловеческого напряжения. Ноги дрожали, дыхание сбилось.

Утешало меня лишь то, что Гор был не в лучшем состоянии. У него кровь текла не только изо рта и носа, но и из обоих ушей. Его грудь неравномерно вздыхала.

Сплюнув кровавый сгусток, он с рычанием, похожим больше на хрип, в очередной раз попытался

вывести меня из равновесия и сбить с ног. Для этого он прогнулся вперед и, опершись на меня, перенес центр тяжести повыше.

Понимая, что такого чудовищного напряжения я больше не выдержу, я вложил ту кроху сил, которая еще у меня осталась, в одно движение. Перехватив выставленную вперед руку богатыря-котха, я перекинул ее через плечо и резко рванул на себя... То, что Гор рванулся, пытаясь вырваться из моего захвата, наоборот, помогло мне провести прием.

Перелетев через меня, альмарикин рухнул на траву, приземлившись на шею и одно плечо, и затих. Мгновение я стоял в тишине, глядя на поверженного голиафа, а затем ночь взорвалась дикими воплями котхов, признавших меня победителем. Тут мои ноги подкосились, в глазах померк свет, и я, рухнув на лежащего соперника, потерял сознание.

Уже потом мне сказали, что сперва нас обоих сочли покойниками. Много часов пробыли мы без сознания. Как выдержали наши сердца — одному Всевышнему известно. Старики утверждали, что за всю свою жизнь не видели такого долгого поединка.

Гору пришлось худо, даже по здешнем меркам. В результате моего броска он не только сломал плечо и заработал кучу менее значительных травм, но и раскроил череп. Что касается меня, то я отдался тремя сломанными ребрами, однако все мои мышцы и суставы настолько перетрудились, что я несколько дней не мог даже подняться с постели. Котхи лечили нас, используя все свои немалые познания в искусстве врачевания ран, но в первую очередь своим выздоровлением мы были обязаны нашей природной живучести. Жизнь на Альмарице беспощадна к тем, кто не умеет быстро залечивать раны. Тут уж ты либо быстро выздоравливаешь, либо погибаешь.

Когда я более-менее пришел в себя, то поинтересовался у Таба, не будет ли теперь Гор моим кровным врагом. Мой вопрос донельзя озадачил молодого кот-

ха: до сих пор Гор никогда не проигрывал. Но вскоре мои сомнения рассеялись самым приятным образом.

В один прекрасный день дверь в мою комнату распахнулась и шестеро воинов бережно внесли носилки, на которых лежал Гор, обмотанный повязками, как мумия. Однако голос Медведя был бодр и силен. Этот удивительный воин заставил своих приятелей принести себя в мою комнату, чтобы поприветствовать меня. Зла он на меня не держал, даже наоборот. В его чистой, первобытной, большой душе нашлось место для искреннего восхищения человеком, сила которого превзошла его собственную.

Как только носилки с раненым воином поставили, он тотчас же издал приветственный рев, от которого заложило уши. После того как дыхание его восстановилось, он выразил надежду, что мы вместе еще повоюем и поразбиваем немало вражьих голов на благо нашего племени.

Его уже уносили обратно, а он все продолжал восхищаться мною и строил планы будущих битв. Неожиданно для себя я почувствовал нежность и симпатию к этому созданию природы, которое было куда ближе к человеку, чем многие ученые хлыщи на Земле, кои так любят кичиться цивилизованностью.

Вскоре, когда я уже мог стоять на ногах без посторонней помощи и самостоятельно передвигаться, я представал перед Кошутом Скуловертом и тот провел церемонию принятия меня в племя. Сперва он начертил над моей головой острием меча древний символ племени котхов, а затем вручил мне знак воина — широкий кожаный ремень с железной пряжкой — и оружие — мой кинжал и боевой котхский меч. Это был длинный прямой меч с серебряной крестовиной и массивным навершием, заканчивающимся острым шипом.

После этого ритуала передо мной по очереди прошли все воины племени, начиная с вождя. Каждый клал мне руку на голову и называл свое имя. Я должен был повторить его и назвать себя, произнеся свое имя

(вызвавшее всеобщее одобрение) — Железная Рука. Эта самая утомительная часть заняла почти целый день, так как в настоящий момент в Котхе было около двух с половиной тысяч воинов. Но это была неотъемлемая часть ритуала посвящения, по завершении которого я стал таким же полноправным котхом, как если бы родился в этом городе.

Еще в башне, меряя шагами свое училище, словно тигр в клетке, я многое узнал из рассказов Таба о котках и о том, что им самим было известно об их собственной планете.

Это племя и другие, ему подобные, были единственной человекоподобной расой на Альмарице, хотя и не единственной разумной. Далеко на юге, например, обитал таинственный злобный народ, который котхи называли «ягъя». Себя же они именовали «гура».

Слово «гура» использовалось на Альмарице так же, как мы на Земле используем слово «человек». Множество племен гура населяло похожие на Котх города. В каждом из племен было от двадцати до пятидесяти сотен воинов и соответствующее число женщин и детей. Племя котхов было самым многочисленным — оно насчитывало более пятидесяти сотен воинов.

Не существовало никаких карт Альмарика, и ни один из котхов не совершал кругосветного путешествия, хотя, будучи охотниками, они уходили очень далеко от родного города. Интересно, что до моего прибытия они никак не называли свой мир. Так вот, пообщавшись со мной, кое-кто из племени стал называть его Альмариком, то есть словом, которое я привнес с Земли.

Далеко на севере лежал безжизненный край льдов и вечных сумерек. Люди там не жили, хотя многие охотники, ходившие на тамошнего зверя, клялись, что слышали странные крики, доносящиеся с ледяных гор, и видели тени, мелькающие по поверхности ледников. А вот что касается южного направления, то на расстоянии меньшем, чем путь до ледяных торосов, возвы-

шалась гигантская каменная стена, через которую никто из людей никогда не перебирался. Предания гласили, что эта стена опоясывает всю планету, поэтому-то она и получила название Великого Барьера. Что скрывалось за этим Барьером — не знал никто. Некоторые верили, что это — конец мира, а за ним — лишь пустота. Другие утверждали, что за ним располагается такая же земля, как и эта.

Последняя версия, естественно, показалась мне более логичной, но я, как и другие, не мог представить доказательств ее правоты, и большинство котхов продолжало считать ее лишь сказкой для детей.

Во все стороны от Котха лежали города народов гура — от Барьера до Страны Льдов. В этом полушарии не было ни морей, ни океанов. С Западных гор по Великой равнине (ее еще называли Стол Тхака) текло бесчисленное количество рек, изредка разливаясь в неглубокие озера. Самые большие реки текли на юг и уходили под Барьер. Время от времени разнотравье Стола Тхака сменялось дремучими лесами, вздымались невысокие, слаженные эрозией горные гряды и холмы.

Города племен гура строились только на равнине и на большом расстоянии друг от друга. Их архитектура являлась типичным продуктом их цивилизации. Города служили лишь крепостями для защиты от врагов и непогоды. Отражая характер и облик строителей, города эти были грубыми, массивными, с чрезвычайным запасом прочности, но совершенно лишенными каких бы то ни было украшений; традиции украшать что-либо словно не существовало на этой планете.

В чем-то гура походили на землян как две капли воды, в чем-то — разительно отличались. Безусловно сильной стороной гура, и котхов в частности, было умение воевать, охотиться и создавать оружие. Последнее ремесло передается в роду старшим сыновьям, но прибегают к услугам этих умельцев не так уж часто. Дело в том, что оружие делается так хорошо и служит практически вечно, что не требует замены. Его

передают от отца к сыну, иногда пополняя запасы за счет трофеев. Кроме того, общая численность воинов племени держится примерно на одном уровне, поэтому работы оружейникам немного.

Странно, но гура используют металл только в оружейном деле, для изготовления пряжек и застежек на одежде и снаряжении, редко — в строительстве. Ни мужчины, ни женщины не носят украшений.

Монеты, да и деньги вообще, здесь неизвестны. Между городами торговля не ведется, а внутри города все как-то умудряются обойтись натуральным обменом.

Гура достигли неплохих результатов в изготовлении ткани для одежды, которую плетут из волокна, получаемого из одного странного растения — какого-то сорняка, растущего даже внутри городских стен. Другие растения обеспечивают гура фруктами и вином, но все посадки находятся на территории их городов-крепостей. Домашних животных здесь нет, свежее мясо, их основная пища, добывается на охоте. Охота — вообще любимое занятие мужской части гура, их работа, отдых и средство самовыражения.

Племя котхов ничем не отличалось от прочих племен гура. Котхи ковали мечи, ткали шелк, охотились и занимались собирательством. С некоторым удивлением я обнаружил у них зачатки письменности — что-то вроде примитивных иероглифов, которые наносят на тростниковые листья острый, как кинжал, металлическим стержнем, обмакнув его в бордовый сок какой-то травы. Но, кроме вождей, мало кто умеет читать и писать. Литературы у них нет. Ничего не знают альмарикане и о живописи, скульптуре или науке — они вообще лишены интереса к этим абстрактным вещам. Вся их культура сугубо утилитарна, приспособлена к выполнению насущных, повседневных задач и удивительно статична.

Правда, как у большинства первобытных племен, у них существует нечто вроде народной поэзии, повествующей только о битвах, сражениях и подвигах

героев. Среди гура вообще нет такой профессии, как барды и менестрели. Каждый взрослый мужчина знает свои родовые песни и после нескольких кружек крепкого пива исполняет их голосом, по сравнению с которым иерихонская труба казалась бы тростниковой дудочкой. А когда набирается пара дюжин таких певцов, упоенно орущих и совершенно не обращающих внимания друг на друга, создается впечатление, будто ты угодил под артобстрел.

Тексты песен никто не записывает, полагаясь на память. Потеря строфы — другой никого не расстраивает: всегда можно придумать новую. Письменная история тоже не ведется. Вот почему события прошлого перемешиваются друг с другом и с явным вымыслом.

Хронология отсутствует как таковая. Никто не знает, сколько лет городу Котх. Монументальные каменные блоки прочны, как сама вечность, и им может быть как десять лет, так и десять тысяч. Мне кажется, что меньше пятнадцати сотен лет этому городу быть не может. Гура — древняя раса, несмотря на то что ее первобытная дикость производит впечатление молодого, полного сил народа. Об эволюции этой расы и о том, откуда она появилась, мне ничего узнать не удалось. У гура даже нет таких понятий, как эволюция, развитие, прогресс. С детской непосредственностью они считают, что все их окружающее существовало изначально, всегда, и будет существовать так жеично в будущем. У них даже нет преданий, объясняющих их происхождение.

\* \* \*

Пока я в основном вел речь о мужчинах племени котхов. Дело в том, что женщины достойны отдельного рассказа. После всего, что я увидел и узнал, различия между полами у народов гура уже не казались такими необъяснимыми. Они были лишь результатом эволюции особого отношения мужчин к своим женам

и сестрам. Я уверен, что в основном ради женщин и были воздвигнуты первые города-крепости, в которых, скрепя сердце, пришлось поселиться и бесшабашным воинам и охотникам, что до сих пор в душе остались первобытными кочевниками.

Женщины, на протяжении тысячелетий оберегаемые от всех опасностей, равно как и от тяжелой работы, постепенно превратились в те утонченные создания, которые я уже описал. Мужчины же, наоборот, вели невероятно активную, требующую постоянных усилий и выносливости жизнь. И началось это с тех самых пор, когда первая обезьяна на Альмарице встала на задние лапы.

Естественно, выжившие в результате безжалостного естественного отбора идеально приспособились ко всем тяготам жизни: их могучие звериные тела, толстая шкура и грубые волосы, напоминающие шерсть, крепкие мощные челюсти и толстая черепная коробка вовсе не результат вырождения или деградации, а те необходимые свойства организма, без которых мужчины гура были бы непригодны к той жизни, которую они ведут.

Поскольку мужчины берут на себя весь риск, всю ответственность и весь физический труд, закономерно, что власть и авторитет в племенах тоже принадлежит им. Женщины не имеют права голоса ни в управлении делами города, ни в определении политики племени. По этой же причине власть мужа над женой абсолютна. С другой стороны, в случае угнетения или издевательств женщина вправе пожаловаться на своего господина в совет племени.

Большей частью женщины очень ограничены, мало знают и мало чем интересуются. Это неудивительно — ведь большинство из них ни разу в жизни и шагу не ступали за городские стены, если только не были захвачены другим племенем во время набега.

Все это не значит, что женщины так несчастны, как можно было бы подумать. Дело в том, я уже упо-

минал об этом, что забота и нежное отношение к женщине — одна из отличительных черт гура. Любое проявление жестокости или злобности к ним, встречающееся чрезвычайно редко, сурово и единогласно осуждается племенем.

Гура моногамны. Хотя они не сильны в искусстве ухаживания, обольщения и взаимных комплиментов, удивительны те нежность и забота, которые мужчины и женщины проявляют по отношению друг к другу. В этом они напоминают американских поселенцев.

Обязанностей у женщин гура немного, и по большей части связаны они с воспитанием и заботой о детях. Самая тяжелая работа, выпадающая на их долю, — это придение нитей и изготовление ткани из волокон растений.

Женщины-альмариканки, в отличие от своих мужчин, удивительно музыкальны. Почти все они умеют играть на небольшом струнном инструменте, похожем на лютню, и удивительно мелодично поют. Кроме того, женский ум куда более остер и гибок, чем мужской. Женщины, которым приходится самим себя развлекать, очень весело проводят время в шутках и играх. Ни одной из них и в голову не придет сунуться за пределы города: они ясно сознают те опасности, которые их там поджидают, благоразумно предпочитая оставаться под защитой мужчин племени.

Мужчины-гура честны, презирают ложь, обман и воровство. Для меня они почему-то ассоциировались с древними викингами. Эти доблестные воины с удовольствием охотятся и воюют, но не жестоки беспричинно, если только ярость не ослепляет их на время. Они немногословны, грубы, легко впадают в гнев и чуть что хватаются за оружие, но так же легко и быстро успокаиваются. Альмарикане вообще не злопамятны, однако если речь не идет о кровном враге. У них своеобразный, хотя и очень грубый, юмор; они совершенно беззаботно любят родной город и племя. Но больше всего, по-моему, они дорожат личной свободой.

Из боевой экипировки в ходу у котхов, равно как и у остальных племен, мечи, копья, кинжалы и некое подобие огнестрельного оружия, похожего на мушкет; доспехов они не признают. Мушкеты эти заряжаются с дула и весьма недальновидны. Вместо пороха здесь используется высушенное и растертое в порошок определенное растение, а пули отливаются из какого-то мягкого металла, очень походящего на свинец. Огнестрельное оружие используется в основном в военных конфликтах: на охоте удобнее и эффективнее лук со стрелами.

Часть воинов племени постоянно находится на охоте в разных частях Великой Равнинны. Но в любом случае не меньше тысячи воинов остаются внутри городских стен, всегда готовые отразить возможное нападение, что, надо сказать, случается нечасто. Гура редко нападают на города других племен. Штурмом их взять практически невозможно, а заморить защитников голодом еще труднее: в каждой крепости накоплены огромные запасы съестного и есть, по крайней мере, один обильный источник воды. Кроме того, воины привыкли голодать и в случае необходимости неболями могут обходиться без пищи.

Охотники часто, правда большими группами, отправляются за добычей в предгорья, в которых я прожил несколько месяцев. Общеизвестно, что эти места населяют самые свирепые и опасные хищники Альмарика. Лишь самые отчаянные отряды проводят на холмах несколько дней, прочие же предпочитают на ночь спускаться обратно на равнину. Тот факт, что я прожил здесь немалый срок один, вооруженный всего лишь кинжалом, придал мне в глазах котхов едва ли не больший авторитет, чем победа над Гором Медведем.

За непродолжительное время мне довелось узнать об Альмарике очень многое. Но это повествование не научный отчет, и я не могу подробно останавливаться на описании местных обычаяев и традиций. Я запоминал все, что мне рассказывали котхи, когда-нибудь подобная информация могла пригодиться.

Гура считали, что они — первая человеческая раса, населяющая Альмарик, мне же так не кажется. На Великой Равнине изредка встречаются руины городов, возведенных в незапамятные времена неизвестными народами, хотя наивные гура считали, что их строители жили одновременно с их дальними предками. Но мне довелось узнать, и поверьте, эта информация мне досталась нелегко, что таинственные древние расы появились, прошли период расцвета и заката и исчезли за много веков до того, как первый гура взялся за кирку каменотеса. Как мне удалось узнать то, что не было известно гура, — отдельная история. И может быть, когда-нибудь она станет известна и вам.

Среди гура ходят легенды и более-менее правдоподобные рассказы о наследниках тех древних хозяев Альмарика. Я уже говорил о ягья. Так вот, это страшный и жестокий народ крылатых людей, обитающих далеко на юге, почти у самого Кольца. Их главный город именуется Югга; он воздвигнут на горе Ютла, на реке Джог. Страну свою они именуют Яг, и в эти гибельные края не ступала нога нормального человека.

Время от времени крылатые бестии вылетают за стены Югги и обрушаиваются с небес на города гура, сжимая в руках разящий меч или горшки со сжигающим все огнем, чтобы унести с собой молодых девушек в качестве пленниц. Что с ними происходит потом — неизвестно, ибо никто еще не возвращался из страны Яг. Одни утверждают, что девушек отдают на съедение отвратительному чудовищу, которому крылатые поклоняются как богу, другие же говорят, что летучие твари не поклоняются никому, кроме самих себя. Однако доподлинно было известно, что властвует над ягья Повелительница Ясмина, вот уже полтысячи лет правящая со своего каменного трона на вершине Ютлы страной Яг. Ее тень, ложащаяся на мир, заставляет людей вздрагивать и втягивать голову в плечи, с опаской посматривая на небо. Гура считают, что ягья

не люди, а демоны в человеческом обличье, что вовсе не мешает воинам их убивать.

Рассказывали гура и о других не менее коварных и опасных существах мира: о собакоголовых чудовищах, обитающих в развалинах древних городов; о заставляющих трястись земли колоссах, являющих свои страшные лики лишь звездам. Имелись еще и огнедышащие летающие рептилии, падавшие из-за туч, словно молнии; полуночные лесные хищники, что утаскивали в чащу неосмотрительных охотников. На Альмарице водились и летучие мыши-вампиры, чьи похожие на безумный смех крики сводили людей с ума, и множество других жутких монстров, которым и близко не подобрать земного соответствия. Я, в безмерной гордыне здравомыслящего человека, посчитал их выдумкой, за что не раз проклинал себя впоследствии, ибо на этой планете порой принимает кошмарные формы не только жизнь, но и нежить.

Быть может, я порядком утомил вас многословными страшными описаниями. Но будьте терпеливы, они имеют прямое отношение к развернувшимся впоследствии трагическим событиям, которые начали развиваться с такой скоростью, что мое повествование будет едва справляться с ними.

Долгие месяцы я жил обыкновенной жизнью котов, совершаясь в искусстве охоты, вволю наедаясь и изрядно прикладываясь к крепкому, хмельному пиву. Я совершенно сроднился с окружающими меня людьми. Меня еще не проверили в войне с иноплеменниками, но и внутри города хватало возможностей размять кулаки в дружеской потасовке и в пьяных драках, когда, закипая от одного слова, мужчины бросали на пол кружки и начинали таскать друг друга за бороды. Я наслаждался этой жизнью. Здесь, как и в предгорьях, я был свободен от любых ограничений и условностей и мог проявить в полной мере все свои силы. А главное, я был не один, а в компании таких же свободных людей. Мне не были нужны картины, кни-

ги, утонченные развлечения, создающие слабым духом интеллектуалам иллюзию полноценного бытия. Я охотился, дрался, ели и пил. Я вцепился в жизнь руками и ногами, впился в нее, как клещ. И в череде моих занятий я почти перестал вспоминать одинокую хрупкую фигурку, напряженно следящую за советом, решающим мою судьбу.

## 5

Однажды, проведя несколько дней на охоте, я возвращался в город. Я неторопливо брел, размышляя о том о сем, не забывая отметить про себя замеченные следы животных или подозрительный шорох в кустах. Места были знакомые, но до самого Котха оставалось еще несколько миль, потому что его могучие башни пока не были видны.

Из состояния задумчивости меня вывел пронзительный женский крик. Не веря своим глазам, я увидел, что в мою сторону со всех ног несется чем-то знакомая стройная женская фигурка, преследуемая чудовищем. С каждым шагом ее нагонял тигростраус, одна из самых огромных хищных птиц, что обитали на Столе Тхака.

Птица эта достигает в высоту десяти футов, покрыта густым мехом в красно-желтую полоску и считается едва ли не самым опасным обитателем равнин. Тигростраус сложен наподобие земного аналга, за исключением невероятно острого и словно заточенного по краям трехфутового клюва, страшного орудия, выкованного природой. Удар этого похожего на ятаган клюва протыкает человека насквозь, а острые криевые когти на мускулистых лапах птицы без труда отрывают ногу у крепкого мужчины.

И вот эта машина смерти стремительно нагоняла девушку — еще секунда, и она ее сомнет, как прекрасный цветок, прежде чем я смогу подоспеть на помощь.

Проклиная судьбу за то, что приходится рассчитывать лишь на мою меткость, чего греха таить, не самую высокую, я рывком освободил плечи от кипы шкур, сбросив их на землю. Упершись понадежнее ногами, я вскинул мушкет, который всегда носил заряженным, и прицелился.

Девушка бежала прямо на меня, закрывая корпус птицы. Я не мог стрелять в тигрострауса, не рискуя угодить в человека. Ситуация не оставляла мне ничего другого, как целиться в огромную голову на длиной шее, воздетую над несчастной жертвой. Я затаил дыхание и, уповая на расположение Тхака, нажал курок.

Удача улыбнулась мне — пуля угодила точно в цель. Меня окутало облако дыма, но я успел заметить, что злобное создание споткнулось, словно налетев на невидимую стену. Тигростраус забил короткими, почти лишенными шерсти крыльями, начал загребать переставшими держать вес ногами и рухнул в траву.

В тот же момент упала как подкошенная и девушка. Подбежав, я с удивлением обнаружил, что это Альта, дочь Заала. Слава богу, целая и невредимая, она смотрела на меня своими бездонными фиалковыми глазами. Девушка очень запыхалась и к тому же была до смерти перепугана. Птице повезло меньше: пуля угодила ей точно в лоб и вместе с мозгами вылетела с другой стороны.

Снова переведя взгляд на Альту, я недоуменно спросил:

— Что ты делаешь за стенами города? Ты что, с ума сошла — болтаешься без охраны Тхак знает где!

Девушка не ответила, но явно была испугана. Постаравшись смягчить голос, я сел на корточки рядом с ней и сказал:

— Странная ты девчонка, Альта. Ты не такая, как другие женщины племени. Все знают, что ты решительная, упрямая и своеенравная, причем иногда совершенно неоправданно. Чего тебе не хватает? Ну зачем, скажи мне, так рисковать жизнью?

— Что ты теперь сделаешь? — вдруг спросила она.

— Как что? Отведу тебя в Котх, конечно.

При этих моих словах она нахмурилась и упрямо покачала головой.

— Ну что ж, веди. Отец меня выпорет. Ну и пожалуйста! Я все равно опять убегу!

— Но зачем ты убегаешь? И куда? Здесь тебя рано или поздно просто сожрет какая-нибудь тварь. Ты этого хочешь?

— Ну и пускай! Может, я хочу, чтобы меня сожрали, тебе почем знать!

— Тогда зачем же ты убегала от тигрострауса?

— Инстинкт сохранения жизни, — недовольно ответила она.

— Почему ты так стремишься к смерти? — воскликнул я. — Ведь женщины племени котхов счастливы, чего тебе не хватает?

Она отвернулась и обвела взглядом бескрайнее море травы.

— Есть, пить и спать — это далеко не все, — на удивление серьезно ответила Альта. — Это могут и животные.

Я рассеянно почесал в затылке. Мне частенько доводилось слышать подобные речи на Земле, по здесь, на Альмарике, это было в диковинку. Альта продолжала, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе:

— Я не могу так больше жить. Должно быть, я не такая, как остальные. Я все время чего-то ищу, все время чего-то жду...

Удивленный словами, от которых совершенно отвык, я взял ее голову в руки и бережно повернул, чтобы посмотреть ей в глаза. Мягущийся взгляд девушки встретился с моим.

— Пока ты не появился — было трудно, — продолжала она негромко. — А теперь стало во сто крат труднее.

В растерянности я разжал руки, и Альта опустила голову.

— Почему же из-за меня стало хуже?

— Скажи мне, что такое жизнь? — ответила она вопросом на вопрос. — Неужели то, как мы проводим время, и есть настоящая жизнь? Неужели нет ничего другого, ничего, кроме наших повседневных потребностей и мелочных интересов?

Я задумчиво покачал головой и сказал:

— Знаешь, на моей планете, на Земле, я встречал многих людей, стремившихся к какому-то туманному идеалу. Но я не скажу, чтобы они были очень счастливы.

— Сначала я думала, что ты не такой, как другие, — с горечью сказала она, глядя куда-то вдаль. — Когда я увидела тебя, связанного веревками, впившимися в твою нежную, гладкую кожу, то подумала, что ты тоньше, нежнее, умнее, чем наши мужчины. А на поверку вышло, что ты такой же грубый и дикий, как и все остальные. Ты так же, как и они, проводишь время на охоте, в драках и пьянках.

— Но ведь все так живут! — возразил я.

Она кивнула, соглашаясь.

— А я не хочу, как все. Выходит, мне действительно лучше умереть.

Мне почему-то стало стыдно. Я понимал, что землянину жизнь на Альмарике должна была бы показаться грубой, жестокой и бессмысленной, но услышать такое из уст местной женщины... До этого момента мне казалось, что женщина полностью удовлетворяет положение дел и они довольны заботой и защитой и терпеливо сносят грубость мужского племени. Неужели среди них попадались и такие, кто желал большего внимания и участия со стороны своих мужчин?

Не зная, что ответить, я напрасно искал подходящие слова. Я как-то разом почувствовал себя грубым, жестоким варваром. Помолчав, я безнадежно сказал:

— Пойдем, Альта. Я отведу тебя обратно в город.

Она согласно кивнула и вдруг, всхлипнув, добавила:

— И можешь посмотреть, как отец будет меня пороть. Тебе понравится!

Уж что ответить на это, я не раздумывал ни секунды, гневно бросив:

— Он больше никогда в жизни пороть тебя не будет. Пусть только дотронется до тебя — я ему голову оторву!

Альта быстро перевела на меня заинтересованный взгляд. Моя рука легла ей на талию, а лицо оказалось совсем рядом с ее лицом. Полные губы девушки взволнованно приоткрылись — и, продлился этот блаженный миг дольше, я не знаю, чем бы все это кончилось... Но вдруг с лица Альты склынула кровь и с губ сорвался испуганный крик. Девушка в ужасе смотрела на что-то за моей спиной. Воздух наполнился шорохом больших сильных крыльев.

Я молниеносно развернулся и увидел, что в воздухе над нами мечутся большие крылатые существа. Ягъя! А я, глупец, смеялся над рассказами Таба, считая их страшилками для непослушных детей. Но вот ягъя оказались передо мной, воплотившись в ужасающей реальности.

Не теряя драгоценного времени на бесплодные сожаления, я подхватил с земли незаряженный — моя оплошность! — мушкет. Пока крылатые демоны выждающие кружили над нами, мне удалось рассмотреть, что ягъя походили на высоких, хорошо сложенных людей, только с большими кожистыми крыльями за спиной. Люди-птицы не носили другой одежды, кроме узких набедренных повязок; вооружены они были узкими изогнутыми кинжалами.

Когда первый из них спикировал на меня, я, по всем правилам бейсбола, встретил его ударом приклада. Тонкокостный череп кровожадной твари лопнул, как перезревший орех, забрызгав меня кровавой кашей. Остальные ягъя, ни в малой степени не ошарашенные, обрушились на меня, размахивая сверкающей сталью. По счастью, их нападение было бестол-

ковым: они, сталкиваясь в воздухе крыльями, только мешали друг другу, не давая себе возможности напасть на меня одновременно с нескольких сторон.

Сжимая мушкет за ствол, я отмахивался импровизированной дубинкой от наседавших врагов. Улучив момент, я основательно приложил по голове еще одному летающему гаду. Тот перезревшей сливой рухнул на землю без памяти. Вдруг за моей спиной раздался пронзительный крик, и крылатые ягъя прекратили атаковать меня как по команде.

Крылатые твари стремительно набирали высоту. А в руках одного из них, к своему ужасу, я увидел знакомую хрупкую фигурку Альты, протягивавшей ко мне в отчаянии руки. Ягъя похитили девушку и теперь уносили ее в свой мрачный город, где ее ожидала ужасная участь. Крылатые люди летели очень быстро, и вскоре я уже едва мог различить их силуэты в синем небе.

Сгорая от бессильной ярости, я посыпал проклятия равнодушному небу, потрясая кулаками. Внезапно я почувствовал какое-то шевеление под ногами. Посмотрев вниз, я увидел, что оглушенный мной ягъя пришел в себя и сидит на траве, потирая голову. Я замахнулся мушкетом, чтобы выбить мозги из чертовой птичьей башки, да так и замер. Меня озарила дерзкая мысль: я вспомнил, с какой скоростью ягъя уносил Альту, держа ее руками под собой.

Вытащив кинжал из ножен, я упер его под подбородок крылатому человеку и заставил того подняться на ноги. Ягъя был чуть выше меня ростом, такой же широкоплечий, но какой-то костистый и гораздо тоньше в кости — как у всех пернатых, кости его должны были быть тонкими и легкими. Черные глаза ягъя смотрели на меня немигающим взглядом ядовитой змеи... или грифа, пожирателя падали.

Таб как-то упоминал, что язык крылатых существ похож на их собственный.

— Ты отнесешь меня на себе туда, куда полетели твои дружки, — сказал я.

Он неуютно поежился и хрипло ответил:

— Я не смогу нести твой вес

— Тем хуже для тебя, — сообщил я ему и, обойдя пленника, рывком заставил его нагнуться и влез ему на плечи. Левой рукой я обхватил его шею, а правой приставил кинжал к боку дьявольского создания.

Понукаемый острием, ягъя был вынужден расправить крылья, захлопал ими по ветру и, хотя и пошатнулся под моим весом, все же сумел взлететь.

— Давай, двигай! — злобно рявкнул я, для большей убедительности кольнув человека-птицу кинжалом. — Быстрее... Или я тебя на куски нарежу!

Мы медленно поднимались над землей. Ощущение было фантастическое, но предаться радости полета мне мешала злость на себя за то, что не смог убечь Альту, и боль потери.

\* \* \*

Когда мы поднялись на высоту примерно тысячи футов, я смог различить на горизонте несколько черных точек. Это и были похитители Альты. Я отчаянно понукал своего крылатого скакуна, двигавшегося, как мне казалось, еле-еле.

Несмотря на все мои угрозы и тычки кинжалом, группа ягъя потихоньку исчезала из виду, и вскоре мы отстали окончательно. Но я продолжал держать направление на юг, рассчитывая, что если и не догоню тварей, то, по крайней мере, долечу до черной скалы, на которой, по словам Таба, возвышалась их мрачная крепость.

Ягъя, которому я не оставил ни малейшего выбора, держал приличную скорость, учитывая двойную нагрузку на его крылья. Через несколько часов полета пейзаж под нами изменился. Внизу проплывал лес — первый настоящий лес, не считая рощицы в ущелье, увиденный мной на Альмарике. Я отметил, что деревья в этом лесу намного превышали земные.

Незадолго перед закатом показалась граница леса, за которой на большом лугу лежали руины древнего города. А к небу, откуда-то из этого каменного лабиринта, поднималась тонкая струйка дыма. Я поинтересовался у своего пленника, не его ли приятели готовят там ужин, но он только что-то злобно хрюкнул себе под нос, за что получил хороший удар по уху.

Теперь мы спустились ниже, и вершины деревьев убегали назад прямо у нас под ногами. Сделано это было по моему приказу: я не хотел раньше времени попадаться ягъя на глаза. Раздававшийся мощный рев заставил меня посмотреть вниз.

Мы как раз пролетали над небольшой полянкой, на которой разворачивалось кровавое сражение. Стая гиен напала на огромное бурое животное с одним рогом на лбу. Этот единорог был куда крупнее земного хозяина прерий — бизона. С подюжиной хищников уже лежали бездыханными, а в тот момент единорог поддел гарпуном рога последнюю гиену и, мотнув головой, отбросил ее футов на двадцать, переломав ей при этом все кости.

Засмотревшись на эту сцену, я, видимо, чуть ослабил хватку. Почувствовавший свободу ягъя резко извернулся и сумел сбросить меня со спины. Освободившись от груза, он резко метнулся в сторону и вверх, а я камнем полетел вниз и, проломив крону какого-то дерева, рухнул на мягкий ковер травы и прелой листвы, прямо перед мордой разъяренного единорога.

Я едва успел перевернуться и встать на одно колено, как его туша заслонила небо, а огромный рог оказался нацеленным мне в грудь. Я, увернувшись, попытался обеими руками отвести рог в сторону. Словно выточенный из слоновой кости шип чуть изменил направление движения и прошел рядом с моим боком, едва не пришиплив меня к земле, как бабочку. Воспользовавшись секундным замешательством огромного зверя, я выхватил кинжал и вонзил его в основание черепа.

па единорога. Но тут, получив сильнейший удар по голове, я рухнул без сознания, погрузившись в темноту.

## 6

Отключился я, наверное, совсем ненадолго. Первое, что я ощутил, прияя в себя, — это страшную тяжесть, навалившуюся на мое тело. Инстинктивно попытавшись скинуть ее с себя, я понял, что лежу, придавленный исполинской тушей. Оказывается, мой кинжал пронзил мозг зверя, но уже в падении, мертвым, тот все-таки задел меня основанием рога и отправил сильным ударом в нокаут. Только перепревшие листья за спиной спасли меня от участия быть раздавленным вспятьку.

Выбраться из-под мертвого зверюги было задачей, достойной самого Геркулеса. Не буду вас утомлять малоприятными подробностями, скажу лишь, что я справился и, полузадохнувшись, залитый кровью единорога, все-таки вылез из-под тушки. Я напряженно всматривался в небо: скинувшего меня вниз летающего мерзавца нигде не было видно, правда, высокие деревья ограничивали обзор. Выбрав дерево повыше, я, как мог быстро, вскарабкался на его вершину и оттуда, словно с мачты, оглядел расстилавшееся вокруг меня зеленое море.

Примерно в часе быстрой ходьбы к югу лес редел, сменяясь густым кустарником. Из руин мертвого города все еще поднимался дымок. В то же мгновение я заметил, как мой бывший пленник спикировал к развалинам. Наверное, избавившись от меня, он еще некоторое время кружил над местом моего падения, чтобы удостовериться в моей гибели или просто перевести дух и дать крыльям отдохнуть после изнурительного полета с двойной нагрузкой.

Я выругался — если он заметил, что единорог не убил меня, то шанс незаметно напасть на отряд людей-

птиц безнадежно упущен. Вдруг я с удивлением заметил, что ягня, не успев приземлиться среди развалин, дал свечку и понесся оттуда как угорелый. Он помчался на юг, бешено махая крыльями, и скоро затерялся в предзакатном небе. Я только диву давался. Что могло вызвать такое поспешное бегство человека-птицы? Кого он обнаружил внизу вместо своих товарищей? Может быть, он просто наткнулся на покинутую стоянку и поторопился нагнать соплеменников? Нет, слишком явно было видно, что его полет был не чем иным, как паническим бегством.

Пожав плечами, я, теряясь в догадках, слез с дерева и направился к руинам с наибольшей скоростью, которую позволял развить густой подлесок, не обращая внимания на шорохи и шелест листьев вокруг меня.

Когда я выбрался на опушку, солнце уже село, и пришедшая ему на смену луна засияла призрачным светом мертвый город. Достигнув первых каменных строений, я, вопреки ожиданиям, обнаружил, что здания были сложены не из уже знакомого мне зеленоватого камня, похожего на кремень, а из настоящего мрамора. Углубляясь в развалины, туда, где видел костер, я невольно вспомнил легенды котхов, в которых говорилось о стаинных мраморных городах, населенных привидениями. Никто уже не помнил, когда возникли эти города и кто вообще их построил.

Плотные густые тени от полуразрушенных колонн и остатков стен ложились мне под ноги. Сжимая в руках меч, я передвигался короткими перебежками от одного укрытия к другому, готовый отразить нападение ночного хищника или встретиться с засадой поджидавших меня крылатых людей.

Полная тишина окружала меня, когда я пробирался по широким безжизненным улицам. Не было слышно ни далекого львиного рыка, ни гнусного тявканья гиен, ни пронзительных криков ночных птиц — ничего. Мне показалось, что я остался один в окаменевшем

мире. Плотная тишина оказывала поистине физическое давление.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше, но я упорно пробирался по грудам камней, пока не оказался на открытом ровном месте — видимо, раньше здесь располагалась городская площадь. Сделав шаг вперед, я в ужасе остолбенел и покрылся холодным потом.

В центре площади догорал костер, над которым на жердях были закреплены уже совершенно обугленные куски мяса. Ягъя, несомненно, собирались подкрепиться. Но сейчас они по частям были разбросаны по всей площади, напоминая кучи тряпья, — участь их была ясна с первого взгляда.

Никогда еще мне не доводилось видеть результатов такой дикой резни, лучше даже сказать — бойни. Оторванные руки, ноги, отделенные от тел головы, вперемешку с внутренностями и просто кусками тел, покрывали площадь равномерным слоем. Фоном же в этом витраже смерти служила кровь, кровь, кровь... Меня поразила безумная картина: освещенная золотым мягким светом, на камне, оскалившись, лежала совершенно целая с виду голова. Уже подернутые смертной леленой глаза бессмысленно таращились в небо.

Что бы это ни было — ужасное чудовище или могильная нечисть, оно набросилось на крылатых людей в тот момент, когда они, собравшись у костра, только приступили к трапезе. У костра лежало несколько рук, все еще сжимавших куски мяса. На большинстве останков ягъя были видны следы зубов, а некоторые кости были разгрызены так, чтобы можно было добраться до находящегося в них мозга.

Меня бросило в дрожь. Я не знал другого животного, кроме человека, которое так целенаправленно ломает кости. Да и сама беспощадная, но методичная резня создавала впечатление осознанной атаки, а быть может, возмездия, совершенного с ритуальной жесто-

костью, начисто отсутствующей у лишенных разума зверей.

По куда подевалась Альта? Все останки на площади принадлежали крылатым ягням. Случайно зацепившись взглядом за импровизированный вертел над костром, я содрогнулся от омерзения. Таб в очередной раз оказался прав: ягня готовили себе на ужин человечину. Сдерживая ярость и тошноту, я тщательно осмотрел страшные куски и, с изрядной долей облегчения, обнаружил, что они принадлежали мужчине. Об этом свидетельствовали крупные мышцы и мощные кости. После такого зрелища вид разорванных в кровавые клочки отвратительных созданий доставил мне почти удовольствие.

Но все же, куда могла исчезнуть Альта? Может, ей повезло укрыться в развалинах во время расправы над ягнями, или нападавшие захватили девушку и увезли ее с собой? Напряженно глядываясь в полуразвалившиеся башни, поваленные колонны, груды камней там, где некогда высились стены, я шестым чувством ощущал затаившуюся до поры до времени угрозу. Кожа на спине покрылась мурашками от миазмов зла, пропитавших это проклятое место. Я просто чувствовал, что за мной из темноты следят чьи-то глаза.

Досадуя на себя за мелькнувший в глубине души страх, я, больше не таясь, перешел площадь, переступая через куски плоти и лужи крови, и наткнулся на уходящую куда-то в сторону цепочку кровавых капель. Что ж, этот след был не хуже любого другого. Я двинулся по кровавой дорожке, уверенный, что она выведет меня к убийце или убийцам крылатых людей.

Миновав колоннаду, от которой остались лишь несколько колонн, торчащих, как гнилые зубы древней старухи, я вступил в темноту, под крышу огромного здания. Пробивавшиеся сквозь многочисленные прорехи в крыше лунные лучи позволили мне различить черные пятна крови на светлом мраморе пола. Они уводили прямо в узкий коридор, куда я решитель-

но направился. И чуть не свернул шею, оступившись в темноте о ступеньки уходящей вниз лестницы. Миновав один пролет, я, поколебавшись, остановился и уже было решил идти обратно наверх — там был хоть какой-то свет, как до моих ушей донесся до боли знакомый женский голос, звавший меня. Откуда-то снизу и издалека слабо послышалось: «Иса! Иса Кэрн!»

Вне всякого сомнения, это был милый голос Альты. Кто же еще мог меня знать в этом месте. Но почему же я так вздрогнул, почему же на меня повеяло могильной жутью? Я уже было раскрыл рот, чтобы отозваться, но что-то заставило меня промолчать. Как Альта могла узнать, что я рядом и слышу ее? Быть может, она звала меня, как смертельно перепуганный ребенок зовет взрослого, которого последним видел рядом? Решив не спешить, я осторожно двинулся дальше по коридору в том направлении, откуда, как мне показалось, донесся крик. Донесся и исчез, оборванный на полуслове.

Вытянутая рука наткнулась на дверной косяк. Я остановился в проеме, совершенно отчетливо ощущая живое присутствие в этом помещении. Напрасно глядываясь в темноту, я громко позвал Альту. И словно в ответ передо мной загорелись два огонька.

Некоторое время я разглядывал их, пока меня не осенило, что это чьи-то глаза. Расстояние между ними было с мою руку, они тлели каким-то непередаваемым внутренним светом. За этими омерзительными гнилышками угадывалась огромная бесформенная масса. Меня захлестнула волна непреодолимого ужаса, и я, развернувшись, бросился бежать по коридору назад, к выходу. За спиной я чувствовал движение, сопровождаемое тошнотворными звуками — словно огромный слизняк терся о камень, скрипя по нему острыми, как скальпель, чешуйками.

Через непродолжительное время я понял, что заблудился. Подземный коридор вывел меня не к лестнице в мраморный зал, а к другому подземному помеще-

нию, от которого во все стороны расходились темные туннели. И вновь где-то поблизости раздался крик: «Иса! Иса Кэри!»

\* \* \*

Я сломя голову бросился на звук. Сколько я так бежал, не помню. Остановила меня каменная стена, перегораживавшая туннель. А где-то совсем рядом тот же голос изdevательски прозвал: «Иса-аа! Иса Кэ-э-э-рррри!» Застыв на воющей ноте, он вдруг перешел в нечеловеческий хохот, от которого кровь стыла в жилах.

Неведомый враг меня откровенно морочил. Впрочем, я с самого начала подсознательно понимал, что этот голос не мог принадлежать Альте. Понимал, но не мог сам себе в этом признаться. Поступить так означало согласиться с существованием чего-то необъяснимого, сверхъестественного. Поэтому я до последних секунд отказывался соглашаться с тем, что твердили мои интуиция и разум.

Теперь со всех сторон на меня обрушились демонические голоса, с издевкой на все лады повторяющие мое имя. Казавшиеся минуты назад пустыми и необитаемыми, коридоры наполнились эхом множества голосов, зазывавших меня в преисподнюю. Мой страх сменился ужасом, ужас — отчаянием, а оно в свою очередь перешло в безотчетную ярость. Впав в состояние амока, я бросился в сторону, откуда звучали наиболее громкие и глаумивые крики, — и налетел на камень стены. Развернувшись, я ринулся в противоположную сторону, обуреваемый лишь одним-единственным желанием — сойтись в схватке с моими мучителями и размазать их по камню. На этот раз я угодил в туннель, который вывел меня в лишенное крыши большое помещение, залитое лунным светом. И вновь я услышал свое имя, на этот раз произнесенное человеческим голосом, полным отчаяния и страха.

— Иса! Иса!

Не успев выкрикнуть в ответ ни единого слова, я увидел Альту, распростертую на полу. Ее руки и ноги не попадали в столб лунного света. Я не столько почувствовал, сколько разглядел, что каждую конечность девушки прижимают к полу какие-то бесформенные фигуры.

Наконец-то я видел перед собой реального противника! Я издал боевой клич и бросился вперед. Со всех сторон в меня вцепились когтистые лапы и острые зубы противников, сливавшихся в темноте со стенами. Но теперь меня остановить было невозможно.

Вращая мечом, я прорубал себе путь к Альте, мятущейся и кричащей в пятне лунного света на полу. Я, словно дровосек через кустарник, прорубался сквозь толпу стоящих между мной и девушкой существ. Злобные bestии, ростом мне по пояс, бросались на меня толпами, но я неумолимо продвигался к цели. Державшие девушку карлики отпустили ее и отскочили в разные стороны, безуспешно пытаясь спастись от моего карающего меча.

Альта вскочила на ноги и прильнула ко мне. Не переставая отмахиваться мечом от кровожадных bestий, я оглянулся и увидел уходящую куда-то вверх лестницу. Перекинув девушку себе за спину, я стал, пятясь, отступать, сдерживая кишащую вокруг мерзость на расстоянии.

На лестнице нас снова охватила кромешная тьма, хотя где-то наверху и мелькала в проломе крыши луна. Бой шел вслепую. Я ориентировался по звуку, по запаху, а главное, следовал какому-то внутреннему чутью, направлявшему мои удары. Отличительной чертой этого боя была полная тишина, нарушаемая лишь моим хриплым дыханием, звуком моих шагов да чмоканьем меча, рассекающего плоть.

\* \* \*

Я шаг за шагом отступал по ступенькам, выводя нас с Альтой из-под атаки противников. Напади они

сейчас сверху — и нам конец. Но, к счастью, твари лезли вслед за нами снизу, а уж мой меч заботился, чтобы они нас не могли обойти. Мне никак не удавалось рассмотреть, что это были за существа. Единственное, что я знал наверняка, — это то, что они были с когтями и клыками. Кроме того, от них противно воняло и они были мохнатыми.

Выбравшись наверх, в большой зал, в котором было достаточно светло, я не смог разглядеть намного больше. Из полумрака на меня со всех сторон напрыгивали бесформенные тени, сливающиеся с темнотой. Я без устали рубил одну тварь за другой.

Прикрывая и подталкивая Альту, я пробирался к пролому в стене. Почувствовав, что добыча уходит, нападавшие усилили написк. В какой-то миг я замешкался, помогая Альте забраться по расползающейся груде камней, и меня со всех сторон облепили мохнатые твари с явным намерением вновь утащить вниз, в свои подземные владения. Перспектива вновь оказаться в темноте, кишащей злобными кровожадными бесптиями, жаждавшими отведать моей плоти, выглядела малопривлекательной. Вспышка гнева помогла мне удержаться на ногах, и в следующий миг я, как пушечное ядро, вылетел в пролом, увлекая за собой поддюжину вцепившихся в меня созданий.

Перекатившись через плечо, я придавил парочку самых наглых тварей. Затем, встрихнувшись, как ведь стряхивает с себя волков, я ударами меча и ног разобрался с остальными. Наконец я смог рассмотреть своих противников.

Странные пропорции их нескладных и кособоких тел, напоминавших обезьяны, вызывали отвращение. Создания покрывала свалявшаяся бурая шерсть какого-то нездорового белесого оттенка. Головы больше всего походили на песцы, с маленькими, плотно прижатыми к черепу ушами. А глаза, больше бы подошедшие рептилиям, глядели немигающим холодным взглядом. Из всех враждебных человеку форм жизни на

этой планете эти уродцы внушали мне наибольшее отвращение и страх.

Тем временем из отверстия в стене сплошным потоком изливались троллеподобные твари. Я попятился: слишком уж эта картина напоминала червей, выползающих из лопнувшего живота полуразложившегося трупа.

Вцепившись в руку девушки, я побежал, таща ее за собой. Псоглавцы преследовали нас, опустившись на все четыре лапы: так они развивали большую скорость, чем двигаясь на двух конечностях. Услышав их дьявольский хохот, по сравнению с которым вой койотов казался веселой музыкой, я насторожился. И не зря: впереди показались такие же уродцы, выбирающиеся из лаза в земле, несомненно, ведущего в подземелье. Мы оказались в ловушке.

Между нами и вторым отрядом псоглавцев возвышался древний ступенчатый пьедестал. Судя по груде камней рядом с ним, украшавший его обелиск рухнул столетия назад. Подскочив к нему, я подсадил Альту на самую верхнюю площадку и развернулся, чтобы вновь принять бой. Из десятков покрывавших все мое тело укусов и царапин сочилась кровь, вскоре сделавшая камень под моими ногами мокрым и скользким. Я время от времени мотал головой, стряхивая со лба заливающий глаза пот.

Меня взяли в полукольцо, и, честно говоря, я не помню, чтобы когда-либо в жизни испытывал больший ужас и отвращение, чем в тот миг, прижимаясь спиной к холодному мрамору, окруженный своей предвкушающими победу порождений подземной тьмы.

От горьких раздумий меня отвлекло какое-то шевеление в проломе, оставшемся за спиной псоглавцев. Не переставая следить краем глаза за приближающейся мохнатой нежитью, я наблюдал, как в освещенный лунным светом зал вползает бесформенная черная масса. Вдруг в ее центре полыхнули два желтых уголь-

ка. Глаза! Те самые глаза, от хозяина которых я еле-еле унес ноги в подземелье.

С победными криками псоглавцы бросились на меня. И в тот же миг новый участник представления появился на сцене. Неизвестное создание невероятно резво для таких огромных размеров побежало в нашу сторону. Это оказался огромнейший паук, по сравнению с которым бык показался бы котенком. Прежде чем первое сатанинское отродье наткнулось на мой меч, чудовище подмяло под себя сразу нескольких его троллеподобных собратьев. Те успели лишь коротко вскрикнуть. Увидев гигантского паука, остальные бросились врассыпную. Но новый монстр не уступал им ни в скорости, ни в ловкости. Огромные жвалы паука раскусывали псоглавцев пополам, а страшные роговые клешни раздирали их на части. Буквально через минуту от пары дюжин тварей в зале осталась лишь россыпь окровавленных ошметков. Покончив с псоглавцами, исполинское чудовище остановило взгляд своих гипнотизирующих глаз на мне. Я готов поклясться, что в них светился недюжинный, но совершенно нечеловеческий разум.

Я понял, что оно оказалось именно здесь в поисках меня. Я потревожил, разбудил этого страшного хищника в его логове, и теперь он выседил посмевшего вторгнуться в его владения человека. Он шел за мной по кровавым следам, оставляемым моими израненными ногами. А остальных он уничтожил за то, что те посмели посягнуть на принадлежащий ему, и только ему одному, лакомый кусок.

Пока паук безмолвно стоял, покачиваясь на восьми могучих ногах, я успел рассмотреть, что от земных пауков он отличается не только размерами, но и количеством глаз, жвал и наличием крабьих клешней. Тут Альта не выдержала такого ужаса и произительно закричала. В эту же секунду паук ринулся на нас.

Но там, где оказались бессильны клыки и когти легиона подземных тварей, хватило ума и силы одно-

го человека. Подняв с пола камень поувесистее — фрагмент кладки, я запустил его прямо в набегающую тушу. Мой снаряд угодил точно в середину раздутого брюха, туда, где сходились все восемь ног чудовища. Пробив дыру в шкуре паука, из которой хлынула зеленая зловонная жидкость, камень сбил монстра с ног. Тот, повозившись, поднялся на ноги и, клацая клешнями, вновь бросился на меня. Окрыленный первым успехом, я посыпал в отвратительное создание один камень за другим, закидывая паука острыми кусками мрамора, пока чудовище не превратилось в тошнотворное месиво из зеленого гноя, желтовато-розовых внутренностей и мохнатых обрывков шкуры, из которого торчали конвульсивно подергивающиеся ноги.

Обхватив Альту, я снял девушку с постамента, и мы со всех ног припустили вон из этого жуткого места, наводненного кровожадными чудовищами. Совершенно обессиленные, мы рухнули на траву только тогда, когда развалины остались далеко позади.

С того самого момента, как я наткнулся на Альту в подземелье, мы еще не успели обменяться ни единым словом. Я повернулся к девушке и уже начал было что-то говорить, как вдруг заметил, что та бессильно покинула. Лицо ее было смертельно бледное. Видимо, ужас пережитого не прошел без следа: она потеряла сознание. Я не на шутку испугался, потому что даже не подозревал, что женщины гура падают в обморок.

Я подложил ей руку под голову и, не зная, что предпринять еще, уставился на нее, словно впервые увидев и оценив красоту ее фигуры, изящество тонких рук... Черные волосы девушки разметались по плечам, сбившаяся туника обнажила совершенной формы тугую грудь с крупными розовато-коричневыми сосками. Мысль о том, что эта красота может умереть прямо у меня на руках, привела меня в ужас.

Неожиданно Альта застонала, открыла глаза и удивленно посмотрела на меня, не понимая, где она и почему здесь оказалась. Вдруг, вспомнив, что ей при-

шлось перенести, она вскрикнула и прижалась ко мне, словно ища спасения. Обхватив меня обеими руками, она дрожала. В этих крепких объятиях я почувствовал, как бешено бьется сердце в ее груди.

— Не бойся, — сказал я, сам удивившись звуку своего голоса. — Я с тобой, теперь все будет нормально.

Она еще теснее прильнула ко мне и не разжимала объятий, пока ее сердце не успокоилось и страх не оставил ее.

Затем она, как-то разом расслабившись, опустила руки и все так же молча положила голову мне на плечо. Подождав немного, я бережно усадил девушку на траву.

— Как только ты придешь в себя, — успокаивающе сказал я, — мы тотчас же двинемся отсюда прочь. — Я кивнул в сторону видневшихся вдалеке развалин.

— Ты весь изранен! — вдруг воскликнула Альта, и ее глаза наполнились слезами. — Ты весь в крови! Прости меня, это все я виновата! Если бы я тогда не убежала из города... — И она разревелась, как самая обыкновенная земная девчонка.

— Всего лишь жалкие царапины, — отмахнулся я, хотя на самом деле подумывал о том, не ядовиты ли клыки и когти подземных созданий. — На мне все быстро заживает. Ну хватит, хватит... Перестань реветь. Слышишь, что я тебе говорю?

Она покорно перестала плакать и, шмыгая носом, вытерла глаза и лицо подолом туники. Мне очень не хотелось напоминать ей о пережитом кошмаре, но любопытство, не праздное, а вполне оправданный интерес воина к врагам, взяло верх.

— Скажи, а почему ягяя решили остановиться в развалинах? — задал я вопрос. — Они ведь наверняка должны знать о чудовищах, которые здесь обитают.

Альту опять передернуло.

— Они проголодались. Им удалось поймать еще одного гура — совсем молодого парня, почти мальчи-ка, не знаю даже, из какого племени. А потом... Потом

они разрезали его на части живьем... Но он ни разу не взмолился о пощаде — только скрежетал зубами и проклинал этих убийц. А потом они начали есть мясо...

Альта замолчала, сдерживая подступившую тошноту.

— А я смеялся над Табом, говорившим, что они людоеды, — пробормотал я.

— Эти твари еще хуже. Они — настоящие демоны. Пока они сидели у костра, на нас напали собакоголовые. Я их не видела, пока они со всех сторон не набросились на ягнья, словно стая гиен на оленей. Меня они не тронули, а, покончив с ягньями, потащили в свое подземелье. Зачем я им была нужна — не знаю... — Она замолчала, а потом едва слышно добавила: — Не могу сказать. Я слышала, что они говорили, но не могу повторить эту мерзость.

Я успокаивающе погладил ее по плечу.

— А почему они выкрикивали мое имя?

— Я звала тебя в минуту опасности, хотя и не надеялась, что ты можешь оказаться рядом. Они услышали мои слова и смогли повторить их. Когда ты пришел, они догадались, кто ты. Не спрашивай меня — как. Эти демоны знают и умеют очень многое, что кажется нам невероятным. Поверь мне!

— Да, на мой взгляд, ваша планета переполнена чертями, дьяволами и вообще всякой нечистью, — буркнул я себе под нос и спросил: — А почему в минуту опасности ты позвала меня, а не отца, например?

Альта покраснела и, потупив глаза, стала сосредоточенно поправлять туннику, пытаясь прикрыть многочисленные прорехи.

Увидев, что одна из ее сандалий слетела на траву, я поднял ее и аккуратно надел на маленькую изящную ступню. Неожиданно Альта спросила:

— Скажи, а почему тебя прозвали Железной Рукой? Твои пальцы сильны и тяжелы, но их прикосновение легко и приятно, словно мамино. Я никогда не думала, что мужчина может так ласково и нежно при-

касаться к моему телу. Гораздо чаще мне бывает просто больно.

Я сжал кулак и выразительно посмотрел на него — настоящий стальной молот. Альта робко протянула руку и коснулась его своими хрупкими пальчиками.

— В этом нет преувеличения. Ни один человек, с которым мне доводилось драться, не сказал бы, что мои руки мягкие или нежные. Но то враги. Тебе же я никогда в жизни не смогу сделать больно. Вот и все. — Я смутился и пожал плечами.

Глаза девушки загорелись.

— Не сможешь сделать мне больно? Почему?

Абсурдность этого вопроса заставила меня только развести руками. Я лишь изумленно уставился на Альту.

## 7

Встав с рассветом, мы отправились в долгое путешествие к далекому Котху, обогнув лежащий у нас на пути страшный мертвый город, из которого мы с превеликим трудом спаслись ночью. Солнце поднималось все выше, стояла удушливая жара. Легкий ветерок, обдувавший нас поначалу, совсем стих. Абсолютно безоблачное небо приобрело удивительный медно-красный оттенок. Альта поглядывала на небо с несомненным беспокойством и на мой вопросительный взгляд ответила, что опасается надвигающейся бури.

Я уже привык к тому, что на равнине небо всегда безоблачное и светит солнце, равно как на холмах тепло днем и холодно ночью. Так что возможность какой-то бури мне даже в голову не приходила.

Попадавшиеся на нашем пути звери разделяли беспокойство Альты. Я инстинктивно решил укрыться в лесу, но на его опушке девушка замешкалась. Моя спутница — городская жительница, ни разу в жизни

не видевшая леса, испытывала безотчетный страх перед чащой и отказывалась войти в нее даже перед угрозой бури. Пока я пытался ее переубедить, из леса выскочило стадо оленей, беспокойно поспешивших куда-то прочь. За ними последовал целый выводок свиноподобных созданий, взрывавших землю копытами. С рычанием прямо на нас выскошил саблезубый леопард, но, не останавливаясь, промчался мимо, нырнув в густую траву.

Я все время поглядывал на небо, стараясь не пропустить появление туч. Но их все не было. Только медно-красная полоса, начиная от горизонта, все наползала и наползала на синий купол неба, меняя его цвет сначала на бронзовый, а потом почти на черный. Солнечный свет еще некоторое время пробивался сквозь эту пелену, словно факел в густом тумане, но затем окончательно померк.

Темнота, почти осозаемая, сначала на миг застыла где-то наверху, а затем рухнула вниз, в одну секунду затопив мир абсолютным мраком. В этой темноте не было места ни солнцу, ни луне, ни даже маленькой звездочке. Раньше мне даже в голову не могло прийти, что тьма может быть такой непроницаемой. И если бы не реакция Альты, которая присутствовала при чем-то подобном раньше, я бы решил, что внезапно ослеп. Разум, готовый поверить в то, что мир исчез, растворился в этой черноте, цепляясь за малейший звук — стук крови в ушах, шуршание травы под ногами.

Я двигался крайне осторожно, опасаясь свалиться в какую-нибудь яму либо, еще того лучше, наткнуться на такого же ослепленного хищника. Перед самым затмением я выбрал ориентиром груду валунов — иногда попадающиеся на равнине остатки древних скал. Темнота накрыла нас еще на подходе, но, двигаясь в прежнем направлении по памяти, я таки довел нас с Альтой до камней.

Втиснув девушку в щель между камнями, я встал к ней спиной, готовый отразить любую опасность.

Тишина равнины, изнывающей под полуденным зноем, сменилась какофонией звуков: топотом множества бестолково мятущихся существ, шелестом травы, жалобным воем и удивленным тявканьем, настороженным рыком. Неподалеку от нас пронеслось стадо неповедомых крупных животных — земля тряслась под нашими ногами. Я порадовался, что, укрытые в углублении между камнями, мы хотя бы не рискуем быть раздавленными. Через какое-то время все звуки стихли и тишина стала такой же плотной, как и темнота. Вдруг откуда-то издалека донесся глухой зловещий рокот.

— Что это? — неуверенно спросил я, не зная, как назвать этот шум.

— Ветер! — выдохнула Альта, плотнее прижимаясь ко мне.

Это был странный ветер. Он дул вовсе не так, как обычно, — в одном направлении. Тугие струи воздуха, двигавшиеся с огромной скоростью, словно безумные плети, хлестали равнину со всех сторон, время от времени закручиваясь в смерчи. Неподалеку от нас порыв шквального ветра вырвал с корнем какие-то кусты и бросил их нам под ноги, а затем одним бешеным движением сначала вырвал нас из импровизированного укрытия между камней, а затем швырнул на них обратно. Стараясь смягчить своим телом падение Альты, я почувствовал себя так, словно меня пнул невидимый великан.

Когда мы сумели подняться на ноги, я замер от страха. Видимо, то же самое чувствовала и прижавшаяся ко мне Альта. Рядом с нашим убежищем двигалось что-то похожее на ожившую гору. Казалось, сама земля прогибается и стонет под его неимоверной тяжестью. Это существо замерло, видимо тоже почувствовав наше присутствие. Раздался звук шуршащей кожи, словно в нашу сторону протянулось исполинское щупальце или хобот. Что-то прощелестело в воздухе над нашими головами, и я ощутил влажное прикосновение

к своей руке. Затем щупальце переместилось на руку Альты. Нервы девушки не выдержали, и она пронзительно завизжала.

И тут что-то обрушилось сверху и клацнуло огромными зубами прямо о камень у нас над головой. В то же мгновение мы чуть не оглохли от накрывшего нас воя обозленного чудовища. Ткнув мечом наугад, я почувствовал, как он вошел в живую плоть. По руке потекла какая-то теплая жидкость. Невидимое чудовище взвыло еще раз, перекрывая ветер, только теперь от боли, и понеслось прочь, сметая все на своем пути.

— Господи, что это было? — спросил я, ужаснувшись.

— Одно из Великих Невидимых, — прошептала моя спутница. — Их невозможно увидеть, ведь они живут только в темноте Черной Бури. С бурей они приходят, с бурей они и уходят. Смотри, темнота тает.

Темнота действительно «стаяла». Словно нечто вещественное, она плавилась, растекалась потоками и струями. Вот уже сквозь чернильную муть показалось солнце, еще пара мгновений — и небо вновь стало синим от горизонта до горизонта. А вот на поверхности земли все еще лежали жгуты тьмы, жившие какой-то отдельной жизнью. Они шевелились и извивались, пульсировали и свивались, словно черви. Такое могло привидеться только в отвратительном сне морфиниста. Эти шевелящиеся клочья тьмы четко вырисовывались в воздухе на изумрудном фоне зелени. Переход от света к темноте был противоестественно резким. Постепенно они истончались, становились меньше и меньше и исчезали, словно лед под струей воды. Вот обезумевший от страха олень, отбившийся от стада, на всем скаку влетел в одну из таких полос, которая вскоре растворилась в солнечном сиянии. Но животное сгинуло без следа.

Вдруг на расстоянии всего лишь нескольких метров я увидел огромного волосатого гура, удивленного нашей встречей не меньше, чем я. Затем события на-

чали развиваться с ужасающей быстротой. Альта воскликнула: «Тутр!», а незнакомец бросился на меня, замахнувшись мечом. Я едва успел подставить под его меч свой клинок, который благо не успел еще вложить в ножны.

О том, что произошло в следующие минуты, у меня остались какие-то разрозненные и хаотические воспоминания. На меня посыпался град ударов и выпадов; сталь звенела о сталь. Наконец мой клинок вошел противнику в живот и, пронзив его насквозь, вышел наружу из спины. Я стоял над рухнувшим бесформенной кучей воином, не в силах поверить в то, что произошло. Честно говоря, я вовсе не был уверен в таком исходе поединка с местным жителем, впитавшим в себя искусство управляться с оружием вместе с молоком матери.

Я даже не мог вспомнить, как я отбивал его удары и как нанес свой удар, поставивший точку в бою. Видимо, и на этот раз меня направлял инстинкт, а не разум.

Но толком прийти в себя мне не дал разъяренный вопль, издаваемый множеством глоток. Обернувшись, я увидел толпу волосатых воинов-гура, несущихся ко мне, размахивающих мечами и потрясающих копьями. Через мгновение я оказался в центре кольца, очерченного множеством сверкающих клинков. Бежать было поздно. Я, издав боевой клич, яростно напал первым, обрушив на вражеский отряд шквал ударов.

С каким непередаваемым удовольствием я, поражаясь сам себе, отмечал, как мой клинок отбивает вражеский меч, а затем, совершив ложный выпад, отсекает держащую этот меч руку. Я вертелся, словно бешеный тигр, рыча от ярости. Жертвами моего меча пали еще несколько воинов. Однако одному из нападавших удалось достать меня копьем в ногу. За это он поплатился разваленной на две половинки головой, и брызнувшая из его шеи кровь смешалась с моей. Но в этот момент и на мой череп обрушился тяжелый удар

приклада мушкета. Я успел лишь чуть отклониться в сторону, стараясь смягчить удар. Однако в глазах моих потемнело, и я, выпустив меч, рухнул без чувств.

Пришел я в себя от ощущения, будто меня несет в маленькой лодке по бурной речке. Осмотревшись, я понял, что лежу, связанный по рукам и ногам, на импровизированных носилках, сооруженных из копий и шкур. Несли меня два могучих воина, ни в малейшей мере не заботившихся о моем удобстве. Я лежал на спине и видел лишь небо, затылок идущего впереди носильщика да бородатую физиономию заднего. Увидев, что я открыл глаза, второй носильщик что-то сказал первому, и они разом бросили носилки на землю. Падение отдалось сильнейшей болью у меня в голове и в раненой ноге.

— Логар! — крикнул один из них. — Этот пес пришел в себя. Пусть идет сам, если тебе приснилось доставить его в Тугру живым. Мы больше на себе его тащить не собираемся!

Я услышал тяжелые шаги, и небо заслонила громадная фигура воина, чье лицо показалось мне знакомым. Помимо следов давних боев, его изломанный подбородок украшал сравнительно свежий шрам, который шел от угла рта к шее.

— Ну, Иса Кэрн, — зловеще сказал он, — вот мы и встретились снова.

Я, сохраняя равнодушный вид, промолчал.

— Что? — Его лицо налилось кровью. — Ты не помнишь Логара Костолома? Ах ты лысая собака!

Он подкрепил свои оскорблении сильнейшим пинком мне в бок. Откуда-то донесся протестующий женский крик, и, растолкав тугров, ко мне подбежала Альта. Девушка опустилась рядом со мной на колени.

— Животное! — крикнула она, сверкая полными гнева очами. — Ты только и можешь пинать его, связанного. Попробовал бы ты противостоять ему в честном бою, скотина!

— Кто отпустил эту котхскую кошку? — рявкнул Логар. — Тал, не тебе ли я приказал держать ее подальше от ее пса?!

— Она укусила меня за руку, — злобно буркнул вышедший из-за спины вождя воин, показывая в свое оправдание прокущенный палец. — Да удержать ее не легче, чем саблезубого ягуара за хвост.

— Ладно, свяжите их вместе, — распорядился Логар. — Дальше этот червь пойдет сам. Если ей нечего, пускай она сама помогает ему.

— Но он же ранен в ногу! — взмолилась Альта. — Он не сможет идти.

— Слышишь, Логар, чего действительно тянутъ? Давай его здесь и прикончим, — предложил один из тугров.

— Нет, это будет слишком просто, — зарычал Логар, вращая налитыми кровью глазами. — Этот ворюга подкараулил меня, когда я спал, оглушил ударом булыжника, украл мой кинжал и еще осмелился повесить его себе на пояс. Ничего, как-нибудь доковыляет до Тугры, а уж там я придумаю, как прикончить ублюдка.

Мне развязали ноги, но рана так болела, что я едва мог стоять. О том, чтобы идти, не могло быть и речи. Меня безжалостно подгоняли пинками, уколами наконечников копий. Альта бессильно металась между воинами, пытаясь то уговорами, то проклятиями остановить это издевательство. Наконец она подбежала к Логару и выкрикнула ему в лицо:

— Ты не только трус, но и лжец! Он не бил тебя камнем, он победил тебя голыми кулаками, без оружия. Об этом знают все гура, и только твои приспешники не смеют признаться в этом при тебе!

Тяжелый удар кулака Логара отбросил хрупкую девушку футов на двенадцать. Она покатилась по земле и замерла без движения, из открытого рта вытекла тонкая струйка крови.

Логар довольно заржал, но его спутники стояли молча, отнюдь не выражая одобрения случившемуся.

Я бы не сказал, что определенное рукоприкладство не практиковалось в семейных отношениях гура, но удирить женщину кулаком, как противника, — это считалось позором для воина. Однако недовольные тугры не выразили и явного протesta.

Что до меня, то я оказался объят пламенем бешеной злобы. Повалив ударом головы в лицо одного из удерживавших меня воинов, я попытался оттолкнуть второго, но потерял равновесие и рухнул, увлекая тугра за собой, вцепившись зубами ему в плечо. На меня тут же набросились остальные, неосознанно вымешая на мне сдержанные в отношении Логара чувства. Град пинков и ударов обрушился на меня, но я не чувствовал боли. Завывая, словно дикий зверь, я раз за разом пытался вырваться, пока крепкие веревки не опутали меня с головы до пят. Меня опять начали избивать древками копий, заставляя подняться на ноги и идти.

— Можете забить меня насмерть, — прохрипел я, сплевывая кровавые сгустки, — но я не двинусь с места, пока кто-нибудь не позаботится о девушки.

— Да она уже сдохла! — расхохотался Логар.

— Врешь, гиенье отродье! Это ты слабак, а не она. Да тебе слабо справиться даже с новорожденным младенцем! Ты не мужчина!

Логар что-то заорал в ответ, но тут один из его воинов отошел от меня и направился к Альте, постепенно приходящей в чувство.

— Пусть валяется! — приказал Логар

— Пошел ты... — огрызнулся воин. — Мне она нравится не больше, чем тебе, но если она заставит твоего любимчика, — он демонстративно сплюнул на землю, — перебирать ногами, я готов тащить ее на себе. Так будет проще. Этот парень крепче дубленой кожи. Я уже выдохся, пиняя его, а ему хоть бы хны.

Так мы и отправились в далекий путь к городу тугров. Я — пошатываясь, на своих ногах, и Альта — лежа на носилках.

\* \* \*

Наше кошмарное путешествие длилось несколько дней, которые растянулись в месяцы сплошной пытки из-за моей раны. И если бы Альта не сумела убедить жестоких тугров позволить ей перевязать меня, я не дошел бы до города живым.

Меня с ног до головы покрывали укусы и царипины подземных тварей, расцвеченные для разнообразия синяками и ссадинами от ударов гуров-пленителей. Если бы у меня имелось вдоволь воды и пищи, я быстро оклемался бы. А так, еле переставляя ноги, шатаясь от боли и усталости, я был просто счастлив, когда на горизонте показались каменные стены Тугры, и это несмотря на то, что в этом городе меня ожидала мучительная смерть.

На всем протяжении нашего похода с Альтой, хвала создателю, обращались неплохо, однако ей не позволялось помогать мне, разве что перевязывать мои раны и смывать кровавую коросту. Иногда, проснувшись среди ночи, я слышал, как она всхлипывала, а то и плакала, не скрывая слез. Пожалуй, это осталось в моей памяти самым мучительным воспоминанием — плачущая девушка под равнодушным звездным небом. Именно тогда, призывая грозного Тхака в свидетели, я дал себе обещание, что Логар Костолом не останется живым.

Итак, мы все-таки целыми и невредимыми добрались до Тугры. Этот город-крепость во всем был подобен Котху: те же могучие стены и башни, возведенные из ставшего уже привычным зеленоватого камня, те же окованные сталью ворота. Да и люди, жители Тугры, почти во всем походили на котхов. Главным отличием оказалось политическое устройство этого места. В отличие от совета племени, решавшего все важные вопросы в Котхе, здесь единоличную власть прибрал к рукам Логар, слову которого приходилось повиноваться всем. Этот первобытный деспот правил с какой-

то звериной жестокостью. Он был безжалостен, дик и своеволен. Вся его власть держалась на личной силе и храбости.

За время своего пребывания в плену в Тугре мне трижды доводилось видеть, как Костолом расправлялся с отказавшимися повиноваться ему соплеменниками. Причем одного из мятежников он разорвал голыми руками, хотя тот был вооружен мечом. В общем, при всей своей непопулярности среди тугров Логар благодаря своей силе крепко держал власть, безжалостно уничтожая всех недовольных, осмелившихся перейти ему дорогу.

Невероятная жизненная сила вождя тугров все время требовала точки приложения, а его недалекий ум — подтверждения этой силы, самоутверждения за счет всех прочих. Вот почему злопамятный Логар так возненавидел меня. Именно ненависть, смешанная со страхом, заставляла его вратить своим соплеменникам, рассказывая историю про коварный удар камнем во сне. Именно по этой причине он отказывался вступить со мной в поединок чести. Я не могу сказать, что он страшился боли илиувечий, которые я мог ему причинить. Нет, его страшило другое. Он отчаянно боялся, что в случае поражения его власти придет конец и он не сможет больше быть всевластным повелителем племени. Именно страх потерять власть делал из Логара бешеного зверя. Но, помня свой обет, я выжидал.

Меня заточили в крепостную башню и приковали цепью к стене. Каждый день Логар приходил ко мне в темницу, чтобы вдоволь насладиться моей беспомощностью. Он всячески оскорблял и унижал меня, видимо надеясь перед тем, как приступить к физическим пыткам, сломить мою волю моральными мучениями. Что стало с Альтой, я не знал, а спрашивать о ее судьбе у подлого злодея было бесполезно.

Нас разлучили сразу же по прибытии в город. Логар утверждал, что забрал ее во дворец, и рассказывал длинные истории о тех унижениях, которые она,

по его словам, сносила от его любимчиков. Но он старался совершенно зря. Зная Альту, я не верил тугру ни на вот столечко! Если бы этот мерзавец решил издеваться над котхской девушкой, то непременно, чтобы потешить свою гнилую душу, стал бы мучить ее на моих глазах. Но все равно выслушивать эту грязь было невыносимо больно и противно.

Справедливости ради надо сказать, что тугры, как и прочие гура, трепетно и нежно относящиеся к женщинам, были не в восторге от поведения своего вождя. Однако власть Логара и его приспешников была достаточно сильна, чтобы подавить любое проявление недовольства. И все же как-то раз охранник, присивший мне еду, с опаской шепнул, что Альта сбежала сразу же после нашего появления в городе, и до сих пор Логар не сумел найти и схватить ее. Не было даже известно, покинула ли девушка Тугру или прячется где-то в пределах городских стен.

Так и тянулись дни моего заточения.

## 8

Однажды ночью я неожиданно проснулся. Факел, освещавший мою камеру, сильно трещал и коптил. Поправить его было некому — охранник куда-то исчез. Сквозь приоткрытую дверь камеры до меня доносились какофония звуков. Слышались вопли, проклятия, звон оружия. Я бился в оковах, пытаясь подобраться поближе к окну. Несомненно, на улицах Тугры кипел бой, но подняли ли горожане восстание против деспотии Логара или враг напал извне — мне это было неизвестно.

В коридоре послышались знакомые легкие шаги, и вот уже в камеру вбежала Альта — запыхавшаяся, с растрепанными волосами; в глазах ее стоял ужас.

— Иса! — закричала она с порога. — Рок покарал племя тугров! На город налетели ягяя — их тысячи!

Битва кипит на улицах и на крышах, тутры бьются за каждый дом. Все мостовые залиты кровью людей и крылатых демонов! Иса, город пылает!

К этому времени сквозь зарешеченное окно я и сам видел зарево бушующего пожара. Да, действительно, жидкий огонь ягъя был дьявольским средством!

Альта, всхлипывая, попыталась освободить меня. Накануне Логар приступил к пыткам и велел подвесить меня к потолку так, чтобы я не мог касаться ногами пола. Но Костолом был недостаточно предусмотрителен и использовал свежие сыромятные ремни, а может, их подобрал для целей Логара кто-нибудь, испытывающий ко мне симпатию. Смею вас уверить, среди тутров были и такие. Так вот, растянувшись за ночь ремни позволили мне стоять так, что я мог опираться ногами об пол. Мне даже удалось уснуть в таком положении, не чувствуя дикой боли в растянутых сухожилиях.

Пока Альта пыталась высвободить меня из оков, я расспрашивал ее, где она скрывалась все это время. Отгадка оказалась довольно простой: местные женщины, сочувствующие сбежавшей от Логара девушке, прятали ее и кормили все эти дни. Она же выжидала лишь момент, чтобы пробраться ко мне и помочь выбраться из тутрских застенков. И вот — она оказалась бессильна, ее нежные ручки были не в состоянии спрятаться с грубой кожей.

— Я не могу! У меня не получается! — воскликнула она в отчаянии.

— Ты молодец, девочка, — успокаивающе сказал я. — А теперь быстро найди нож!

Не успела она сделать и двух шагов, как на пороге выросла массивная фигура. Прыгающий свет факела выставил искаженное безумной гримасой лицо Логара Костолома.

Вождь тутров, обгоревший, измазанный своей и чужой кровью, прорычал что-то невразумительное и направился, покачиваясь, в мою сторону, извлекая из ножен столь хорошо знакомый мне кинжал.

— Отродье плешивой гиены,— прошипел он.— Тутре конец! Это ты навлек на нее проклятие. Крылатые дьяволы налетели на город, словно грифы на мертвого быка. Я чудом избежал смерти в сражении, но я не забыл про тебя. Не смогу я спокойно умереть, не уверившись, что ты подожнешь раньше меня!

Альта бросилась на него, но Логар смел ее одним движением огромной руки. Подойдя ко мне, он ухватился одной рукой за опоясывающий меня железный обруч, а второй поднес к моему горлу кинжал.

Этого мига я ждал очень долго! Вся ненависть к этому безумцу и боль, которую он причинил мне и Альте, выплеснулись в одном неукротимом движении. Поддерживаемый натянутыми ремнями, я изо всех сил оттолкнулся от пола и нанес удар Логару в челюсть. Такого удара не выдержало даже его железное тело: раздался сухой треск, голова тугра неестественно запрокинулась, и из лопнувшего горла толчком выплеснулась кровь. Логар, отброшенный силой моего удара к самой стене, сполз по ней, словно огромный умирающий зверь, и испустил дух.

С порога послышался клокочущий зловещий смех. Бросив туда взгляд, я увидел в дверном проеме хохочущего крылатого демона с длинным кинжалом в руке. Ваюю насмеявшись, могучий ягъя осмотрел комнату и, не найдя ничего, немедленно заслуживающего его внимания, остановил взгляд своих немигающих, злобных змейных глаз на Альте, скорчившейся у моих ног.

Обернувшись, ягъя через плечо позвал кого-то, в следующее мгновение полторы дюжины его сородичей наполнили мою темницу. Многие крылатые люди были ранены, с их кинжалов стекала кровь противников. Какие бы неприятности ни причинили мне тугры, такой участи они не заслуживали.

— Взять их,— скомандовал здоровенный дьявол, видимо бывший их командиром, и ткнул пальцем в меня и Альту.

— А мужчину зачем? — удивился воин из его свиты.

— Ты видел когда-нибудь гура с белой кожей и с голубыми глазами? Я думаю, он вызовет интерес Ясмины. И поосторожней с ним, он силен как бык.

Один из его солдат оттащил яростно сопротивлявшуюся котхскую девушку от меня, а остальные с безопасного расстояния накинули на меня тонкую, но очень прочную сеть, а затем еще и опутали множеством веревок, начисто лишив возможности двигаться. Двое ягья вынесли меня на улицу, и я своими глазами увидел то, о чём недавно говорила Альта.

Каменное ущелье представляло собой ад кромешный. Деревянные пристройки, крыши и заборы были объяты огнем, и хотя каменные стены домов были неподвластны пламени, ужасающий огонь ягья растекался и по ним. В подсвеченном этим заревом небе метались какие-то черные тени, с которых срывались огненные искры. Присмотревшись, я понял, что это с факелами в руках пиктировали ягья, методично забрасывающие город горшками с зажигательной смесью.

А на самих улицах, в свете пожара, кипела ожесточенная битва. Последние тугры вели безнадежный бой, сражаясь с яростью загнанного тигра.

Один на один ягья было не устоять против могучих гура. Но, навалившись втроем-вчетвером и пользуясь свободой маневра в воздухе, люди-птицы со всех сторон обрушивали на тугров смертельный град ударов своих кривых кинжалов. Кроме того, многие ягья были вооружены короткими луками. Эти кровожадные создания, находясь в полной безопасности над крышами домов, забавлялись тем, что посыпали стрелу за стрелой в защитников города, садистски стараясь попасть в руки и ноги. Те же крылатые демоны, которые не израсходовали свои зажигательные снаряды, забрасывали их теперь в кучки людей, пытавшихся вести круговую оборону. На моих глазах не один десяток беспомощных тугров сгорел заживо.

Итог такой бойни можно было предсказать без труда. Один за другим мертвые и раненые гура падали на землю. Небольшим углешением служило то, что улицы были завалены и крылатыми трупами. То тут, то там по-прежнему слышались выстрелы мушкетов, и уж если раненому ягъя приходилось спускаться на землю, его ждала верная смерть.

И все же перевес явно был на стороне более многочисленных и лучше вооруженных ягъя. Вдобавок крылатые люди были в совершенстве приспособлены к такому виду боя.

Вскоре я разобрался, что главной целью ягъя было не поголовное истребление гура, а захват в плен как можно большего количества женщин. Снова и снова я видел поднимающиеся над пылающим городом крылатые тени, уносящие в руках очередную стонущую и кричащую жертву. Многие женщины предпочитали ужасному плену самоубийство.

Уничтожение Тугры было страшным зрелищем. На секунду мне показалось, что я нахожусь в аду. Не думаю, что дикость и жестокость всего происходящего было бы возможно воспроизвести на Земле, какими бы подчас порочными ни были ее обитатели. Здесь дело было в другом: сражались не два народа, а две совершенно чуждые, не имеющие ничего общего формы жизни.

Полной победы в этой резне не одержал никто, но не потому, что ягъя не смогли справиться с туграми. Просто крылатые бестии, которым, видимо, насекутила кровавая потеха, улетали прочь, унося свои жертвы. Уцелевшие гура яростно стреляли им вслед, явно предпочитая прикончить своих, нежели оставить их живыми в когтях похитителей.

На крыше дворца Логара, самого большого здания Тугры, собралась целая толпа сражающихся. Гура смешались с ягъя в безумной рукопашной, и, когда неожиданно охваченная пламенем крыша рухнула, в огненную могилу свалились как защитники города, так

и нападающие. Из огненной преисподней спасения не было никому.

В этот миг мои похитители оторвались от земли, унося меня в небо в качестве добычи. Когда я чуть перевел дух, оказалось, что я на сумасшедшей скорости несусь по ночному небу прямо в центре огромной стаи. В ней насчитывалось, наверное, никак не меньше десяти тысяч воинов крылатого народа. Эта прорва крылатых существ, словно облако саранчи, закрывала почти половину начинающего светлеть на востоке неба. Воздух вокруг вспарывали множество мощных крыльев. Меня, запеленатого в сеть, без особого труда несла пара рослых ягъя, занимавших свое место в клиновидном строю.

Мы летели на высоте примерно тысячи футов. Многие ягъя несли в руках добычу — девушек и молодых женщин. Легкость, с какой их крылья рассекали воздух, говорила о недюжинной физической силе и выносливости людей-птиц, пускай и не обладавших такой впечатляющей мускулатурой, какой располагали гура. Я уже сам знал, что они часами могут лететь, не снижая скорости и не выпуская из рук тяжелой добычи, вес которой зачастую превосходил собственный вес ягъя.

Мы не останавливаясь летели весь день и приземлились только на закате. Ягъя решили сделать привал и заночевать на огромной поляне посредине леса. Эта кошмарная ночь врезалась мне в память так же, как и проведенная в развалинах древнего города псоглавцев.

Пленников не кормили, зато сами ягъя устроили мерзостный пир. Пищей им служили несчастные тугры. Извиваясь на земле, опутанный по рукам и ногам, я проклинал небо, жалея, что не погиб в ночном бою. Убийство мужчины в бою или даже в кровавой резне я еще мог как-то принять. Но смерть женщины, беспомощной что-либо сделать, чтобы защитить себя, и лишь скулящей от боли, пока кинжал мясников-ягъя не оборвет ее мучения, вынести было невозможно. Я

даже не знал, попала ли милая Альта в число тех, кто был съеден заживо этой ночью. С каждым предсмертным криком я вздрагивал, представляя, как кривой кинжал обрушивается на ее лебединую шею. Мне оставалось только молиться и скрежетать зубами в беспомощной ярости.

Когда крылатые каннибалахи закончили тошнотворное пиршество и, насытившись, захрапели у костров, выставив часовых, я услышал далекий львиный рык. С горечью я подумал, насколько дикие звери благороднее этих обитателей ада, принявших человеческое обличье. Вместе с раздумьями во мне крепла решимость рано или поздно отомстить этой крылатой нежити за все страдания, которые они причинили людям.

\* \* \*

Рано утром мы отправились дальше. Завтрака не было. Впоследствии я узнал, что ягня едят редко, нажираясь до отвала раз в несколько дней. Когда день перевалил за половину, на горизонте блеснула широкая лента реки, пересекавшей Стол Тхака от горизонта до горизонта. Вода в этой реке имела удивительный пурпурный оттенок и блестела, словно вываренный шелк. Северный берег реки был покрыт лесом, а на южном ввивчивалась в небо тонкая башня из черного материала, напоминающего полированную сталь.

Когда мы пролетали над рекой, я успел рассмотреть, что поток воды несется с огромной скоростью, образуя множество водоворотов и бурунов вокруг торчащих из воды острых скал. Глянув сверху на башню, я увидел на ее верхней площадке группу крылатых людей, приветствовавших соплеменников, возвращающихся с добычей, взмахом рук. К югу от реки начиналась пустыня — пыльная серая равнина, усеянная выбеленными безжалостным солнцем костями. Далеко впереди, на линии горизонта, я заметил на фоне синего неба какое-то темное пятно.

Через несколько часов полета я смог разглядеть, что это гигантский монолит из похожей на базальт черной породы, возвышающийся над пустыней. Подножие скалы скрывалось в бурлящих водах широкой реки, а ее вершину покрывали высокие шпили, купола и минареты дворцов и замков самых разнообразных форм и расцветок. Нет, это был не мираж. Передо мной возвышалась Ютла, на вершине которой находилась родина крылатого народа, Ютга, средоточие зла на Альмарице. Черный Город приближался неумолимо, как смерть.

Река, пересекавшая пустыню, обтекала скалу с двух сторон, образуя естественную преграду. С трех сторон бурные воды реки Джог бились о подножие вертикальных каменных стен, а с четвертой они омывали большую полосу песчаного берега. Там, огороженный высокой каменной стеной, стоял еще один город. Составлявшие его дома были простыми каменными лачугами, крытыми соломой, которые ни в какое сравнение не шли с шикарными дворцами на вершине Ютлы. Единственным сооружением, выделявшимся на общем сером фоне, было массивное здание с золоченым куполом — видимо, храм. Стена охватывала город полукругом, с обеих сторон примыкая к отвесной скале.

Вскоре я рассмотрел и обитателей этого поселения. Населявшие его создания явно относились к человеческому роду, но совершенно не походили на гура. Они были невысокого роста и крепко сложены, а кожа их явственно отливалась синевой. Их лица, как мужчин, так и женщин, более походили на земные, чем у мужчин гура. Однако лица и землян, и обитателей степей Альмарика несли печать ума, чего нельзя было сказать о синекожих. Эти странные создания, не обращая на нас никакого внимания, продолжали заниматься своими делами в городе и на полях по обеим берегам реки.

Понятное дело, что мои наблюдения имели весьма поверхностный характер, потому что ягъя стреми-

тельно неслись к своей цитадели, поднявшейся над рекой на пятьсот футов. Перед моими глазами промелькнули бесчисленные дворцы, замки, башни, связанные паутиной крытых галерей и переходов. На плоских крышах толпилось огромное количество ягъя, приветствующих возвращающуюся армаду радостными криками.

Летающая армия пошла на посадку на просторной каменной площади возле огромного здания, из зарешеченных окон которого на нас с тоской глядели женские лица. Приземлившись, воины сдавали свою добычу страже и улетали куда-то в сторону. Меня, однако, не оставили там вместе с более чем шестью сотнями женщин тугров, среди которых могла быть и Альта.

Я был спеленут, как мумия, и мое тело уже совершенно онемело от недостатка кровоснабжения, но меня продолжали тащить все дальше и дальше. Переносивший меня отряд ягъя пронесся по широченному туннелю, по полу которого могли пройти в ряд четыре дюжины человек, и полетел еще дальше внутрь скалы, прямо в зловещие глубины Югги.

Стены, полы и потолки залов и коридоров, хотя и лишенные каких бы то ни было украшений, производили впечатление безудержной роскоши. Мне кажется, секрет этого крылся в отличной полировке всех каменных поверхностей. В это мрачное великолепие хорошо вписывались его зловещие обитатели, скользящие в гипнотической тишине по сверкающим коридорам. Нет, не зря люди прозвали Югту Черным Городом! Они были правы во всех отношениях: это место оправдывало свое зловещее название не только чернотой скалы, в которой было вырублено, но и жестокостью душ его создателей.

Пока мы пролетали по подземным коридорам, я успел более-менее подробно рассмотреть жителей Югги. Именно здесь я впервые увидел женщин ягъя. Они были того же узкого в кости сложения, что и кры-

латые мужчины, их кожа была такой же темной, а на лицах застыло выражение холодной жестокости, свойственной всем людям-птицам. Но у женщин не было крыльев. Они носили короткие шелковые юбки, поддерживаемые разукрашенными золотом и драгоценными камнями поясами, и легкие повязки, прикрывающие грудь. Если бы не злобное и порочное выражение лиц женщин ягья, можно было бы сказать, что они красивы.

Все увиденные мной женщины, несомненно, были рабынями крылатого народа. Видел я и уже знакомых мне женщин гура. Но больше всего меня удивили другие — невысокого роста желтожелтые и более темные, почти медного цвета девушки. Привыкнув к почти черному оттенку кожи аборигенов Альмарики, я совершенно не ожидал встретить этих желтолицых красавиц.

Тут было над чем подумать. До того все странные формы жизни, населяющие этот удивительный мир, мне так или иначе удавалось связать с персонажами преданий и мифов котков. Псоглавые тролли, гигантский паук, крылатые люди в черной крепости — обо всем этом я слышал от Таба (другое дело, что не во всем ему верил, как оказалось, совершенно зря). Но мне не доводилось слышать ни единого слова о меднокожих людях. Откуда же могли появиться эти удивительные пленницы?

Размышая над этим, я продолжал наблюдать за открывающимися мне картинами жизни ягья. Вот мы миновали огромный бронзовый портал, на страже у которого стоял целый отряд до зубов вооруженных ягья, и оказались в просторнейшем восьмиугольном зале. Его стены были увешаны коврами, а пол устлан самыми разнообразными кожаными шкурами. Воздух был пропитан запахом каких-то ароматических масел и дымом благовонных курений.

В противоположной от портала стороне высокие ступени чистого золота, покрытые тончайшей резьбой,

вели к возвышению, укрытому роскошными меховыми покрывалами. На широком ложе возлежала молодая женщина, единственная крылатая женщина племени ягья. Кожа ее была почти черного цвета, а единственным украшением служил расшитый золотом пояс, с которого свисали ножны с кинжалом — смею вас уверить, отнюдь не просто игрушкой. Она была красива той холодной и загадочной красотой, которая свойственна бездушным статуям. Я инстинктивно уловил, что из всех жестокосердных обитателей Югги в ней меньше всего человеческого. Ее лицо было ликом беспощадной богини, не ведавшей ни страха, ни любви.

Вокруг помоста в позах, выражавших полную покорность, выстроились двадцать рабынь — обнаженных девушек с белой, синей и медно-красной кожей.

Вслед за мной в зал крылатыми людьми были внесены около сотни пленных женщин злосчастной Тугры. Командовавший армией высоченный ягъя приблизился к помосту и, низко поклонившись, сложив крылья и разведя руки, сказал:

— О Ясмина, Владычица Ночи! Мы доставили тебе лучшую часть нашей добычи.

Приподнявшись на локте, королева ягъя осмотрела толпу пленниц, по которой пробежала волна испуганных вздохов и стонов. С раннего детства девочкам племен гура внушалось, что нет худшей судьбы, чем быть похищенной бездушными крылатыми демонами. Черный Город был для них воплощением зла. И вот сама его повелительница обратила свой леденящий взгляд на них. Неудивительно, что многие женщины в этот момент лишились чувств.

Окинув внимательным взглядом ряды пленниц, королева остановила свой взгляд на мне, висящем в сети, удерживаемой двумя воинами. В ее немигающих глазах скука сменилась некоторым оживлением.

— Кто этот варвар, чья кожа бела и почти так же безволоса, как наша? И почему он одет как гура, хотя совершенно не похож на них?

— Мы обнаружили его в темнице у тугров, Черная Госпожа,— опять поклонился предводитель стаи.— Если будет угодно Вашему Величеству, вы можете допросить его сами. А сейчас не изволит ли Грозная Королева отобрать понравившихся ей пленниц, с тем чтобы остальной скот был распределен между отличившимися в набеге воинами.

Ясмина, все еще не сводя с меня глаз, милостиво кивнула, а затем быстро выбрала дюжину самых красивых женщин, среди которых, к несказанному облегчению, я увидел Альту. Их под охраной согнали в угол зала, а остальных вывели прочь.

Ясмина еще раз оглядела меня с головы до ног, а затем поманила к себе одного из придворных.

— Готрах, это существо измождено перелетом и истерзано веревками. На его ноге — незажившая рана. В таком виде мне неприятно видеть его. Увести его, вымыть, накормить, напоить и перевязать рану. Когда оно будет выглядеть пристойно — привести ко мне.

Тяжело вздохнув, мои носильщики вновь повлекли меня по бесконечным коридорам и лестницам. Наш перелет закончился в комнате с фонтаном. На моих запястьях и лодыжках защелкнулись замки золоченых оков, и лишь после этого с меня срезали веревки. Мучимый болью восстановливающегося кровообращения, я едва помню, как меня опустили в фонтан, смыли пот, грязь и кровавые струпья, а затем переодели в шелковую хламиду алоого цвета. Рана на ноге тоже была перевязана, а после этого в комнату вошла бронзовокожая рабыня с золотым подносом, установленным тарелками и кувшинами. Несмотря на зверский голод, к мясу я не притронулся, испытывая самые мрачные подозрения, зато с жадностью накинулся на фрукты и орехи. Мою жажду прекрасно утолило легкое зеленоватое вино.

Разморенный пищей и вином, я, не дожидаясь решения своей судьбы, повалился на лежащую на полу мягкую шкуру и заснул мертвым сном. Проснулся я

от бесцеремонного потряхивания за плечо. С трудом разлепив глаза, я увидел Готраха, склонившегося надо мной с коротким кинжалом в руке. Инстинкт самосохранения сработал во мне — и я попытался изо всех сил ударить ягъя, чтобы выбить дух из проклятой твари. Готраха спасло то, что мою руку остановила прочная цепь. Отпрянув, придворный выругался и сказал:

— Я пришел не для того, чтобы перерезать тебе глотку, варвар, хотя, не спорю, было бы интересно заняться этим. Девчонка из Котха рассказала Ясмине, что ты имеешь обычай соскрабать волосы с лица. Госпожа желает видеть тебя без этой отвратительной шерсти. — Он брезгливо ткнул в мою отросшую бороду. — Вот тебе нож, и займись делом. Учи, он тупой на конце — так что нет смысла метать его. А я постараюсь не приближаться к тебе на опасное расстояние. Возьми зеркало.

Все еще не до конца пришедший в себя — похоже, в зеленое вино было подмешано сонное зелье, — я прислонил полированную серебряную пластину к стене и занялся своей бородой. Бритье всухую не доставило мне особых хлопот: во-первых, из-за грубости и жесткости моей кожи, а во-вторых — нож, выданный мне для бритья, был острее любой земной бритвы. Хмыкнув при виде моей изменившейся физиономии, Готрах велел мне вернуть нож. Тупоносый клинок был совершенно бесполезен в качестве оружия, поэтому не было смысла пытаться оставить его себе. Да и как я смог бы это сделать, всецело находясь в руках крылатого племени? Я безмолвно швырнул нож к ногам Готраха, снова улегся и заснул.

В следующий раз я проснулся уже сам и, усевшись поудобнее на шкуре, принял внимательно разглядывать помещение, в котором находился. В комнате, помимо фонтана, не было никаких украшений, и я решил, что монополия на них принадлежит королеве Ясмине. Относительно небольшое, по меркам ягъя, помещение было лишено обстановки, за исключени-

ем моей шкуры для сна, маленького столика из черного дерева да покрытой выделанной кожей скамьи.

Единственная дверь была закрыта и, я в этом уверен, снаружи заперта на надежный засов. Окно было забрано золоченой решеткой. Длина цепи, которой я был прикован к стене, позволяла мне подходить к фонтану и к окну, откуда открывался вид на плоские крыши синеликих. Видимо, мое узилище находилось в середине Ютты.

Пока что ягъя обходились со мной неплохо. Этим я, безусловно, был обязан интересу повелительницы Ясмины к своей персоне. Куда больше меня волновала судьба Альты, и я надеялся, что принадлежность девушки к личным рабыням королевы обеспечит ей хоть какую-то безопасность, по крайней мере, от придворных.

Мои раздумья прервали шаги за дверью. Лязгнул засов, и в комнату вошел Готрах в сопровождении шести рослых воинов. С меня сняли кандалы и повели по коридору, на этот раз пешком, окружив плотным кольцом охраны. Мы шли достаточно долго, но привели меня не в огромный тронный зал, а в меньшее помещение, находящееся высоко в башне. В большое застекленное окно открывался потрясающий вид на Ютту, на ее разноцветные изящные башни и минареты.

Комната была вся устелена меховыми покрывалами — ими были завешаны даже стены. Мне почему-то показалось, что я попал в паучье логово. Сравнение было довольно точным, потому что в центре комнаты находился и сам паук, бывший куда опаснее той глупой твари, которую я уничтожил в древних руинах. Черная Госпожа возлегала на бархатных подушках, ощупывая меня взглядом с нескрываемым любопытством. На этот раз кортеж рабынь ее не сопровождал. Охранники пристегнули меня к золоченому кольцу на стене — в этом проклятом городе, по-моему, в каждой стене было вделано по цепному кольцу для пленников — и вышли за дверь.

Я молча привалился спиной к занавешенной меховыми покрывалами стене. Удивительно мягкий мех неведомого зверя неожиданно защекотал мою грубую кожу. Некоторое время королева Югги также молча смотрела на меня. Ее глаза, несомненно, обладали определенным магнитическим действием. Но в моем положении я был, скорее, сродни дикому зверю в клетке, которого любое воздействие такого рода приводит лишь в бешенство. Мне пришлось заставить себя отказаться от обуревавшей меня мысли одним яростным рывком порвать золотую цепь и освободить Альмарику от Ясмины. Хотя я был уверен, что смогу это сделать, понимал я и то, что в этом случае ни мне, ни Альте никогда не удастся покинуть живыми этот безумный город, из которого, как гласили легенды (а с некоторых пор я стал относиться к ним с большим доверием), выбраться можно было только по воздуху.

Видимо удовлетворенная результатами осмотра, Ясмина заговорила первой.

— Кто ты? — неожиданно произнесла она требовательным голосом. — Я видела мужчин с кожей даже нежнее твоей, — тут она плотоядно облизнулась, — но никогда — таких безволосых, как ты.

Прежде чем я успел переспросить, где это она еще видела безволосых мужчин, кроме как среди собственных подданных, она продолжала:

— Не видела я раньше и таких синих глаз, как у тебя. Они напоминают бездонные озера и при этом горят холодным пламенем, словно неутасающий огонь на вершине Ксатара. Откуда ты? Почему носишь такое странное имя — Иса Кэрн? Котхская рабыня по имени Альта сказала, что ты пришел в ее город из населенных хищным зверем диких предгорий, где никогда не жили гура. А потом победил голыми руками сильнейшего воина ее племени. Но она не знает, из какой страны ты родом. Скажи мне и не вздумай лгать, а то я тебя накажу!

— Сказать-то я скажу, но ты можешь мне не поверить, — пожал я плечами. — Ты знаешь, что я ношу

имя Иса Кэрн, но в племени котхов меня прозвали Железная Рука. Я прибыл из другого мира, с другой планеты, которая вращается вокруг неизвестного вам солнца на другом конце Вселенной. Провидение свело меня с великим ученым, которого здесь сочли бы богом или демоном. Оно же привело меня в ваш мир, который мы называем Альмарик. Пути провидения неисповедимы, и вот я в вашем городе. Я тебе все рассказал. Можешь мне верить или не верить — больше мне добавить нечего.

— Я тебе верю, — последовал ответ. — Ибо обладаю огромными знаниями о мире, которые непостижимы для тупого скота с равнин. В древности наши предки умели перелетать со звезды на звезду. Да и сейчас есть существа, которым доступно умение проноситься сквозь космос. Я решила сохранить тебе жизнь — пока. Но ты будешь все время в кандалах и прикован к стене. Мне не нравится, что в твоих глазах слишком много ярости. Будь то в твоей власти, ты поспешил бы расправиться со мной, да, человек? Ничего, я тебя укрошу.

— Что с Альтой? — спросил я, не обращая внимания на угрозы.

— А что тебя интересует? — Ясмина искренне удивилась моему вопросу.

— Какая судьба ей уготовлена?

— Она будет прислуживать мне вместе с другими девками, пока не провинится или не надоест мне. Как смеешь ты спрашивать о другой женщине, когда говоришь со мной? Мне это не нравится.

Ее глаза сверкнули ледяным блеском. Таких глаз, как у Ясмины, мне еще не доводилось видеть. Они меняли свой цвет, повинуясь малейшим изменениям настроения повелительницы Югги, отражая все, даже недоступные человеческому разуму, страсти и чувства, сжигавшие ледяным пламенем повелительницу крылатых демонов.

— Не рискуй, — тихо произнесла она. — Знаешь, что бывает, когда я недовольна? Текут реки крови,

Ютта сотрясается от стонов, и даже сами боги, можешь быть уверен, что я их видела, испуганно втягивают головы в плечи.

От этого спокойного голоса прекрасно сложенной женщины у меня кровь застыла в жилах. Я ни секунды не сомневался, что она говорит правду. Но мое замешательство длилось недолго. Я чувствовал себя отдохнувшим и полным сил и знал, поняв это шестым чувством, что в любой момент могу одним движением вырвать из стены золотое кольцо и убить Ясмину, прежде чем она успеет позвать на помощь. И ей не помогут ни ее злобные боги, ни стражи. Так что, если дело дойдет до ее страшного гнева, я сумею помочь не только себе. Неожиданно для самого себя я расхохотался. Королева изумленно повернула ко мне голову.

— Безумец, над чем ты смеешься? — воскликнула она. — Хотя я чувствую, что это вовсе не смех, а рык саблезубого леопарда. Или ты думаешь, что сможешь дотянуться и убить меня? Но подумай, что ждет твою Альту. Однако ты произвел на меня впечатление. Ни один мужчина еще не смеялся надо мной. — Она неуловимым движением облизнула губы острым язычком. — Ты будешь жить. Во всяком случае пока...

По ее хлопку двери распахнулись, и в комнате появилась стража.

— Отвести его в комнату и посадить на цепь. Глаз с него не спускать. Когда мне будет нужно, приведете его ко мне снова.

Так я оказался посаженным на цепь на Альмарике в третий раз. Теперь я был пленником повелительницы ягъя королевы Ясмины, в городе Ютта, на скале Ютла, что у реки Джог, в стране Яг.

## 9

Мне довелось многое узнать об этом чудовищном народе, который определял ход истории на Альмарике.

ке задолго до появления на этой планете первых людей. Я не думаю, что они относились к человеческому племени даже в незапамятные времена. Скорее всего, ягья представляли собой отдельную ветвь эволюции, и только по неведомому капризу природы летающие создания внешне оказались похожи на человекоподобных, а не на более подходящих им по сути обитателей Царства Тьмы.

Ягья на первый взгляд ничем не отличались от людей. Но только на первый взгляд. Стоило проследить их поступки, проанализировать ход их мыслей — и становилось ясно, что крылатое племя не имеет ничего общего с понятием человечности. За человечьим обличьем этих демонов крылся абсолютно чуждый разум.

Что касается чистого интеллекта и утонченности вкуса — то в этом ягья, вне всякого сомнения, превосходили волосатых, обезьяноподобных гура. С другой стороны, ягья были начисто лишены таких неотъемлемых качеств людей, присущих даже дикарям, как честность и честь, сострадание и благородство. Никто, конечно, не сочтет гура смирными овечками. Те часто совершали жестокие и дикие поступки, особенно в присущих им припадках ярости, но по сравнению с ягья они были чисты и невинны, как дети. Всему племени крылатых людей были присущи жестокость и безжалостность, причем с человеческой точки зрения — совершенно не мотивированные. Но стоило их разозлить — и бессмысленной жестокости не было границ.

Ягья были многочисленным народом. Одних только воинов в Югге насчитывалось более двадцати тысяч, да еще значительное количество постоянно участвовало в набегах. Кроме того, были еще и жены бойцов. А также рабы, вернее, рабыни, которых в изобилии имел ягья даже самого низкого положения. Я удивился, узнав, сколько народу живет в Югге, учитывая относительно небольшие размеры города, ограниченного поверхностью и глубинами Юты. Дело, видимо,

было в том, что город намного больше уходил вглубь, чем я предполагал. Замки и дворцы были вырублены прямо в скальной толще.

Когда люди-птицы чувствовали, что город становится слишком перенаселенным, они просто-напросто равнодушно вырезали часть синекожих слуг и рабынь, пополняя, кстати, запасы продовольствия.

Детей ягья я не видел. В отличие от гура, потери крылатых людей в войнах были незначительными, а болезни, похоже, им неведомы. Поэтому детей рожали по специальному эдикту королевы, сразу большое количество, раз в несколько столетий. Последний выводок давно уже вырос, а необходимость в новом еще не наступила.

Хозяева Ютти не выполняли сами никакой работы и проводили всю свою невероятно длинную жизнь в набегах и чувственных удовольствиях. Их знаниям и способностям в организации оргий, разврата и всяческих извращений мог бы позавидовать сам Калигула. Вообще, нравы в Ютте весьма напоминали позднюю Римскую империю, только были куда кровавее. Всеобщий разврат прекращался лишь на время массированных набегов — вернее, налетов на альмариканские города с целью захвата новых рабынь.

Город синекожих у подножия Ютты назывался Акка, а его обитатели — акки — с древнейших времен подчинялись крылатому народу. Воля их была абсолютно подавленной — фактически это были уже не люди, а просто домашний скот ягья. Акки трудились на орошаемых полях, раскинувшихся на берегах Джога, выращивая фрукты и овощи. Синекожие поклонялись ягью, считая их не то высшими существами, не то живыми богами. Ясмину же они однозначно почитали за живую богиню.

Если не считать постоянной тяжелой работы, люди-птицы обходились с акками весьма сносно. Женщины синекожих были очень некрасивыми и слишком походили на животных, поэтому не интересовали утон-

ченных ягъя, чей эстетический вкус пополам с садизмом, на мой взгляд, был более ужасен, чем безразличие к красоте и кровожадность хищного зверя.

Мужчины-акки никогда не поднимались в верхний город, за исключением тех случаев, когда требовалось выполнить тяжелую работу, бывшую не по силам женщинам-рабыням. В этом случае они спускались и поднимались по длинным веревочным лестницам, выweisываемым специально для подобных случаев. В саму Югту не вела ни одна дорога или туннель, поскольку это было не нужно передвигавшимся по воздуху ягъя. Стены скалы были почти отвесными, поэтому люди-птицы могли преспокойно жить в своей неприступной крепости, равно не опасаясь ни восстания акков, ни вторжения гипотетических захватчиков.

Женщины ягъя тоже были своеобразными заложницами скалы, поскольку крылья им аккуратно обрезали сразу же после рождения. Лишь тем, кого отбирали на смену королеве, оставляли возможность летать. Это делалось, чтобы сохранить полное господство мужчин над женщинами. Мне вообще было не понятно, как в далекие времена мужчинам-ягъя удалось захватить это господство. Если верить полученной от Ясмины информации, женщины превосходили их по всем статьям — по ловкости, выносливости, храбрости и даже по силе. Лишенные же крыльев, они вынуждены были распроцьаться с мыслью вернуть себе былое превосходство.

Типичным примером тому, чего могла бы достичь женщина, была Ясмина. Ростом она превосходила не только всех женщин ягъя, но и гура тоже, к тому же была более плотно сложена. Под ее пышными формами, которыми могла бы гордиться и Клеопатра, перекатывались крепкие мускулы. Ясмина напоминала хорошо откормленную, но не потерявшую ловкости и подвижности дикую кошку.

Королева была молода, да и все женщины крылатого народа выглядели молодыми, казалось, время

было невластно над ними. В среднем крылатые демоны жили девятьсот лет. Ясмина правила своим народом уже пять столетий. Три крылатые соперницы оспаривали ее право на трон, но были убиты ею в ритуальном поединке в большом восьмиугольном зале дворца. И съедены.

Подобные поединки проводились раз в столетие. И пока королева может отстоять свой трон силой — она будет править.

\* \* \*

Участь рабынь ягъя была незавидной. Ни одна из девушки не была уверена, что на следующий день ее хозяину или хозяйке не придет в голову растерзать ее в клочья, чтобы удовлетворить чувство голода или просто ради забавы. Вдобавок им ежедневно перепадало немало побоев и издевательств. В общем, Ютта была воплощением ада наяву.

Я не знал, что творилось за стенами домов и замков прочих крылатых жителей города, но наблюдал за каждодневной жизнью королевского дворца. Не проходило дня или ночи, чтобы гулкое эхо не разносилось по подземным коридорам жалобные стоны, просьбы о пощаде и крики боли, единственным отзывом на которые был безумный смех и безжалостные, пугающие крики.

Как бы я ни был закален физически и психически, к такому привыкнуть было невозможно. Единственное, что не дало мне сойти с ума, — это сознание того, что мне во что бы то ни стало нужно спасти Альту. Однако я понимал, что шансов на наше спасение было очень и очень мало. Во-первых, я был прикован к стене цепями и заперт снаружи, во-вторых, я понятия не имел, где искать Альту. Все, что мне было известно, — это что она находится где-то во дворце и избавлена от издевательств крылатых мужчин, но не от жестокости и вспышек ярости своей госпожи.

В Югре я насмотрелся и наслушался такого, о чем не смею поведать в этом повествовании. Ягъя обоих полов ничуть не стеснялись своей порочности и кровожадности. Более того, растленность и злоба были возведены у них в ранг добродетели. Крылатые люди цинично отбрасывали малейший намек на скромность или стыдливость. Потакая всем своим низменным пристрастиям и необузданным желаниям, они вели совершенно развратный образ жизни, вступая в сексуальные связи между собой — даже со своим полом! — и всячески издеваясь над пленницами. Считая себя высшими существами и прямыми потомками богов, они сбрасывали с себя все ограничения, свойственные людям. Удивительно, но женщины были даже более порочны, чем мужчины, если такое вообще возможно.

Описывать жестокость, с которой они обращались с рабынями, и пытки, которым они их подвергали, не поднимается рука. Ягъя действительно достигли совершенства в искусстве причинения физических и душевных мук. Но хватит об этом. Я не могу больше описывать эти ужасы.

Пребывание в пленах у Ясмины слилось для меня в единый кошмарный сон. Хотя лично со мной обращались неплохо. Каждый день меня выводили под конвоем на своего рода прогулку по дворцу — примерно так, как выгуливают любимых домашних животных, чтобы дать им поразмяться. Кроме того, почти каждый такой выход я становился свидетелем очередной омерзительной сцены — Ясмина мне демонстрировала, что бывает с непокорными. Меня, с завидным постоянством закованного в кацдалы, всегда сопровождал отряд дворцовой стражи из десяти-двенадцати вооруженных до зубов стражников.

Несколько раз мне удалось увидеть Алту, выполнявшую разную хозяйственную работу, но она всегда отворачивалась от меня и старалась как можно быстрее скрыться. Я все понимал и не пытался привлечь ее внимание. Ведь одним-единственным упоминанием ее

имени перед Ясминой я поставил жизнь девушки под угрозу. Пусть лучше королева никогда не вспоминает о ней, если, конечно, такое возможно. Чем реже Повелительница Тьмы вспоминала о своих рабах, тем дольше они жили.

Вы не представляете, чего мне этого стоило, но я на время сумел задавить бурлящую во мне ярость. Когда все тело и вся душа уже готовы были взорваться, разнося оковы и кидаясь в последний бой, я невероятным усилием воли сдерживал себя. И можете мне поверить, не совершил еще в жизни большего усилия. Ярость и гнев оседали внутри моего сердца, плавясь и кристаллизуясь в острую, как сталь, ненависть, и страшен будет тот день, когда она вырвется на свободу. Так проходил день за днем, пока однажды ночью Ясмина не приказала доставить меня к себе.

## 10

Ясмина, подперев голову руками, неподвижно сидела, устремив на меня большие черные глаза. Мы находились одни в комнате, которую я еще не видел. Я опустился на диван напротив королевы и принялся растирать освобожденные от кандалов руки и ноги. Ясмина сказала, что прикажет снять с меня на время оковы, если я пообещаю не причинять ей вреда и позволю вновь заковать себя, когда она это потребует. Я дал слово. Никогда я не считал себя особо хитрым, но иссушающая душу ненависть обострила и мой разум. У меня были свои планы.

— О чём ты думаешь сейчас, Иса Кэрн? — поинтересовалась Ясмина.

— Неплохо бы выпить, — достаточно грубо ответил я.

Ясмина хмыкнула и протянула хрустальный бокал:

— Попробуй этого золотистого кулерна. Но будь осторожен, иначе опьянешься. Это самый крепкий на-

питок в мире, и даже я не смогла бы, осушив бокал до дна, не упасть без чувств мертвейки пьяной. А ты и вовсе не привык к этому напитку богов.

Я слегка пригубил вино. Это действительно был необычайно крепкий напиток с тонким вкусом, отдаленно напоминающий бенедиктин.

Между тем повелительница ягъя чувственно изогнулась на своем ложе и продолжала:

— Почему ты так ненавидишь меня, человек с Земли? Разве я плохо с тобой обращаюсь?

— Я не говорил, что ненавижу тебя, повелительница. Просто твоя красота не уступает твоей жестокости.

Она грациозно потянулась, взмахнув при этом крыльями, так что ее грудь соблазнительно поднялась.

— Что ты называешь жестокостью, Иса Кэрн? Я — божество! Какое отношение ко мне могут иметь жестокость или снисходительность? Это игрушки для низших существ. Ты не думал, что сама человечность существует лишь по моей прихоти? Разве не от меня исходит животворящая сила, питающая мир?

— Можешь рассказывать эту ахинею тупым аккам, — перебил я ее. — Мне-то известно, что это не так, да, впрочем, как и тебе.

Нимало не обидевшись, она рассмеялась.

— Ну, положим, я не могу создать жизнь. Зато уничтожить ее — в моей власти. Может быть, я и не богиня, но попробуй разубедить в этом моих рабынь. Нет, Железная Рука, боги — всего лишь другое название Силы и Власти. На этой планете я — Сила и Власть, а значит, я — богиня. Подумай над этим хорошенъко. Вот скажи, чему поклоняются твои приятели-гура?

— Они верят в Тхака. Во всяком случае, признают его как создателя всего сущего. У гура нет ритуалов, нет жрецов, они не строят храмы. Тхак для них — всесильное божество в форме человека, мужчины. Когда он сердится, грохочет гром и бьют молнии, он может напомнить о себе и рычанием льва. Тхаку по

нраву храбрые и сильные воины, противны — слабые и неловкие. Его ни о чем не просят — он никому не помогает и никого не карает, его только призывают в свидетели. Когда рождается младенец мужского пола, Тхак вселяет в него храбрость и силу — каждому свою меру, а когда воин умирает, он отправляется в великое путешествие по небесному царству Тхака. Там живут души умерших, которые охотятся, воюют и веселятся, то есть занимаются тем, что хорошо умели делать при жизни.

Повелительница страны Яг пренебрежительно усмехнулась.

— Тупые животные. Смерть — неминуема и окончательна. Мы, ягья, поклоняемся только своим желаниям, своему совершенному телу. И приносим им в жертву этих никчемных созданий, гура.

— Ваше владычество не сможет продолжаться вечно, — заметил я.

— Вечно не сможет продолжаться ничего. И тем не менее мы правим этой планетой с тех времен, когда само время только-только начало свой бег по Вселенной. Кто может счесть тысячелетия, которые стоит наш город на скале Ютла? Задолго до того, как далекие предки гура научились рубить камень, еще до того, как они вообще превратились из обезьян в людей, мы правили этим миром. А сейчас мы распоряжаемся по своему разумению их расой, как некогда решали судьбы других народов. Когда мы решили наказать народ, выстроивший города из мрамора, то уничтожили их цивилизацию за одну ночь!

Я могу поведать тебе еще о множестве удивительных разумных существ, которые появлялись на нашей планете и исчезали с ее лица. Но пока они жили здесь, мы, крылатые обитатели страны Яг, правили Альмари-ком по своему разумению, наводя трепет и ужас одним своим появлением. Мы правим не века, не тысячелетия — целые эпохи и эры проходят под нашим господством!

Так почему бы нашему царствованию не продолжаться и дальше? Неужели ты думаешь, что ничтожные гура, эти тупые недоумки, могут победить нас? Ты, видевший, во что превращаются их города, когда на них налетают мои Крылатые воины, позволяешь себе надеяться, что эти обезьяны осмелятся напасть на нас? Глупец! Они не смогут даже переправиться через Пурпурную Реку, слишком быструю, чтобы пересечь ее вплавь. Существует один-единственный брод у порогов, но за этой переправой днем и ночью из сторожевой башни следят зоркие воины.

Один-единственный раз гура попытались напасть на нас. Знаешь, чем это кончилось? Стража у реки предупредила город о вражеском нашествии. И посреди-не-голой пустыни наши воины обрушили на головы не послушных варваров стрелы, камни и жидкий огонь. А те, кто уцелел, позавидовали участи мертвых, развлекая нас в Югге.

Так, теперь допусти, что эта орда смогла бы перебраться через Пурпурную Реку и пробиться к берегам Джога. И что дальше? Им пришлось бы переправляться через непокорный Джог под градом стрел и копий акков, потом взять штурмом город синекожих, что тоже нелегко. Ну а потом? Ни одно существо, лишенное крыльев, не сможет вскарабкаться по отвесным склонам Ютлы. Никогда враждебная сила извне не осквернит своим касанием вечные камни Югги. А если, по жестокой прихоти богов, такому суждено случиться, — при этих словах хищное лицо королевы исказила гримаса животной злобы, — то я скорее выпущу в мир Последний Ужас и погибну под руинами родного города вместе с захватчиками, — прошептала она больше для себя, чем для моих ушей.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил я, заинтригованный.

— За непроницаемым покрывалом великих тайн скрыты еще более великие, — негромко проговорила Ясмина. — Не суйся туда, где сами боги зами-

рают от ужаса! Забудь, что только что слышал! Ты меня понял?

Помолчав, я перевел разговор на другую тему, давно меня интересовавшую:

— Скажи, повелительница, из каких мест взялись среди твоих рабынь желтокожие и краснокожие девушки?

— Ты смотрел на юг с самых высоких башен моего дворца? Видел на горизонте темную полосу? Это — Великий Барьер, разделяющий мир. По другую его сторону живут другие расы, у которых мы забираем себе этих действительно редких рабынь. Знай, землянин, что мы совершаем налеты на города за Барьером так же, как и на города гура, разве что реже.

Меня заинтересовал рассказ королевы, но только я собирался попросить Ясмину поподробнее рассказать о тех землях и народах, как раздался тихий стук в дверь. Раздосадованная вмешательством, Ясмина грубо спросила, что от нее нужно, и дрожащий от страха женский голос произнес, что повелитель Готрах желает получить аудиенцию. Королева разразилась потоком проклятий и рявкнула, что повелитель Готрах может убираться к черту. Затем, видимо передумав, она крикнула:

— Нет! Позови его, Тзета! Тзета!

Видимо, рабыня уже умчалась передавать Готраху пожелание королевы, стараясь убраться подальше от разъяренной владычицы. Ясмина, недовольная, поднялась с ложа.

— Тупое животное! Мне что, самой идти за своим дворецким? Пора ей отведать раскаленных щипцов. Может, это излечит ее от глупости.

Ясмина скользящим пружинистым шагом пересекла комнату и вышла за дверь. В этот момент меня осенило. Еще не зная сам точно, что я буду делать дальше, я притворился пьяным, предварительно выплеснув содержимое бокала в какой-то большой золотой сосуд, стоявший в углу. На всякий случай я перед этим про-

полоскал рот вином, чтобы от меня разило винным запахом.

Услышав приближающиеся шаги и голоса, я живописно разлегся на диване, бросив бокал на пол рядом со священной рукой. Услышав, как открывается дверь, я поспешил закрыть глаза. Воцарилось напряженное молчание. Наконец Ясмина procedила:

— Боги! Он выжрал все вино и теперь дрыхнет как скотина! Даже самые утонченные и привлекательные создания становятся жалкими и омерзительными в таком виде. Ладно, давай к делу. Не бойся, он теперь вообще ничего не услышит.

— А может быть, лучше вызвать охрану, чтобы его отволокли в камеру? — услышала голос Готраха. — Не стоит рисковать секретом, который знают только королева Яг и ее дворецкий.

Я почувствовал, что они остановились рядом со мной и брезгливо меня разглядывают. Я чуть пошевелился и невнятно забормотал что-то.

Ясмина рассмеялась.

— Не бойся, до рассвета он ничего не услышит и ничего не узнает. Даже если Ютла расколется и рухнет в воды Джога, он и ухом не поведет! Ничтожество! Этой ночью он мог бы стать королем мира, соединившись со мной, королевой. На одну ночь, естественно... Все они, варвары, одинаковы, стоит им дорваться до выпивки.

— Почему бы не отправить его на дыбу? — буркнул Готрах.

— Потому что мне нужен настоящий мужчина, а не бессильный изуродованный кусок мяса. Кроме того, поверь моему опыту, этого дикаря легче убить, чем сломить его душу. Нет, я, Ясмина Повелительница Тьмы, заставлю его любить себя, прежде чем скормлю его червям. Кстати, ты не забыл отправить Альту из Котха к Лунным Девственницам?

— Ни в коем случае, Повелительница Ночного Неба. Полтора месяца, начиная с этой ночи, она будет

исполнять сакральный танец Луны вместе с другими самыми красивыми рабынями.

— Там ей и место. Глаз с них не спускать, с обоих! Если эта гроза степей узнает об участии, уготовленной его подружке, боюсь, нам не помогут никакие цепи и оковы.

— Госпожа,— раболепно склонился Готрах.— Полторы сотни лучших воинов из твоей стражи охраняют Лунных Девственниц. Даже Железной Руке не под силу в одиночку справиться с ними.

— Хорошо. Теперь о деле. Ты принес свиток?

— Вот он, Темная Госпожа.

— Дай мне перо, я подпишу его.

Я услышал царапанье чем-то острым по пергаменту, а затем Ясмина дала Готраху очередное указание.

— Готово. Положишь на алтарь в обычном месте. Как и обещано в откровении,— она цинично рассмеялась,— я появлюсь во плоти завтра ночью прямо на глазах моих верных подданных и почитателей — синерожих тупых ублюдков! Знаешь, Готрах, я никогда не откажу себе в удовольствии лицезреть эти убогие восхищенные морды акков, когда я появляюсь из-за золотой ширмы и поднимаю руки, благословляя их. Подумать только, скольким поколениям этих скотов так и не пришло в голову, что за алтарем скрывается обыкновенный люк и потайной ход, ведущий от их храма прямо сюда, в мой будуар.

— Ничего удивительного,— возразил Готрах.— Жрецы появляются в алтарном зале только по специальному сигналу, да к тому же они слишком толстые, чтобы пролезть за золотую ширму. А снаружи разглядеть потайную дверь невозможно.

— Ладно, я сама все это знаю,— потеряла интерес к разговору Ясмина.— Иди.

Я услышал, как Готрах возится с чем-то тяжелым. Затем послышался легкий скрип. Я рискнул чуть-чуть приоткрыть глаза и увидел Готраха, спускающегося в черный зев люка в центре будуара повелительницы

Югги. Как только его голова скрылась из виду, люк тотчас захлопнулся. Я поспешил закрыть глаза. Ясмина скользящими шагами мерила комнату.

Один раз она задержалась передо мной. Я всей кожей почувствовал ее горящий взгляд и разобрал произнесенные сквозь зубы слова проклятия. Затем она сильно ударила меня по лицу своим поясом с драгоценными каменьями. Потекла кровь, но я не пошевелил ни единным мускулом, не открыл глаза, не попытался защититься, лишь что-то промычав, словно в пьяной отключке. Королева постояла еще немного рядом со мной, а затем вышла из комнаты.

Как только дверь за ней захлопнулась, я вскочил и побежал к тому месту, где исчез Готрах. Меховые покрывала были сдвинуты, обнажив каменный пол, но мои надежды не оправдались. На полированном черном камне не было ни кольца, ни засова, ни даже малейшего выступа. Тщетно я искал хотя бы щель или трещину в монолите, обозначавшую вход в подземелье. Представив себе, что будет, если неожиданно вернется Ясмина, я вздрогнул.

Неожиданно часть пола прямо у меня под руками стала приподниматься. Я метнул свое тело тигриным прыжком за королевское ложе и оттуда стал наблюдать за развитием событий. Люк распахнулся, и над полом появились голова и плечи Готраха.

Дворецкий вылез из люка и нагнулся, чтобы закрыть его. Вот он, мой шанс! Я одним рывком преодолел разделявшее нас расстояние и всей своей тяжестью обрушился ему на плечи.

Крылатый человек не выдержал моей тяжести и рухнул на пол. Не теряя ни единой секунды драгоценного времени, я, словно клещами, сдавил его горло. Готрах попытался вывернуться и, увидев меня, выпутил в ужасе глаза. Я гъя попробовал было выхватить кинжал, но я коленом прижал его руку к полу. Навалившись на кровожадного демона, я изо всех сил сжимал пальцы, подстегиваемый ненавистью ко всему

крылатому племени. Еще долгое время после того, как его тело обмякло, я никак не мог разжать руки, сведенные судорогой на его горле.

Наконец оторвавшись от мертвого тела, я осторожно заглянул в люк. Факелы, освещавшие будуар Ясмины, бросали неровные сполохи на узкие ступени, уходившие в почти вертикальную шахту, пронизывающую толщу Ютлы. Из подслушанного разговора Ясмины и Готраха я уяснил, что коридор должен вывести меня прямиком в храм синекожих, что стоял в городе у подножия Черной Скалы. Сбежать от примитивных актов мне казалось куда более легким делом, чем от моих крылатых тюремщиков.

От немедленного бегства меня удерживала лишь одна-единственная мысль, терзающая мой разум: что будет с Альтой, оставшейся в руках разъяренной королевы? Но выхода не было. Я не знал, в какой части этого дьявольского города-притона держат мою подругу. Кроме того, я прекрасно помнил, что сказал Готрах о количестве стражи, охранявшей ее и других несчастных...

Лунные Девственницы! Меня прошиб холодный пот, когда до меня дошел весь чудовищный смысл этих двух слов. Мне никто не рассказывал, что представляет собой омерзительный праздник Луны, но по кровожадным усмешкам, сальному хихиканию и обрывкам доходивших до моих ушей разговоров я мог представить себе эту вакханалию. На всем протяжении этого чудовищного обряда ягяя достигали вершины чувственного эротического наслаждения под звуки хриплых стонов медленно умерщвляемых непристойным способом девушек, приносимых в жертву единственному божеству, почитаемому ягяя. Божеству похоти и садизма!

Мысль о том, что такая судьбы уготована и милой Альте, причиняла дикую боль всему моему существу. Но я понимал, что единственным, пусть и призрачным, шансом помочь ей было бежать самому, добраться до

Котха и, собрав большой отряд, вернуться, чтобы спасти столь дорогую для меня девушку. Сейчас я понимаю, что проделать такой путь в одиночку да еще взять штурмом крепость ягья было невозможно, но тогда другого пути я не видел.

Я выглянул в коридор и, никого там не обнаружив, перетащил тело Готраха в один из темных углов, где и бросил эту падаль в нише за занавеской. Понятно было, что его там найдут, но я надеялся, что это произойдет не в ближайшее время и мне удастся выиграть хотя бы пару часов. Кроме того, обнаружив труп не у себя в комнате, Ясмина не сразу поймет, куда я подевался, и потеряет еще какое-то время, пытаясь разыскать меня сначала во дворце, а потом в самой Югге.

Пришло время идти дальше, как бы мне ни хотелось остаться. Вернувшись в комнату, я спустился в каменный лаз и, закрыв за собой крышку, оказался в полной темноте. На стене прямо рядом с моей головой я нашупал рукоятку, которая приводила в движение механизм люка. Что ж, если мне придется возвращаться, обнаружив, что путь вниз мне закрыт, я, по крайней мере, смогу попасть обратно. Но пока я без всякого сопротивления пробирался во тьме по гладким ступенькам.

Надо сказать, что я изрядно торопился, опасаясь встретить на своем пути какого-нибудь кровожадного монстра, что в таком изобилии водились в подземельях Альмарика. Но, хвала создателю, на этот раз пронесло; вскоре крутой спуск закончился, и, сделав пару-тройку шагов по короткому коридорчику, я оказался в каменной нише. Нашупав засов, я отодвинул его и ощутил, что каменная панель под моими руками поворачивается. Прямо передо мной открылось небольшое помещение, освещенное неверным дрожащим светом.

Несомненно, я попал в храм акков. Большую часть алтарного зала скрывал от меня лист чеканного золота, прикрывавший эту каморку. Сделав шаг вперед, я выглянул за край золотой ширмы, и моим глазам пред-

стало просторное помещение с высоким потолком-куполом, спроектированное в характерном для всей архитектуры Альмарики монументальном массивном стиле.

Впервые на этой планете я увидел храм. Его сводчатый потолок терялся в темноте, стены черного камня были гладко отполированы, но ничем не украшены. Помещение было совершенно пустым, лишь в его центре возвышалась плоская черная глыба, по всей видимости служившая алтарем. На алтаре лежал подписаный Ясминой свиток и стоял большой светильник, который служил единственным источником тусклого света в храме.

Итак, я оказался здесь, в святая святых акков, как раз во время якобы сверхъестественного явления пергамента с пророчествами, которые провозглашали пришествие во плоти богини Ясмины прямо на глазах прихожан. Странно, что целый культ существовал столетия, опираясь лишь на незнание невежественных акков о подземной лестнице! Но куда более странным мне показалось то, что лишь стоящий ниже всех по развитию народ на Альмарике создал себе настоящую религию со святынищем, служителями культа и ритуалами. На Земле это считалось признаком большей цивилизованности народа.

Однако, в отличие от земных религий, культ акков был основан на обмане и страхе. Я просто чувствовал миазмы страха, пропитавшего воздух нечестивого храма. На миг мне представились перепуганные синие лица, с трепетом взирающие на появляющуюся из-за золотой панели крылатую богиню, словно возникшую из воздуха.

Закрыв за собой дверь, я осторожно двинулся к выходу. У дверей безмятежно дрых синекожий человек в какой-то немыслимой хламиде. Должно быть, он так же крепко спал и во время божественной материализации свитка на алтаре. Сжимая в руке кинжал Готраха, я просто перешагнул через священнослужи-

теля и вышел из храма, вдохнув полной грудью холодный ночной воздух, наполненный запахом воды.

Ночь была хоть глаз выколи. Луна отсутствовала. Лишь мириады звезд мерцали в небе. Город был абсолютно тих: измотанные за день акки спали беспробудным сном.

Бесшумно, как ночной ветер, я скользил по пустым улицам, вжимаясь в каменные стены домов. Мне не встретилось ни единой живой души. Лишь у ворот, за которыми угадывался горб разведенного моста, мирно похрапывал, опершись на копье, стражник. Бравый вояка даже позы не изменил, когда я приблизился. Ничего не стоило перерезать ему горло, но я не видел смысла в бесполезном убийстве. Синекожий сладко сопел, хотя я и перелез через стену в каких-то сорока футах от него.

Беззвучно погрузившись в воду, я быстро переплыл реку по диагонали и вылез на противоположном берегу. Задержавшись ровно настолько, чтобы выпить пару горстей речной воды, я пустился в путь через пустыню, двигаясь волчьим ходом — сто шагов пешком, сто шагов рысью, ориентируясь по звездам.

Незадолго до рассвета я добрался до берега Пурпурной Реки, сделав изрядный крюк, чтобы оказаться как можно дальше от сторожевой башни, вырисовывавшейся на фоне звезд, силуэт которой я увидел еще за несколько миль. Склонившись над краем обрыва и вслушиваясь в бесценный рев воды, я понял, что бессмысленно даже пытаться пересечь этот ревущий поток вплавь. Да будь я хоть чемпионом обоих миров — Земли и Альмарика — по плаванию, это была бы самоубийственная затея. У меня оставалась надежда переправиться на тот берег в районе порогов, постаравшись избежать зорких глаз охраны, что, в общем-то, было ничуть не менее опасно. Однако выбирать мне не приходилось.

Солнце уже взошло, когда я оказался в тысяче ярдов от порогов. В очередной раз подняв глаза на баш-

ню, я увидел сорвавшуюся со смотровой площадки фигуру, несущуюся ко мне на всех крыльях. Я был обнаружен! Мне пришел в голову отчаянный план — если везение будет на моей стороне, он может сработать.

Я заметался и замельтешил по берегу, словно охваченный паникой, а затем спрятался за камень, как будто считал, что ягъя не заметит моего маневра. Надо мной прошелестели крылья, а затем человек-птица опустился на землю недалеко от меня. Я знал, что это был всего лишь часовой, в одиночку несущий службу, и, зная спесивую натуру ягъя, сделал ставку на то, что он не станет будить спящих товарищев, чтобы те подменили его на башне, пока он разделяется с беззащитным одиноким путником.

Я, напряженный как пружина, лежал за камнем, делая вид, что смертельно напуган. Подойдя ко мне с обнаженным кинжалом, ягъя с ленцой пнул меня под ребра, чтобы заставить разогнуться. Именно этого я от него и дождался. Вскочив одним прыжком на ноги, я левой рукой рубанул по его кисти, выбивая кинжал, а правой нанес сокрушительный апперкот в челюсть.

К тому времени, когда ягъя пришел в себя, он был надежно связан своим же ремнем. Одной рукой я держал его за горло, а другой приставил к груди кинжал Готраха.

Я коротко и ясно объяснил ему, что от него требовалось, если он хотел оставаться в живых. Ягъя вовсе не собирался жертвовать собой, даже ради безопасности своего народа. Через пару минут мы уже летели в начинающем розоветь небе прочь от Пурпурной Реки, оставляя за спиной жуткую страну Яг.

## 11

Я заставил своего крылатого скакуна лететь на пределе сил. Лишь перед закатом я позволил ему приземлиться. Оставив свое средство передвижения ва-

ляться со связанными руками, ногами и крыльями, я отправился на поиски пищи. Вернувшись с горстью фруктов и орехов, я скормил большую часть моей добычи пленнику. Без его крыльев мне сейчас было не обойтись.

Ночью хищники устроили вокруг нашего импровизированного лагеря целый концерт, напугав своим рычанием и воем ягъя до полусмерти. Чтобы не облегчать работу возможных преследователей, я отказался от мысли развести костер, предпочитая рискнуть и провести ночь без огненной защиты от диких зверей. К счастью, никто этой ночью особо нами не заинтересовался.

Лес на берегу Пурпурной Реки остался далеко позади, и теперь мы неслись над степью, двигаясь по кратчайшему пути к Котху, полностью положившись на лучший компас — мой инстинкт.

\* \* \*

На четвертые сутки полета я обратил внимание на темную массу, в которой вскоре смог различить большой отряд двигающихся людей — видимо, армию на марше. Я приказал ягъя подлететь поближе. По моим расчетам мы вот-вот должны были оказаться над обширными охотничими угодьями, контролируемыми котхами, и я логично предположил, что это могут быть мои товарищи.

Моя вполне понятная поспешность едва не стоила мне жизни. Дело в том, что в течение дня я оставил ноги человека-птицы свободными, так как он клялся, что иначе не сможет лететь. Но тем не менее руки у него были связаны. Ягъя всячески проявлял свою лояльность и неделал никаких попыток вырваться, так что я давно уже оставлял кинжал в ножнах, уверенный, что в случае необходимости смогу разобраться с дьявольским созданием голыми руками.

Не знаю, сколько он над этим работал, но именно в тот день моему пленнику удалось ослабить ремень

на запястьях. И воспользовавшись тем, что я ослабил хватку, увлекшись открывшимся внизу зреющим, выискивая в толпе знакомые лица, проклятый ягъя тотчас предпринял попытку избавиться от ненавистного седока. Прежде всего он резко дернулся в сторону всем телом, и я чудом удержался у него на загривке, уцепившись за его шею. В тот же миг его длинная рука скользнула мне за пояс — и вот уже мой кинжал поменял хозяина.

Затем последовала одна из самых отчаянных схваток в моей жизни. Мне не оставалось ничего другого, как съехать по боку ягъя, вцепившись одной рукой ему в волосы и обвив ногой его ногу. Второй рукой я удерживал руку летающего человека с занесенным надо мной кинжалом. На высоте тысячи футов шла отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть. Он пытался или сбросить меня, или вонзить кинжал мне в сердце, а я отдавал все силы тому, чтобы не отцепиться и удержать подальше от себя смертельный клинок.

На земле я бы быстро одолел противника, используя свою большую массу и физическую силу, но в воздухе проклятое существо имело преимущество. Свободной рукой он лупил меня по голове и лицу, стараясь выцарапать глаза, а коленом раз за разом целил в пах, но пока мне удавалось подставлять бедро. Я старался продержаться как можно дольше, видя, что эта тяжелая борьба заставляет ягъя снижаться, быстро теряя высоту.

Поняв, что время играет против него, ягъя сделал последнее отчаянное усилие. Перехватив кинжал другой рукой, он попытался воткнуть клинок мне в шею. В тот же миг я изо всех сил рванул его за шею. Крылатая бестия, забив крыльями, вильнула в сторону, и удар кинжала пришелся не мне в шею, а ему в бок. Завизжав от боли, он сложил крылья, и мы почти отвесно помчались к земле, удар о которую погрузил меня в состояние грогги.

Пошатываясь, я сумел подняться на ноги. Ягъя не подавал признаков жизни. При падении я постарался

подмять его под себя, и его тело, приняв на себя страшный удар, послужило мне амортизатором. Теперь ягъя напоминал, скорее, кучу хвороста. Его искореженные руки и ноги нелепо торчали в разные стороны.

Сквозь звон в ушах до меня донесся многоголосый рев. Обернувшись, я увидел несущуюся ко мне толпу волосатых дикарей, выкрикивающих мое имя. Я снова встретился со своим племенем.

Первым ко мне подбежал бородатый великан, сграбаставший меня в дружеские объятия, чуть не сделав то, что не удалось ягъя. Нежно похлопывая меня по спине — каждым таким ударом можно было повалить лошадь, — он радостно приговаривал:

— Железная Рука! Разорви меня Тхак! Железная Рука! Так я и знал, что ты еще объявишься! Веришь, я так не радовался с тех пор, как переломил хребет этому мерзавцу Кушу из Танга! Ты чертовски вовремя!

Как вы уже догадались, это был Гор. За ним появились Кошут Скуловорот (как всегда, мрачный и невозмутимый), Таб Быстроног, Гуилук Тигробой — в общем, все мои друзья-приятели, лучшие воины Котха. Они лупили меня по спине, обнимали и орали приветствия, и в этом было столько неподдельной радости и восторга. Уж чему-чему, а лицемерию в сердцах этих простых и честных людей места не было.

— Где ты пропадал, Железная Рука? — воскликнул Таб Быстроног. — Мы нашли в степи твой разбитый мушкет, а рядом — труп ягъя с расколотым черепом. Все было решили, что стервятникам удалось засадить тебя врасплох и убить, но твоего тела так и не нашли. И вдруг — бац! — ты сваливаешься на нас прямо с неба вместе с еще одним крылатым дьяволом. Ты что, ездил в гости в их крепость — Югту?

Таб захохотал, как хохочут люди над собственной особо удачной шуткой.

— Ну да, — ответил я. — Именно оттуда я и лечу. Из Югги на скале Ютла, что стоит на берегах реки Джог в стране Яг. Где Заал Копьеносец?

— Он среди той тысячи, которая осталась охранять Котх, — ответил Кошут.

— Его дочь, Альта, томится в плена у ятая, в Черном Городе, — сказал я. — Она погибнет в полнолунье. И не одна. Вместе с ней будут умерщвлены еще полторы сотни самых красивых девушек, а чуть позже та же участь постигнет и остальных женщин гура, которых сейчас в Югге не менее нескольких тысяч. Мы должны предотвратить это.

По собравшейся вокруг меня толпе воинов пронесся рокот. Оглядев отряд, я понял, что здесь не меньше четырех тысяч воинов. Луками гура не пользовались, зато каждый из воинов нес на плече мушкет, что свидетельствовало не о большой охоте, а о военной операции. Причем, судя по тому, что я впервые видел вместе всех воинов племени котхов, за исключением оставленных охранять город, речь шла отнюдь не о рядовом набеге.

— Куда вы направляетесь? — обратился я к Кошуту Скуловерту.

— Навстречу племени хортов, — ответил Кошут. — Все мужчины племени вышли на бой, они даже не оставили никого в Хорте. Их там не меньше пятидесяти сотен. Это будет смертельная схватка двух племен. Мы вышли встретить их в открытом бою, чтобы избавить наших женщин от ужасов войны и осады.

— Забудьте про хортов! — рявкнул я. — Вы заботитесь о чувствах ваших женщин, а в это время тысячи женщин — и немалая часть среди них ваших — обречены на адские муки, умирая от издевательств и пыток крылатых дьяволов в смрадных глубинах Черной Скалы. За мной! Я приведу вас в крепость ятая, которые от начала времен наводят ужас на людей Альмарика.

— Сколько у них воинов? — глубоко задумавшись, спросил Кошут.

— Двадцать тысяч.

У войска котхов вырвался единый тяжкий стон.

— Как мы можем справиться с такой ордой? Нас слишком мало.

— Пусть это вас не волнует. Я покажу вам путь в самое сердце их крепости, проведу вас прямо во дворец их королевы! — прорычал я.

— Ну ты даешь! — присвистнул Гор Медведь, а затем радостно взревел, потрясая мечом над головой. — Мужики, он дело говорит! Железная Рука, веди нас! Ты покажешь нам дорогу!

— А что делать с хортами? — мрачно переспросил Кошут. — Они идут нам навстречу, чтобы сразиться. Мы не можем спустить им это и должны ответить ударом на удар, если не хотим навеки опозорить родное племя.

Гор что-то буркнул и повернулся ко мне за подмогой и разъяснениями. Наступила полная тишина. Тысячи глаз мужественных мужчин испытующе глядели на меня.

— Предоставьте хортов мне, — в отчаянии предложил я. — Я поговорю с ними...

— Эти парни тебе снесут башку прежде, чем ты успеешь сказать «мама», — отверг мое предложение Кошут Скуловорот.

— Это уж точно, — согласился с вождем Гор. — Мы с ними уже столько веков воюем. Им нельзя доверять ни на вот столечко.

— Я попробую, — только и оставалось сказать мне.

— Попробуй, попробуй, — мрачно произнес Гушлук. — Тем более что они уже рядом.

Действительно, на горизонте показалось вражеское войско. Тысячи хортов приближались к нам.

— Мушкеты к бою! Следовать за мной, — отдал приказ Кошут, сверкая глазами.

— Вы начнете сражение сейчас, в потемках? — обратился я к вождю.

Седобородый котх, прищурившись, глянул на низкое солнце:

— Нет. Мы двинемся им навстречу и остановимся на ночь на расстоянии выстрела. А на рассвете навалимся на них и вырежем всех до одного.— Ноздри котха кровожадно раздувались.

— У них точно такой же план, — пояснил, оскалившись, Таб Быстроног.— То-то будет завтра потеха.

Меня охватило отчаяние, гнев и ярость рвались наружу.

— А пока вы будете бессмысленно резать друг дружку, ваши жены, сестры и дочери будут проливать кровь и слезы в безжалостных руках летающих людей и их кровожадных подруг! Как можно быть такими тупыми? Бесчувственные животные!

— Нам это нравится не больше, чем тебе! — закричал в ответ Гушлук Тигробой, потерявший в одном из налетов ягъя младшую сестренку.— Но что же с ними делать? — Он взмахнул руками в сторону наступающего войска.

— Пошли за мной! — заорал я.— Пошли им навстречу! Ну, живее, или я один пойду!

Развернувшись, я зашагал по траве навстречу неприятелю. После некоторого раздумья котхи дружно двинулись за мной. Две армии быстро сходились. Вот уже я смог различить волосатые крепкие тела, бородатые лица, оружие в руках. Я шел вперед, не чувствуя ни страха, ни гнева, лишь сознание того, что должно быть сделано.

Когда до строя хортов оставалось ярдов двести, я остановился. За моей спиной выстроились котхи. Подав им знак не двигаться, я сделал еще несколько шагов вперед и снял с пояса единственное свое оружие. Подняв двумя руками ножны с кинжалом над головой, я затем положил их у ног на землю. Несмотря на яростные предостережения Гора, пытавшегося отговорить меня от задуманного, я пошел вперед один, без оружия, подняв открытые ладони в древнем земном знаке мира.

Хорты тоже выжидающие стояли, заинтригованные моим странным видом и поведением. Я готов был

в любой момент получить пулю из мушкета, но никто не попытался меня остановить, и я беспрепятственно подошел на расстояние нескольких ярдов от передового отряда заклятых врагов моего племени.

Вождя племени хортов я определил с первого взгляда. Это был самый могучий и старый из воинов. По словам Кошута, его звали Бранджи. Мне и раньше доводилось слышать об этом человеке, даже среди гура слившем туповатым, жестоким и фанатичным в своей ненависти.

— Стой! — рявкнул он злобно, замахнувшись мечом. — Это что за шутки? Кто ты такой, чтобы расхаживать безоружным между двумя армиями?

— Я — Иса из племени котхов, известный как Железная Рука. Я хочу вступить с вами в переговоры.

— Бред какой-то! — Глаза Бранджи налились кровью. — Тзан, ну-ка выбей мозги из этой дурной башки!

— Да ни за что на свете! — вдруг воскликнул воин, к которому обратился вождь хортов, и, швырнув мушкет оземь, шагнул ко мне навстречу, разводя руки в приветственном объятии. — Тхак-громовержец! Это же он! Посмотри на меня, брат, неужели ты меня не помнишь? Меня зовут Тзан Поющий Меч, ты спас мне жизнь, убив саблезубого леопарда и перевязав мои раны там, на холмах.

И действительно, под подбородком могучего хорта багровел чудовищный шрам.

— Это ты! — воскликнул я. — Я даже не надеялся, что тебе удастся встать на ноги после такого ранения.

— Ха! Нас, хортов, не свалишь какими-то царинами, — гордо засмеялся он. — Ты лучше скажи, что ты делаешь в компании этих псов котхов? Ты что, собираешься воевать на их стороне?

— Если мне удастся то, что я задумал, то воевать никто не будет, по крайней мере друг с другом. А для этого мне надо поговорить с вашими вождями и все-

ми воинами. Клянусь Тхаком, в моем предложении нет никакой ловушки.

— Будь по-твоему, — согласился вступиться за меня Тзан. — Эй, Бранджи, ты ведь разрешишь сказать моему брату, что он хочет?

Вождь пристально посмотрел на меня, пробуя пальцами остроту лезвия, но ничего не возразил.

Я продолжил:

— Пусть твои люди подойдут вон туда. С другой стороны к тому же месту подойдут воины Кошута Скуловорота. Тогда обе армии смогут слышать то, что я буду говорить. Если я не смогу вас ни в чем убедить, вы просто разойдетесь на пятьсот шагов, и Тхак с вами, делайте что хотите.

— Ты точно безумец! — начал закипать Бранджи. — Это ловушка! Убирайся прочь к своим гиенам, пока я не выпустил из тебя кишки!

— Я твой заложник, — спокойно продолжил я. — Я безоружен и буду все время стоять рядом с тобой. Если ты решишь, что вам угрожает опасность, можешь пронзить меня мечом в любой момент.

— Чего ради мне соглашаться с этим бредом?

— Я побывал в пленах в стране Яг. И вернулся, чтобы народы гура смогли узнать, какая бездна зла грозит всему миру.

— Летающие кровососы похитили мою дочь! — выкрикнул один из воинов, проталкиваясь сквозь строй поближе ко мне. — Ты не встречал ее там?

«А у меня украли сестру!», «Моя невеста!», «Мои славные дочки!» — загадали воины, стараясь перекричать друг друга.

И сейчас же воины-хорты, забыв о предстоящем сражении и сломав строй, стали закидывать меня вопросами о судьбе своих близких.

— Назад, идиоты! — вопил Бранджи, размахивая кулаками, раздавая тычки направо и налево. — Немедленно в строй, пока котхи не перерезали вас, в то время как этот предатель заговаривает вам зубы! Это ловушка!

— Да никакая это не ловушка! Ради Тхака, выслушайте же меня! — отчаянно кричал я.

Наконец Бранджи, скрепя сердце, был вынужден согласиться с моим предложением, уступая требованиям своей армии. Началось самое трудное — свести сбе армии близко, но чтобы они не бросились друг на друга, почувствовав близость старинных врагов. Наконец, ценою моих отчаянных усилий, мольбы и угроз, два полукруга сомкнулись вокруг меня.

Оказавшись лицом к лицу, котхи и хорты крепче вцепились в рукояти мечей и кинжалов, пальцы легли на курки мушкетов, на их лицах заиграли желваки. Понимая, что хватит испытывать крепость нервов воинов обеих сторон, я поспешил начать свою речь.

\* \* \*

Никогда я не отличался красноречием, а тут, оказавшись в центре круга, разделявшего десять тысяч готовых вцепиться друг другу в глотки дикарей, я вообще смешался. Против меня было все: тысячелетняя вражда, традиции междуусобных распрай и войн, взаимное недоверие кланов. Что я мог в одиночку противопоставить сложившемуся мировоззрению тысяч людей с их представлениями о мире, о чести, о добре и зле? Мысли об этом словно приморозили мой язык к нёбу. И тогда в моих глазах ожили все отвратительные картины, разворачивавшиеся передо мной в безумном городе ягья. Я начал говорить и уже не останавливался.

Мне повезло — я был точно такой же человек, как и они. Более образованный и искусный оратор вряд ли смог бы точнее почувствовать этих людей. Моя импровизированная речь строилась из коротких, предельно простых фраз, каждая из которых находила цель, проникая прямо в сердца слушающих меня воинов.

Не останавливаясь ни на мгновение, я говорил о черной Югге, бывшей воплощенным адом; я говорил о чудовищной судьбе их соплеменниц, низвергнутых

в пучину отчаяния, — о пытках, надругательствах и глумлении крылатых палачей, терзавших не только беззащитные тела женщин, но и их души; я говорил о том, как несчастные создания сходят с ума, превращаясь в неразумных тварей, служащих утехой для похотливых созданий. Я говорил, не жалея слушателей и не опуская тошнотворных подробностей, и о том, как женщин раздирают заживо на куски, и о том, как их, хрипящих от боли, насаживают на стальные вертела и жарят на медленном огне, и о том, как их варят живьем в огромных котлах, чтобы утолить не только голод отвратительных созданий, но и их страсть к издевательствам. Господи, да о чем я только не рассказывал гура в тот вечер. Нет, я и сейчас не могу без душевых мук вспоминать все то зло, творимое крылатыми демонами на Черной Скале.

Я еще продолжал свое чудовищное повествование, а суровые воины уже били себя кулаками в грудь, раздирая в кровь лица, завывая, как волки, в бессильной ярости. Огромные мужчины обливались слезами, как дети.

Больше мне добавить было нечего, и я словно змеиным жалом, в качестве последнего довода, нанес укус:

— А ведь это ваши матери, жены, дочери и сестры — ваши современницы — возносят мольбы о спасении к глухим небесам из преддверия ада. Ну а в это время вы, именующие себя гордым словом «мужчина», развлекаетесь тем, что выясняете отношения в бесконечных стычках между собой! Какие же из вас мужики! Смех один.

Я действительно рассмеялся, но смех мой, скорее, походил на волчье рычание.

— Идите по домам и наденьте юбки, оставшиеся от украденных у вас женщин!

Тысячи глоток одновременно истогли душераздирающий рев, и ко мне со всех сторон угрожающие потянулись руки воинов, явно недовольных последним предложением.

— Врешь! Ты все врешь! Мы — мужчины! Настоящие мужчины! Только отведи нас к этим крылатым дьяволам — и сам увидишь, кто мы такие! Да мы зубами разорвем эту погань!

— Если вы пойдете со мной, — мой зычный голос перекрыл гул толпы, — большинство из вас не вернется. Многие тысячи из нас погибнут в жестокой сече. Но если бы вы видели то, что довелось мне, вы бы и так не захотели жить! Еще немного, и грянет день их страшного праздника, а затем — день, когда ягяя избавляются от надоевших рабынь, чтобы отправиться за новыми. Вы сами знаете, какая участь постигла Тугру, скоро то же самое случится и с Хортой, и с Котхом. Полчища до зубов вооруженных ягяя могут обрушиться на вас с небес в любую секунду, и вы бессильны этому помешать. На вас падет с небес сталь и огонь, и блаженны будут те, кто погибнет в бою! Идите за мной на битву с ягяя. Если вы настоящие мужчины — вперед, пришло наше время. Победа или смерть!

От чудовищного напряжения на моих губах выступила кровавая пена, закружилась голова, и я неминуемо бы упал, если бы меня не поддержал Гор, выскочивший из рядов котхов на середину круга.

Казалось, вся степь взорвалась криками и воплями. Покрывая шум и гам, взвыл Кошут Скуловорот:

— Я пойду за Исой Железной Рукой под стены Юти, если племя хортов согласится на перемирие до нашего возвращения! Я жду твоего ответа, Брацджи.

— Никогда! — заревел, словно раненый медведь, хортский вождь. — Не было и не будет мира между племенами хортов и котхов. Мы уже пролили слезы по похищенным женщинам, они мертвы для нас. Кто дерзнет поднять руку против демонов? Эй, вы, все в боевой порядок, отходим на пятьсот шагов! Никому еще не удавалось отвлечь нас безумным вымыслом от живого врага! Так сдохни ты первым, предатель и безумец!

Бранджи подскочил с обнаженным мечом ко мне. В этот момент стоявший рядом со мной Тзан одним стремительным движением пронзил сердце своего вождя кинжалом. Обернувшись к онемевшей толпе соплеменников, он крикнул, потрясая клинком, с которого капала горячая кровь:

— Так будет с каждым, кто предаст наших женщин. Это говорю я, Тзан Поющий Меч! Подымите мечи, мужчины племени хортов — те из вас, которые пойдут со мной к Черному Городу.

Пять тысяч стальных лезвий сверкнули в последних лучах заходящего солнца, а боевой клич, казалось, заложил уши самого Тхака.

Тзан развернулся ко мне и объявил:

— Веди нас на Юггу, Железная Рука! Веди нас в страну Яг, ведь хоть в ад! Мы перекрасим Черный Город в красный цвет кровью демонов! И если после этого ягья уцелеют, то до конца времен будут плакать и вздрагивать при одном воспоминании о нас!

И вновь звон мечей и объединенный рев двух племен заставили содрогнуться само небо.

## 12

Возглавив объединенную армию, я распорядился отправить гонцов в Хорту и Котх, чтобы сообщить обоим племенам об изменении планов. Мы отправились в поход на юг, четыре с лишним тысячи воинов племени котхов и около пяти тысяч воинов хортов. На южную твердыню мы выступили двумя колоннами. Я решил, что это будет вполне разумным, пока близость неприятеля не погасит племенную вражду и воины не поймут, что и котхи и хорты являются гура, общий и единственный враг которых — ягья.

Необычайно выносливые и привыкшие к тяготам многодневных переходов гура передвигались быстрее любой земной пехоты. Кроме того, на скорости благо-

приятно сказывалось отсутствие обоза — всем необходимым продовольствием нас в изобилии снабжала степь. Все необходимое, включая мешок со снаряжением и боеприпасами и оружие — мушкеты, мечи, кинжалы и копья, каждый воин нес на себе.

Я все время подгонял мои войска, хотя гура и так рвались вперед. Раз что-то решив, они не сворачивали с пути, пока не добивались цели, не считаясь с потерями. После моего перелета на спине ягъя мне казалось, что мы двигаемся невозможнно медленно. То расстояние, на которое мы затрачивали целый день, люди-птицы покрывали за пару часов. И все же с каждым днем мы все дальше и дальше продвигались к цели. Через три недели наша армия добралась до леса на берегу Пурпурной Реки, за которой расстилалась пустыня — территория страны Яг.

По счастью, на нас до сих пор не наткнулся ни один из крылатых разведчиков ягъя, но меры предосторожности были нeliшними. Разместив основные силы на отдых в густой тени деревьев, я с тридцатью самыми опытными воинами обоих племен отправился вперед, рассчитав время так, чтобы выйти на берег реки чуть позже полуночи, когда скроется луна. Все мои планы основывались на том, что нам удастся предотвратить подачу сигнала опасности стражниками с башни в город. В противном случае ягъя атаковали бы нашу колонну еще в пустыне — на открытом месте, имея превосходство в скорости и господствующее положение в воздухе. Если бы двадцати тысячная армия Югги обрушила на нас град стрел и горшков с зажигательной смесью, участь наша была бы решена.

Кошут предложил скрытно подобраться к самой воде и оттуда накрыть башню залпом мушкетов. Но я знал, что это невозможно: ягъя предусмотрительно заставляли акков периодически вырубать прибрежные заросли, а кроме того, башня находилась от берега на расстоянии, превышавшем дальность прицельного огня. Рассчитывать же на удачу было нельзя: су-

мей хоть один часовой избежать пули, и наши планы пошли бы прахом.

Мы лесом поднялись на милю выше по течению, где река делала поворот, и там выбрались к берегу. Изготовить из поваленных деревьев плот оказалось делом нехитрым, и мы быстро спустили его на воду. Нас было пятеро: я и четверо лучших стрелков гура: Таб Быстроног, Скел Сокол и двое парней из племени хортов. У каждого за спиной висело по два мушкета.

Мы выгребли от берега, и бурный поток подхватил наш плот, оказавшийся достаточно тяжелым и устойчивым к набегавшим волнам. Подгребая вытесанными на скорую руку из бревен веслами, мы пытались направить его движение, правда без особого успеха. Когда стало понятно, что плот пронесется мимо заранее выбранного ориентира — выдающегося далеко в русло каменного мыса, мы спрыгнули с бревен и побрали по пояс в красной бурлящей воде, стараясь не замочить оружие. Время от времени кто-нибудь из нас терял равновесие, и только дружеские руки спасали его от смерти в бешеном потоке. Наконец, промокшим до последней нитки, с разбитыми в кровь ногами и разодранными ладонями, нам удалось выбраться на берег.

Времени на то, чтобы отдохнуть и передохнуть, у нас не было. Оставалось осуществить самую важную часть плана, собственно ради которой и затевалось это путешествие. До рассвета мы должны были занять позицию за башней со стороны пустыни. Я уповал на то, что часовые не настолько внимательно следят за пустыней, расстилавшейся за их спинами, насколько не сводят глаз с переправы.

Мы решили не рисковать и отказались от соблазна начать пальбу в преддроссветной темноте, убрав часового, хотя тот и четко выделялся на фоне неба. В неверном свете звезд можно было упустить кого-нибудь из его приятелей.

Так мы и скоротали остаток ночи в небольшой яме в пустыне, согреваясь теплом друг друга, в какой-то сотне ярдов от башни. Ожидание было напряженным, потому что теперь все зависело от успеха нашей миссии. Неожиданно до наших ушей донесся звон металла, перекрывший шум несущейся воды, — кто-то из основного отряда, оставшегося на том берегу и теперь, под покровом ночи, пробиравшегося к порогам, был неосторожен. Не пропустили этот звук и сторожа на башне. Буквально через пару секунд с каменного парапета сорвалась крылатая фигура, и в начинавшем светлеть небе захлопали крылья. Дозорные знали свое дело. Но знали свое дело и мы: меткий выстрел Скела свалил ягненка наповал.

Через мгновение в воздух, разлетаясь в разные стороны, взметнулись пять крылатых теней, стремительно набирающих высоту. Ягненка быстро сообразили, что происходит, и теперь надеялись, что хоть кому-нибудь из их отряда удастся избежать пули. Я точно промахнулся, а кто-то из хортов лишь слегка зацепил выбранную мишень. Но второй залп решил все вопросы. Шесть крылатых тел лежали на земле. Судя по всему, это был весь отряд, дежуривший на башне. Ясмина не обманывала меня, когда говорила, что на этом посту постоянно несут службу шестеро караульных.

Трупы мы побросали в реку, а затем я переправился по выступающим камням на тот берег. Найдя своих, я приказал Гору передать командирам, чтобы те начинали выдвигать свои отряды из леса к переправе, но соблюдая все меры предосторожности. До наступления следующей ночи я не хотел начинать переход через пустыню.

Вернувшись к башне, я осмотрел ее стены вместе со своими товарищами. Как я и предполагал, у этого сооружения дверей не оказалось. Лишь в каменной стене на высоте двух человеческих ростов виднелись маленькие зарешеченные окошечки. Ягненка попадали в башню через верх. Нам ничего не оставалось, как про-

вести день в вырытых у ее подножия ямах, забросав друг друга сухими ветками, чтобы не привлекать излишнего внимания. Но за весь день лишь один крылатый человек перелетел через реку и, удивленный тем, что никого не увидел на башне, спустился пониже. Залп из полудюжины мушкетов превратил его в облако кровавых ошметков.

Как только солнце зашло, наша армия начала форсировать реку. Несмотря на то что переправа такого количества людей заняла много времени, мы, наполнив бурдюки водой, отправились в путь по пустыне и до рассвета успели покрыть значительное расстояние. Еще до восхода солнца мы уже подходили к берегам следующей водной преграды — реки Джог.

Воины гура попрятались в садах и полях, благо синекожие акки выходили на сельскохозяйственные работы часа через полтора после восхода солнца. Слава всевышнему, совершенно не было заметно никакой активности ягья — видимо, и вправду крылатые люди полностью полагались на неприступность своей скалы, надежность естественной преграды — Пурпурной Реки — да бдительность стражей на башне. Кроме того, вот уже несколько столетий гура не отваживались на вторжение в пустыню, памятуя о печальной судьбе своих предков, пустившихся в безумную авантюру.

Самоуверенные ягья не патрулировали подвластную им территорию, а что касается тупоголовых акков, так те и вовсе не задумывались о таких вещах и уж тем более не ожидали никакого нападения. Хотя я был уверен, что, будучи разозленными, они станут сражаться, как дикие звери, защищая свой дом и свою веру.

Оставив восемь тысяч воинов под командованием Кошуга в зарослях плодовых деревьев, я с отобранный тысячей стал пробираться к реке, вознося хвалу небу за то, что под моим командованием оказались такие отборные и опытные бойцы: там, где любой зем-

ной вояка сопел бы и тонал, как медведь, дикиари гура двигались бесшумно, как охотящиеся пантеры.

Зайдя по колено в воду, я всматривался в противоположный берег. На фоне еще темного неба вырисовывалась крепостная стена. Я прекрасно понимал, что взять ее штурмом под ударами копий стражников акков, отнюдь не уступавших гура силой, стоило бы больших потерь. Можно было бы подождать, пока с первыми лучами солнца опустится подъемный мост и распахнутся ворота, открывая путь выходящим на работу крестьянам, но в этом случае охрана увидит нас со стены еще в предрассветных сумерках.

Посовещавшись с Гором, мы вдвоем переплыли реку и добрались до основания кладки стен и опор моста. Глубина реки здесь была не меньше, чем на середине, и нам пришлось изрядно повозиться в поисках подходящей опоры. Наконец Гор умудрился кое-как упереться ногами в выбоины на камне и занять более или менее устойчивую позицию. Я, вскарабкавшись по гигантскому котжу, как по дереву, забрался ему на плечи и сумел подтянуться и залезть на ту часть моста, что смыкалась с воротами. Не увидев ничего подозрительного, я начал перелезать через ворота, но только успел перекинуть ногу, как стражник, которого я ошибочно посчитал спящим, прокричал тревогу и бросился на меня.

Уворачиваясь от нацеленного на меня копья, я покачнулся, потерял равновесие и опрокинулся с ворот, успев, однако, зацепиться за них ногами, и повис вниз головой. Не тратя времени на то, чтобы занять более выгодную позицию, я изо всех сил двинул акка кулаком в ухо. Оглушенный, он рухнул на землю, а я спрыгнул и подобрал его копье. Перегнувшись через ворота, я опустил вниз копье, по которому Гор быстро вскарабкался ко мне. Подмога прибыла крайне своевременно, потому что как раз в этот момент заспанные синекожие стражники повыскакивали из караульной казармы. Удивленно выпучив на нас глаза, акки

наконец сообразили, что на город совершено нападение, и, подбадривая друг друга криками, бросились в атаку.

Гор остался прикрывать меня, а я метнулся к большому вороту, опускавшему мост и распахивавшему ворота. За моей спиной разыгрался нешуточный бой. Я слышала проклятия Гора Медведя, крики стражников, звон железа и стоны первых раненых, но обернуться не мог. Все мои силы уходили на то, чтобы превернуть тяжелый ворот, с которым обычно управлялось не менее пяти человек. Медленно, невероятно медленно тяжелый пролет начал свой путь вниз — казалось, конца ему не будет, наконец поползли в стороны створки ворот. В тот же миг в узкую щель начали прорываться первые воины гура.

Сделав свое дело, я бросилась на помощь Гору, хриплые проклятия которого доносились из плотной кучи облепивших его со всех сторон противников. Поскольку наша операция перестала быть тайной и шум в нижнем городе встревожил обитателей Юты, нам во что бы то ни стало нужно было закрепиться в Акке, прежде чем ягяя обрушат на наши головы град стрел, копий и горшков с жидким огнем.

Гору пришлось туго. И хотя у его ног уже лежало поддюжины мертвых и тяжелораненых акков, а он неистово орудовал тяжелым мечом, силы были слишком неравными. Я, вооруженный одним лишь кинжалом, подскочил к своре врагов, окруживших моего друга, и вонзил клинок прямо в сердце одному из стражников. Его меч перешел ко мне в руки. И хотя это грубое оружие, выкованное из плохого железа в примитивных кузницах Акки, ни в какое сравнение не шло с клинками котхов, все же оно было достаточно острое и массивное. Я не замедлил обрушить трофеевый клинок на головы несчастных акков, участь которых теперь была решена. Гор приветствовал мое появление довольным рыком. Вдвоем мы смогли полностью контролировать подход к воротам, давая время нашим ребятам.

И вот уже к нам присоединился первый из перевившихся через мост воинов гура. Мне некогда было рассматривать, принадлежал ли воин к коткам или хортам. Вскоре полсотни моих крепких ребят бок о бок с нами вели бой с горожанами, откинув их от ворот на пару десятков метров.

Однако и к страже подоспела подмога, и мы начали вязнуть в массе синекожих бойцов. Акки напирали из всех боковых переулков, и вот уже они начали оттеснять нас обратно к воротам. И хотя каждый из моего отряда стоил трех-четырех синекожих — сказывалась отличная боевая выучка гура, но подавляющий перевес в численности оказался решающим. Наш передовой отряд стремительно таял.

Мы ввязались в изнурительный бой на узком пространстве, не имея возможности продвигаться вперед. На отбитом пятаке у распахнутых ворот и на самом мосту сгрудились жаждущие принять участие в бою, но совершенно бессильные нам помочь воины обоих племен. Акки же, в свою очередь, заняли уже все окрестные стены и потрясали оружием, завывая, словно стая гиен. Нам очень повезло, что у них не вдилось ни луков, ни иного метательного оружия — ятая позабыли, чтобы у синекожих не оказалось ничего опаснее дрянных мечей да копий у охраны моста.

Быстро рассвело. Враги наконец смогли рассмотреть друг друга. Вне всякого сомнения, обитатели Черной Скалы уже сообразили, что происходит в нижнем городе. Мне казалось, что воздух над головами уже наполняет хлопанье сильных крыльев, но отвлечься от боя и поднять голову я не мог. Мы бились в такой тесноте, что не было возможности даже размахнуться, чтобы нанести хороший удар мечом. Многие акки, впавшие в какое-то исступление, побросали оружие и просто набросились на нас, кусаясь и орудуя длинными острыми когтями. Воздух наполняла отвратительная вонь их пота. Мы дружно проклинали тесно-

ту, мечтая о том, чтобы получить возможность в полную силу орудовать мечом и кинжалом.

Захваченный боем и ожидая с минуты на минуту ливня стрел и огня сверху, я совсем забыл о том оружии, которым были вооружены наши солдаты, но которое гура опасались использовать в темноте из боязни зацепить своих. Сейчас, при свете дня, настало самое время употребить мушкеты. Первый же залп, прозвучавший так неожиданно, что заставил даже меня вздрогнуть от страха, полностью очистил от синекожих гребень стены. Не стихая ни на мгновение, за нашими спинами на мосту гремела канонада, а над головами свистели пули, поражающие противников одного за другим.

Результат превзошел все мои ожидания. Явно впервые столкнувшись с огнестрельным оружием, акки не выдержали грохота и укусов невидимой смерти, приносящейся неизвестно откуда, и, побросав оружие и прикрывая головы руками, бросились удирать со всех ног. Им по пятам хлынули гура, растекаясь по узким улочкам Акки.

Нельзя сказать, что сопротивление синекожих было подавлено. Упорные акки продолжали вести бой. Повсюду слышались звон стали, выстрелы, стоны, крики, проклятия... Но главная опасность для нас исходила сверху.

Ютта напоминала развороченное осиное гнездо, ягыя гроздьями срывались со стен. Несколько сот крылатых бойцов бросились вниз, сверкая кинжалами, а остальные кружились у вершины скалы, поливая Акку дождем стрел. Приближающиеся отряды встретил залп мушкетов. Десятки мертвых и раненых ягыя рухнули на крыши города, остальные же поспешили убраться со всей скоростью, какую позволяли развить их крылья.

Но, защищаясь, они причинили нам гораздо больше вреда, чем в атаке. Из каждой бойницы, из каждой башни на вершине скалы летели смертельные стрелы,

находящие обильную жатву. Ягъя не утруждали себя точным прицеливанием, с внушающим ужас равнодушием расстреливая как врагов, так и рабов.

Бой переместился под крыши и в защищенные стенами узкие улочки. Хотя акки в несколько раз пре-восходили числом наш передовой отряд, ярость, сме-лость, умение обращаться с оружием и боевой опыт дикарей с равнин уравняли шансы.

Засевшие на другом берегу воины под команда-ванием Кошути Скуловорота вели ураганную стрель-бу по крепости на скале. И хотя их стрельба на таком расстоянии была малозэффективна, тем не менее они причиняли ягъя весьма приличный урон. Однако луки ягъя, осыпавшие нас стрелами с большой высоты, ока-зались более дальнобойным и опасным оружием, чем несовершенные мушкеты. Наши войска были не в со-стоянии даже пересечь мост, чтобы поддержать наше наступление, настолько часто и густо летели в их сто-рону стрелы людей-птиц.

Наш отряд сметал все на своем пути. Собрав вок-руг себя лучших бойцов, я целенаправленно прорывал-ся к храму Ясмины. К этому времени я уже успел сме-нить грубый и неудобный меч акков на отлично сба-лансирующий котхский клинок, позаимствованный мной у убитого соплеменника. Отправившийся на поля Тхака воин мог бы быть доволен: я сполна ото-мстил за него. Около храма меня, рубившихся со мной бок о бок Гора Медведя, Таба Быстронога, Тзана По-ющего Меча и еще сотню наших воинов на какое-то время смогла задержать толпа особенно рьяно сопро-тивлявшихся синекожих, принадлежащих к охране храма.

Разделавшись с ними, мы устремились вверх по ступеням. Вдруг из-за колонны на меня набросился жрец со щитом и с копьем наперевес. Отбив копье, направленное прямо мне в живот, я обозначил обман-ный выпад мечом, словно собираясь ударить им в бок жрецу. Тот поспешил укрыться щитом, что стало его

последней ошибкой. Повернув стальной клинок, я одним ударом снес жрецу голову. Та, словно тяжелый твердый орех, заскакала по ступеням храма, оскалив в смертельном удивлении зубы. Подобрав с пола выпавший из руки убитого священника щит, я вбежал внутрь калища.

Пробежав под сводами храма, я несколькими движениями вырвал из напольных креплений золотой экран и отбросил его в сторону. Мои соплеменники удивленно следили за моими действиями и с интересом оглядывались по сторонам. Наконец мне удалось найти потайной замок, и, нажав на рычаг, я потянул дверь на себя. Она поддалась, но неожиданно тяжело, вовсе не так, как раньше. Это насторожило меня, но предпринимать что-то было уже поздно. Мои худшие догадки о коварстве ягья подтвердились.

Я услышал какой-то странный ревущий звук, и вдруг дверь резко распахнулась, припечатав меня к стене всей своей тяжестью. В храм хлынул поток жидкого пламени, заливая и выжигая все вокруг. Меня спасла лишь толстая каменная дверь, отгородившая меня от огненного потока, вырвавшегося из каменной шахты.

На миг в храме стало светло, как днем, из своего укрытия я мог видеть лишь буйство огня. Наконец стена пламени осела, и я увидел безрадостную картину. Лишь небольшая группа воинов моего штурмового отряда, среди которой оказались и мои ближайшие друзья, сумела спастись благодаря своей проворности или по воле случая. К моему непередаваемому облегчению, оказались живы Гор, Таб, Тзан и кое-кто еще. А на полу осталось не менее полусотни обгоревших до костей трупов. Эти несчастные оказались прямо на пути всепожирающего пламени ягья, вырвавшегося из коварной ловушки.

Правда, теперь узкий коридор оказался пустым, и нас больше ничто не задерживало. Ясное дело, глупо с моей стороны было бы предполагать, что Ясмина

не оставит без внимания потайную дверь. Умная королева ягья не могла не понять, каким способом мне удалось улизнуть из ее дворца. Эта женщина, куда более опасная, чем взбешенный скорпион, подготовила мне смертельную западню, догадываясь, что дверь буду открывать именно я. Посчитав мою судьбу решенной, она даже не позаботилась выставить дополнительную охрану, будучи уверена, и не совсем без основания, что без меня гура не представляют особой опасности. Она жестоко просчиталась!

Осмотрев боковые поверхности секретной двери, я обратил внимание на остатки какого-то вещества, похожего на воск. Похоже, с той стороны дверь была запечатана герметично, а между ней и этой восковой заглушкой залит некий состав, воспламеняющийся от соприкосновения с воздухом или от механического трения.

«Наверняка и у верхнего люка нам будет подготовлен какой-нибудь сюрприз», — подумал я и крикнул Табу, чтобы он взял факел. Гору же я велел отправляться наружу и созывать всех наших к храму, а затем следовать за мной, прихватив что-нибудь подходящее для тарана. Быстро поднявшись по ступеням, вырубленным в почти вертикальной шахте, я обнаружил, что люк заперт сверху. Приложив ухо к крышке, я по гулу голосов определил, что будуар Ясмины сейчас битком набит ягья. Тут внизу замаячил огонек, и вот уже ко мне присоединился Таб с факелом в руках. За ним следовали Гор и два десятка гура, которые волокли тяжелую деревянную балку, видимо служившую стропилом, снятым с одной из крыши Акки. Гор рассказал, что бой в городе еще продолжается, но большинство мужчин-акков перебито, а оставшиеся в живых предпочли вместе с женщинами, детьми и домашним скарбом переправиться на дальний, южный берег Джога. В храме же и в шахте за нами собралось уже более пятисот воинов, а к городу, на скорую руку изготовив большие щиты из досок и ветвей, пробиваются основные силы, хотя и несут большие потери.

— Тогда, — велел я, — выбивайте крышку люка. Нам нужно добраться до сторожевых башен крепости и связать лучников ягъя боем, пока они еще не перебили половину отряда Кошута.

Приноровившись к узкому проходу и поудобнее устроившись на крутых ступеньках, мы подхватили балку и, действуя ею как тараном, ударили в крышку люка. Раздался страшный грохот, но камень выдержал. Еще! Еще!! Раз за разом мы наносили тяжелые удары. Мы уже почти оглохли от грохота, как вдруг конец балки треснул, раздался звук раскололшегося камня — и в туннель хлынул свет.

Со звериным ревом я, словно выпущенный из пращи, влетел в будуар Ясмины, прикрывая голову золоченым щитом. На меня тотчас же обрушились удары не менее чем двух десятков кинжалов. С трудом удержавшись на ногах в этом водопаде стали, я протаранил стоявших прямо передо мной ягъя щитом. Отпрыгнув назад, я обернулся и, словно диск, запустил щит прямиком в лица пытающимся достать меня с тыла людям-птицам. Тяжелый щит срубил головы двум крылатым бестиям, отвлекая на миг внимание остальных. Я перехватил меч двумя руками и, широко расставив ноги, присел для надежности. Очертив вокруг себя стальной круг, я смел ягъя, как косец траву, снося головы, отсекая руки и крылья, вспарывая животы нападавшим.

Но все равно я не смог бы продержаться больше нескольких минут и погиб бы, если бы вслед за мной не показались стволы дюжины мушкетов. Я грохнулся на пол, и надо мной пролетел шквал пуль, сразив наповал десяток людей-птиц.

Первым из люка выскочил Гор, затем комната наполнилась жаждущими крови котхами и хортами.

Нас беспрерывно атаковали ягъя. Все соседние коридоры и комнаты оказались битком набиты воинами. Но, стоя плотным кольцом, спина к спине, мы сумели удержать горловину шахты. С каждой секундой

все новые и новые гура присоединялись к нам, вступая в бой. Скоро относительно небольшой будуар Ясмины оказался завален трупами и умирающими гура и ягья, а меха настолько пропитались кровью, что помещение стало напоминать внутренности некой чудовищной мясорубки.

Нам сравнительно быстро удалось очистить от ягья ближайшие помещения и коридоры, и уже через сорок минут все восточное крыло дворца оказалось охвачено кровавым сражением. Многие ягья были вынуждены покинуть бойницы у стен снаружи и вступить в рукопашную, где наше превосходство было очевидным. Хотя мы десятками отправляли ягья на тот свет, наши силы тоже убывали. Нас осталось не более трех с половиной сотен, но больше из люка никто не показывался. Видимо, переправа через мост основных сил под командованием Кошута под ураганным огнем происходила крайне медленно. Я отправил вниз Таба Быстронога, чтобы тот велел Кошуту поторопиться любой ценой и показал путь наверх.

В бесконечной кровавой пелене мне начало казаться, что все защитники Югти оставили стены и обрушились на нас — так много их было за каждым углом, в каждой комнате. Я уже говорил, что по храбрости и умению им было далеко до моих бойцов, но любой народ будет драться до конца, обнаружив врага в своем последнем убежище. И нельзя сказать, что крылатые твари были слабаками. В любом случае, если бы верхняя часть дворца походила на нижнюю с ее огромными коридорами, мы не продержались бы и двадцати минут. В этих же узких коридорах ягья не могли даже развернуть крылья и взлететь, так что им приходилось биться в пешем строю.

В какой-то момент бой словно застыл на месте. Каждый воин продолжал сражаться лицом к лицу с врагом, действуя мечом и кинжалом. Все новые и новые трупы громоздились вокруг, заполняя бесконечные анфилады комнат. Но у нас подошли к концу за-

ряды к мушкетам, а ягъя не могли в такой давкепустить в ход луки. Мы странно топтались на месте, исполняя некий безумный танец смерти, не в состоянии занять хотя бы еще одно помещение, а ягъя — бессильные откинуть нас обратно к шахте.

На какой-то страшный миг мне показалось, что мои бойцы вот-вот не выдержат, сломаются и начнут отступать под написком огромного количества врагов. И вдруг — о чудо! — я услышал дикий рев, и из люка, буквально друг у друга на головах, посыпались люди Кошута, алчущие крови, как бешеные псы. Вы себе и представить не можете, до какого состояния могли известись доблестные варвары, будучи не в силах переправиться через реку и прячась, как кролики, от смертоносных стрел в зарослях и садах. Гура теперь были одержимы только жаждой убийства да желанием помочь друзьям.

Таба Быстронога с ними не оказалось, но Кошут успокоил меня, что тот был всего лишь ранен на мосту стрелой в ногу. Молодой воин сумел превозмочь боль и кратчайшим путем привел вождя и воинов гура к храму, безжалостно их подгоняя. Вообще же потери при переправе оказались не так велики, как я боялся. Своим нападением мы вынудили большинство стрелков ягъя покинуть свои места у бойниц и принять бой внутри дворцового комплекса.

Завязалось самое ожесточенное и кровавое по боище, которое я когда-либо видел. Получив подкрепление, мы усилили написк на защитников черной цитадели, и те дрогнули, начав отступать. Обезьяноподобные волосатые воины занимали зал за залом, коридор за коридором, десятками погибая от кинжалов ягъя, но за каждого убитого гура крылатые демоны платили сторицей. Обезумевшие от ярости и запаха крови, воины не слушали вождей, пыгавшихся удержать их вместе. И вскоре группки сцепившихся в смертельном бою гура и ягъя рассыпались уже почти по всей крепости, оглашая воздух истощными криками и звоном стали.

Выстрелов практически не было с обеих сторон: вышли почти все боеприпасы. Шла жестокая сеча извечных врагов, в которой никто не просил и не давал пощады. К счастью, внутри зданий, в помещениях, люди-птицы не могли расправить крылья и были вынуждены вести с нами бой на равных условиях, неся значительно большие потери, чем во время налетов на города. По этой же причине не могли они и использовать свое любимое оружие — горшки с жидким огнем, подобным тому, что встретил нас в храме.

В бою на твердой земле гура были непобедимы, и мы старались избегать открытых площадок, крыш и залов с высокими куполами и потолками. Там же, где приходилось сражаться на крышах и широких открытых галереях между башнями, увы, мы несли куда большие потери. Десятки и десятки дикарей гура гибли в отчаянной схватке, но наши крылатые враги под разящими ударами тяжелых мечей гибли сотнями и сотнями.

Кто-то может посчитать, что нам неслыханно повезло: мы смогли незаметно перейти через Пурпурную Реку, захватить Акку, пробраться по подземному ходу и связать ягъя боем на твердой земле, избегнув стрел и жидкого огня. Но вот что я скажу вам: на нашей стороне была справедливость, а ягъя, уверовавших в свое «божественное» могущество, подвела их самонадеянность.

Гура мстили за тысячи лет страха и унижений, и их месть была неистовой и кровавой. Их мечи не знали пощады — жертвами острой стали становились равно и воины-мужчины, и подвернувшиеся женщины ягъя. Но, вспоминая об их жестокости и кровожадности, я даже не могу себя заставить посочувствовать им. А в тот момент меня и вовсе интересовало другое.

Я искал Альту.

Тысячи женщин-рабынь всех цветов кожи попадались нам на пути. Синекожие акки и женщины из-за Барьера в ужасе жались к стенам и по углам, не в силах осознать истинный смысл происходящего, видя лишь

кровавую резню. С лиц желтоожих и краснокожих рабынь не сходил страх, когда на их глазах еще более дикие и страшные, чем ягъя, создания уничтожали их хозяев. В их прекрасных головках не укладывалось, что нас привела сюда не зависть и жадность, а месть.

Но время от времени я видел, как улыбались, еще не веря в спасение, белокожие женщины гура, а несколько раз я даже слышал восторженные крики. Но больше всего меня потрясла такая сцена: одна из рабынь, захлебываясь слезами и смехом одновременно, повисла на покрытом кровью и потом мужчине, узнав в нем брата, мужа или просто соплеменника, а здоровенный гура плакал, бережно прижимая к себе девушку.

Прорубая себе путь мечом, я искал апартаменты, где содержались Лунные Девственницы. Пока никто из встреченных мной рабынь ничем не смог мне помочь. Случайно я наткнулся на лежащую женщину. Бедняжка, оказавшись на поле боя, забилась в угол, чтобы не попасть под горячую руку сражающихся мужчин. Я поднял ее на руки, а затем проорал ей прямо в ухо свой вопрос. Она поняла меня, но смелости ей хватило лишь на то, чтобы ткнуть пальцем в нужном направлении. Не выпуская девушку из рук, я прорвался через сражающуюся толпу в пустой коридор.

Я поставил девушку на каменный пол, и она побежала по коридору, крикнув, чтобы я следовал за ней. Я несся за своей легконогой проводницей по переходам и залам. Вот мы выскочили на какую-то крышу, где кипел бой, и мне снова пришлось пробиваться сквозь ряды ягъя. Наконец девушка вывела меня к крытой площади в самой верхней части города.

Я бегом пересек широкую площадь и побежал к большой двери в дальнем ее конце. Она оказалась заперта на висячий замок. Несколько ударами меча мне удалось сбить замок, и я пинком распахнул огромные створки. Из глубины мрачной комнаты, свет в которую попадал лишь через небольшое зарешеченное окошко под потолком, на меня глядели полторы

сотни испуганных женщин, приготовившихся к худшему. Не представляя, чем их успокоить, я просто выкрикнул имя Альты. В ответ послышался знакомый голос:

— Иса! Иса, это ты!

Ко мне, расталкивая подруг, метнулась худенькая девичья фигурка. Через мгновение тонкие руки с неожиданной силой обнимали меня за шею, губы покрывали лицо горячими поцелуями. В объятиях любимой я забыл обо всем на свете, но из блаженного тумана меня вырвали звуки боя за спиной. Я отпустил Альту и развернулся.

Еще мгновение назад пустая, площадь теперь была заполнена целой толпой сражающихся как дьяволы ягня из личной гвардии Ясмины. Крылатые бестии были вынесены под купол из галереи бешеным натиском наступавших гура. Исход этой схватки предсказать стало нетрудно. Смерть людей-птиц была лишь вопросом времени.

Но тут я услышал леденящий душу знакомый смех, и передо мной оказалась сама королева Ясмина.

— Итак, ты вернулся, Железная Рука? — Ее голос, казалось, был ядовит, как змеиный укус. — Вернулся со своими вандалами, чтобы осквернить обитель богов? Но тебе не насладиться победой, глупец! Тебе даже ее не пережить!

Она рассмеялась совершенно безумным смехом, от которого у меня мурашки поползли по телу.

Мне нечего было ей сказать. Я молча ударил мечом прямо ей в грудь, но с нечеловеческим проворством она увернулась от моего клинка и поднялась в воздух. Сверху продолжал раздаваться ее жуткий смех, переходящий в вой гиены.

— Ты глупец, Иса Кэрн! Ты так ничему и не научился! Разве я тебя не предупреждала, что готова погибнуть под руинами своего королевства? И ты со своими грязными животными, годными лишь на то, чтобы удовлетворять голод, последуешь в небытие за мной!

С этими словами королева, набирая скорость с каждым взмахом черных крыльев, понеслась к самому куполу. Ягья, похоже, поняли ее намерения, поскольку, взвыв от страха, погнались за ней в надежде остановить свою безумную повелительницу. Но поздно! Подлетев к куполу, Ясмина перевернулась в воздухе и, упервшись в свод обеими ногами, всем телом навалилась на какой-то засов или рычаг — снизу я не мог разглядеть точно, — замаскированный на каменной поверхности.

Купол вздрогнул, по нему прошла трещина, и вдруг большая его часть начала сдвигаться. В образовавшейся щели что-то мелькнуло, и внезапно огромный кусок камня рухнул вниз, давя и калеча гура и ягью. Площадь заволокли клубы пыли. Не успела пыль осесть, как в пролом не то прыгнула, не то упала исполинская тень. В центре просторной площади на мозаичных плитах поднималось на ноги существо, которого просто не должно было существовать на свете. И у ягью, и у гура вырвался из груди непроизвольный крик ужаса.

Ужасающее создание превосходило размерами слона и походило на исполинского слизника на мощных ногах, опоясанного множеством отвратительно извивающихся длинных щупалец. Из тошнотворно пульсирующих розоватых отверстий на концах щупалец сыпались ярко-белые искры и вырывались языки синего пламени. Эти хлещущие вокруг щупальца-плети были невероятно сильны — чудовище, внешне не прикладывая ни малейших усилий, вырывало из каменных стен целые блоки. Не только стены, но и пол вокруг пошел трещинами.

У этого безмозглого создания, походившего на исполинскую амебу, не было никаких органов чувств. Это была чистая сила хаоса, помещенная в самую примитивную живую оболочку. Ясмина выпустила в мир овеществленную слепую ярость и жажду разрушения.

Действия чудовища были начисто лишены какого-то логики или элементарного здравого смысла. Оно

просто крушило все, до чего могло дотянуться. Бросаясь из стороны в стороны, монстр пробивал телом стены насквозь, совершенно не обращая внимания на сыпавшиеся на него каменные глыбы. В одно мгновение погибли несколько сотен гура и людей-птиц, раздавленных камнями и испепеленных страшным огнем.

— Быстро назад, в шахту! — заорал я. — Спасайте девчонок!

Щедро раздавая оплеухи, я начал выталкивать ослабевших от заключения и потерявших от страха голову женщин, передавая их другим гура. Тем временем со всех сторон обваливались стены, рушились башни и минареты.

— Вяжите веревки из занавесок и покрыва! — приказал я. — Спускайтесь по склону. Тхак вас разорви, не зевайте! Эта гадина не остановится, пока полностью не уничтожит все вокруг!

— Я нашел смотанные веревочные лестницы, — доложил кто-то из моих бойцов. — Но они не достанут до воды...

— Вниз, ради всего святого, отправляйте женщин вниз! Не достают до воды, значит, будете прыгать — лучше рискнуть нахлебаться воды, чем оказаться раздавленным какой-нибудь глыбой, — ответил я.

Я раздумывал всего лишь одно-единственное мгновение, затем подозвал к себе Гора и сказал:

— Брат, я доверяю тебе Альту. Спаси ее!

Передав не успевшую ничего сообразить девушку в руки залитого чужой и своей кровью великана, посмотревшего на меня понимающим взглядом, я понесся вслед за порождением ада, неутомимо разрушающим город на скале Ютла.

\* \* \*

От этой гонки у меня остались лишь обрывочные воспоминания: рушащиеся стены, раздавленные насмерть и бьющиеся в конвульсиях люди и несущаяся

не разбирая дороги машина разрушения, вокруг которой распространялось какое-то неестественное, похожее на электрическое, сияние.

Сейчас уже невозможно установить, сколько живых существ — гура, ягъя и рабынь всех цветов кожи — погибло в этом холокoste. Несколько сотням человек удалось выбраться по подземному туннелю, пока на него не обрушились стены уничтоженного чудовищем дворца, похоронив под тоннами камней всех тех, кто находился в этот момент внутри.

Размотав найденные лестницы, мои воины успели спустить по ним множество женщин, не разбирая, какого цвета их кожа. По более коротким лестницам, не достававшим до воды, люди спускались на крыши нижнего города, по более длинным — прямо в реку Джог. В тот момент главным было выбраться из погибающей Югти.

Я гнался за кошмарным созданием, в сущности не представляя, что собираюсь делать. Перепрыгивая через завалы камней и уворачиваясь от падающих обломков, я просто бежал, пока не настиг амебоподобного монстра. Оказалось, что он вовсе не такой уж бесчувственный и слепой. Стоило мне метко засадить увесистым булыжником в оказавшееся весьма чувствительным белесое пятно на голове, как движения гигантского слизняка перестали быть беспорядочными. Разбрасывая груды камней в разные стороны, как медведь разбрзгивает пену, переходя через горный ручей, исполинский червь проворно развернулся в мою сторону.

Я мчался изо всех сил, уводя монстра за собой — прочь от того места, где напуганные люди покидали город. Мною двигал не безрассудный героизм, а четкое осознание того, что каждая выигранная секунда означает чью-то спасенную жизнь. Но незнание планировки Югти привело к катастрофе: я оказался в тупике. Передо мной, перекрывая проход меж двух высоких стен, выросла полукруглая башня. Донжон на-

висал прямо над водами Джога, несшего свои воды пятьюстами футами ниже. Сзади неумолимо надвигался огромный слизняк.

Я развернулся, поднимая меч, предпочитая пасть в неравной схватке лицом к врагу. Белый червь на миг приостановился, даже чуть попятился, а затем, рассыпая искры, бросился на меня.

Когда исполинская туша нависла надо мной, я наткнулся взглядом на темное пятно размером с мою голову, располагавшееся в середине просторного брюха. Не знаю, что именно — инстинкт дикаря или образование цивилизованного человека — подсказало мне, что это — единственная уязвимая точка дьявольского создания. Словно сжатая пружина, я распрямился и нырнул прямо ему под брюхо. Сила и глазомер не подвели меня: я по самую рукоятку всадил острый кусок стали в нервный центр этого порождения тьмы. Что было потом — я не знаю. Для меня мир погрузился в море огня и раскаты страшного грома, за которыми последовали темнота и блаженное небытие.

Лишь много позже мне рассказали, что после моего удара и чудовище, и я скрылись в облаке синего пламени. А затем раздался страшный треск, и вместе с разваливающейся в воздухе на куски башней мы обрушились в реку с высоты пятисот футов.

Ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения, что я погиб. Лишь никогда не унывающий и ничего не боящийся Таб Быстроног был уверен, что я остался в живых. Несмотря на тяжело раненную ногу, он бросился в воду и, каким-то чудом найдя мое бесчувственное тело, выволок его на берег.

Вы можете мне возразить, что ни одному человеку не удастся уцелеть после падения с такой высоты. Но мне не остается ничего другого, как развести руками и ответить, что я выжил. Хотя, по правде говоря, не думаю, что кто-нибудь из землян смог бы повторить такой полет с таким же результатом. Должно быть, у смерти на меня другие планы.

Но мне дорого обошлось это падение. Не один день я пребывал без памяти и еще дольше и куда мучительнее, в бреду и кошмарах, приходил в себя. Но самым страшным было то, что я длительное время оставался не только парализованным, но и немым, пока мои нервы, мозги мышцы медленно-медленно возвращались к жизни.

Ясность мышления вернулась ко мне только в Котхе, поэтому я ничего не запомнил о долгой дороге домой, прочь из разрушенной Югги, чьи жестокие хозяева навсегда (по крайней мере, я так тогда надеялся) канули в небытие. Из более чем девяти тысяч воинов Котха и Хорты, отправившихся по велению сердца в страну Яг, вернулось назад лишь чуть более трети. Причем из них не было практически никого, кто был бы не ранен. Но вернулись Победители!

С ними возвратилось более пятнадцати тысяч женщин — освобожденных рабынь всех рас. Тех гура, которые не принадлежали к коткам или хортам, сопроводили до их родных городов. И этот беспрецедентный случай, невиданный за всю историю существования на Альмарике расы гура, положил начало новым отношениям между людьми на этой планете. Кстати, женщинам других племен и тем, что были похищены ягья вовсе из-за Барьера, предоставили возможность свободно выбирать место жительства в любом из городов гура — это было единогласно принято на первом в истории этого мира совете вождей гура.

А что касается городов Котха и Хорты, то наши племена заключили мир и поклялись в кровной дружбе на вечные времена. Теперь оба племени вместо того, чтобы воевать, плечом к плечу сражались против враждебных сил, которых еще немало оставалось на этой суровой планете, и вместе добывали себе пищу на охоте. Я надеюсь, что наш почин со временем подхватят и остальные племена.

Мы с Альтой наконец обрели друг друга. И ее прекрасное лицо, склонившееся надо мной, было первым,

что я увидел, когда очнулся по возвращении из страны Яг. Наверное, наша любовь пребудет с нами вовечно — слишком в тяжелых испытаниях и лишениях она была обретена.

И вот мы двое — я, землянин, и Альта, рожденная на Альмарике, но одержимая неутомимой жаждой познания, что свойственна лишь лучшим представительницам женского племени на Земле, теперь живем надеждой передать хоть малую часть культуры моей родной планеты прекрасному, но дикому народу, ставшему теперь и моим.



УЖАС  
ИЗ КУРГАНА



## ЖИВУЩИЕ НА ЧЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

**В**се началось с глупой прогулки... Это вам ничего не напоминает? Уверен, во мне затаился какой-то пуританский атавизм. Впрочем, в прошлом я никогда не уделял много внимания подобным учениям. В любом случае дайте мне нацарапать мою короткую и ужасную историю до того, как вспыхнет рассвет и над берегом разнесутся предсмертные крики.

Сначала нас было двое. Я сам, конечно, и Глория — моя невеста. У Глории был аэроплан, и она любила летать... Вот один из таких полетов и послужил началом всего этого ужаса. В тот день я пытался отговорить ее от полета... Клянусь вам, я пытался!.. Но она настаивала, и мы вылетели из Манилы, взяв курс на Гуам. Почему? Прихоть безрассудной девушки, которая ничего не боится и всегда сгорает от желания пуститься в какое-нибудь новое приключение... словно приключения — вид спорта.

О том, как мы попали на Черное побережье, нечего рассказывать. Поднялся один из столь редких в этих краях туманов. Мы полетели над ним и потеря-

лись среди густых, больших облаков. Куда нас занесло, одному Богу известно. В конце концов мы упали в море, так как через прореху в полотне тумана увидели какую-то землю.

От тонущего самолета, не получившего ни одной царапины, мы поплыли к земле и, выбравшись на берег, обнаружили, что оказались на странной, неприятной земле. Широкий пляж, на который лениво набегали волны, протянулся до подножия высоких скал. Эти утесы, казалось, были из цельного камня и поднимались... на... сотни футов. Базальт или что-то в этом роде. Когда мы выбирались из упавшего самолета, у меня хватило времени только на то, чтобы мельком взглянуть на берег. Тогда мне показалось, что прибрежные утесы поднимаются уступами, словно ярусы, вздымаясь к небу, стена за стеной. Но конечно, стоя прямо под нижним из этих ярусов, мы ничего не могли сказать об остальных. В обе стороны, насколько нам было видно, протянулась узкая полоска пляжа, над которой возвышались черные утесы. Никакого разнообразия.

— Ну а теперь что мы станем делать? — спросила Глория, видимо, не желая обсуждать катастрофу. — Где мы?

— Нельзя точно сказать, — ответил я. — В Тихом океане полно неисследованных островов. Возможно, мы на одном из них. Я только надеюсь, что у нас нет соседей-каннибалов.

Я тут же пожалел, что упомянул каннибалов, но Глория вовсе не испугалась... тогда.

— Я не боюсь дикой природы, — заявила она. — Не думаю, что тут кто-нибудь живет.

Про себя я улыбнулся, отметив, как быстро меняется мнение женщины, отражающее ее сиюминутные желания. Но тут причина оказалась намного весомее, как узнал я вскоре самым ужасным образом. Теперь-то я верю в женскую интуицию. Женщины чувствительнее нас... восприимчивее к чужому влиянию. Но у меня нет времени заниматься рассуждениями.

— Давай отправимся вдоль берега и посмотрим, сможем ли мы найти какое-нибудь место, где можно будет вскарабкаться на эти утесы, и посмотрим, что лежит на другой стороне острова.

— Но этот остров — голые скалы, разве не так? — спросила Глория.

Тогда я пристально посмотрел на нее:

— Кто тебе об этом сказал?

— Не знаю, — смущенно ответила она. — Мне показалось, что остров — всего лишь скопление высоких утесов, поднимающихся как ступеньки друг над другом. Тут только отвесные черные скалы.

— В таком случае нам не повезло, потому что мы не сможем прожить, питаясь морскими водорослями и крабами, — заметил я.

— Ох! — неожиданно и громко воскликнула Глория. Я схватил ее довольно грубо, так как испугался за нее.

— Глория! Что с тобой?

— Не знаю. — Она недоверчиво посмотрела на меня, так, словно неожиданно оказалась лицом к лицу с каким-то кошмаром.

— Ты что-то увидела или услышала?

— Нет. — Казалось, она не собиралась покидать убежище моих объятий. — Ты что-то сказал... нет, не это. Я не знаю. У людей бывают видения средь бела дня. Должно быть, это был один из таких кошмаров.

Да поможет мне Бог. Я рассмеялся в мужском самодовольстве и сказал:

— Вы, девушки, бываете очень странными. Пойдем по берегу в ту сторону и...

— Нет! — упрямо воскликнула она.

— Тогда пойдем туда...

— Нет, нет!

Я потерял терпение:

— Глория, что с тобой происходит? Не можем же мы стоять здесь весь день. Мы должны найти тропинку, ведущую на утесы, и побывать на противополож-

ной стороне острова. Не глупи, это же на тебя не похоже.

— Не ругайся.— Странное спокойствие вернулось к ней.— Мне показалось, что кто-то пробирается мне в голову, нашептывает то, что я не смогла бы рассказать даже тебе... ты веришь в передачу мыслей на расстояние?

Я внимательно посмотрел на Глорию. Никогда я раньше не слышал, чтобы она так разговаривала.

— Ты думаешь, что кто-то пытается передать тебе какую-то мысль?

— Нет, это не мысль,— отсутствующим голосом пробормотала она.— По меньшей мере, совсем не похожая на мои мысли.— Потом, словно человек, неожиданно вышедший из транса, она добавила: — Ты иди. Посмотри, где тут можно взобраться на утесы, а я пока подожду здесь.

— Глория, мне это не нравится. Ты останешься одна... Я подожду, пока ты не сможешь пойти вместе со мной.

— Я не думаю, что смогу куда-то пойти в ближайшее время,— в отчаянии ответила она мне.— Да и тебе далеко уходить не нужно. Разве ты не видишь эти черные утесы, это черное побережье? Ты ведь читал стихотворение Тевиса Клайда Смита «Черное побережье смерти»? Не могу вспомнить точно.

Я почувствовал смутное беспокойство, когда она заговорила таким манером, но попытался отогнать неприятное чувство, поведя плечами.

— Я найду тропинку наверх и что-нибудь поесть,— пообещал я.— Моллюсков или крабов...

Глория неожиданно вздрогнула:

— Не вспоминай крабов. Я ненавидела их всю жизнь, но не понимала, насколько сильно, пока ты о них не заговорил. Они едят мертвчину, ведь так?.. Я знаю, дьявол похож на гигантского краба.

— Да ладно,— сказал я, потворствуя ей.— Оставайся здесь. Я недолго.

— Поцелуй меня на прощание, — сказала она с грустью, от которой сжалось мое сердце. Тогда я не знал почему. Я нежно подтянул ее к себе, наслаждаясь ощущением ее стройного тела, трепещущего от жизни и любви. Она прикрыла глаза, когда я поцеловал ее, и я заметил, что она какая-то странная...

— Не уходи далеко. Я хочу все время видеть тебя, — попросила Глория, когда я ее отпустил.

Весь берег был усеян грубыми валунами, без сомнения упавшими со скал. Глория присела на один из них.

С неким дурным предчувствием я отвернулся и пошел по берегу вдоль огромной черной стены, которая поднималась, надо мной, исчезая в синем небе, словно какое-то чудовище. Наконец я подошел к большиим камням. Перед тем, как пройти между ними, я оглянулся и увидел, что Глория сидит там же, где я ее оставил. На душе у меня потеплело, когда я посмотрел на эту тонкую, отважную маленькую фигурку... Тогда я видел ее в последний раз.

Я зашел за камни и потерял Глорию из виду. Мысли мои блуждали, поэтому я игнорировал последнюю просьбу Глории. Разум мужчины грубее, чем женский, не такой восприимчивый к внешним воздействиям. Однако уже тогда я ощущал в воздухе определенную напряженность...

В любом случае я побродил в одиночестве, глядываясь в возвышающиеся надо мной черные стены, пока их вид не начал оказывать на меня некий гипнотический эффект. Тому, кто никогда не видел эти утесы, невозможно представить, как они выглядят, а я не смогу описать ту ауру враждебности, которая окружала их. Скажу, что они поднимались так высоко надо мной, что казалось, их вершины впиваются в небо... Я чувствовал себя как муравей, ползающий у подножия Вавилонской башни... Их чудовищные зазубренные лица взирали на пыльных богов невообразимой древности... Вот и все, что я могу вам сказать. Но пусть тот, кто читает эти заметки, не думает, что я нарисовал

истинный портрет Черного побережья. На самом деле внешний вид тут ни при чем. Эти ощущения возникали где-то на грани неосознанного...

Но все это я осознал позже. В тот момент я расхаживал по острову, ошеломленный, словно загипнотизированный совершенным однообразием нависших надо мной скал. Временами меня передергивало, я моргал и, поворачиваясь, смотрел на море, чтобы избавиться от странного чувства, но даже море казалось затянутым тенями этих огромных стен. Чем дальше я шел, тем более угрожающим чудился мне окружающий пейзаж. Разум говорил мне, что эти каменные стены не могут рухнуть, но инстинкт нашептывал, что они вот-вот обрушатся и похоронят меня.

Неожиданно я наткнулся на кусок плавуна, выброшенного на берег. Я закричал от радости. Вид плавуна доказывал, что человечество существует и где-то там далеко есть мир, отличающийся от этих темных и печальных утесов, которые сейчас заполнили собой всю вселенную. Я нашел длинный кусок железа, прикрепленный к куску дерева, и подобрал его. Если возникнет необходимость, этот обломок мог бы послужить очень удобной железной дубинкой. Правда, она казалась немного тяжеловатой для обычного человека, но по росту и по весу обычным человеком меня назвать было нельзя.

И вот я решил, что отошел уже достаточно далеко. Глория давно исчезла из виду. Я повернулся и торопливо пошел назад. Возвращаясь, я обнаружил на песке новые следы и с удивлением подумал, что если бы крабо-паук размером с лошадь решил бы прогуляться по пляжу, он непременно оставил бы именно такие следы. Потом я увидел то самое место, где оставил Глорию. Там было пусто. Тишина царила над пляжем.

Я не слышал ни крика, ни плача. Полное безмолвие стояло в царстве черных скал. Я остановился возле камня, на котором оставил Глорию, и стал осматривать песок. Неподалеку лежало что-то маленькое, тон-

кое и белое. Я упал на колени рядом с этой находкой. Это была женская рука, оторванная у запястия. На безымянном пальце я увидел кольцо, которое сам надел на эту руку. Мое сердце остановилось, небо почернело у меня над головой.

Не знаю, сколько простоял я на коленях над этими жалкими останками. Время для меня остановилось. Минуты превратились в Вечность. Что значит дни, часы, годы для разбитого сердца, для которого каждое мгновение боли длится Бесконечность? Но когда я поднялся и повернулся к прибою, прижимая эту маленькую руку к груди, солнце уже село, впрочем, как и луна. Лишь холодные белые звезды насмешливо свысока взирали на меня.

Снова и снова я припадал губами к этому жалкому кусочку холодной плоти. Потом я положил тонкую, маленькую руку в набегающие волны прибоя, и они унесли руку Глории в чистый, глубокий океан, и где, я полагаю, с Божьего благословения упокоилось ее беспокойное тело. Печальные древние волны, которые знают все горести людей, плакали, а я не мог плакать. Но с того времени было пролито много слез, и слезы эти были кровавыми!

Пошатываясь, побрел я по дразняще белоснежному берегу, словно пьяный или безумный. Отойдя от вздыхающего прибоя, я и вовсе спятил. Целые столетия я что-то бессвязно бормотал, кричал и бродил, шатаясь, вдоль огромных черных утесов, которые, нахмурившись, с холодным, нечеловеческим пренебрежением взирали на мельтешащего у их ног муравья.

Когда я проснулся, уже встало солнце. Я почувствовал, что нахожусь на берегу не один. По обе стороны от меня столпились ужасные создания. Если вы можете вообразить себе крабо-паука по размеру больше лошади... Однако это были не настоящие крабо-пауки, даже если не принимать во внимание размеры. Оставив это различие, я могу сказать, что чудовища сильно отличались от крабо-пауков — точно так, как

высокоразвитый европеец отличается от африканского бушмена. Эти чудовища были разумными.

Они сидели и наблюдали за мной. Я не двигался, непонятно чего ожидая. Холодный страх начал подкрадываться ко мне. Я не особенно боялся, что твари убьют меня, потому что каким-то образом чувствовал: так или иначе они меня все равно убьют. Но их глаза, уставившиеся на меня, заставили обратиться кровь в моих жилах в лед. Глаза этих чудовищ были глазами разумных существ, чей разум во много раз превышал мой и был совершенно иным. Это трудно представить себе, трудно описать. Но, вглядываясь в их ужасные глаза, я понял, какой могущественный разум скрывается за ними, разум, поднявшийся в высшие сферы, в иное измерение.

Во взглядах чудовищ не было ничего дружелюбного, ничего покровительственного, никакой симпатии или понимания... даже страха и ненависти в них не было. Ужасные существа! Ни один человек не мог бы так смотреть. Даже во взгляде врага, собирающегося убить вас, можно прочесть понимание. Но эти дьяволы смотрели на меня так, как черстые ученые взирают на червя, приколотого к подушечке для образцов. Они... они не могли... понять меня. Им никогда не измерить мои мысли, печали, радости, амбиции, так же как я не мог вникнуть в их чувства. Мы были различными биологическими видами! И не было войн среди людей, которые смогли бы сравниться по жестокости с непрекращающейся войной между живыми существами различных видов. Разве можно поверить, что вся жизнь развивалась из одного животного вида? Я в это не верю.

Разум и сила читались в холодных глазах чудовищ, уставившихся на меня, но это был не тот разум, который я знал. Они прошли по пути развития дальше рода человеческого, но двигались по другому руслу. Насколько они развиты, не могу сказать. Их разум и способности оказались для меня за закрытыми дверь-

ми, и большая часть их действий выглядел совершен-но бессмысленными.

Но пока я сидел там, и мысли эти рождались у меня в голове... я почувствовал, как нечеловеческий разум ужасной силы пытается пролезть в мой мозг, подчинить себе мое тело. Я вскочил, словно меня ока-тили холодной водой. Я испугался. Такой дикий, бес-причинный страх, должно быть, ощущает дикий зверь, когда впервые сталкивается с человеком. Я знал, что эти твари более высоко развиты, чем я, и боялся даже сделать угрожающий жест в их сторону, хотя всей сво-ей душой их ненавидел.

Обычный человек не чувствует угрызений сове-сти, когда давит насекомых. Совесть не мучит его по-тому, что в повседневной жизни он имеет дело лишь со своими братьями-людьми, а не с червями, на кото-рых наступает, не с птицами, которых ест. Лев не по-жирает льва, однако с удовольствием съест быка или человека. Скажу вам, Природа очень жестока, когда стравливает один биологический вид с другим.

Эти разумные крабы взирали на меня подобно тому, как Бог взирает на какого-нибудь хищника или образчик некоего зла. Но я разрушил сдерживающие меня оковы страха. Самый большой из крабов, к ко-торому я стоял лицом, смотрел на меня с угрюмым неодобрением, словно надменно негодяя в ответ на мои угрожающие жесты. Так ученый мог смотреть на червя, извивающегося под ножом для препарирования. Наконец ярость вскипела во мне, и языки ее огня спа-ли мой страх. Одним прыжком я очутился возле са-мого большого краба и одним ударом убил его. Потом, отскочив от его корчащегося на песке тела, я убежал.

Но убежал я недалеко. На бегу я решил, что дол-жен отомстить за Глорию. Неудивительно, что она вздрогнула, стоило мне только произнести «краб», и по-думала о том, что дьявол, наверное, внешне напоминает краба. А тем временем эти твари подкрадывались к нам, посыпая нам мысли, порожденные их ужасным разумом.

Остановившись, я вернулся, подобрал найденную мной накануне дубинку. Но твари держались вместе, точно как быки и коровы при приближении льва. Их клешни угрожающие поднимались, и посланные ими злые мысли били меня с почти физической силой. Я качнулся, не в силах бороться с мысленной атакой чудовищ. Я знал, что таким образом они хотят испугать меня. А сами они медленно попятались к утесам.

Моя история длинная, но я постараюсь быть кратким. Теперь я веду яростную и беспощадную войну против расы, которая, как я знаю, по разуму и культуре выше меня. Были ли они учеными, и погибла ли Глория в каком-то их ужасном эксперименте, не знаю.

Но узнаю. Их город расположен высоко на утесах, хоть мне его не разглядеть из-за отвесных скал. Я уверен, весь остров похож на этот берег — базальтовые скалы, вздывающиеся к небесам, поднимающиеся ярусами каменные стены. Чудовища спускаются на пляж тайным путем, который я только что открыл. Они охотятся на меня, а я охочусь на них.

Также я обнаружил, что есть одна вещь, общая между этими тварями и человеком: существа, достигшие высокого интеллектуального уровня, отстают в физическом развитии. Я, который много ниже их по развитию, как горилла ниже профессора человека, столь же смертоносен в битве с ними, как смертоносна горилла, сражающаяся с невооруженным профессором. Я быстрее, сильнее, и у меня лучше развиты слух и обоняние. Координация движений у меня много лучше, чем у них. Словом, сложилась странная ситуация, в которой я играю роль дикого зверя, они — цивилизованных существ. Я не прошу пощады и никого из них не желаю прощать. Что им мои желания и просьбы? Все равно я никогда не побеспокоил бы их — больше, чем орел беспокоит людей, — если бы они не убили мою женщины. То ли чтобы насытиться, то ли ставя какой-то бесполезный научный эксперимент, они забрали ее жизнь и разрушили мою.

Но теперь я — мстительный дикий зверь. Так будет и дальше. Волк может вырезать стадо, лев-людоед — уничтожить целую деревню людей. Вот я и есть такой волк или лев (можно сказать и так) для живущих на Черном побережье. Правда, питаюсь я моллюсками и ни разу не смог заставить себя попробовать плоти краба. Я охочусь на своих врагов по всему берегу среди валунов, днем и ночью. Это нелегко, и долго я так не прятану. Они сражаются со мной иным оружием, против которого у меня нет защиты, и после их психического удара на меня нападает страшная слабость — как физическая, так и душевная. Я лежа высматривал врагов, гуляющих по пляжу в одиночестве, потом нападал и убивал их, но сил на это требовалось очень много.

Сила моих врагов в основном психическая и во много-много раз превышала силы гипноза. Вначале мне было легко прорваться через защитную оболочку мыслей-волн одинокого краба и убить его, но твари быстро обнаружили мое слабое место.

Этого я не понимаю, но теперь во время каждого поединка я вынужден проходить сквозь настоящий ад. Их мысли врываются в мой разум волнами раскаленного металла, замораживающими, обжигающими мой разум и мою душу.

Сначала я долго лежу, спрятавшись в засаде. Потом появляется одинокий краб, я вскакиваю и быстро убиваю его, как лев убивает человека с ружьем, прежде чем жертва сможет прицелиться и выстрелить.

Но не всегда мне удается проделать все так гладко. Только вчера отчаянный удар умирающего краба оторвал мне кисть руки. Когда-нибудь одна из тварей убьет меня, но я собираюсь прожить достаточно долго, чтобы отомстить. Там, наверху, на скалистых террасах среди облаков, — город крабов. И я должен уничтожить его. Я — умирающий человек, израненный странным оружием моих врагов. На изуродованную левую руку я наложил жгут, так что от потери крови

не умру. Я еще в своем уме, и моя правая рука сжимает железную дубинку. Я пишу все это на заре, пока крабы прячутся на высоких утесах. На мой взгляд, в этот раз их легко будет перебить.

Я пишу эти строки в свете низко висящей луны. Вскоре рассветет, и в предрассветной тьме я отправлюсь по тайному ходу, который недавно обнаружил. Он ведет под облака... Теперь я найду дьявольский город, и, когда на востоке небо покраснеет, я начну убивать. Это будет великая битва! Я стану убивать, убивать и убивать, а мои враги будут лежать бесформенными грудами. А потом я тоже умру. Достаточно. Мне пора. Я стану сеять смерть, словно лев. Я застелю побережье их трупами. Прежде чем умереть, я убью многих.

Гlorия, луна все ниже над горизонтом. Скоро заря. Я не знаю, наблюдаешь ли ты за мной из страны теней, за моей кровавой местью, но если так, то пусть мысль об этом немного согреет мою замороженную душу. Кроме того, эти существа и я принадлежим к различным биологическим видам, и в том, что мы никогда не сможем жить в мире друг с другом, виновата жестокая Природа.

Они забрали мою женщины. Я заберу их жизни.



## ИЗ ГЛУБИНЫ

**Н**а рассвете Эдам Фолкон отплывал, и Маргарет Деверол, девушка, которая должна была выйти за него замуж, стояла на причале в холодном тумане и махала ему рукой на прощание.

А вечером, когда сгостились сумерки, окаменевшая, неподвижно уставившаяся в пустоту, Маргарет замерла на коленях над неподвижным белым телом, оставленным на берегу уползающим приливом.

Собравшиеся вокруг жители городка Фаринг шептались между собой:

— Туман-то густой.

— Может, лодка причалила у Рифа Призраков.

— Странно, что в порт Фаринга принесло только его труп — и так быстро...

А понизив голос, они говорили:

— Живой или мертвый, но он к ней вернулся!

Выше линии прилива, выброшенное волнами, лежало тело Эдама Фолкона. Стройный, но сильный и мужественный человек при жизни, в смерти он стал мрачно-красивым. Глаза его были закрыты. Выглядел он уснувшим. К его одежде прилипли обрывки водорослей.

— Странно,— пробормотал старый Джон Халер, хаззин кабака «Морской Лев» и самый старый моряк в Фаринге.— Эдам утонул там, где глубоко. Да и водоросли эти растут лишь на дне океана и в заросших кораллами подводных гротах. Как же он оказался на берегу?

Маргарет не сказала ни слова. Она стояла на коленях, прижав ладони к щекам, неподвижно глядя перед собой.

— Обними его, девушка, и поцелуй, — мягко подбивали ее жители Фаринга.— Эдам пожелал бы именно этого, будь он жив.

Девушка автоматически подчинилась, содрогаясь от прикосновения к холодному телу. Затем, когда ее губы коснулись уст Фолкона, она вскрикнула и отшатнулась.

— Это не Эдам! — пронзительно закричала она, дико озираясь.

Жители Фаринга обменялись печальными кивками.

— Чокнулась,— пошептали они, а затем подняли труп и отнесли его в дом, где жил Эдам Фолкон. В этот дом он надеялся привести молодую жену, когда вернется из плавания.

Жители Фаринга привели с собой и Маргарет, ласково поглаживая ее и утешая мягкими словами. Но девушка шла, словно в трансе, по-прежнему глядя перед собой странным, неподвижным взглядом.

Жители Фаринга уложили тело Эдама Фолкона на постель, зажгли в голове и в ногах его поминальные свечи, и соленая вода потихоньку стала стекать с одежды мертвеца и капать на пол. В Фаринге, как и во многих других городках на отдаленных побережьях, существовало поверье, что если с утонувшего снять одежду, то быть большой беде.

Маргарет сидела в обители смерти, ни с кем не разговаривала, отрешенно глядя на спокойное, темное лицо Эдама. К ней подошел Джон Гауэр, отвергнутый ею ухажер, угрюмый и опасный малый, и, глядя ей через плечо, сказал:

— Любопытную перемену вызывает смерть в море, если это тот Эдам Фолкон, которого я знал.

На него со всех сторон направили мрачные взгляды, чему, казалось, он удивился. Несколько человек встали и тихонько выпроводили его за двери.

— Ты ненавидел Эдама Фолкона, Джон Гаэр, и ненавидишь Маргарет, потому что девочка выбрала человека получше, чем ты, — сказал Том Лири. — Так вот, дьявол побери, не вздумай мучить девушку своими бессердечными речами. Убрайся и не показывайся тут!

При этих словах Гаэр мрачно нахмурился, но Том Лири смело застутил ему дорогу, и другие жители Фаринга поддержали его, потому Джон демонстративно повернулся к ним спиной и зашагал прочь. И все же мне показалось, что сказанное им было не насмешкой и не оскорблением, а просто неожиданно пришедшей в голову мыслью.

Когда Гаэр уходил, я услышал, как он бормочет себе под нос:

— ...Похож, и все ж странно непохож на него...

На Фаринг опустилась ночь, и в темноте замигали окна домов; окна же дома Эдама Фолкона мерцали светом поминальных свечей. Там Маргарет и другие горожане до рассвета несли бессонную вахту. А вдали от дружелюбного тепла городских огней угрюмо застыл темно-зеленый титан — океан, ныне безмолвствующий и словно окаменевший, но всегда готовый жадно вцепиться в тебя мягкими когтями волн. Я побродил вдоль берега и, присев на белый песок, поглядел на спокойные морские просторы — равнину, вздывающуюся и опадавшую сонным волнобразным движением спящего змея.

Море — громадная седая старуха с холодными глазами. Его приливы говорили со мной точно так же, как всегда, с самого моего рождения, — шорохом волн о песок, криками морских птиц, своим пульсирующим безмолвием.

«Я очень стара и мудра, — рассуждало море-старуха. — К людям я не имею никакого отношения. Я убиваю людей и выбрасываю их тела обратно, на дрожащую от страха сушу. В моем лоне есть жизнь, — шептала море. — Мои дети ненавидят сынов человеческих».

Тишину разорвал пронзительный крик. Я вскочил на ноги, дико озираясь. Надо мной равнодушно мерцали звезды, а на холодной поверхности океана искрились их переливающиеся призраки. Город лежал темный и неподвижный, за исключением поминальных огней в доме Эдама Фолкона... И в воздухе все еще пульсировало эхо крика.

Я был среди первых прибывавших к двери обители смерти. И там я остановился в ужасе, вместе с остальными. На полу лежала мертвая Маргарет Деверол. Ее стройное тело выглядело разбитым, словно крепкий корабль на рифах, а над ней согнулся, укачивая ее в своих объятиях, Джон Гауэр, выпущенные гла-за которого безумно сверкали. Поминальные свечи все еще мерцали, но на постели Эдама Фолкона не было никакого трупа.

— Боже милостивый! — ахнул Том Лири. — Джон Гауэр, чертов сын, что это за дьявольщина?

Гауэр посмотрел на него.

— Я же говорил вам!.. — завопил он. — Она знала... И я знал... Это был не Эдам Фолкон. Холодное чудовище выбралось из волн! Какой-то демон вселился в труп Эдама! Послушайте... Я отправился спать и попытался уснуть, но каждый раз мысли мои возвращались к этой нежной девушке, сидящей рядом с холодной, нечеловеческой тварью, которую вы сочли ее возлюбленным. Наконец я встал и подошел к окну. Маргарет сидела, задремав, а остальные, дурни этакие, спали в укромных уголках по всему дому. И пока я смотрел, прямо у меня на глазах...

Он затрясся всем телом.

— Я видел, как Эдам открыл глаза, как труп быстро и бесшумно встал с постели. Я стоял у окна, у себя

дома, замерев, беспомощный, а эта отвратительная тварь подкралась к ничего не подозревающей девушке. Глаза чудовища горели адским огнем. Оно вытянуло руки. Тут Маргарет проснулась и закричала, и тогда... О Матерь Божья!.. Мертвец сгреб ее в свои ужасные объятия, и она умерла.

Голос Гауэра стих, перейдя в невнятное бормотание; он нежно укачивал мертвую девушку, словно мать дитя.

Том Лири тряхнул его за плечо:

— Где труп?

— Убежал, — спокойно ответил Джон Гауэр.

Ошеломленные жители Фаринга переглянулись.

— Врет, — глухо пробормотали они себе в бороды. — Он сам убил Маргарет и где-то спрятал труп, для того чтобы мы поверили в эту ужасную сказку.

По толпе прокатилось угрюмое рычание. Все, как один, повернулись и посмотрели туда, где на выходящем на залив Холме Палача мерцала на фоне звезд виселица Кануля Лживой Губы.

Жители Фаринга высвободили мертвую девушку из объятий Гауэра, хоть тот цеплялся за нее, и осторожно уложили ее на постель меж свечей, предназначавшихся Эдаму Фолкону. Она лежала там, неподвижная и белая. Мужчины и женщины шептались, что она выглядела скорее утонувшей, чем удавленной.

Мы повели Джона Гауэра по улицам деревни; он не сопротивлялся, шел как во сне, бормоча про себя. Но на площади Том Лири остановился.

— Странную повесть рассказал нам Гауэр, хоть и несомненно лживую, — заметил он. — Однако я не такой человек, чтобы кого-то вешать, когда не уверен в его вине. А потому давайте запрем его на всякий случай на складе и поищем труп Эдама. Повесить Гауэра мы и после успеем.

Так мы и сделали. Когда мы собирались уйти, я оглянулся на Джона Гауэра. Он сидел, уронив голову на грудь, словно человек, до смерти уставший.

Потом мы искали труп Эдама Фолкона на темных пустырях, на чердаках домов и среди выброшенных на берег сгнивших оставов лодок. Наши поиски увело нас до самых холмов за городом. Там мы разбились на группы и пары и рассыпались по бесплодным возвышенностям.

Мне достался в товарищи Майкл Хансен, но мы настолько отдалились друг от друга, что темнота скрыла его от меня. Вдруг он закричал. Я бросился к нему, и тут крик его перешел в вопль и замер. Наступила жуткая тишина. Майкл Хансен лежал на земле мертвый. Во мраке мне едва удалось разглядеть ужасную фигуру. Я замер. Все мое тело покрылось муршками.

Подбежали Том Лири и остальные. Они сгрудились вокруг, клянясь, что и это дело рук Джона Гауэра.

— Он сбежал со склада, — сказали они.

И тогда мы со всех ног помчались в деревню.

Да. Оказалось, Джон Гауэр сбежал и от ненависти своих односельчан, и от всех жизненных невзгод. Он сидел там же, где мы его оставили, уронив голову на грудь. Но кто-то приходил к нему. И хоть все кости Гауэра были переломаны, выглядел он как утопленник.

Тогда ужас спустился на Фаринг, словно густой туман. Мы скучились вокруг склада, потеряв дар речи, пока вопли из дома на окраине не сказали нам, что убийца снова нанес удар. Ворвавшись в тот дом, где кричали, мы нашли еще трупы. Обезумевшая женщина, прежде чем умереть, со стонами рассказала нам, что труп Эдама Фолкона вломился в ее дом через окно. Глаза мертвеца ужасно горели. Он набросился на людей, терзая их и убивая. Помещение было заляпано зеленой слизью, а к подоконнику пристали обрывки водорослей.

Тут жителей Фаринга охватил страх, неразумный и постыдный. Они разбежались по домам, заперли на все замки и засовы окна и двери, спрятались за ними, сжимая в дрожащих руках оружие. Черный ужас сжал их души. Каким же оружием можно было убить мертвеца?

Всю эту ночь — ночь смерти — ужас гулял по Фарингу и охотился на сынов человеческих. Люди дрожали и не смели даже высунуться, когда треск ломающейся двери или окна сообщал о том, что тварь проникла в чей-то дом, а вопли и невнятные крики — о жутких действиях чудовища.

И все же нашелся один человек, который не спрятался за дверьми, чтобы быть убитым, словно баран на бойне... Я никогда не был храбрецом, да и не смелость подтолкнула меня выйти на улицу в эту жуткую ночь. Нет, меня гнала одна мысль... мысль, родившаяся у меня, когда я смотрел на мертвое лицо Майкла Хансена. Тварь была таинственной и иллюзорной, призрачной и почти нереальной, но не совсем. Одна мысль засела у меня в голове, и я не мог успокоиться, пока не доказал бы или не опроверг того, чего не мог даже сформулировать в виде конкретной теории.

В лихорадочном возбуждении пробирался я по деревне, прячась в тени и двигаясь предельно осторожно. Может, это море, странное и переменчивое даже в отношении к своим избранным, шепнуло что-то моему внутреннему слуху, предав своего сына. Не знаю.

Но всю ночь рыскал я вдоль берега, и, когда в первых серых лучах зари на берег вышла дьявольская фигура, я поджидал ее.

По всем внешним признакам в сером мраке предо мной стоял оживший труп Эдама Фолкона. Глаза мертвеца были открыты и блестели холодным светом, словно глубины морского ада. Но я знал: предо мной не Эдам Фолкон.

— Морской дьявол, — сказал я нетвердым голосом. — Не знаю, как ты приобрел внешность Эдама Фолкона. Не знаю, напоролась ли его лодка на скалы, или он упал за борт, или ты вылез на борт и уволок его с палубы. Не знаю я, какой мерзкой океанской магией ты исказил свои дьявольские черты, чтобы стать похожим на него... Но твердо знаю только одно: Эдам Фолкон мирно спит под синими водами. Ты не он. Я

подозревал это... а теперь точно знаю. Такие, как ты, явились на Землю давным-давно... так давно, что все люди позабыли рассказы об этом. Все, кроме таких, как я, которых соседи называют дурачками. Я знаю, что ты, не боюсь тебя. Я убью тебя на этом берегу. Хоть ты и не человек, который не боится... даже если это всего лишь юнец, считающийся странным и глупым. Ты оставил на суше свой дьявольский след. Одному Богу известно, сколько душ ты загубил. Древние говорят, что такие, как ты, могут причинить вред, только приняв вид человека и только на суше. Да, ты обманул сынов человеческих. Они принесли тебя в свой мир... Люди не знали, что ты — чудовище из бездны. Теперь ты совершил, что желал. Скоро взойдет солнце. И задолго до этого ты должен скрыться глубоко под зелеными водами, нежась в тех проклятых гротах, которых никогда не видели глаза человеческие. Может, только после смерти... Там для тебя безопасная обитель. Но я встану у тебя на дороге.

Чудовище шагнуло ко мне, словно вздывающаяся волна. Его руки змеями обвили меня. Я знал, что они пытаются меня раздавить. У меня возникло ощущение, словно я тону. Только тогда я понял, что беспокоило меня все это время,— Майк Хансен выглядел как угопленник.

Теперь же я смотрел в нечеловеческие глаза твари, и мне казалось, словно я смотрю в бездонные океанские глубины — глубины, куда меня скоро утянет. Я почувствовал чешую...

Чудовище схватило меня за горло, потом за плечо и за руку, выгибая мне спину назад, чтобы сломать позвоночник. И тогда я вонзил в его тело нож... А потом вонзил снова... Снова и снова. Он зарычал. Это был единственный звук, который вырвался из его горла, и походил он на рев волн на рифах. Тело и руки мне сжало так, словно я находился на глубине в сто фатомов, а потом, когда я опять ударил чудовище, оно поддалось и рухнуло на песок.

Оно лежало, извиваясь, а затем перестало двигаться и начало меняться. Ундинами называли древние таких созданий, зная, что эти обитатели океанов наделены странными способностями, одна из которых — принимать облик человека, если руки людей вытащат их из океана. Я нагнулся и сорвал с твари человеческую одежду. Первые лучи солнца упали на слизистую, разлагающуюся массу водорослей, из которых уставились на меня два страшных, мертвых глаза. Бесформенный остов остался лежать у воды, и первая же большая волна унесет его туда, откуда он явился, — в холодный нефрит океанских глубин.



## ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

Весь Фаринг знал Джона Калрека и его дружка Кануля Лживую Губу как хвастунов и выпивох, краснобаев и задир. И сколько раз я, мальчишка, к чым жестким, как репей, волосам ни разу не прикасалась расческа, замирая от страха и восхищения, подкрадывался к дверям таверны, чтобы слушать их ругань, богохульные споры и разгульные матросские песни. Да и все здешние глазели на них со страхом и восхищением, ибо они не походили на остальных мужчин в Фэйринге — уж они-то не согласились бы тянуть лямку в прибрежных водах среди острых, как акульи зубы, утесов. Ялики да баркасы были не для них! Они ходили в дальние страны на настоящих больших парусниках, уносились на спине прилива, чтобы вступить в спор с океаном, бросали якорь у неведомых берегов.

Мне кажется, само время бежало быстрее, когда Джон Калрек возвращался домой. Рядом с ним, лениво и самодовольно выступал Кануль Лживая Губа в измаранной дегтем матросской робе, со всегда готовым к бою кинжалом на узком кожаном поясе. Снисходительно здороваясь с близкими друзьями, целуя

на ходу подвернувшуюся девушку, шли они по улице, горланя непристойные куплеты.

И вскоре раболепные и ленивые прихлебатели толпились вокруг двух отчаянных голов, льстя им, весело ухмыляясь и хохоча над каждым похабным жестом, ибо для завсегдатаев таверны, робких и слабых, пусть даже и честных жителей, эти люди с невероятными историями и жестокими делами, рассказами о Семи Морях и дальних странах, эти люди — говорю я — были мучими воинами, смельчаками, мастерами кровавых дел.

Все боялись их; если мужчина оказывался избит, а женщина подвергалась оскорблению, жители перешептывались — и только. И когда племянница Молли Фаррел была обесчещена Джоном Калреком, никто не осмелился заявить о том, что думали все. Молли никогда не была замужем. Она жила с племянницей в маленькой лачуге у берега, и волны приливов разбивались о камни у самых дверей.

В деревне старую Молли считали кем-то вроде ведьмы. Она была мрачной неразговорчивой старухой и поддерживала свой скучный достаток, подбирая всякий хлам, выброшенный морем.

Племянница ничем не походила на тетушку. Тщеславную и сумасбродную девчонку легко было одуречь, иначе она никогда бы не поверила акульей ухмылке Джона Калрека.

Помнится, был холодный зимний день, с востока дул резкий бриз, когда на деревенской улице появилась старая Молли, воскликая, что девушка исчезла. Все, кроме Джона Калрека и его дружков, метавших кости в таверне, бросились на поиски — одни на берег, другие к холмам.

Под похоронный гул никогда не отдыхающего прибоя — голоса вечно бодрствующего серого чудвища моря — в тусклом свете вечерней зари Фаррел вернулась домой.

Прилив мягко принес ее тело через отмель и положил у самой двери лачуги. Мертвенно-белой была

она, окоченевшие руки сложены на груди; неподвижно было ее лицо, и серые волны вздыхали, шевеля ее волосы.

Глаза Молли Фаррел, казалось, превратились в камень; она стояла, не говоря ни слова, над мертвой девушки до тех пор, пока Джон Калрек и его приятели не спустились, покачиваясь, от дверей таверны, с кружками в руках. Джон Калрек был пьян.

Народ расступился, чуя убийство, а он рассмеялся, нагло уставясь на Молли Фаррел, скорбящую утела племянницы.

— Черт, — выругался он, — девчонка утопла, Губа!

Лживая Губа усмехнулся, кривя тонкие губы. Он ненавидел Молли Фаррел, ибо это она прозвала его Лживой Губой.

Джон Калрек поднял кружку, качаясь на нетвердых ногах..

— Так выпьем за здоровье ее призрака! — проревел он. Все оцепенели от страха.

Тогда заговорила Молли Фаррел, и от слов, которые прорывались у нее сквозь стоны, мурашки бегали по спинам людей.

— Во имя дьявола проклинаю тебя, Джон Калрек! И Божье проклятие да будет на твоей душе навек! Желаю тебе повидать такие страны, которые выжгут тебе глаза и испепелят душу! Сдохнуть тебе лютой смертью и корчиться в аду трижды миллион лет! Морем и сушей, землей и воздухом, демонами топей, духами лесов, троллями холмов проклинаю тебя!

А ты, — ее костлявый палец ткнул в Лживую Губу, который отшатнулся и побледнел, — ты станешь погибелью Джона Калрека, а он твой! Ты отправишь его к вратам ада, а он тебя — на виселицу!

Печать смерти я вижу на твоем лбу, Джон Калрек, — она говорила с такой настойчивостью, что пьяная насмешливость на лице Джона Калрека сменилась ужасом, — слышишь, то море рычит, чуя жертву, которую оно не станет хоронить. Видишь, снег лежит на

холмах, Джон Калрек? Прежде чем он растает, труп твой ляжет к моим ногам. Я наступлю на него, и душа моя обретет покой...

На рассвете Калрек и его компания ушли в плавание, и Молли снова день за днем возилась в хижине или собирала хлам.

Она еще сильнее сгорбилась и похудела, глаза горели безумным блеском. Дни проходили прочь, и люди шептались, что ей недолго осталось, выглядела она скорее призраком, чем человеком. Однако она продолжала идти своим путем, отвергая всякую помощь.

Наступило короткое холодное лето, снег на холмах не таял — случай необычный, что вызвало много разговоров среди жителей деревни. На закате и на рассвете Молли ходила на берег, поглядывая на снег, который лежал на холмах, и с яростной настойчивостью всматривалась в море.

Дни снова стали короче, а ночи длиннее и темнее, и холодные серые приливы слизывали все с голых пляжей, а ревущие бризы несли дожди и мокрый снег с востока.

Однажды, холодным днем, в бухте бросил якорь торговый корабль. Все бездельники и гуляки сбежались на пристань, — это был корабль, на котором ходили Джон Калрек и Кануль Аживая Губа. По трапу крадущейся походкой сошел Аживая Губа, но Джона Калрека с ним не было.

В ответ на вопросы и удивленные восклицания Кануль лишь пожал плечами.

— Калрек сбежал с корабля в одном порту на Суматре, — сказал он, — поссорился со шкипером. Предлагал и мне идти с ним, но нет! Я хотел снова увидеть таких парней, как вы.

Аживая Губа чуть ли не умоляюще смотрел на гуляк. Неожиданно он отпрянул, увидев Молли Фаррел, пробившуюся сквозь толпу. Мгновение они разглядывали друг друга. Затем сухие губы Молли растянула улыбка.

— Кровь на твоих руках, Кануль! — выкрикнула она так яростно, что Лживая Губа невольно уставился на свои руки и вытер правую о левый рукав.

— Убирайся, ведьма, — злобно оскалился моряк и бросился сквозь толпу, которая безмолвно расступилась перед ним. Мужчины последовали в таверну, обсуждая случившееся.

Следующий день был еще холоднее. Серый туман плыл с востока, заволакивая бухту. Опасно было выходить в море в такую погоду, и жители сидели по домам или рассказывали друг другу байки в таверне. Поэтому случилось так, что мой друг Джо, паренек моих лет, и я оказались первыми свидетелями удивительного события.

Безрассудные и несмышленые, мы сидели в лодочонке, болтавшейся у конца причала, дрожа от холода и надеясь каждый, что другой предложит вылезти. Не было причины там оставаться — просто в лодке было здорово мечтать.

Внезапно Джо поднял руку.

— Эй, слышишь? — сказал он. — Кто это может быть в бухте в такой денек?

— Никто. Что ты услышал?

— Бесла, если я не глухой. Слушай.

В тумане ничего не было видно, и я ничего не слышал. Джо, однако, клялся, что звук был; на его лице появилось странное выражение.

— Кто-то гребет там, я тебе говорю! Весь залив гудит от весел. Дюжина лодок, не меньше! Болван, ты что, правда не слышишь?

Я не слышал. Тогда он наклонился и принялся отвязывать ялик.

— Я плыву смотреть. Можешь говорить, что я врун, если там не полно лодок, целый флот! Ты со мной?

Я поплыл с ним, хотя ничего не слышал. Мы скользнули в серую муть, туман сомкнулся вокруг так, что мы плыли в размытом мире, ничего не видя и не слы-

ша. Мы потеряли ощущение времени, и я проклинал Джо, который вовлек меня в эту нелепую прогулку. Она могла кончиться тем, что мы утонем в море. Я вспомнил девчонку Фаррел и вздрогнул.

Как долго мы плыли, не знаю. Минуты сливались в часы, часы в столетия. Джо клялся, что слышит весла то рядом, то вдалеке, и мы держали курс на этот звук, который то слабел, то усиливался.

Когда руки настолько закоченели, что не могли удерживать весло, дремота холода и изнеможения охватила нас. Ледяные белые звезды простирали сквозь туман. Мы обнаружили, что находимся как раз за выходом из бухты. Вода была гладкой, как зеркало, темно-зеленая, с серебром звезд. Холод стал еще сильнее. Я развернул ялик, чтобы вернуться в бухту, когда Джо вскрикнул, и я впервые услышал стук уключин. Я оглянулся, и кровь моя застыла.

Высокий заостренный нос нависал над нами — жуткий, необычный силуэт на фоне звезд, и не успел я вздохнуть, как корабль круто переменил курс и со странным свистом скользнул мимо нас. Мне не приходилось слышать, чтобы другие суда издавали подобные звуки. Джо взвизгнул и изо всех сил навалился на весла.

Лодчонка отпрянула в сторону как раз вовремя, иначе бы мы погибли, раздавленные форштевнем. С обеих сторон корабля пара за парой взмахивали длинные весла, которые гнали его вперед. Хотя мне никогда не приходилось видеть подобного судна, я понял, что это галера. Но что ей нужно у наших берегов?

Те, кто возвращался из дальних стран, рассказывали, что такие корабли до сих пор встречаются в гаванях варваров. Но до тех мест далеко, и даже если галера шла оттуда, она имела мало общего с судами, которые описывали в своих рассказах моряки.

Мы поплыли следом и скоро догнали ее, хотя нос галеры яростно рассекал воду и она, казалось, летела вперед. Подойдя к цепи, свисавшей с кормы, подаль-

ше от равномерно взмахивавших весел, мы окликнули тех, кто мог находиться на палубе. Ответа не было.

Победив страх, мы вскарабкались по цепи и оказались на палубе.

— Это не корабль варваров! — испуганно прошептал Джо. — Смотри, какой он старый! Вот-вот развалится. Гляди, все сгнило.

Ни на палубе, ни на мостице никого не было. Мы подкрались и заглянули в люк. На нижней палубе сидели гребцы; они откидывались назад на своих скамьях, опуская в серые воды поскрипывающие весла. Но они были скелетами!

С криком бросились мы к борту, чтобы кинуться в море. По дороге я зацепился за что-то, упал и увидел то, что смогло на мгновение превзойти мой ужас перед кошмаром в трюме. Предмет, о который я споткнулся, был человеческим телом, и в тусклом свете зари, занимавшейся на востоке, я заметил рукоять кинжала, торчавшую у него между лопаток. Джо, держась за леера, звал меня вернуться в лодку. Мы соскользнули по цепи и отцепили ялик.

Затем мы поплыли в бухту. Впереди шла угрюмая галера, а мы медленно двигались за нею. Галера, судя по курсу, направлялась к песчаному пляжу рядом с причалами. Вскоре мы разглядели, что на них полно народа. Без сомнения, люди знали, что мы потерялись, они искали нас и теперь, с первыми лучами солнца, собрались на берегу.

Галера шла вперед, взмахивали ее весла; но прежде чем она достигла мелководья, устрашающий треск сотряс воздух.

На наших глазах корабль развалился и исчез, зеленые волны сомкнулись там, где он только что находился, и ни одной доски не осталось на поверхности, ни одной не осталось на берегу. Кое-что, однако, выбросило на берег.

Мы причалили среди гула разговоров, которые вдруг разом смолкли. Молли Фаррел одиноко стояла

перед своей лачугой, и ее тощий силуэт четко выделялся на фоне бледной зари, а иссохшая рука указывала на море. Через отмель что-то плыло, подталкиваемое приливом, и это что-то волны вскорости бросили к ногам Молли Фаррел. Мы столпились вокруг. С неподвижного белого лица на нас смотрели невидящие глаза. Джон Калрек вернулся домой.

Спокойно и сурово лежал он, покачивающийся волнами, и когда его поворачивало набок, все видели рукоять кинжала, торчавшего из спины, — того самого, который мы тысячи раз видели на поясе у Кануля Лживой Губы.

— Да, я убил его! — крикнул Кануль, стяжившись и пятаясь под нашими глазами.

— Ночью спьяну я заколол его и выбросил за борт! А он из дальних морей явился за мной! — Его голос перешел в безумный шепот. — Из-за... проклятия... море... не хочет... забрать... его тело...

И несчастный повалился наземь. Тень виселицы возникла в его глазах.

— Эгей! — Сильным, глубоким, ликующим был голос Молли Фаррел. — Из ада погибших кораблей Сатана послал галеру! Судно, алое от крови, замаранное памятью преступлений! Кто еще взял бы эту гнусную ношу? Море отомстило и вернуло то, что принадлежит мне! Глядите, как я плюю в лицо Джону Калреку, как я попираю его грязные останки!..

Она рассмеялась, бледные губы ее покраснели. А над не знающим покоя морем вставало солнце.



## МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ

*Додж Сити, Канзас, 3 ноября 1877 г.  
Мистеру Уильяму А. Гордону  
Антиохия, Техас*

**П**ишу тебе, потому что предчувствую: ненадолго я задержусь на этом свете. Ты, наверное, удивишься, ведь последний раз, когда мы встречались — когда я привел стадо, — ты меня видел в добром здравии. Смею заверить, с того дня я не заболел, но если бы взглянул на меня сейчас, сам бы сказал: краше в гроб кладут.

Однако прежде, чем я поведаю о своей беде, хочу, чтобы ты узнал, как мы добрались до Додж Сити. Мы пригнали огромное стадо — три тысячи четыреста голов, и мистер Р. Дж. Блэйн уплатил нашему старшему пастуху Джону Элстону по двадцать долларов за голову. Все бы хорошо, да один из наших, ковбой по имени Джо Ричардс, не дожил до этого дня, его забодал молодой бычок, когда мы пересекали канадскую границу. У него осталась сестра, ее зовут миссис Дик Уестфолл, она живет возле Сегина, и я бы хотел, чтобы ты съездил к ней и рассказал о брате. Джон Элстон хочет послать ей седло, уздечку, ружье и деньги бедолаги Джо.

А вот теперь, Билл, я попробую объяснить, откуда у меня появилось странное подозрение, что я не жилец на этом свете. Помнишь, вскоре после того, как я отправился со стадом в Канзас, обнаружилось, что старый Джоэл, который когда-то служил у полковника, и его жена погибли. Они жили возле дубовой рощи на берегу бухты Завалло. Женщину звали Изабель, и поговаривали, что она ведьма. Она была квартеронка и намного моложе Джоэла; многие боялись ее побаивались, потому что она промышляла колдовством, но тогда я в это не верил.

Ну так вот, гнали мы стадо и оказались возле бухты Завалло как раз перед закатом, и я понял, что мой конь устал, а сам я голоден как волк, да и вообще, не мешало бы перехнуть. Я заглянул к Джоэлу и спросил у его жены, не найдется ли чего-нибудь перекусить. Хижина стояла в дубовой роще, Джоэлу не пришлось далеко ходить за хворостом, и Изабель зажарила мясо на жаровне. Почему-то мне запомнилось, что она была одета в красное с зеленым платье. Странно, но я до сих пор не могу этого забыть.

Они накрыли стол, и я с жадностью набросился на еду, а потом Джоэл принес бутылку текилы, и мы с ним выпили и поболтали о том о сем. Он спросил, не играю ли я в кости. Я ответил, что нет, но он меня уговорил сыграть партию-другую.

Так мы скоротали вечер, а потом я собрался уходить, но тут вдруг Джоэл потребовал деньги за харчи и выпивку. А у меня и было-то пять долларов семьдесят пять центов, и все до последней монетки я ему же и продул в кости. Я разозлился и сказал, что знать его больше не желаю, а нализаться смогу и в другом месте. Тут он хватает бутылку и заявляет, что я один ее вылакал, и глядит на меня так, будто я ему задолжал миллион. Я усмехнулся и велел нести еще текилы, а он заупрямился и ответил, что лавочка закрыта. Это меня еще больше разозлило, я даже кулаком погрозил, потому что был уже изрядно во хмелю. Изабель стала

упрашивать, чтобы я уехал, но я ей подмигнул и доходчиво объяснил, что-де я свободный белый человек, и мне уже стукнуло двадцать один, и я не из тех, кто упускает возможность маленько пощекотать хорошенькую молодую смуглуюнку.

Джоэла это задело за живое. Он шарахнулся кулаком по столу и завопил, что текилы у него хоть залейся, но я не получу больше ни капли, даже если буду подыхать от жажды у него на глазах. Тут я взбесился по-настоящему. «Ах ты, — говорю, — колченое свиное рыло! Напоил меня, обжулил в кости, а теперь еще и оскорбляешь! Я видел, как вздергивали черномазых даже не за такие смертные грехи!»

А он и говорит: «Ты жрешь мое мясо и хлещешь мою текилу, да еще называешь меня жуликом! Ни один настоящий белый себе бы такого не позволил. Или думаешь, на слабака напал?»

И тогда я отвечаю: «Ну, ты меня допек! Кажись, кое-кто сейчас получит по наглой черной роже!»

Он крикнул: «Это мы еще посмотрим!», схватил нож, которым только что резал мясо, и бросился на меня. Я выхватил револьвер и всадил две пули ему в грудь. Он повалился на пол, а я встал, подошел и выстрелил еще раз — в голову.

И тут я услышал дикий вопль Изабель, которая целилась в меня из дробовика. Она вся дрожала, когда дергала спусковой крючок. Дробовик дал осечку, и я крикнул, чтобы она убиралась, не то пристрелю! А она кинулась на меня, размахивая ружьем, как дубиной. Я увернулся, но Изабель все-таки задела меня по щеке, и я тогда прицелился ей в грудь и нажал на спуск. Когда раздался выстрел, она сделала несколько шагов назад, а потом схватилась за грудь и рухнула. Сквозь пальцы текла кровь.

Я наклонился над ней, не выпуская револьвера из руки, и вдруг она открывает глаза и говорит: «Ты убил Джоэла и меня убил, но, клянусь Богом, ты это сделал себе на беду. Запомни: большая змея, черное болото и

белый петух. Мое проклятие будет тебя преследовать. Мы еще встретимся. Я приду к тебе, когда пробьет час».

Тут из ее рта вялыми толчками потекла кровь, голова откинулась, и я понял, что Изабель умерла. Я кинулся вон из лачуги, вскочил на коня и помчался прочь. Свидетелей не было. На другой день я солгал парням, будто налетел щекой на ветку, когда скакал на коне, и они поверили. Так бы никто и не узнал, что это я застрелил Джозэла и его жену, даже ты. Но что толку скрывать, если я твердо знаю: скоро мне самому конец?

Мы погнали стадо дальше, и всю дорогу мне казалось, будто гора легла на плечи. Мы еще не успели добраться до Ред-Ривер, а однажды утром в мой сапог заползла гремучая змея. После этого я всегда ложился спать не разуваясь. Позже, когда мы пересекали канадскую границу, стадо чего-то испугалось и бросилось бежать. Я погнался за ним, и мой конь провалился в болото. Я бы непременно утонул, не окажись случайно рядом Стива Кирби с лассо. Кое-как выбравшись, я тут же едва не погиб под копытами взбесившихся коров. Одна из этих тварей продырявила мне шляпу, но, слава Богу, голова уцелела. С тех пор ребята стали недобро коситься на меня и поговаривать, что я приношу несчастье.

Но все же канадскую границу мы перешли. Это было ясной тихой ночью. Я надеялся, что все неприятности позади, но тут один ковбой остановил коня и сказал нам, что из ближайшей рощицы доносятся какие-то странные звуки, и будто бы он даже видит в той стороне мерцающий синий свет. Может, ему и почудилось, но внезапно молодых быков охватила ярость, и они едва не подняли меня на рога. Их жуткие морды замелькали со всех сторон, и ничего не оставалось делать, как пришпорить коня и побить все рекорды скорости южного Техаса. Если бы не верный конь, я бы неминуемо пропал.

Мне удалось оторваться от разъяренных быков, и еще долго я кружил вдалеке от них, пока парням не

удалось опять сбить их в стадо. Вот тогда-то и погиб Джо Ричардс. Быки снова взбеленились без всякой видимой причины и понеслись прямо на меня. Мой конь дико захрапел и попятился, а затем рухнул на землю вместе со мной. Едва я вскочил на ноги, как перед самым носом увидел огромные рога.

Поблизости не было даже деревьев, за которыми я мог бы спрятаться, и я попытался выхватить из кобуры револьвер и сорвать с пояса топорик. Но пока я возился, Джо Ричардс накинул на быка лассо, и тут под ним тоже упала лошадь. Джо хотел выпрыгнуть из седла, но его нога застряла в стремени, и бык в ту же секунду проткнул его обоими рогами. Это было ужасное зрелище.

Я всадил в подлую скотину несколько пуль, но бедолаге Джо это уже не помогло — он был разорван в клочья. Мы завернули его в пончо и похоронили под деревом, на котором Джон Элстон ножом вырезал его имя и дату смерти.

После этого парни перестали шутить, что я приношу беду. Они вообще перестали разговаривать со мной. Я тоже не пытался ни с кем из них завести беседу, хотя, видит Бог, не чувствовал за собой никакой вины.

И вот наконец мы добрались до Додж Сити и прошли скот. А прошлой ночью мне вдруг приснилась Изабель, да так явственно, будто я увидел ее среди бела дня. Она зловеще улыбнулась и что-то сказала — я ни слова не разобрал, — а потом сделала какой-то жест. И вот теперь я, кажется, догадываюсь, что это был за знак.

Билл, ты больше никогда меня не увидишь. Я покойник. Не знаю, как будет выглядеть моя смерть, но уверен, что следующего восхода уже не встречу. Для того и пишу тебе, чтобы ты знал, что со мной случилось. Самому себе я кажусь слепцом, который всю жизнь брел, не зная пути.

Тем не менее я намерен встретить свою гибель лицом к лицу. Я никогда не сдавался, и пока я жив, это-

го не случится. Кто бы ни явился за мной, я с ним потягаюсь! Я не застегиваю кобуру, а револьвер чищу и смазываю каждый день. Билл, иногда мне кажется, что я схожу с ума, но это, наверное, оттого, что я все время думаю об Изабель. Я взял твою старую рубашку в черную и белую клетку, помнишь, ты купил ее в Сан-Антонио в прошлое Рождество. Уж не сердись, но я чищу ею револьвер так часто, что клеток уже не разглядишь. Рубашка стала почему-то красно-зеленой, как платье, которое было на Изабель в тот день, когда я ее убил.

Твой брат Джим

### ПОКАЗАНИЯ ДЖОНА ЭЛСТОНА

4 ноября 1877 года

Меня зовут Джон Элстон. Я старший работник на ранчо мистера Дж. Дж. Конноли в округе Гонзалес, штат Техас. Я был старшим погонщиком при стаде, которое сопровождал Джим Гордон. У нас был с ним на двоих номер в гостинице. Утром 3 ноября Джим был угрем и неразговорчив и, вопреки обыкновению, не пошел со мной, сказав, что ему надо написать письмо.

Я не видел его до самого вечера. Когда вошел в номер, он сидел у окна и чистил свой кольт 45-го калибра. Я засмеялся и в шутку спросил, не боится ли он Бэтта Мастерсона, и он ответил: «Джон, тот, кого я боюсь, не человек, но все же попытаюсь его застрелить».

Мне это показалось смешным, и я стал допытываться, кого же он все-таки опасается, и тогда он сказал: «Цветной девушки, которая умерла четыре месяца назад». Я подумал, что он пьян, и ушел. Не знаю, в котором это было часу, но дело шло к ночи. Больше живым я его не видел. Около полуночи я проходил мимо салуна Большого Шефа и услышал выстрел. Кто-то

крикнул, что убили человека. Я вбежал в салун и бросился туда же, куда и все остальные, — в игорный зал. Дверь черного хода была распахнута, на пороге, ногами во двор, лежал человек. Он весь был залит кровью, но по телосложению и одежде я узнал Джима Гордона. Он был мертв. Я не видел, кто его убил, и больше ничего не могу добавить к вышеизложенному.

### ПОКАЗАНИЯ МАЙКА О'ДОННЕЛЛА

Я, Майк Джозеф О'Доннелл, работаю барменом ночной смены в салуне Большого Шефа. За несколько минут до полуночи я заметил ковбоя, который разговаривал с Сэмом Граймсом у дверей салуна. Похоже было, что они спорили, а через некоторое время ковбой вошел в салун и взял себе в баре виски. Я обратил на него внимание, потому что у него был револьвер, в то время как другие не носили оружия, и еще потому, что у него был дикий, безумный вид. Он выглядел пьяным, но я не думаю, что так было на самом деле. Пожале, парень был просто не в себе.

Больше я не смотрел в его сторону, потому что был занят в баре. Мне показалось, что он прошел в игорный зал, а через несколько минут я услышал выстрел. Затем прибежал Том Аллисон и крикнул, что убили человека. Я помчался туда и увидел, что мертвец лежит в дверях — тело в комнате, а ноги на улице. Я узнал ремень и кобуру и понял, что это тот самый парень, на которого я уже обращал внимание.

Его правая рука была почти оторвана и превратилась в кровавое месиво, а голова разбита, но мне никогда не приходилось видеть, чтобы револьверная пуля наносила такие увечья. Он был мертв, и я думаю, что смерть пришла мгновенно. В тот момент, когда мы его обступили, парень по имени Джон Элстон прописнулся сквозь толпу и воскликнул: «Господи, это же Джим Гордон!»

## ПОКАЗАНИЯ ШЕРИФА ГРАЙМСА

Меня зовут Сэм Граймс, я шериф округа Форд, штат Канзас. Я встретился с покойным Джимом Гордоном у входа в салун Большого Шефа 3 ноября, примерно без двадцати двенадцать. Я увидел на нем кобуру с револьвером, поэтому остановил его и спросил, почему он ходит с оружием, ведь это в нашем городе запрещено. Он ответил, что в целях самозащиты. Тогда я сказал, что защищать граждан — обязанность шерифа, отнесите револьвер в гостиницу и храните там до самого отъезда из города. По одежде я в нем узнал ковбоя из Техаса. Он засмеялся и сказал: «Шериф, никто не сможет защитить меня от моей судьбы!» С этими словами он повернулся и вошел в салун.

Я подумал, что он болен и немного не в себе, и решил его не трогать. Пускай выпьет, успокоится, и тогда я уговорю его рассстаться с оружием. Я стал наблюдать за ним и обратил внимание, что он ни с кем в салуне не разговаривает и даже как будто никого не замечает. Он молча выпил виски в баре и пошел в игровой зал.

Несколько минут спустя в салун вбежал парень, крича, что кого-то убили. Я пошел прямо к черному ходу и увидел, как Майк О'Доннелл наклонился над человеком, в котором я узнал того самого ковбоя. По-видимому, револьвер взорвался в его руке. Не знаю, в кого он собирался стрелять. Я выглянул на улицу, однако поблизости никого не было, и никто не видел, как все произошло, за исключением Тома Эллисона. Я подобрал то, что осталось от револьвера, и отдал коронеру.

## ПОКАЗАНИЯ ТОМА ЭЛЛИСОНА

Я, Томас Эллисон, погонщик, работаю на «Мак-Фарлейна и компанию». Ночью 3 ноября я был в салуне Большого Шефа. Когда туда пришел убитый, я не за-

метил, в салуне было очень много народа. Я выпил несколько порций виски, но не был пьян. Вскоре я заметил Гэллинса по прозвищу Гризли, охотника из Буффало, который появился на пороге салуна. У меня с ним плохие отношения, я считаю его негодяем. Он был пьян, и я не хотел, чтобы он меня заметил, поэтому я решил выйти из салуна через заднюю дверь.

Я вошел в игорный зал и увидел незнакомого человека, он сидел за столом, положив голову на руки. Я прошел мимо него к двери черного хода, которая была заперта изнутри. Я отодвинул засов, отворил дверь и уже собирался выйти, когда столкнулся с какой-то женщиной. Свет, падавший из комнаты на крыльце, был тусклым, но я разглядел ее достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать, что она негритянка, а вот как она была одета, я не заметил. Ее кожа была не совсем черная, скорее светло-коричневая, даже почти желтая. Так мне показалось при тусклом свете. Я немного удивился и остановился на пороге, и тут она произнесла: «Пойди скажи Джиму Гордону, что я пришла за ним».

Я спросил: «Кто ты такая, черт побери, и кто такой Джим Гордон?»

Она ответила: «Это тот человек, который сидит в комнате за столом, скажи ему, что я пришла!»

Не знаю почему, но у меня вдруг мурашки пробежали по спине. Я повернулся к парню, сидевшему за столом, и спросил: «Это ты Джим Гордон?» Он поднял голову, и я увидел, что лицо у него бледное и измученное. Я сказал: «Кое-кто хочет тебя видеть». Он спросил: «И кто же это?» Я ответил: «Цветная женщина, которая стоит за дверью».

Тут он вскочил и отшвырнул стул. Я подумал, а не сумасшедший ли он, и на всякий случай отошел в сторону. Его глаза дико горели, и он со сдавленным воплем рванулся к двери. И тут мне показалось, будто я услышал смех в темноте. Он снова завопил, а потом выхватил револьвер и направил его на кого-то, кого я

не видел. И тут вдруг полыхнуло, да так, что я ненадолго ослеп. Потом я увидел, что дверной проем окутан дымом. Когда дым немного рассеялся, парень лежал в дверях, весь залитый кровью. Его голова была пробита так, что вытекал мозг, а правая рука была как будто раздроблена. Я побежал в салун и крикнул бармену, что убили человека. Не знаю, собирался этот парень стрелять в женщину или нет, и стреляли ли кто-нибудь в него, но я слышал только один выстрел — когда взорвался револьвер.

#### РАПОРТ КОРОНЕРА

Я, коронер, в присутствии своих помощников и понятых произвел опознание останков Джеймса А. Гордона из Антиохии, штат Техас, и пришел к заключению, что смерть наступила в результате несчастного случая. Револьвер, который покойный держал в руке, разорвался из-за того, что Гордон после чистки забыл извлечь ветошь из ствола. В оторванном стволе найдены обгоревшие клочки хлопчатобумажной ткани. С уверенностью можно сказать, что это обрывки красно-зеленого женского платья.

Подписи: Дж. С. Ордли, коронер, Ричард Донован,  
Эзра Блэйн, Джозеф Т. Декер, Джек Уиллоу,  
Александр В. Вильямс.



## КЕЛЛИ-КОЛДУН

**В** полнолуние рассказывают удивительные истории о колдовских ночных, когда выходят призраки и среди темных сосен одиноко блуждает Келли-Колдун.

Милях в семидесяти пяти к северо-востоку от широкого зеленого поля, что раскинулось возле арканзасского города Смаковера, лежит страна густых и высоких сосновых лесов и полноводных рек, которая славится своими преданиями и удивительными традициями. Сюда в начале пятидесятых годов минувшего века приехали шотландские и ирландские пионеры, люди крепкие и мужественные, и повели наступление на дикие леса, начали освоение этого первобытного края.

Среди многих колоритных личностей тех романтических времен особенно выделялась одна фигура. Сохранились мрачные легенды и леденящие душу сказания о зловещем Келли — черном колдуне. Сын далекого конголезского племени джу-джу, Келли родился невольником. Свое необычное искусство он постигал в дремучих лесах Уачиты. Никто в точности не знает, откуда он появился. Он приехал в эти края вскоре после Гражданской войны, и покров таинственно-

сти окутывал его появление, как, впрочем, и всю его жизнь.

Келли не питал любви к физическому труду, а также не славился гостеприимством. К нему приходили, но сам он никого не навещал. Его хижина стояла на берегу Тюльпановой реки, что петляет в тени высоких сосен, и Келли одиноко жил там в мрачной тишине первобытного леса.

У него была типичная для дикаря внешность: рост футов шесть, могучее телосложение, гибкость огромной черной пантеры. Носил он всегда одну и ту же ярко-красную фланелевую рубаху, а тяжелые золотые кольца в ушах и носу придавали загадочности и без того фантастическому облику. Он почти не общался ни с белыми, ни с черными. Молча, как некоронованный король Африки, бродил по дорогам среди сосен этот угрюмый и непостижимый колдун. Кожа его была чернее тропической ночи, а взгляд глубоких глаз зловещ и проницателен. Казалось, сам дух джунглей витал над ним, и люди побаивались Келли, будто чувствовали исходившую от него магическую силу.

Казалось, он принадлежал другому времени, другой стране, другому миру. По стенам его хижины висели причудливые талисманы и уродливые маски древней Африки.

В окруже его звали Келли-Колдун, и время от времени в его одинокой хижине на берегу Тюльпановой реки появлялись таинственные чернокожие гости. Крадучись, скользили они по густому сосновому лесу, но что происходило в стенах загадочной хижины, о том не ведал ни один белый.

Келли знал свое дело. Он умел изгонять духов. Чернокожие, приходившие к нему, верили, что он способен снимать проклятия и порчу. Кроме того, он был еще и целителем — по крайней мере, он брался пользоваться негров. В тех местах белые редко заболевали чахоткой, а для негров эта хворь была сущим бичом. Вот их-то и лечил Келли. Он делал на руке больного над-

рез скальпелем, изготовленным из старой бритвы, и присыпал ранку порошком из костей змеи. Неизвестно, вылечил ли он таким образом хоть одного; скорее всего, результаты этого «лечения» нисколько не совпадали с ожидаемыми.

Возможно, Келли и сам не верил, что его магия способна одолеть туберкулез. Возможно, это был всего лишь ловкий фокус, убеждавший простодушных негров в могуществе Келли. Как бы то ни было, чернокожие его уважали. Многие ритуалы некоторых племен требуют, чтобы заклинания произносились над прядью волос, или над ногтем, или над каплей крови. Известен обряд уничтожения глиняной фигурки, которая отождествляется с намеченной жертвой. В такую фигурку вонзали иглы, не сомневаясь, что человек умрет в мучениях. А если куклу бросали в реку и ее постепенно разрушала вода, колдуны верили, что их жертва обречена на медленную смерть от болезней.

Как бы то ни было, Келли приобрел репутацию могущественного шамана. Вместо того чтобы слепо повторять колдовские ритуалы, он сам придумывал заклинания. Негры стали тяжело болеть, и поползли самые неправдоподобные слухи о том, что происходит в хижине Келли. Никто не мог определенно сказать, чем вызваны болезни, но чернокожие не сомневались, что все дело в магии. Больные уверяли, что в их желудках поселились змеи и что это дело рук могущественного колдуна. Этого колдуна не называли по имени, однако всем было ясно, что речь идет о Келли. Был ли это какой-то гипноз или необъяснимое массовое помешательство? Ни один белый о том не знал.

В каждом городе, где обитают цветные (по крайней мере на Юге), существуют таинственные «подводные течения», о которых белые могут только догадываться. Живущие в душах негров суеверия подобны невидимой реке джунглей. Никто из белых так никогда и не узнал, зачем Келли (если это действительно был Келли) наслал порчу на черных мужчин и женщин. В

чем была тайна его злого могущества, его темных устремлений — этого тоже не узнал никто из белых.

Келли, разумеется, предпочитал держать язык за зубами. Молчаливый и мрачный, он шел своим путем, и только глаза светились дьявольским огнем, когда он смотрел на людей, как на слепых беспомощных кукол, послушных его умелым черным рукам.

В конце семидесятых Келли исчез в буквальном смысле этого слова. Его хижина на берегу Тюльпановой реки опустела, тяжелая дверь осталась отворена, и никто больше не видел, как он блуждает среди сосен подобно темному призраку. Возможно, цветные что-нибудь знали, но белым не рассказывали. Он появился, окутанный тайной, жил таинственной жизнью и столь же таинственно исчез, и никто не знал, в каком направлении. По крайней мере никто не сказал, что знает. Может быть, темные воды реки о чем-то догадывались. Может быть, жертвы Келли отомстили ему. Может быть, одинокая хижина, стоявшая в тени могучих сосен, оказалась немым свидетелем рокового преступления, а сумрачные глубины Тюльпановой реки приняли искушительную жертву.

А может быть, колдун просто ушел однажды ночью по причине, известной только ему, и теперь ходит по берегу какой-нибудь иной реки. Никто этого не знает. Никому не удалось приподнять завесу тайны его появления и исчезновения.

Но и сегодня его безмолвная тень нет-нет да и мелькнет на диком берегу, а по ночам, когда ветер заывает в кронах деревьев, старые негры говорят, что это дух колдуна перекликается с душами мертвцев, что блуждают по мглистому лесу.



## УЖАС ИЗ КУРГАНА

**В**ерите ли вы в привидений, призраков, духов? Вот и Стив Брилл совершенно не верил, хотя Хуан Лопес верил безусловно. Но ни глубокий скептицизм одного, ни наивная вера в сверхъестественное второго не смогли уберечь их от встречи с ужасом, скрытым до времени в глубине веков. Зловещим ужасом, память о котором теплилась в сознании немногих посвященных почти три столетия.

А пока Стив Брилл посиживал на своем шатком крыльце в закатных лучах и предавался горестным размышлениям, очень далеким от мыслей о неведомом и потустороннем. Он с тоской оглядел свой земельный участок и грубо выругался. Брилл вообще был груб, как сапожная кожа. Длинный и сухопарый, сильный, как олень, — истинный сын непоколебимых пионеров, покоривших дикую природу Западного Техаса. Манера ходить, тощие ноги и высокие сапоги выдавали ковбойские привычки этого парня, и он часто ругал себя за то, что покинул «штормовую палубу» — спину своего горячего скакуна — и ушел в фермеры. Молодой ковбой не раз признавался себе, что земледелец из него — просто никудышный. Впрочем, в постигшей

неудаче вряд ли был виноват он один. Казалось, обильные зимние дожди — большая редкость для этих краев — обещали отличный урожай.

Но природа, как обычно в этих местах, сыграла злую шутку: поздние заморозки погубили готовые лопнуть почки на плодовых деревьях, многообещающие и даже успевшие пожелтеть зерновые были буквально вбиты в землю прошедшей жестокой бурей с градом. Продолжительная засуха и пришедший ей на смену очередной дождь с градом окончательно добили кукурузу. Хлопок продержался дольше всех, казалось, невзгоды забыли про небольшое хлопковое поле Брилла. Но не тут-то было — стая налетевшей саранчи за ночь лишила его последних надежд.

Он оглядывал свои опустошенные угодья и с жаром благодарил судьбу, что не купил, а только взял в аренду обильно поливую потом, но не отзывающуюся на уход землю. Слава Богу, на Западе еще достаточно просторных равнин, где молодому крепкому парню, привычному к седлу и лассо, всегда найдется дело и возможность заработать себе на жизнь. Брилл решил не возобновлять аренду и навсегда забросить неблагодарное ремесло землемера.

От мрачных мыслей его отвлек подходивший старый молчун-мексиканец, ближайший сосед Стива. Он жил в лачуге по ту сторону холма и зарабатывал себе на хлеб раскорчевкой на соседских участках. А возвращаясь после расчистки земли на близлежащей ферме, привычно срезал угол на пути к своему жилищу, проходя через пастбище Брилла.

Появление старика стало обычным за последний месяц, он ежедневно дважды проходил по протоптанной в невысокой сухой траве дорожке к небольшой рощице мескитовых деревьев. Спазаранку мексиканец начинал вырубку и корчевку их немыслимо длинных корней, а на закате возвращался одной и той же дорогой. Стив Брилл лениво наблюдал за замешкавшимся у проволочной ограды стариком и его дальней-

шими передвижениями. Неожиданно его заинтересовало, что Лопес, вместо того чтобы идти напрямик, свернул и старательно обходит стороной низкий круглый холм, как обычно прибавляя при этом шагу.

Брилл вспомнил: старый мексиканец непременно огибает небольшое возвышение на пастбище со значительным запасом и старается миновать это место до наступления сумерок. Хотя мексиканцы на раскорчевке, как правило, работали до последних проблесков света — платили за расчищенные акры, а не повременно, — и они старались использовать солнечный день полностью. А стариk оставил работу значительно раньше. Брилл почувствовал острый укол любопытства.

Неторопливо поднявшись, он начал спускаться по пологому склону с холма, на вершине которого стоял его дом.

— Эй, Лопес, подожди! — окликнул фермер устало бредущего мексиканца.

Стариk огляделся по сторонам и, заметив Брилла, остановился, равнодушно следя за приближающимся белым.

— Послушай, Лопес, конечно это не мое дело, — небрежно протянул Стив, — но все же хочется узнать: почему ты всегда стараешься держаться подальше от старого индейского кургана?

— Но сабэ, — буркнул Лопес, отводя взгляд.

— Ну, нет! Не обманешь! — рассмеялся Стив. — Не пытайся сделать вид, что не понимаешь меня. Ты умеешь говорить по-английски не хуже, чем я. Ты, видимо, уверен, что в том кургане поселились духи или его посещают привидения? Или еще что-то в этом роде?

Конечно, Брилл легко мог перейти на испанский. Он не только говорил, но и писал на этом языке. Но, как большинство англосаксов, предпочитал изъясняться на родном языке. Стариk в ответ пожал плечами и нехотя проговорил:

— Но буэно, плохое место. Лучше, если оно сохранит свои тайны.

— Никак, старик, ты боишься призраков? — насмешливо сказал Брилл. — Ерунда, хозяева этого индейского кургана померли так давно, что их призракам наверняка надоело посещать столь заброшенное место.

Встречавшиеся довольно часто на юго-западе курганы, веками хранящие в своих недрах останки давно забытых вождей и воинов исчезнувшей расы, вызывали у неграмотных мексиканцев суеверный страх. Брилл знал об этом, но что-то в поведении Лопеса заставляло фермера продолжать расспросы.

— Не стоит тревожить тайны, скрытые под землей. Плохое место, — упрямо повторил старик.

— Глупости, — решительно возразил белый. — В Пало Пинто мы с приятелями вскрыли один из курганов и не нашли ничего особенного. Только заплесневевые кости скелета, бусы, кремниевые наконечники стрел да прочую ерунду. И после этого меня не посещали никакие индейские призраки, хотя я долго хранил у себя зубы покойника, пока они где-то не затерялись.

— Индейцы? — Лопес презрительно хмыкнул. — Разве речь идет об индейцах? Мой дед, сеньор Брилл, жил тут задолго до вашего, и я знаю, что в этой стране жили не только индейцы. Из поколения в поколение моим народом передаются многие легенды. А некоторые из них рассказывают о странных событиях, случившихся здесь в старые времена...

— Ну, разумеется, всем известно, что первыми белыми здесь были твои предки — испанцы, — согласно кивнул Стив. — По слухам, неподалеку отсюда проходил Коронадо, а прямо по этим местам — или чуть в стороне — двигалась знаменитая экспедиция Эрнандо де Эстрадо, правда, я не помню, в каком году это было.

— В тысяча пятьсот сорок пятом, — тут же ответил Хуан Лопес. — Лагерь де Эстрадо был разбит в том месте, где сейчас стоит ваш корраль.

Брилл ошеломленно оглянулся и новым взглядом посмотрел на свой небольшой корраль, где меланхолично бродили пара рабочих лошадей, верховой жеребец и одинокая тощая корова.

— Откуда у тебя такие сведения о старинном походе? — не скрывая любопытства, спросил Стив.

— С отрядом де Эстрадо двигался один из моих предков — Порфирио Лопес, солдат, — с гордостью сказал мексиканец. — И от отца к сыну в нашей семье передавали рассказы об этой экспедиции. Но мне не с кем поделиться знаниями — у меня нет сына.

— Важная же у тебя была родня. А я и не знал об этом, — задумчиво заметил Брилл. — Но тебе, должно быть, кое-что известно не только об экспедиции, но и о золоте, спрятанном, по слухам, где-то здесь, в окрестностях.

— Никакого золота не было, — буркнул Лопес. — Люди смешили две старые легенды. Воины де Эстрадо шли с боями по враждебной стране и при себе имели лишь свое оружие. А вместо золота многие из них оставили здесь свои кости. Прошли годы, и по этим местам прошел караван мулов из Санта-Фэ. Вот они-то и везли слитки. Спасаясь от неожиданно напавших команчей, испанцы спрятали драгоценный груз в нескольких милях отсюда и сбежали. Но гринго, охотники на бизонов, давно уже разыскали его и увезли. Так что золота здесь нет, что бы ни болтали несведущие люди.

Брилл слушал рассеянно и равнодушно кивал. Ему были знакомы подобные легенды о спрятанных сокровищах, в изобилии гулявшие по всей юго-западной части Северной Америки. Это пошло еще с тех времен, когда испанцы владели золотыми и серебряными рудниками Нового Света и сказочные богатства перемещались туда-сюда через долины и холмы Техаса в Нью-Мексико и обратно. Но в руках испанцев была еще и прибыльная торговля мехами. А многочисленные войны, нападения индейцев и рыцарей удачи

заставляли доверять накопленное земле. Отголоски этих событий и послужили основанием для рождения легенд о несметных сокровищах.

В мозгу у Брилла подобные мысли постепенно превращались в осознанное желание разом решить свои проблемы и спасти от надвигающейся бедности, разыскав такой клад.

— Делать мне сейчас вообще-то нечего, — задумчиво произнес молодой ковбой. — А что, если раскопать этот старый курган, вдруг мне повезет, и там окажется что-нибудь ценное?

Не успел он произнести последние слова, как от флегматичности Лопеса ничего не осталось: старик резко отпрянул, возбужденно замахал руками. Его смуглое лицо посерело, черные глаза вспыхнули, и он умоляюще вскрикнул:

— Диос, нет! Не губите свою душу, сеньор! Не вздумайте сделать это — на кургане лежит заклятие! Еще мой дед говорил...

Старик неожиданно смолк.

— Так что говорил твой дед?

— Я не могу рассказывать об этом. — Лопес погрузился в мрачное молчание, но вскоре пробормотал: — Я дал клятву молчать, лишь старшему сыну я должен открыть свое сердце. Но прошу вас, сеньор Брилл, поверьте: лучше сразу перерезать себе горло, чем раскапывать этот проклятый курган.

— Ну, если ты считаешь, что это так опасно, — Брилл говорил раздраженно, уверенный, что речь идет о пустых суеверных домыслах, — расскажи поподробней, дай мне разумный повод не вскрывать так пугающий тебя холм.

— Это невозможно! — В голосе Лопеса сквозило отчаяние. — Я поклялся на святом распятии: как все мужчины нашей семьи, дал страшную клятву молчать и не могу говорить. Можно прымиком угодить в ад, если только обмолвишься о столь мрачной тайне. Я могу вышибить душу из вашего тела, стоит мне от-

крыть рот. Но язык мой навеки запечатан — у меня нет сына, и я не нарушу свой обет.

— Вот как, — иронично протянул Брилл. — Не можешь говорить, так возьми и напиши об этом!

Старик замер, а потом усиленно закивал, к изумлению фермера с явным облегчением ухватившись за эту мысль.

— Я так и сделаю! Слава Господу, когда я был мальчишкой, один добрый священник научил меня писать. В данной мною клятве нет ни слова о письме, я только обязан не говорить. Но вы должны пообещать мне, что никогда и никому не расскажете о прочитанном и сразу уничтожите мое сообщение.

— Хорошо, я согласен, — просто для того, чтобы успокоить старика, сказал Брилл.

— Буэно! Я приду и сразу начну писать. А завтрашним утром передам вам написанное, и вы сами поймете, почему никто не должен прикасаться к этому проклятому месту.

Договорив, Лопес поспешил домой, покачивая согбенными плечами в такт шагам. Стив усмехнулся и, пожав плечами, собрался отправиться в свою хижину. Но низкий, поросший пожухлой травой холм так и притягивал его взгляд. Симметричность насыпи, ее форма явно указывали на сходство с другими индейскими курганами. Стив помедлил уходить и, нахмурившись, продолжал размышлять о таинственной связи древней гробницы с воинственным предком Хуана Лопеса.

Брилл задумчиво посмотрел на удаляющуюся фигуру старика. Полуиссохший ручей разделял на две долину, окруженную корявыми деревьями и кустами, пролегая между пастбищем Брилла и небольшим холмом, за которым скрывалась хижина Лопеса. Старый мексиканец уже почти скрылся в растущих вдоль ручья деревьях, когда смотрящий ему вслед Стив принял неожиданное решение.

Он быстро поднялся на холм к своей хижине и из пристроенного к ней с тыльной стороны сарая достал

кирку и лопату. Брилл надеялся, что еще до наступления темноты успеет осуществить свой замысел и вскрыть курган настолько, что станет ясен характер его содержимого. Еще раз взглянув на заходящее солнце, он решил, что в крайнем случае ему придется поработать при свете фонаря. Уклончивое поведение Лопеса укрепило его догадки о зарытых сокровищах, а порывистая натура требовала немедленно осуществить намеченное и открыть тайну загадочного кургана.

Он почти уверил себя, что эта коричневая горка и впрямь таит в своей глубине клад: девственное золото давно покинутых рудников, а может, и испанскую, старой чеканки, монету. Ведь вполне могло случиться так, что мушкетеры по каким-то причинам не могли увезти свои сокровища и, склонив их, собственно ручно насыпали холм, придав ему форму индейского кургана, желая таким образом одурачить кладоискателей. Что знает об этом старый Лопес? А может, как раз сведения о спрятанном кладе так тревожат его. Неудивительно — мексиканцы убеждены, что спрятанное золото всегда непременно проклято и охраняется неуловимыми злобными призраками. Поэтому, обуреваемый мрачными суевериями, старик предпочитает жить каторжным трудом, но не смеет потревожить сокровища и вызвать гнев потусторонних стражей. Но какое бы неведомое заклятие ни хранило тайну кургана, оно не остановит Брилла. Что могут сделать латино-индейские дьяволы ему, англосаксу, терзаемому демонами засухи, бурь и грядущей нищеты!

С присущей его племени яростной энергией Брилл взялся за работу. Но задача оказалась не из легких — лопата постоянно натыкалась на камни и гальку, а почва, обожженная безжалостным солнцем, была твердой, как железо. Стива охватил пламенный азарт кладоискателя, хотя пот заливал глаза, руки подрагивали от усилий. Кряхтя и утирая струящийся пот, он продолжал мощными ударами разбивать на куски слежавшуюся за века землю.

Солнце ушло за горизонт, и на землю опустились долгие летние сумерки. Но Стив Брилл не замечал ни времени, ни происходящего вокруг, продолжая трудиться не покладая рук. Когда он нашел в почве остатки древесного угля, то окончательно убедился, что курган действительно был индейской гробницей. Провожая почивших в Край счастливой охоты, индейцы, согласно обычаю, четыре ночи жгли костры, чтобы души умерших не заблудились в пути. Днем же досыпали курган. Вскрытый когда-то Бриллом и его приятелями курган тоже содержал лежащий слоями внушительный слой угля. Но сейчас слои угля беспорядочно пронизывали почву.

Стив продолжал работу, хотя идея об испанцах, спрятавших сокровище, изрядно поблекла. Но, может быть, те древние люди, так называемые строители курганов, хоронили вместе с покойником и принадлежащие ему ценности?

Стив взвужденно вскрикнул, когда кирка прокрежетала, ударившись о металл. Напрягая зрение в густеющих сумерках, он рассматривал свою находку. Бешица, покрытая слоем ржавчины, не превышала по толщине лист бумаги, но, поднеся ее к глазам, Брилл мгновенно узнал колесико от шпоры, и, судя по длинным острым «лучам», — испанское. Кладоискатель растерянно вертел в руках «сувенир» испанских кавальеро и гадал: каким образом этот предмет мог попасть в слежавшуюся почву кургана, сооруженного, по всем признакам, аборигенами и явно простоявшего здесь несколько веков?

Брилл покачал головой и снова принялся копать. Если это гробница древних индейцев, то в центре должна находиться узкая, сложенная из грубо обработанных камней камера, и он должен обязательно обнаружить ее. Именно там находятся кости человека, может быть вождя, ради которого возводился холм и приносились на поверхности человеческие жертвы. В сгустившийся темноте кирка кладоискателя наконец глухо ударила по твердой, напоминающей гранит поверх-

ности. Стив опустился на колени и ощупал грубо отесанный каменный столб, ограничивающий один из концов погребальной камеры. Нечего было и думать разбить его. Брилл начал подрывать вокруг, отгребая землю и камешки, освободив столб настолько, что стало возможным вывернуть его, стоило лишь подсунуть кирку под край, используя ручку как рычаг.

Неожиданно Стив понял, что уже наступила ночь. Молодая луна тускло освещала предметы, размывая очертания. Усталые животные в коррале мирно перемалывали челюстями зерно... И вдруг оттуда донеслось беспокойное ржание мустанга. Жалобный крик козодоя раздался ему в ответ из непроницаемо-темных зарослей у ручья. Брилл неохотно оторвался от своего занятия и решил отправиться за фонарем, чтобы продолжить раскопки при свете. Но любопытство подстергивало его, парень пошарил по карманам в поисках спичек: сейчас он мог с легкостью вывернуть камень и взглянуть на содержимое — ну хоть одним глазком. Но раздавшийся позади запирающей плиты слабый зловещий шорох заставил его отпрянуть и прислушаться. Змей! Конечно же, в основании плиты могли оказаться прорытые ими норы, и наверняка не менее дюжины «гримучек» с ромбами вдоль спины, свернувшись кольцами в подземной камере, только и ждут момента, чтобы броситься на просунутую по глупости руку. Фермер содрогнулся при этой мысли и отскочил — нет, наугад совать руки в дыры не годится! Его также беспокоил исходящий из щелей вокруг плиты неприятный гнилостный запах. Стив почувствовал его несколько минут назад, но разумно заключил, что этот факт еще не говорит о присутствии рептилий. В этом угрожающем запахе чувствовался присущий кладбищу дух тлена. Неудивительно, ведь за столько веков в замкнутом пространстве камеры наверняка образовались опасные для всего живого газы.

Досадуя на вынужденную задержку, Стив бросил кирку и вернулся в свой дом. Зайдя внутрь, он зажег

спичку и направился к висящему на гвозде, вбитом в стену, фонарю. Встряхнув его, Брилл с удовлетворением отметил, что минерального масла достаточно, и зажег фонарь. Поскольку его страсть не позволяла ему даже чуть задержаться и перекусить, он сразу отправился обратно к кургану. Раскопки абсолютно заинтриговали его, а богатое воображение и найденная испанская шпора крайне обострили любопытство.

Стив почти бежал к кургану, раскачивающийся в его руках фонарь отбрасывал по сторонам длинные уродливые тени. Брилл ухмылялся, представляя, как удивится суеверный Лопес, обнаружив утром развороченный холм. Что скажет и подумает перепуганный мексиканец, узнав о вторжении в запретное место? Брилл решил, что правильно сделал, вскрыв курган не откладывая, иначе Лопес постарался бы помешать ему в этом деле.

В спокойной тишине мягкой летней ночи Стив подошел к раскопанному месту, поднял фонарь и изумленно выругался. Свет выхватил из темноты небрежно брошенные невдалеке инструменты — и черный провал ямы. Громадная замыкающая плита лежала около зловещей дыры, как будто мимоходом отброшенная в сторону. Стив все-таки спустился в раскоп и поднес фонарь к отверстию, ведущему в узкую, похожую на пещеру камеру. С опаской заглянул туда, ожидая увидеть нечто неведомое. Взгляду не открылось ничего, только голые каменные стены неширокой длинной камеры, достаточно большой, чтобы поместить тело человека. Стены были сложены из грубо отесанных камених плит, плотно пригнанных и крепко скрепленных каким-то раствором.

— Лопес! — заорал разозленный Стив. — Грязный койот! Ты следил за мной, а когда я прервал работу и ушел за фонарем, ты спустился сюда и отвалил рычагом камень! Черт побери твою жирную шкуру! Ты схватил то, что здесь было, и удрал. Но я поймаю тебя и задам хорошую трепку!

Свет фонаря не позволял что-либо разглядеть вдалеке, и Стив сердито задул его. А затем уставился в темноту, поверх заросшей кустарником долины. Глаза, закаленные солнцем и ветром пустыни, позволяли видеть и ночью. И вдруг Брилл напряженно застыл: на краю холма, за которым находилась хижина мексиканца, маячила черная тень. В тусклом свете заходящего полумесяца легко можно было обмануться, но Стив точно знал — за кромкой холма, покрытого мескитовыми деревьями, двигалось двуногое существо.

— Мчится в свою лачугу, — зло оскалился Брилл. — Несется как угорелый, не иначе прихватил что-то ценное.

Его пробрала дрожь, и Брилл удивился внезапно возникшему тревожному чувству. Почему фигура семенящего домой вороватого старика вызывала столь необъяснимое волнение? Брилл старался подавить в себе мысли о вдруг возникших странностях в подпрыгивающей походке исчезающего за холмом темного силуэта. Старый грузный Хуан Лопес наверняка не напрасно избрал столь необычную, но стремительную манеру передвижения.

— Я заставлю его поделить добычу поровну. Она найдена в моей земле, и я раскопал холм, — рассуждал Брилл, пытаясь отвлечься от поразившего его воображение побега мексиканца. — Теперь понятно, почему он рассказывал мне сказки о проклятии! Черта с два я поверю в эти басни! Он специально заморочил мне голову, чтобы я оставил курган в покое, а сокровища достались ему. С другой стороны, почему он давным-давно не выкопал клад? Трудно найти логику в совершенно непредсказуемом поведении мексиканца...

Занятый своими размышлениями, Брилл широко шагал по пологому склону пастбища, ведущему к руслу пересохшего ручья. Двигаясь среди деревьев и густого кустарника, растущих по берегам, он перепрыгнул сухое русло и рассеянно отметил про себя, что в темноте не слышно ни крика козодоя, ни уханья совы.

Стояла напряженная, неприятная тишина, ночь, казалось, застыла в молчании. Брилл искренне пожалел, что поторопился задуть фонарь, болтающийся бесполезным грузом в левой руке, и так же искренне порадовался, что захватил смахивающую на боевой топор кирку. Парню вдруг захотелось хоть как-то нарушить тишину, например свистнуть, но он выругался и передумал. Он облегченно вздохнул, только поднявшись на пологий склон, залитый звездным светом.

Отсюда Брилл хорошо видел жалкую лачугу на прогалине, окруженной мескитовыми деревьями. Из одного окна струился свет.

— Я, кажется, вовремя — стариk собирает пожитки, прежде чем удрать, — пробурчал Стив и вдруг пошатнулся, как от удара.

Тишину разорвал душераздирающий крик, настолько ужасный, что хотелось зажать руками уши и упасть лицом в траву, чтобы ничего больше не слышать. Невыносимый пронзительный вопль неожиданно оборвался на самой высокой ноте.

— Боже милостивый! — Стива будто окунули в ледяную ванну — по всему телу выступил холодный пот. — Это орал Лопес... или кто-то дру...

Не закончив фразу, он помчался по склону со всей скоростью, с какой могли нести его длинные ноги. Что-то немыслимо ужасное происходит в одинокой хижине, и он должен узнать что, даже если предстоит встретиться с самим дьяволом. На бегу Стив покрепче сжимнул рукоятку кирки, мгновенно забыв о своем гневе на старого мошенника мексиканца. Видно, какие-то бродяги пытаются убить Лопеса, польстившись на его добычу. Но плохо придется любым обидчикам его седа, пусть стариk и оказался вором!

Он уже добежал до прогалины, когда свет в хижине погас, и Брилл, не рассчитав, с налету врезался в мескитовое дерево. Поранившись о колючки, он вскрикнул и отскочил в сторону. Чертыхнулся и снова помчался к лачуге, приготовясь к худшему.

Подбежав к единственной двери, Стив попытался открыть ее, но сразу же обнаружил, что она заперта, и заперта изнутри. Он покричал, призывая Лопеса, но ответа не дождался. Брилл прислушался — тишина не была абсолютной, изнутри доносился шум приглушенной возни. Она сейчас же прекратилась, стоило фермеру вонзить кирку в дверь. С треском разлетелась тонкая створка, и он, занеся над головой кирку, с горящими глазами влетел в комнату, готовый к нападению, и к обороне. Возбужденное воображение Стива уже населило темные углы лачуги ужасными фигурами, но внутри ничто не нарушало вновь наступившей тишины и никто не шевелился.

Брилл отыскал спички и влажными от пота руками зажег одну. В хижине не было посторонних: один только Лопес — старик Лопес, лежащий на полу, широко, как на распятии, раскинув руки. Мертвый, будто каменный. Идиотская гримаса исказала рот, глаза выкачены и наполнены непереносимым ужасом. Его спящие волосы слегка шевелил сквозняк из распахнутого окна. Видимо, убийца сбежал через него, а может, этим же способом и проник в дом. Брилл кинулся к окну и осторожно выглянул наружу. Но перед ним был лишь пустой склон холма и прогалина мескитовой рощицы. Он напряженно всматривался в темноту: не шевелится ли что-либо среди коротких теней мескитовых деревьев и чаппарала? Парень вздрогнул — в какой-то момент ему померещилась мелькнувшая среди деревьев темная фигура.

Спичка догорела до самых пальцев, и Брилл выругался, почувствовав ожог. Затем повернулся и, подойдя к грубому деревянному столу, зажег стоящую там старую масляную лампу, машинально отметив, что стеклянный шар лампы очень горячий, как будто она горела много часов подряд.

Наклонившись над трупом, Стив неохотно перевернул его и занялся осмотром. Не было ни ножевых ран, ни следов от удара дубинки. Но смерть, настиг-

шая старика, была ужасна, он сам слышал дикий вопль. Но — стоп... На руке, ощупывающей старику, появилась тонкая полоска крови. И Брилл внимательно осмотрел место, до которого только что дотронулся. На горле Лопеса сочились кровью три или четыре крошечных прокола, нанесенные как будто стилетом — чрезвычайно узким, с закругленным лезвием кинжалом. Но нет, Стив много раз видел раны от удара подобным оружием, да и у него на теле осталась метка, оставленная таким клинком, но тут было что-то другое. Скорее след от укуса неизвестного животного, с очень острыми и длинными клыками.

Брилл был в полной уверенности, что такие небольшие повреждения не могут вызвать смерть, речь не шла и о большой потери крови. И парень решил, хотя эта мысль и вызывала отвращение, что Лопес умер от страха, а раны были нанесены уже трупу.

Осмотревшись, он заметил еще кое-что: по полу валялись раскиданные листки грязноватой бумаги, исписанные корявым почерком мексиканца. Старики, видимо, решил исполнить обещанное и написать о проклятии кургана. Все свидетельствовало о том, что Лопес просидел за столом несколько часов кряду — исчирканные листы, валяющийся на полу огрызок карандаша, горячий шар на масляной лампе. Но кто же тогда побывал на раскопках и украл содержимое погребальной камеры? И кто удирал вприпрыжку за холм? Что за существо успел заметить Брилл?

Теперь ему придется оседлать своего жеребца, отправиться среди ночи за десять миль, в ближайший поселок Колодец Койота, и сообщить шерифу об убийстве. А пока фермер подобрал разбросанные листки, последний из которых был зажат в руке мертвеца, — пришлось приложить некоторые усилия, чтобы разжать пальцы Лопеса.

Брилл повернулся к столу с намерением загасить лампу и задумался. Он медлил, ругая себя за страх, медленно выползающий из закоулков сознания. Вспом-

нился момент, когда лампа погасла первый раз, перед его приходом сюда. И промелькнувшая в освещенном окне тень, которую он успел заметить перед тем, как в хижине погас свет. Наверняка именно длинная рука убийцы протянулась и загасила лампу. Он допускал, что возникшее ощущение необычности, искаженности пропорций могло возникнуть от недостатка освещения. Стив, как человек, проснувшийся после кошмарного сна и старающийся вспомнить подробности, попытался четко прояснить для себя: что настолько испугало его при виде убегающей фигуры, что заставляет его покрываться холодным потом при одном воспоминании об этом?

Брилл зажег свой фонарь, решительно задул лампу и, поругивая себя для храбрости, не без опаски вышел из хижины. Крепко стискивая в руке кирку, он с недоумением прислушивался к себе, стараясь понять, почему некоторые подробности этого жестокого убийства так угнетающе действовали на него, не отличающегося особой чувствительностью. Преступление было отвратительным, но вполне заурядным в среде мексиканцев, постоянно лелеющих свои тайные распри.

Его окружала тишина звездной теплой ночи... И вдруг послышалось дикое ржание смертельно перепуганной лошади. Забили копыта в деревянную стену коррала, треск — и вот уже вдали раздается топот уносящихся в безумной скачке животных. Стив замер, а затем, вкладывая всю душу, отчаянно выругался. Видимо, среди холмов появилась пантера, жестокий и удивительно хитрый зверь. Наверно, она и прикончила старого Лопеса. Но отчего тогда на теле не обнаружилось следов от кривых когтей свирепой кошки? И глупо думать, что она сумела погасить свет в хижине...

Ночь подкинула очередную загадку. Ковбой всегда выяснит причины поднявшейся паники в собственном стаде, и Брилл поспешил к темному пересохшему ручью. Пробираясь через колючий кустарник и даль-

ше, он чувствовал, как его язык буквально присох к небу. Стив поминутно сглатывал слону и нес фонарь над головой, стремясь не сбиться с дороги в тусклом пляшущем свете, едва пробивающем мрак сгустившихся теней. Среди хаоса досаждавших парню мыслей вдруг выделилось следующее соображение: он идет по земле, новой только для англосаксов, а по сути не менее древней, чем так называемый Старый Свет.

Ведь вскрытая и оскверненная могила — немое свидетельство, что человек обитал здесь с незапамятных времен. Неожиданно все — и темные в ночи холмы, и обступившие фермера тени — показалось пугающими реликтами прошлого. Многие поколения людей жили и умирали в этих местах до того, как предки Брилла только прослышали о существовании этих земель. И может, именно здесь, у темного ручья, по ночам испускали дух умерщвляемые в страшных муках жертвы.

Поглощенный такого рода мыслями, Брилл торопливо шагал и наконец облегченно вздохнул, миновав затемненный зарослями участок у русла ручья. Спешно поднимаясь по пологому склону к обнесенному оградой корралю, он высоко держал фонарь над головой и внимательно смотрел по сторонам. Ни одного животного поблизости не было, а колья не были выбиты мощными ударами копыт, а вывернуты и лежали на земле. Это указывало на то, что здесь поработал человек, и события приобретали новый, зловещий смысл. Кто-то стремился помешать его поездке в Колодцы Койота сегодняшней ночью. Этим кем-то мог быть только убийца. «Значит, парень решил сбежать и оставить между собой и блюстителями закона как можно больше миль», — решил, зло усмехнувшись, Брилл. Но что могло так сильно испугать лошадей, что их топот с дальней мескитовой прогалины был уже еле слышен? Спины Брилла опять коснулись ледяные пальцы страха.

Направляясь к дому, он не сразу ринулся под защиту стен, а крадучись обошел хижину, осторожно заглядывая в темные окна и мучительно прислушива-

ясь к малейшему шороху, который выдал бы притаившегося убийцу. Наконец Брилл осмелился открыть дверь и зайти внутрь. Он резко распахнул створки, трахнув ими о стену, чтобы проверить, не притаился ли кто-то в простенке. А затем осветил пространство комнаты поднятым фонарем, свирепо сжимая в руке кирку, и переступил порог, охваченный смешанным чувством страха и слепой ярости. Слава Богу, в доме Стив был один, тщательный осмотр подтвердил это.

С облегчением вздохнув, Брилл плотно закрыл двери и окна, зажег свою старую масляную лампу и извлек из тайника свой верный кольт 45-го калибра, невесело ухмыльнулся и повращал сине-стальной барабан. Его мысли постоянно возвращались к старику Лопесу, одиноко лежащему в лачуге по ту сторону ручья, вернее, к его трупу с остекленевшими глазами. Конечно, он не собирался отправляться в поселок пешком среди ночи. Скорее всего, убийца решил не оставлять в живых свидетеля преступления. Хорошо же, пусть приходит! Молодой ковбой с шестизарядной пушкой не станет для него, или для них, столь же легкой добычей, как стал старый безоружный мексиканец. Эти размышления напомнили Бриллу о бумагах, захваченных из лачуги. Стив уселся, предварительно убедившись, что не находится на линии огня — через окно могла влететь нежданная пуля, — и занялся чтением, не переставая чутко прислушиваться к подозрительным шорохам снаружи.

И чем больше он погружался в смысл корявых, с трудом нацарапанных строк, тем более душу Стива охватывал леденящий ужас. Пугающую историю поведал старый мексиканец, историю о незапамятных временах, передающуюся из поколения в поколение.

Речь в бумагах шла о странствиях кабальеро Эрнандо де Эстрадо и его копьеносцев, бросивших вызов ранее неизведанным, пустынным землям юго-запада. Первоначально, как гласила рукопись, отряд состоял из сорока человек — солдат, слуг и офицеров.

Кроме начальника экспедиции, капитана де Эстрадо, в походе участвовали молодой священник Хуан Завилла и дон Сантьяго де Вальдес. Последний присоединился к отряду случайно — его сняли с беспомощно дрейфующего по водам Карибского моря судна. Он поведал, что все члены команды и пассажиры погибли от чумы, и, боясь заразы, он был вынужден выбросить тела за борт. Де Эстрадо решил взять его на борт своего корабля, несущего испанскую экспедицию, и де Вальдес примкнул к первопроходцам.

Далее путешествие испанцев описывалось Лопесом в примитивной манере, видимо, в тех выражениях, как это передавалось от отца к сыну в их семье более трехсот лет. Из рассказа следовало, с какими ужасными трудностями пришлось столкнуться отряду — засуха, жажда, наводнения, песчаные бури, копья и стрелы враждебных краснокожих. Но все эти тяготы отошли на второй план перед таинственным испытанием, постигшим одинокий караван, продвигающийся по дебрям дикой природы.

Отряд превратился в добычу неведомого, тайного ужаса, люди погибали один за другим, а убийцу не удавалось обнаружить. Страх и мрачные подозрения терзали души людей подобно язве. Меры предосторожности не срабатывали, и де Эстрадо пребывал в растерянности. Каждый в отряде знал — среди них находится дьявол в человеческом обличье.

Отчуждение в отряде росло, люди старались по дальше держаться друг от друга, шли врассыпную вдоль тропы. Недоверие и стремление уединиться лишь облегчали задачу дьяволу. Потерянные, потерявшие надежду и измученные лишениями люди устало брели через пустынью. Неведомый враг преследовал их неотступно, повергая на землю отставших, находя свои жертвы среди уснувших, не щадя и часовых. И у каждого из погибших на шее находили небольшие ранки от острых клыков, а в теле не оставалось ни капли крови. И оставшиеся в живых знали, с какого рода злом

имеют дело. Продолжая идти вперед, люди призывали на помощь святых или богохульствовали в слепом отчаянии, отчаянно боясь уснуть, борясь с усталостью до тех пор, пока не падали в изнеможении. А подступивший сон нес ужас и смерть.

В конце концов подозрения сосредоточились на чернокожем гиганте — рабе из Калабара, из племени людоедов. На одном из привалов негра сковали цепями и спокойно уснули, но в ту же ночь погиб юный Хуан Завилла. Погиб той же смертью, что и остальные. Но он отчаянно сопротивлялся и смог прожить еще некоторое время. Запекшиеся губы прошептали де Эстрадо имя убийцы.

Брилл прервался, отирая со лба холодный пот, и с широко открытыми глазами прочел:

«...Добрый священник поведал истину, и де Эстрадо стало ясно, что убийцей оказался дон Сантьяго де Вальдес — вампир, питающийся кровью живых. Вспомнил де Эстрадо и предание о некоем гнусном дворянине, обитающем в горах Кастилии еще со времен битв с маврами. Кровь беспомощных жертв давала ему бессмертие. Его убежище было раскрыто, и отвратительный злодей бежал — долгое время никто не знал, куда именно. Очевидно, спасаясь от погони, он покинул Испанию на корабле, и теперь стало понятно, что спутники его погибли отнюдь не от чумы, а от клыков безжалостного вампира.

Чернокожего освободили, и все оставшиеся в живых люди отправились на поиски дьявольского отрода. Они нашли bestию невдалеке, безмятежно спящего в зарослях чапараля. Вампир досыпал напился крови последней жертвы и отыхал. Хорошо известно, что вампиры, насытившись, погружаются в глубокий сон, подобно переваривающему добычу удаву, и тогда их можно пленить без опаски. Но, пленив вампира, люди задумались: каким образом уничтожить нежить? Вампир — и так давно уже умерший человек, а как же можно убить мертвеца?

Сначала было решено, что дон Энрике загонит в сердце дьяволу кол, а затем отрежет голову. Но при этом необходимо произносить святые слова, которые превратят давно уже мертвое тело в прах, а священник умер, и некому было правильно сделать это. Де Эстрадо сомневался: вдруг чудовище очнется во время ритуала?

Посовещавшись, они подняли и отнесли дона Себастьяна к находившемуся недалеко от стоянки старому индейскому кургану. Торопливо раскопав холм, испанцы выбросили из погребальной камеры кости и поместили внутрь вампира. Вновь насыпав землю, они помолились: да сохранит его так Господь до Судного дня...

Это место навсегда проклято! Мне жаль, что я не умер с голоду прежде, чем, польстившись на заработки, вернулся в это страшное место. Я с детства знал и этот ручей, и холмы, и курган с его жуткой тайной. Вы ни в коем случае не должны вскрывать этот курган, синьор Брилл, теперь вы знаете все и не должны будить дьявола...»

Рукопись обрывалась на этом месте торопливым росчерком карандаша, прорвавшего помятый лист.

С безумно колотящимся сердцем, бледный, как полотно, Брилл поднялся. Язык прилип к небу, парень с трудом произнес:

— Испанская шпора! Вот отчего она оказалась в кургане, кто-то из отряда потерял ее. И перемещавшись с землей слои угля... Мне следовало сразу же догадаться — холм уже вскрывали...

Стив поежился, его обступили темные видения. Только сейчас он понял, что наделал. Освобожденный киркой невежды, монстр без труда отодвинул запирающую плиту и выбрался из могильного мрака. Затем он припомнил темную фигуру, в прыжку несущуюся по холму к свету в окне хижины, сулящему человеческую добычу... и еще немыслимо длинную руку, мелькнувшую в тускло освещенном окне лачуги.

— Безумие! Лопес спятил, и я вместе с ним, ей-Богу! — жадно глотая воздух, пробормотал Брилл. — Нет на свете вампиров! А если они существуют, почему чудовище предпочло расправиться с Лопесом, а не со мной? Или вампир выжидает, захотел осмотреться и действовать дальше наверняка? К черту! Что за бред...

Он поперхнулся последними словами. Через окно на него уставилось внезапно появившееся лицо, беззвучно шевелящее губами. Ледяные, немигающие глаза проникали до самой глубины души... Брилл завопил, и отвратительное видение исчезло. Но воздух в хижине наполнился гнилостным, трупным запахом, таким же, что висел ранее над курганом. Дверь затрещала, медленно прогибаясь под напором извне.

Стив Брилл прижался спиной к противоположной стене, револьвер заплясал у него в руке, голова кружилась от проносившихся в голове мыслей, но отчетливой была одна — сейчас между ним и ужасным порождением мрака, пришедшим из тьмы веков, была лишь тоненькая деревянная перегородка. И вот он услышал стон удерживающей засов скобы, и дверь с грохотом рухнула внутрь...

Глаза Брилла расширились от ужаса, но он молчал — язык превратился в ледышку. Взгляд остановился, уставившись на высокую, смахивающую на огромную хищную птицу фигуру: пустые холодные глаза, руки с длинными черными когтями. Монстр был облачен в полуистлевшее платье старинного покроя, высокие сапоги со шпорами, шляпа с висящими полями и поникшим пером криво сидела на голове, превратившийся в сплошные лохмотья плащ свисал, словно крылья ночной птицы...

Чудовище протянуло костлявые руки и стремительно ринулось на Брилла. Ковбой выстрелил в упор и увидел, как от удара пули в грудь вылетел кусок материи. Вампир качнулся, но тут же выпрямился и с пугающей быстротой опять кинулся на Стива. Придушенный вопль вырвался из груди парня, он отскочил

к стене, выронив револьвер из ослабевшей руки. Значит, мрачные старинные легенды гласили правду — против вампира человеческое оружие бессильно. Как можно убить того, кто мертв уже долгие столетия!

Когтистые пальцы сжались на горле Брилла, но страх отступил, молодой ковбой окунулся в горячку боя. Он дрался с холодной мертвой нежитью, отставая свою жизнь и душу, сражаясь так, как бились его предки-пионеры, бросая вызов суровой судьбе.

Подробностей смертельной схватки Брилл почти не запомнил. Он оказался погруженным в хаос, он рвал зубами, молотил кулаками, пинал мерзкую тварь, впившуюся в него длинными черными когтями пантеры и клащающую острыми зубами в опасной близи от горла.

Вцепившись друг в друга, они катались по полу, путаясь в складках зловонного плаща, поднимались и снова падали, натыкаясь на разбитую мебель. Ярость жаждущего крови вампира не могла преодолеть отчаяния и желания жить его противника.

В какой-то момент дерущиеся рухнули на стол, перевернув его, и лампа разлетелась вдребезги, ударившись об пол и разбрызгав горячее масло по стенам хижины. На Брилла посыпались горячие брызги, но в пылу сражения он не обратил на ожоги внимания. Его продолжали терзать чудовищные когти, бездонные глаза леденили душу, иссохшая плоть не поддавалась ударам, твердая, как сухое дерево. На человека накатила волна слепой ярости, и он дрался, как безумный, не реагируя на окружающее, а вокруг быстро занимались стены и потолок дома.

Схватка продолжалась среди бушующих языков пламени, как будто на раскаленном пороге ада вели сражение демон и смертный. Брилл понял, что долго не выдержит, и собрал силы для последнего отчаянного удара. Перемазанный кровью, задыхающийся, он отшвырнул гнусного монстра, а затем снова бросился на него и обхватил настолько крепко, что вампиру не

удалось разжать хватку. Приподняв чудовище, Брилл с размаху ударил его спиной о край стола — раздался хруст, как будто сломалась толстая ветка, вампир выскользнул из рук Брилла и распластался на полу в нелепой, изломанной позе. Но даже сейчас тварь еще не сдохла, извиваясь, как умирающая змея, тело пыталось подползти к Стиву, несмотря на сломанный позвоночник, а вспыхнувшие глаза сверлили его с голодным вожделением...

Едва не падая, задыхаясь от дыма, Брилл ощущую нашел дверной проем и выскочил наружу. Вытирая ладонью залитые потом и кровью глаза, он бросился бежать через заросли мескита и чапараля, словно ему удалось вырваться из ада. И наконец рухнул на землю в полном изнеможении. Повернувшись, он смотрел на пылающую хижину и благодарил Господа: огонь выжжет дотла не только его дом, он уничтожит записки Лопеса и обратит в прах кости дона Сантьяго де Вальдеса, не оставив о жутком вампире никакой памяти...

## СОДЕРЖАНИЕ

### ВОИН СНЕГОВ

*(Перевод с англ. К. Плешкова)* ..... 4

### АЛЬМАРИК

*(Перевод с англ. И. Рошаль)* ..... 228

### УЖАС ИЗ КУРГАНА

#### Живущие на черном побережье

*(Перевод с англ. А. Лидина)* ..... 396

#### Из глубины

*(Перевод с англ. В. Федорова)* ..... 408

#### Проклятие океана

*(Перевод с англ. С. Соловьева)* ..... 417

#### Мертвые помнят

*(Перевод с англ. Г. Подосокорской)* ..... 425

#### Келли-колдун

*(Перевод с англ. Г. Подосокорской)* ..... 435

#### Ужас из кургана

*(Перевод с англ. Н. Николаева)* ..... 439

РОБЕРТ ИРВИН  
ГОВАРД

*Собрание сочинений  
в восьми томах*

*Том седьмой*

•  
Ответственный редактор  
*Е. Артемьев*

Художественные редакторы  
*В. Андреева, И. Марев*

Технический редактор  
*Л. Платонова*

Корректор  
*Л. Быстрова*

Компьютерная верстка  
*М. Кузнецов*

•  
Изд. № 0204001.

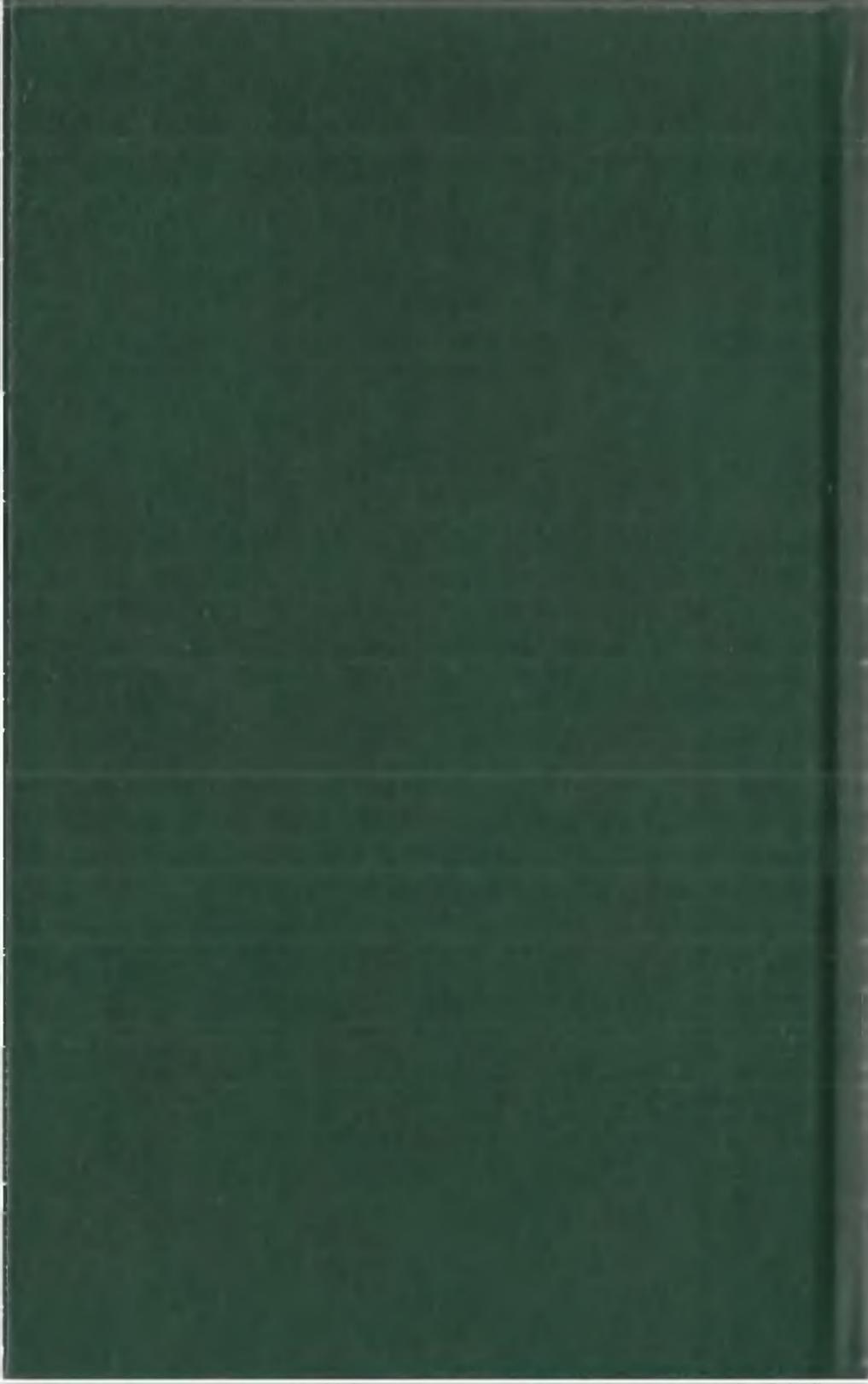
Подписано в печать 04.03.04 г.  
Формат 84×108<sup>1/2</sup>. Бумага офсетная.  
Гарнитура «Балтика». Печать высокая.  
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 21,85.  
Заказ № 0410260.

ТЕРРА—Книжный клуб.  
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии  
с качеством предоставленного оригинал-макета  
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.







# РОБЕРТ ГОВАРД

том 7

# ВОИН СНЕГОВ



Древние тайны и сокровища доисторических рас, скрытые под пологом времени, любовь и предательство — все сплелось в единый клубок невероятных приключений в иных мирах, населенных чудовищными созданиями — порождениями кошмарных снов.

ISBN 5-275-01002-8



9 785275 010022

